

Венков Андрей Вадимович

Казачи

В польско-русской войне

1830-1831 гг.

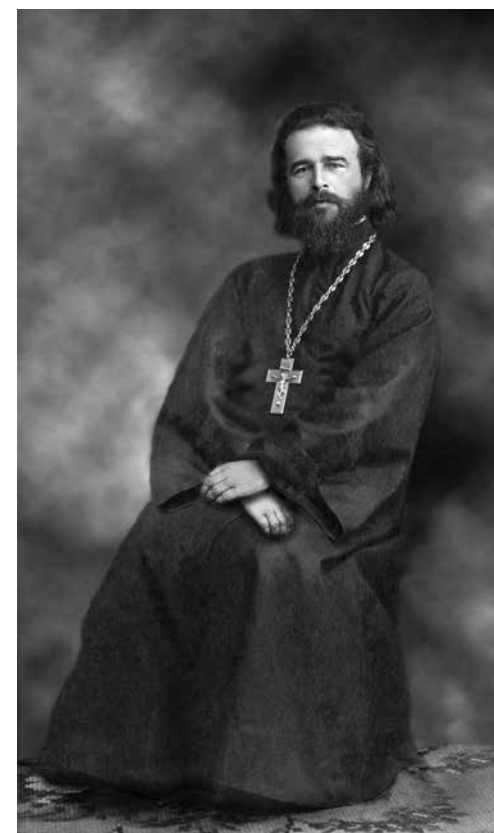

Альтаир
Ростов-на-Дону
2022

Задачами Фонда имени священника Илии Попова являются культурно-просветительская работа по истории казачества и церковной истории, благотворительная деятельность, прославление подвига новомучеников.

Издаётся при содействии Фонда имени священника Илии Попова

Священник Илия Попов
1871–1937

Священник Илия Попов, сын, внук, правнук, праправнук и прапраправнук донских священно- и церковнослужителей, служил в храмах станиц четырёх округов Области войска Донского, с 1916 года – в станице Великокняжеской (с 1925 года – в станице Пролетарской). После закрытия 16 декабря 1935 года последнего в районе храма мучеников Флора и Лавра продолжал духовное окормление паствы. Арестован в станице Пролетарской 24 сентября 1937 года. Расстрелян в день Покрова Пресвятой Богородицы 14 октября 1937 года.

В настоящее время материалы к канонизации священника Илии Попова в лике новомучеников и исповедников Церкви Русской находятся на рассмотрении в Комиссии по канонизации святых Донской митрополии.

**Блаженны изгнанные за правду,
ибо их есть Царство Небесное**

(Мф. 5:10)

Венков А.В.

В29 Казаки в польско-русской войне 1830-1831 гг. – Ростов-на-Дону: «Альтаир», 2022. – 192с., илл.

Содержание

Царство Польское до 1830 года. Подготовка восстания	8
Восстание	20
Россия готовит ответ	29
Войско Донское в конце 1830 года.....	31
Русская армия. Начало похода.....	42
Создание новой польской армии	50
Переход границы	58
Первый поход на Варшаву. Начало.....	62
Первый поход на Варшаву. Вавр... ..	71
Первый поход на Варшаву. Граховские поля.....	76
Первый поход на Варшаву. Обманутые надежды... ..	86
Левый фланг... ..	90
Правый фланг.....	92
Центр и левый фланг.....	93
Второй поход на Варшаву. Польский ответ	96
Холера, тылы и фланги... ..	103
Подготовка третьего похода	111
Поляки готовят удар по русской гвардии	118
Дело дошло до триариив	122
Остроленка	127
Фланги. Поход Гелгуда в Литву	134
Смена командующего	146
Переправа.....	151
Новый поход на Варшаву	156
Штурм Варшавы	167
Завершение кампании	172
Приложение.....	185
Источники и литература.....	188

Польская кампания времен императора Николая Павловича, которую современники зачастую называли «польско-русской войной 1831 года», имела ряд особенностей. И современники рассматривали ее по-разному. Мы же посмотрим на нее, как на продолжение некоего векового спора, решаемого на поле боя с оружием в руках. В классической польской исторической трилогии Генрика Сенкевича (Лев Толстой, кстати, считал, что исторические романы Сенкевича очень плохи) мы встречаем трех – по одному на роман – симпатичных антигероев. Они обаятельны, они прекрасные воины, и автор, на наш взгляд, хочет показать, что, несмотря на всю их обаятельность, они – враги. Опасные, непримиримые враги. Возможно, он приукрашивает их, показывает такими сияющими монстрами, чтобы оттенить героизм и патриотизм настоящих героев своих романов. Эти антигерои – мы пойдем с конца трилогии – являют собой сына татарского хана Азаю Тугайбеевича (блестяще сыгранного в кино Даниэлем Ольбрыхским), отступившего от традиций предков и презирующего свою родину князя Богуслава Радзивилла (его роль в кино исполнил красавец Лешек Телешинский) и казака Юрка Богуна (чтобы создать в кино его образ, поляка не нашлось, и играл его наш Александр Домогаров). Татары, магнаты-изменники и казаки – вот традиционные и главнейшие враги Польши. Магнаты-изменники были неистребимы, а против татар и казаков поляки пытались бороться, и не без успеха.

Польская кавалерия приобрела огромный опыт борьбы с легкими степными войсками. В XVII веке, когда русские отгораживались от Крымской и Ногайской орд системой полевых укреплений – засек, Польша охраняла свои степные границы посредством конного патрулирования – «обороны поточной». Впрочем, несмотря на героизм польской пограничной кавалерии, татары гнали из Речи Посполитой полон сотнями тысяч.

В XVIII веке выковался тип универсального конного воина, вооруженного пикой, способного драться один на один с легким татарским воином и в то же время способного ударом в тесной шеренге смести, опрокинуть противостоящий отряд.

Войцех Коссак. Наполеон на поле боя

Польша (как, впрочем, и Венгрия) отличалась обилием мелкого дворянства (шляхты), численность которого доходила до 5 % населения страны. Дворяне же не знали иного применения своим способностям кроме службы и к службе готовились с детства.

Одной из форм организации конных воинов в Польше был уланский полк. Уланы – слово тюркское, означает «дети, младшие члены семьи». В России нечто подобное являли собой «дети боярские». В официальных грамотах Крымского царства термин «дети и подданные» звучал как «улан и бардак».

После Третьего раздела Речи Посполитой многие польские воины оставили Родину и поступили на службу в армии других стран. Больше всего их оказалось в войсках Французской Республики.

Польский кавалерийский полк был создан в Дунайском легионе французской армии в 1798 году. Отличившись в войнах Республики и побывав на службе у короля Неаполитанского и короля

Вестфальского, полк вновь оказался на французской службе и 31 марта 1808 г. стал именоваться «полк улан Легиона Вислы». Так во французской армии появились польские уланы¹.

Отличительной чертой их стало вооружение пикой. «Всем известно огромное преимущество пики. Несомненно, в небольших столкновениях вооруженные пиками уланы не будут более эффективными, чем гусары, но при атаке в шеренге дело принимает совсем другой оборот. Как много храбрых кавалеристов стало жертвами предубеждения, которое они имели в отношении пики, потому что носить ее несколько более обременительно, чем саблю!», писал Жомини².

Перед походом на Россию в июне 1811 г. Наполеон постановил создать для борьбы с казаками 9 полков линейных шевалежеров-улан³. Лишь два из них были польскими (на французской службе), один – польско-немецким, а остальные были переодетыми и перевооруженными французскими драгунами. «Антиказачьими» эти полки можно было считать весьма условно. Для борьбы с казаками указанных сил явно не хватало. Поэтому Наполеон, знавший цену казакам, сделал ставку на союзную польскую кавалерию, которая, наряду с венгерской, традиционно считалась лучшей кавалерией Европы.

Действительно, основную массу кавалерии, имевшей опыт борьбы с казаками, поставило Наполеону герцогство Варшавское – часть Польши, после 3-го раздела отходившая Пруссии.

Во время войны Наполеона с Пруссией польские патриоты опубликовали 3 ноября 1806 г. манифест о созыве Посполитого рушения – всеобщего конного шляхетского ополчения. В ответ на призыв под Ловичем к 25 декабря собралось около 4 тысяч кавалеристов.

Традиционно ополченцы делились на хоругви по сто шляхтичей. Эти сто шляхтичей выбирали трех офицеров. Шляхтичи, выступавшие в качестве рядовых, именовались «товарищами» и составляли первую шеренгу, их крепостные, называвшиеся «пахолками», находились во второй шеренге. Вооружение каждого кавалериста состояло из сабли и пистолета или карабина. Традиционным оружием была пика длиной 3 метра.

1 января 1807 г. ополченцы приняли торжественную клятву, но затем примерно половина

их разошлась по домам⁴. За счет одних дворян и их «пахолков» сформировать многочисленную кавалерию было невозможно, и ее набрали за счет так называемых «дымовых» наборов, когда община либо деревня обязывались выставить одного рекрута с конем с 40 домов либо дворов.

С 1808 г. набор осуществлялся путем жеребьевки среди приписанных мужчин в возрасте от 21 до 28 лет. Срок службы определялся в 6 лет. От набора можно было откупиться, уплатив установленную сумму. Лошадей также набирали принудительно – сорок домов должны были предоставить по одному коню, годному для службы, с полной экипировкой⁵.

К 1809 году удалось сформировать 6 полков: 1-й, 4-й и 5-й конно-егерские и 2-й, 3-й и 6-й уланские.

После победоносной войны с Австрией в 1809 году, когда к герцогству Варшавскому отошла часть земель Австрийской империи, населенных поляками и украинцами, в польской армии были сформированы новые полки: 8-й, 11-й, 12-й, 15-й, 16-й уланские, 14-й кирасирский, 13-й гусарский. А на территории герцогства Варшавского дополнительно набрали еще три полка – 7-й и 9-й уланские и 10-й гусарский.

Всю войну 1812 года польские кавалеристы провели в первых рядах наполеоновских войск. «Поляки неизменно сражались в авангарде, сдерживали противника, находясь в арьергарде, охраняли коммуникации. И, наконец, когда от Великой армии остались лишь толпы деморализованных, сбитых в кучки голодных бродяг, едва способных держать оружие, польские кавалеристы остались одними из немногих солдат, сохранивших хоть какую-то боеспособность, благодаря своему нестигаемому характеру и бережному отношению к своим лошадям... Самой первой из наполеоновских войск в Москву вступила 2-я дивизия легкой кавалерии (которой прежде командовал Себастьяни), в том числе 16-я «иностранный» бригада, которой в тот момент командовал Толинский, и в которую входил 10-й польский полк «золотых гусар»⁶.

Стойкость польской кавалерии отмечал М.И. Платов. В рапорте П.И. Багратиону от 28 июня при препровождении пленных он писал: «Что все они переранены, то это от того, что

Войцех Коссак. Перед атакой при Сомасьере.

по упорству их до тех пор, пока не собьют с лошади, они не сдавались»¹. Платов считал, что польские кавалеристы «служат великой подпорою» французам.

И все же польская кавалерия не могла справиться с казаками. Первые серьезные бои под Миром и Романово подтвердили превосходство казаков над поляками. «Это дело имело большие последствия в нравственном отношении, – писал известный русский полководец И.Ф.Паскевич. – В кавалерии или бьют всегда, или всегда же бьются биты. Все зависит от первого успеха. Платову необходимо было разбить неприятеля под Миром, чтобы остановить хвостовство и наглость поляков. Еще раз только под Романовым арьергард наш был атакован, но истребил совершенно первый конноегерский и один гренадерский полк неприятеля, и зато армия после того и не слышала о страшной, как говорят, польской кавалерии, которой у Наполеона было до 20 тыс. Авангард его не преследовал уже, а только наблюдал за 2-й армией»².

В помощь польской кавалерии началось формирование кавалерийских полков из польского

населения Литвы. Были созданы еще 4 уланских полка и 1 полк конных стрелков. В начале 1813 года эта кавалерия была разгромлена казаками отряда Чернышева.

Итак, Наполеон проиграл, он жаловался, что казаки «растасили» его армию, и польская кавалерия, как мы видим, не спасла его от этих «варваров».

Война закончилась. Ошметки польской кавалерии поступили на службу в Царство Польское, созданное Александром I, и стали обучаться по русским уставам. Казаки же были жестко взнужданы неизбывной службой на границах, о чем речь пойдет ниже. Теперь они – и поляки и казаки – были подданными одного императора...

Но вековой спор не был закончен, и при первой возможности он вспыхнул снова. Они не довоевали, и, по воспоминаниям русского офицера М.Максимовича, в первый же день восстания польские уланы «успели снять эполеты с правого плеча, на манер французского войска»³.

¹ Булдыменко П.В., Кузнецов П.Е. Los infernos picadors//Воин № 11. С. 45

² Жомини Г. Стратегия и тактика в военном искусстве. М.: Центрполиграф, 2009. С. 45.

³ Булдыменко П.В., Кузнецов П.Е. Los infernos picadors//Воин № 11. С.39.

⁴ Булдыменко П.В. Уланы герцогства варшавского//Воин № 13. С. 57

⁵ Булдыменко П.В. Уланы герцогства варшавского//Воин № 13. С. 59.

⁶ Булдыменко П.В. Уланы герцогства варшавского//Воин № 13. С. 61

¹ Донское казачество в Отечественной войне 1812 г. и заграничных походах русской армии в 1813-1814 гг.. Ростов-на-Дону, 2012. С. 90

² Паскевич И.Ф. Походные записки (1837-1838)//1812 год в воспоминаниях современников. М. Наука. 1995. С. 83

³ Максимович М. Воспоминания о польском восстании 1830 года и о в бозе почившем Великом князе цесаревиче Константине Павловиче. СПб.: Типография Департамента уделов, 1875. С. 22.

Царство Польское до 1830 года. Подготовка восстания

Последнюю треть блестящего XVIII века Россия, Австрия и Пруссия трижды делили Речь Посполитую между собой, в результате чего Польша прекратила свое существование как государство. В 1807 году Наполеон возродил из польских земель, отошедших к Пруссии, Герцогство Варшавское под формальным протекторатом Саксонии. Затем в 1809 году, разбив Австрию, он передал полякам Малую Польшу с Краковом. Но полностью самостоятельной Польши Наполеон так и не создал. Польская шляхта, видимо, согласна была и на такой статус их страны и хотела перенести его на земли, отошедшие во время разделов Польши к России. Наполеон говорил своему министру Коленкуру: «я не могу помешать полякам желать моего вмешательства. Даву и Рапп доносят мне, что литовцы взбешены против русских; они посылают ежеминутно Даву и Раппу делегатов, чтобы торопить и убеждать нас»¹.

В 1815 году после окончательной победы над Наполеоном на Венском конгрессе было решено присоединить большую часть Варшавского герцогства к России. Познань вернула себе Пруссия, Австрия вернула часть Малой Польши, Краков получил статус вольного города. Но центральная часть Польши с Варшавой отошла России. В составе России она образовала вместе с литовскими областями так называемое «Царство Польское», куда кроме польских земель входила юго-западная часть Литвы и часть современных Гродненской и Львовской областей. «Царство Польское» имело свое автономное устройство, свою армию, администрацию, Сейм, денежную систему и конституцию (которой не было у самой России). Повышая самооценку поляков, Александр говорил в Варшаве, что Россия не созрела для конституции².

Из положений польской конституции («Конституционной Хартии Царства Польского 1815

Император Александр I
(<https://za.pinterest.com/pin/743023638496465007/>)

года») нас интересуют следующие положения: «I. Государственные отношения Царства.

1. Царство Польское навсегда присоединено к Российской Империи...

9. Государю одному принадлежит право определять участие Царства Польского в войнах, каковы будут вести Россия, а равно в мирных или торговых трактатах, каковы могли бы заключить с державою.

10. Во всех случаях введения Российских войск в Польшу или Польских войск в Россию или в случаях прохода означенных войск через

какую-нибудь область означенных двух государств, их содержание и расходы по их передвижению относятся в полном размере на счет того края, которому они принадлежат. Польская армия не будет никогда употребляться вне Европы»¹.

И когда в 1828 году встал вопрос об участии поляков в войне с Турцией, русское командование отклонило такую возможность. Герцог Виртембергский вспоминал: «поляки убедительно просили послать их на театр военных действий. Когда я высказал свое мнение по этому поводу, меня перебили, воскликнув: «Они нужны нам в другом месте! Если австрийцы зашевелятся, то Константин двинется на Вену»»².

По Конституции 1815 года Польшей управлял русский император, который короновался как Король Польский и назначал Наместника, обязанного находиться в Варшаве. Польские войска присягали королю Польши, которым по Конституции может быть только император России.

«Мероприятия Александра относительно Польши не встретили сочувствия среди русских. Историк Карамзин высказался даже резко. «Царь, — писал он, — исправляет раздел Польши разделом России; этим он вызовет рукоплескания, но повергнет в отчаяние русских; восстановление Польши будет или разрушением России, или русские оросят Польшу своею кровью и еще раз возьмут штурмом Прагу»»³.

«Дарованная» полякам конституция не была плодом злой воли или недомыслия Александра по отношению к соотечественникам — русским. Дело в том, что «Венский конгресс обязал Россию, Австрию и Пруссию дать их польским подданным конституции, отвечающие народным потребностям и политическим условиям»⁴. Впрочем поляки сразу же стали подозревать Александра I в желании ограничить или даже отменить конституцию...

Поляки в свое время показали себя как хорошие пограничники. Их «оборона поточна» стала впоследствии мобилизационной базой для развертывания регулярной польской армии⁵. Блестящее описание этой пограничной службы дал в своем романе «Пан Володыевский» Генрик

Сенкевич. Но во времена Царства Польского границы Польши с другими странами (Пруссией и Австрией) охраняли казаки. Служба «в Польше» считалась престижной и не опасной. Не то, что на Кавказе. И казаков сюда слали со всей России. С 1816 по 1820 г. Оренбургский казачий полк №3, содержал кордоны на границе с Пруссией. Последняя многочисленная, из нескольких полков команда донских казаков прибыла в Польшу в 1826 году. Это был полк Платова 1-го (его с 30 апреля 1830 года на посту командира полка сменил подполковник Хоперский Алексей Иванович), Полк Пимонова 1-го, полк Грекова 4-го и полк Катасонова 2-го. Из-за начала русско-персидской войны, а затем русско-турецкой войны, новых полков в Польшу не слали, но и присланных не сменяли. Они так и простояли в Польше до начала описываемых нами событий. Правда, в 1828 году в соседнюю Литву прислали два новых полка — Кутейникова 2-го и Егорова 1-го.

В 1829 году Донские полки получили порядковые номера. Стоявшие на прусской границе полки Хоперского, Грекова и Катасонова получили соответственно №№ 20, 24 и 25. Стоявший на австрийской границе полк Пимонова 1-го — № 23.

Командиры полков были люди опытные, надежные. Командир полка № 25 Григорий Спиридонович Катасонов (1790-1832) службу начал с 16 лет, прошел ряд войн, начиная с Прусской кампании 1806 года, воевал с турками, с Наполеоном. В 1814 году за отличия получил чин войскового старшины, в 1823 году стал подполковником. Полк его стоял в г. Калише. По воспоминаниям современников, Григорий Катасонов «нажил большие деньги, женился на молодой красивой полячке — сироте, богатой наследнице. Но жена жила недолго, умерла, оставив дочь...»⁶.

Командир полка № 24 Александр Матвеевич Греков (1774 — ?) службу начал с 14 лет, участвовал в двух кампаниях при разделах Польши, воевал с турками, долго служил на Кавказе. Один раз он уже откомандовал полком в Польше — с 26 сентября 1822 по 14 ноября 1826 года. Принятый им под свою команду новый полк стоял в Польше, на границе с Пруссией, с 1826 по 1830

¹ <http://www.reenactor.ru/index.php?showtopic=2347&st=40>

² Турецкий поход 1828 года и события за ним следовавшие. Записки принца Виртембергского // Русская старина, № 1. 1880. С. 81.

³ Орлов Н.А. Усмирение польского восстания 1830-1831 гг. // http://nnre.ru/voennaja_istorija/istorija_russkoi_armii_tom_vtoroi/p9.php

⁴ Грабенский В. История польского народа от Станислава Августа до начала XX в. М.: Вече, 2022. С. 63.

⁵ Широгородов В.В. Украинская война: Вооруженная борьба за Восточную Европу в ХУ1-ХУ11 вв. Книга 3: Встречное наступление: Балтика — Литва — Поле (вторая половина ХУ1 в.). М.: Молодая гвардия, 2019. С. 603.

⁶ Корягин С.В. Яновы и другие. Выпуск 55. М.: Русаки, 2005. С. 61.

¹ Коленкур Арман де. Наполеон глазами генерала и дипломата. М. АСТ, 2016. С. 61.

² Колачковский К. И. Польша в 1814-1831 гг. (Из воспоминаний генерала). Русская старина, 1902, № 3. С. 639.

Карл Верне. «Казак Черноморской сотни лейб-гвардии казачьего полка на коне». 1810.

год. Здесь в 1829 году Греков получил чин полковника. Из всех командиров полков, стоявших в Польше, он, пожалуй, был самый «возрастной» и дольше всех служил в этих краях.

Алексею Ивановичу Хоперскому, командиру полка № 20, было под 50. Он происходил из казачьих детей Кочетовской станицы. Будучи грамотным, служил писарем в Атаманском полку, в войне с Наполеоном в 1806-1807 гг. получил первый офицерский чин. Первую награду – орден Святой Анны 4-й степени – он заслужил в войне против турок, когда взял в плен 2-бунчужного пашу Махмет Тирана. В 1812 году Хоперский воевал в корпусе Платова, прошел Мир и Романово и другие славные сражения, но есаульский чин выслужил лишь в 1821 году в Грузии. Там же в 1826 году получил чин войскового старшины. В 1828 году, когда началась очередная война с турками, его опять взяли в Атаманский полк, и он выслужил чин подполковника и «Анну» 2-й степени. В 1829-1830 году он нес с атаманами кардонную службу против чумы, но тут открылась вакансия, и Хоперский принял полк № 20.

Пименов Иван Андреевич был такого же возраста и слугу начинал писарем, но не в Атаманском полку, а в Войсковой канцелярии. На войну первый раз попал в 1806 году и «за разновременные отличия» был произведен в хорунжие. Первый орден заслужил на войне с турками и там

же был ранен пулей в правую ногу. Войну 1812 года он встретил в полку Иловайского 5-го. Под Миром, съехавшись с теми же поляками, был ранен пикой в левый бок и саблей в оба плеча. Отделали поляки бывшего писаря. Но он не пал духом. Дважды представлялся в есаулы, был еще раз ранен пулей, но теперь уже в левую ногу, и заслужил «Владимира» 4-й степени. В 1813 году «за особые дела по выбору полка награжден прусским орденом «За заслуги». Чин войскового старшины и право на командование полком он получил лишь в 1819 году. 1 апреля 1820 года он получил в командование полк, но не просто полк, а «рабочий», во главе которого находился «при устройстве Новочеркасска» до 26 марта 1821 г. Затем в полку Катасонова он был 19 мая 1822 года послан в Польшу, где был произведен в подполковники. Туда же, в Польшу, он выступил 11 мая 1826 года во главе своего полка и 14 июня 1829 года получил чин полковника¹.

Недавно сформированное Черноморское войско тоже слало своих казаков на службу в Польшу. С 16 мая 1823 года по ноябрь 1826 в городе Млаве стоял и охранял границу с Пруссией 3-й Конно-Черноморский полк, которым командовал будущий черноморский атаман Бескровный. «За усердие в службе и решительные действия по пресечению пожара, вспыхнувшего в г. Млаве», Бескровный получил благодарность от Великого

Князя Константина и «Анну» 2-й степени. 21 марта 1827 года 3-й Конно-Черноморский полк вернулся в Черноморье¹.

Кстати, за спасение «горящих» был награжден орденом Святого Владимира 4-й степени хорунжий полка Катасонова Ушаков Иван Нестерович².

В описываемое нами время в районе Млавы границу с Пруссией охранял 7-й Конно-Черноморский полк под командованием войскового старшины Перекреста.

Ну, как наши казаки охраняли границу с Австрией и Пруссией, есть много воспоминаний и свидетельств. Возьмем одно. В Государственном архиве Ростовской области есть дело о разжаловании хорунжего Семиколенова в рядовые казаки.

Хорунжий Семиколенов происходил из обер-офицерских детей. В службу поступил в 1806 году, за 10 лет выслужил Знак отличия Военного Ордена, который потом стали называть «Георгиевским крестом», и офицерский чин. В кондуктном списке, который старался характеризовать донского офицера со всех сторон, значилось: «по службе посредствен, способности ума имеет слабые, пьянству и игре не предан, в хозяйстве хорош»³. Этот способный к хозяйству хорунжий, пришедший в Польшу с полком войскового старшины Катасонова 2-го в 1818 году, был поставлен нести службу на кордоне при польской Градижской таможне. По его приказу казаки должны были открывать рогатку и пропускать людей, пересекающих границу, а Семиколенов должен был ставить этим людям в паспорте соответствующую отметку.

Командиру полка стали поступать жалобы, что Семиколенов постоянно устраивает ссоры с проезжающими или с таможенными чиновниками.

В 1819 году пришли жалобы от «суконника» Самуила Домарега, что Семиколенов взял у него 12 злотых, и от еврея Давида Ляскера, что у него взяли 4 злотых. Катасонов перевел Семиколенова на Вильчинский пост, где никто границу не пересекает, но вскоре вернул к прежнему месту службы.

Вскоре Катасонову сообщили, что Семиколенов за подпись в паспорте вымогал у еврея города

Плонска Шмуля Абрамовича 3 таллера, выталкивал еврея со двора и ругал его, пока еврей не дал ему 10 злотых⁴. С суконного фабриканта Зелика Фрауштетера он вымогал 6 таллеров, «причинял препятствия» и «взял вымогательно» 26 злотых⁵. Еврей и фабрикант подали жалобы в Калишское воеводство.

Теперь, когда о злоупотреблениях узнали гражданские власти, Катасонову пришлось реагировать, иначе получалось, что он покрывает мздоимца, и он послал на пост разобраться хорунжего Золотарева. Семиколенов приезд Золотарева презрел, сказал, чтобы сам командир приехал, если хочет разобраться.

Умудренный жизнью Катасонов сначала послал Семиколенову опросные листы. На листе Семиколенов написал нечто невразумительное: «без вымогательств, а что они в жалобах донесли, за деньги перепущать я никого без пасу не имею»⁶.

Катасонов, получив такой ответ, поехал на пост сам. И там Семиколенов заявил командиру полка, «что за подпись паспорта всякий проезжий купец без вымогательства должен ему Семиколенову платить»⁷. Что касается ссор с чиновниками, то Семиколенов разъяснил, что чиновники в нетрезвом виде напали на часового казака Петра Бурмистрова, «бранили и, вырвав у него саблю, разрубили ему в нескольких местах голову». Семиколенов написал об этом случае командиру полка рапорт, но обиженный Бурмистров был чиновниками удовлетворен, и Семиколенов просил командира рапорт вернуть (что командир и сделал)⁸. А на опросные листы командира он не отвечал, так как не знает польского и немецкого языков и не знает, в чем его еврей и суконщик обвиняют.

Увидев, что дело зашло слишком далеко, Катасонов написал на Семиколенова рапорт начальнику штаба войск, стоявших в Польше генерал-лейтенанту Куруте.

При Варшавском ордонансгаузе был организован суд, презус которого подполковник лейб-гвардии Волынского полка Камень-Любавский упрятал Семиколенова под арест и начал следствие, тянувшееся с апреля по сентябрь 1820 года.

¹ Корягин С.В. Поляковы и другие. Выпуск 71. М.: Русаки, 2007. С.12.

¹ Матвеев О.В., Фролов Б.Е. В вечное сохранение и напоминание славных имен. К 100-летию пожалования вечных шефов первоочередным полкам Кубанского казачьего войска. Краснодар. ЭДВИ, 2005. С. 13.

² Корягин С.В. Симмионс П. Ушаковы и другие. Выпуск 100. М. Русаки, 2011. С. 20.

³ ГАРО. Ф. 46. Оп.1. Д. 367. Л. 13 об.

⁴ ГАРО. Ф.46. Оп.1. Д. 367. Л. 2.

⁵ ГАРО. Ф.46. Оп.1. Д. 367. Л. 2.

⁶ ГАРО. Ф.46. Оп.1. Д. 367. Л. 11.

⁷ ГАРО. Ф.46. Оп.1. Д. 367. Л. 11 об.

⁸ ГАРО. Ф.46. Оп.1. Д. 367. Л. 11 об. – 12.

7 казаков, служивших на посту, о вымогательстве ничего не знали, но казак Иван Куликов, которого Семиколенов взял к себе в драбанты, показал, что Семиколенову проезжающие давали добровольно. А с евреем Абрамовичем была спор, и еврей кричал: «Я дал три талера, того будет довольно»¹. Сам Семиколенов сказал: если кто давал добровольно, он не отказывался².

Еврей Абрамович ни на что не жаловался, чтоб его в суд не вызывали. Но чиновники Яницкий и Ольшевский подтвердили, что Абрамович жалобу подавал.

Суду все стало ясно. Вымогательство было налицо, и вину Семиколенова усугубляло то, что он «держал в услужении казака Куликова»³.

Руководствуясь «Воинским артикулом» и Указом Петра Великого от 1714 года (Государь Петр Алексеевич долго и безуспешно боролся с вымогательством), хорунжего Семиколенова могли приговорить к смертной казни. Но в гуманном XIX веке его всего лишь разжаловали в казаки без выслуги. «Жребий подсудимого» был представлен на благоусмотрение Государя Александра Павловича, и он приговор утвердил⁴.

А командир полка Катасонов за то, что «зная о наклонности Семиколенова ко взяткам», всего лишь перевел его на другой пост, получил 3 дня ареста⁵.

Вот так, все по справедливости.

То, что было нападение на часового, которому – бедняге – «разрубили в нескольких местах голову», как-то забылось...

Русские, живущие в Царстве Польском, были уверены, что Польша под русским владычеством процветает. «Прежде образования Царства Польского, край был очень беден, а Варшава была местом опустошенным, зараженным жидами: известен образ жизни сего племени Израилева, которое, как и в древности, повсюду несет с собою, помимо некоторых стародавних обычаев и одежды, вонь и грязь еще времен египетского плена. Но полезными трудами, чрез некоторое время, край приобрел вид благоденствия. Торговля процветала. Поля были возделаны, и мирный хлебопашец отдыхал после трудов под защитою русского правительства. Пути сообщения были

Великий князь Константин Павлович

улучшены превосходными дорогами, проложенными среди песков. Почтовые станции содержались отлично. Заведены были фабрики, Арсенал, прекрасные казармы. Возле столицы был разбит великолепный лагерь, имеющий вид цветущего сада. Но самое главное — армия почти в 40 тысяч человек, с артиллерией в 100 орудий и тремя крепостями, снабженными всем необходимым. Все это было плодом 16 лет мира и трудов, творением России», — писала княгиня Н.И.Голицына⁶.

Польская армия стала формироваться с 15 мая 1814 г. В этот день император Александр послал генерала Домбровского, бывшего ранее на французской службе, в Польшу формировать войско. Опыта Домбровскому было не занимать, поскольку именно он формировал в Италии польские легионы во время революционных войн Франции против европейских держав. И в тот же день, как был послан Домбровский, был учрежден комитет по созданию польской армии под руководством Великого князя Константина Павловича⁷.

¹ ГАРО. Ф.46. Оп.1. Д. 367. Л. 12 об.

² ГАРО. Ф.46. Оп.1. Д. 367. Л. 12 об.

³ ГАРО. Ф.46. Оп.1. Д. 367. Л. 14.

⁴ ГАРО. Ф.46. Оп.1. Д. 367. Л. 15.

⁵ ГАРО. Ф.46. Оп.1. Д. 367. Л. 5 об.

⁶ Голицына Н. И. Княгиня Н. И. Голицына о польском восстании 1830—1831 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв. Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ; Рос. Архив, 2004. — [Т. XIII]. С.74-75.

⁷ Tokarz Wacław. Armja Królestwa Polskiego, 1815-1830. Piotrków, Nakł. Dept. Wojskowego Naczelnego Komitetu Narodowego 1917. P. 13, 14.

В армии сохранились французские кадры. Генерал Бонтан, отвечающий за материальную часть артиллерии, был прислан в польские войска еще Наполеоном. Великий князь Константин писал о нем в 1826 году: «По артиллерии это моя правая рука»¹.

Изначально командующим польской армией был назначен генерал Й. Зайончек, герой наполеоновских войн. В 1826 году Зайончек умер, и командующим стал брат царя и наследник престола Цесаревич Константин Павлович.

Великий Князь Константин Павлович был фигурой своеобразной. «...Одаренный замечательною физическою силою, будучи среднего роста, довольно строен, сутуловат, он имел физиономию, поражающую всех своею оригинальностью и отсутствием приятного выражения... Неглупый от природы, не лишенный доброты, в особенности относительно близких к себе, он оставался до конца дней своих полным невежею», — так описал его Денис Давыдов². Кроме того, Давыдов отметил, что Великий Князь не любил опасностей «по причине явного недостатка в мужестве» и был наделен «душою мелкою», но на службе или во время похода «был поистине мучеником безумно понимаемого им долга»³.

«По установлению русского владычества в Варшаве, цесаревич, сначала довольно

милостивый к полякам, дал вскоре полную волю своему дикому, необузданному нраву. Посещая полки во время ученьев, он нередко в припадках бешеного гнева, врезываясь в самые ряды войск, осыпал их самыми неприличными бранными словами. Он говорил начальникам при всех: «Вы — отъявленные свиньи и негодяи. Истинное несчастье — командовать вами; я вам задам конституцию»⁴. Генерал Колачковский вспоминал: «Не проходило смотра или учения, на котором он своими насмешками не обидел бы кого-либо из офицеров в строю и не оскорбил бы нашей народной чести»⁵.

Отношение Великого Князя к польским вольностям и к конституции видно из случившегося в 1815 году его разговора с А.П.Ермоловым, которому Константин сказал: «я нахожу, что было бы гораздо полезнее учредить в Польше русских губернаторов и исправников»⁶. Тем не менее, свои права на российский престол он потерял, женившись на польке, Жанетте Грудзинской, получившей титул княгини Лович. На двух сестрах прелестной княгини женились флигель-адъютант императора Александра Гутаковский и бывший некогда флигель-адъютантом Наполеона полковник Хлаповский.

Служить при взбалмошном Великом Князе было трудновато, но в окружении его мы видим

Ян Розен. Смотр польской кавалерии великим князем Константином Павловичем в Варшаве на Саксонской площади в 1824 году.

¹ Заметки о генералах всех чинов, служащих в Польско-королевской армии, по порядку списка. 19 июня (1 июля) 1826 г. // Русская старина. 1882. № 4. С. 274.

² Давыдов Д. Сочинения. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1962. С. 459.

³ Давыдов Д. Сочинения... С. 459, 461.

⁴ Давыдов Д. Сочинения... С. 461.

⁵ Колачковский К. И. Польша в 1814-1831 гг. (Из воспоминаний генерала). Русская старина. С. 1902, т. 109, № 3, с. 623-640

⁶ Давыдов Д. Сочинения... С. 463.

Жанетта Грудзинская, княгиня Лович

донцов. В полку Катасонова 2-го значился хорунжий Никифор Кузьмич Ежов, который в послужном списке отметил «на службе Великого Князя Константина»¹. 16 октября 1825 года он был награжден орденом Святой Анны 3-й степени «За спасение жизни женщины, дважды пытавшейся утопиться в Висле»². Детали этого случая представить трудно. Видимо, он ее вытаскивал, а она вновь бросалась в воду. Вообще-то создается впечатление, что поляки то горели, то топились, а храбрые донцы их спасали.

22 апреля 1826 г. Ежов был произведен в сотники и в 1828 году переведен на службу в лейб-гвардии казачий полк, но оставался на службе при Великом Князе.

Подобная судьба была у Ивана Самойловича Ульянова, «из казачьих детей», который в 1820 – 1830 гг. состоял «при ЕИ Высочестве Константине Павловиче». В Польшу он попал семнадцатилетним юношей в марте 1820 года с полком Грекова 26-го, который расположился в Кракове, затем, с 14 сентября 1822 года, был переведен

в полк Самойлова, но все это время находился при Цесаревиче. 14 октября 1823 года, в 20-летнем возрасте он был произведен в хорунжие, 28 мая 1825 года переведен в лейб-гвардии казачий полк и через три года произведен в поручики³. Опираясь на «Записки» И.С. Ульянова, А.Ю. Перетятко сделал вывод, что «отношение донского казака к польскому народу можно охарактеризовать как неоднозначное, если не высокомерное»⁴.

Польская армия по структуре напоминала русскую, фактически была ее копией. Армия состояла из двух дивизий пехоты и двух дивизий кавалерии. Пехотная дивизия состояла из трех бригад – 2-х пехотных и 1 егерской. Бригада – из 2-х полков по 2 батальона. Кавалерийская дивизия состояла из двух бригад по 2 полка. Полк имел 4 эскадрона. Пехотные дивизии имели по три 12-орудийные батареи, конные батареи имели по 8 орудий. Вместе с гвардией польские войска насчитывали 29 батальонов, 38 эскадронов, 106 орудий. Количественно это достигало 28 тысяч пехоты и 7 тысяч кавалерии⁵.

Кадры готовились в организованных Константином Павловичем школах подофицеров или подхорунжих: пехоты, кавалерии и артиллерии. «В эти школы принимались молодые люди, дослужившиеся в полку до чина подофицера, отличавшиеся хорошим поведением и усердием. Подхорунжие жили вместе в особых казармах под надзором коменданта и инструкторов»⁶.

Войска располагались тремя неравными частями. Одна треть – гвардия – располагалась непосредственно в Варшаве и пригородах; вторая треть была сосредоточена на левом берегу Вислы, 1-я пехотная дивизия стояла в Раве, 1-я кавалерийская – в Ловиче, почти на границе Познанского герцогства; и еще одна треть – 2-я пехотная и 2-я кавалерийская – стояла на правом берегу Вислы в Люблине. «Ядро этой новоучрежденной польской армии составляли польские легионы наполеоновских войск. Поляки приняли эту царскую милость как нечто совершенно должное и похвалялись перед русскими, что вот возвращаются в отчизну с распущенными знаменами и барабанным боем, ничуть не побежденные «москалями»... Командный состав,

командный язык – все было польское, уставы русские, но переведенные на польский. Вообще это была иностранная армия, подчиненная русскому главнокомандующему»¹.

Удивительно, но содержалась эта армия не на средства Царства Польского, «а из сумм империи»².

«Русское правительство, как мы знаем, относилось к полякам с чрезвычайным благодушием и снисходительностью – вплоть до того, что скомпрометированные в деле декабристов офицеры польских войск и члены нелегальных польских обществ были выпущены из-под стражи»³.

«Польским войскам было назначено жалование, значительно превосходящее оклад, определенный российским»⁴.

Офицер генерального штаба Н.Д. Неелов вспоминал: «правительство приняло совершенно ошибочное правило переводить всех поляков, служивших в русских войсках, в войска польские и литовские»⁵. Офицеры-немцы на русской службе предупреждали, что так делать нельзя, но переводы продолжались.

Согласно «Положению» от 30 ноября 1816 г. срок службы в польской армии был установлен в 10 лет. Теперь поляки служили на четыре года дольше, чем в Герцогстве Варшавском⁶.

Денис Давыдов считал, что такой срок службы рядовых (он почему-то считал, что они служат 8 лет) «послужил прекрасным средством к постепенному ознакомлению всей нации с военным ремеслом»⁷. Количество войск в короткий срок могло быть удвоено и утроено.

Русских войск на польской территории было немного. В Варшаве стояла гвардейская дивизия – 7 тысяч и 24 орудия – и по границе с Австрией и Пруссией стояли казачьи полки. В гвардейскую дивизию входили следующие русские части: Цесаревича уланский полк, Гродненский гусарский полк, лейб-гвардии Подольский кирасирский полк, лейб-гвардии Волынский полк и лейб-гвардии Литовский полк⁸. Великий князь дал командирам установку, чтобы офицеры

Войцех Коссак. Барабанищик и офицер

и солдаты польские и русские дружили, и внешне взаимоотношения меж ними были вполне пристойные, но, как отметил служивший в Польше русский офицер, «искренней же приязни между ними не существовало»⁹.

Вдоль границы Царства Польского со стороны России, от Дубно до Вильно, стоял Литовский корпус – 40 тысяч, 20 орудий. В нем, в основном, несли службу уроженцы земель, отошедших к России во время предыдущих разделов Польши.

Сильное польское влияние было по всей границе и простиралось до Витебска. Штабной офицер князь Николай Сергеевич Голицын в 1828 году, направляясь на войну с Турцией, побывал в Витебске и описал его: «Первое впечатление,

¹ Корягин С.В. Ежовы и другие. Генеалогия и семейная история донского казачества. Выпуск 66. М.: Русаки, 2007. С. 9.

² Там же.

³ Корягин С. В. Ульяновы и другие. Выпуск 83. М.: Русаки, 2008. С. 8.

⁴ Перетятко А.Ю. Польша и поляки глазами донского казака: мемуарное, публицистическое и литературное наследие И.С. Ульянова, офицера штаба Великого князя Константина Павловича//Славянский мир в третьем тысячелетии. 2019. № 1-2. Т.14. С. 47.

⁵ Пузыревский А.К. Польско-русская война 1831 г. Т.1. СПб.: Военная типография. 1890. С. 25.

⁶ Грабенский В. Указ. соч. С. 102.

¹ Керсновский А. История русской армии.Т.2. От взятия Парижа до покорения Средней Азии. 1814-1881. М. Голос, 1993. С. 19.

² Орлов Н.А. Указ. соч.

³ Керсновский А. История русской армии.Т.2. От взятия Парижа до покорения Средней Азии. 1814-1881. М. Голос, 1993. С. 67.

⁴ Давыдов Д. Воспоминания о польской войне 1831 года//Русская старина. 1872. Т.6. С. 9.

⁵ Неелов Н.Д. Воспоминания о польской войне 1831 г.. СПб.: Типография В.И. Полетики. 1878. С. 15-16.

⁶ <http://www.reenactor.ru/index.php?showtopic=2347&st=260>

⁷ Давыдов Д. Воспоминания о польской войне... С. 9.

⁸ Хронологический указатель действий русской армии и флота. Т. 3. 1826-1854. СПб.: Военная типография (в здании Главного штаба), 1911. С. 108.

⁹ Максимович М. Указ. соч. С. 8.

которое произвел на меня Витебск, было довольно странно: русский губернский город, но с резким характером полу-польским, полу-жидовским, полу-белорусским. Везде католические костюлы; на площади, против губернаторского дома, Базилианский монастырь; большая, каменная еврейская синагога, а православных церквей мало, и те бедные и снаружи, и внутри. На улицах говор польский, жидовский, белорусский с его «цвяканьем и дзвяканьем», а русский редко, словом — ни дать, ни взять «Stara Polska»! Не мудрено — 34 года, с 1796 до 1831, в западном крае жила польщина. В Витебске имел тогда пребывание витебский и могилевский генерал-губернатор, генерал-от-инфантерии князь Хованский; кто был губернатором — не помню, но вице-губернатором был статский советник Михаил Николаевич Муравьев, которому суждено было, пройдя через разные административные должности в северозападном крае, в нем же, наконец, в 1863 г. быть генерал-губернатором в Вильне, составить себе громкое имя и умереть графом. Он женат был на Пелагее Васильевне Шереметевой, молодой и очень любезной женщине. «Маршалом», по польски, или губернским предводителем дворянства, по русски, был, кажется, Карницкий, а уездным, если не ошибаюсь, граф Борх (брат церемониймейстера графа Борха, женатого на графине Софии Лаваль), женатый на графине Платер, молодой, красивой и милой даме. Вот тогдашние высшие власти и главы высшего общества в Витебске»¹.

В 1828 году вззошедший на российский престол Император Николай Первый короновался еще и в Варшаве как польский король. Конституционную монархию Николай впоследствии назвал «гнусным способом правления». «Покупать голоса, развращать чужую совесть, соблазнять одних, дабы обмануть других...» — так он оценил систему правления в Польше². Но коронационные торжества прошли вполне спокойно, хотя некоторые опасались покушения на жизнь царя. И опасались не напрасно.

Конституции и отдельных финансов и армии польским верхам казалось мало, и они чаяли полного отделения от России. «Тогда было время масонства, декабристского движения в России, карбонариев в Италии и т. д. Царство Польское и Западный край быстро покрылись сетью тайных обществ. Анархия, царившая в управлении

Польши в течение столетий, право конфедераций, как бы придававшее вид законности каждому мятежу, дали известное политическое воспитание нации. Поляки пропитались неизгладимой страстью к заговорам — этим объясняется постоянная их готовность к опрометчивым восстаниям»³. В Польше стали возникать конспиративные общества.

Важнейшим было «Народное патриотическое товарищество» (Narodowe Towarzystwo

Император Николай I

Patriotyczne), созданное 1 мая 1821 года майором Валерианом Лукашинским в Леску Белянском под Варшавой. В организацию вошли 240 человек, 40% которых принадлежали масонским организациям. Организация распространила свои филиалы по всей территории бывшей Речи Посполитой. Возглавил ее Кароль Вержболович, президентом варшавского отделения стал Станислав Вугржецкий, президентом великопольской провинции — Ян Непомук Уминский. В 1822 году Лукашевский был арестован,

и Товарищество возглавил Северин Кржижановский. «Патриоты» установили контакты с русским Северным Обществом и договорились о взаимной помощи в случае восстания в Польше или в России. «Центром революционных идей в Литве были Виленский университет и костелы, а на Украине, Волыни и Подолии — Кременецкий лицей, основанный графом Чацким. Главным пропагандистом в Вильне был талантливый профессор истории Лелевель»⁴.

Русские власти реагировали неумело. «Когда донесли, что в Виленском университете профессор философии читает лекции в революционном направлении, то приказано было на лекциях присутствовать капитан-исправнику. В 1823 г. ... Лелевеля перевели в Варшаву, где он с еще большим удобством предался пропаганде»⁵.

После разгрома восстания декабристов в 1825 году русские власти вышли на след «Товарищества» и арестовали его руководителей. В октябре 1827 г. их судили, обвиняя в измене государству, но суд вынес оправдательный приговор. Были разгромлены филиалы «Товарищества» в Литве, Подолии и на Волыни.

Когда Николай Павлович посетил в 1828 году Польшу, «ничто не указывало на возможный взрыв, наоборот, на всем лежал отпечаток материального процветания, что было самой надежной гарантией общественного спокойствия»⁶. Однако воевавший в это время с турками генерал Дибич предупреждал царя в письме: «Дай Бог, чтобы удовольствие, испытанное В. И. В-ом в Варшаве, оставалось всегда прочным и неизменным. Я уверен в этом относительно прекрасной польской армии; но, зная хорошо и с разных сторон самую нацию (благодаря частым сношениям, которые имел с нею), я убежден, что хотя она тоже имеет некоторые отличные качества, но, в обращении с нею, надо великодушнее всегда соединять с большою твердостью и, даже, строгостью. Относительно поляков следует держаться этого правила гораздо более, нежели относительно других народов; особенно же надо остерегаться того, чтобы, вместе с лицами высших сословий, не впасть в ловушку наружной верности,

вследствие громадного влияния женского пола, который в этой стране еще более, нежели в других, присоединяет ко всем своим прекрасным качествам еще какой-то рыцарский — так называемый национальный — дух, весьма мало похожий, однако, на дух рыцарей без страха и упрека»⁴.

Затишье, действительно, оказалось недолгим. В июле 1830 года во Франции началась революция. Волновалась не только Франция. Общий революционный взрыв в Европе в 1830 году увлек и Польшу. Как считал Денис Давыдов, польский «мятеж был последствием нравственных корчей, терзавших Европу»⁵.

В конце сентября 1830 года «патриотическое общество» уже спланировало восстание, «которое по силе и обширности своей не имело ничего равного в летописях истории»⁶. В основу его были положены быстрота и внезапность.

Организаторы планировали взбунтовать за 3 суток всю польскую армию, учредить «диктаторство», захватить Великого князя Константина Павловича, обезоружить стоявшую в Варшаве русскую гвардейскую дивизию, увеличить количество войск и распространить зону восстания во все стороны, до Киева, Бобруйска, Динабурга и Риги.

Увеличить польскую армию планировали за счет 30 тысяч недавно демобилизованных и распущенных по домам с амуницией, но без оружия. Для этого планировали выделить из состава польской армии 2000 офицеров, которые и будут формировать 2-ю польскую армию из 20 тысяч бывших солдат и 10 тысяч волонтеров из высших сословий (шляхты).

Театром военных действий, как считали заговорщики, должны были стать польские территории, отошедшие к России по результатам бывших разделов Речи Посполитой. «Театром войны должна быть не сегодняшняя Польша, а Польша, находящаяся под властью России», — писала впоследствии газета «Новая Польша»⁷.

Казачий офицер И.С. Ульянов вспоминал, что польские студенты объясняли ему, что «все западные российские губернии, причисляя к тому

¹ Записки князя Николая Сергеевича Голицына // Русская старина, № 4. 1881//https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Turk/XIX/1820-1840/Golicyn_N_5/text1.htm

² Кисин С.В. Император Николай I и его эпоха. Донкихот самодержавия. 1825-1855 гг. М.: Центрполиграф, 2020. С.208.

³ Орлов Н.А. Указ. соч.

¹ Орлов Н.А. Указ. соч.

² Там же.

³ Бенкендорф А.Х. Воспоминания (1802-1837). М.: Российский фонд культуры, 2012. С. 452.

⁴ Император Николай Павлович и гр. Дибич-Забалканский. Переписка 1828-1830 гг. // Русская старина, № 11. 1881//<https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Turk/XIX/1820-1840/Dibic/text11.htm>

⁵ Давыдов Д. Воспоминания о польской войне... С. 335.

⁶ Давыдов Д. Воспоминания о польской войне... С. 11

⁷ Матвеев О.В., Фролов Б.Е. Страницы военной истории кубанского казачества: к 310-летию служения кубанского казачества Российскому государству. Краснодар: Перспективы образования, 2007. С. 127.

и Украину, принадлежали Польше от рода родов»¹.

Надежды заговорщиков в определенной мере имели под собой почву. Князь Н. С. Голицын вспоминал о своей поездке 1828 года: «Переезд мой от Киева до Тульчина, через благодатный край заднепровской Украины, в великолепную погоду днем и в чудные украинские ночи, был для меня истинным наслаждением! Одно только смущало меня — остатки польского владычества, с его косциолами, распятиями на дорогах, польским говором и т. п., и с жидовским населением в местечках и городах, среди господствующего православного малороссийского»². Он вспоминал дворец известного польского магната времен Екатерины II, генерал-аншефа графа Феликса Потоцкого, который на фронтоне дома поместил, большими золочеными буквами, польскую надпись: «Badz zawsze mieszkaniem spotliwych» (будь всегда жилищем добродетельных). Его имение Софиувка (по польски Sofiowka), близ г. Умани, «досталось младшему сыну Феликса Потоцкого, Александру, служившему сначала в кавалергардах, а в 1828-29 гг. в одном из южно-поселенных уланских полков. В 1830—31 гг. он был вовлечен в польское восстание и по взятии Варшавы эмигрировал за границу, а Софиувское имение его было конфисковано в казну»³.

Особо было спланировано вторжение в Литву, на Волынь и в Галицию. В Галиции в австрийских войсках служило до 18 тысяч местных уроженцев. Их планировали вовлечь в восстание. Что касается Литвы, то здесь мечтали перетянуть на свою сторону весь Литовский корпус. Конкретно: 2000 повстанцев должны были наступать через Брест и Дубно на Волынь; 2000 — через Белосток на Вильно; 5000 — через Новомястов и Тарнов в Галицию и там перерезать дорогу между Львовом и Венной; кроме того должны были выступить 2000 краковских волонтеров и тем самым поставить австрийцев в Галиции меж двух огней.

Особо готовилось наступление 5000 восставших в Познань, где тоже была организация польских заговорщиков, чтобы захватить там крепость Глогау.

Возможно, в своих планах заговорщики опирались на опыт 1812 года. На территориях, отошедших к России после Второго и Третьего разделов Польши, «местное польско-литовское и еврейское население встретило армию Наполеона, как свою освободительницу...»⁴.

На реализацию плана вожди восстания отводили 10-12 дней. К тому времени они мечтали иметь армию в 180 тысяч при 276 орудиях.

1-я армия — 30 тысяч 96 орудий

Резервы на Висле — 30 тысяч, 60 орудий

Литовский корпус — 40 тысяч, 120 орудий

Поляки, перешедшие из австрийских войск в Галиции — 48 тысяч

Ландвер Познани — 30 тысяч

Волонтеры Кракова — 2 тысячи.

Итого 180 тысяч, 276 орудий⁵.

Далее вожди восстания планировали от мобилизовать еще 200 тысяч рекрутов и 50 тысяч лошадей. Чтобы вооружить такое количество рекрутов, рассчитывали на трофейное оружие.

Планы повстанцев можно считать предтечей идеи мировой революции. Они думали, что к ним присоединятся все жертвы передела Европы после наполеоновских войн, в первую очередь — Италия.

Время, как они считали, было не ограничено. За 2 месяца русские, по их планам, могли подвести к границам Польши всего 80 тысяч войск.

Непосредственный план переворота был составлен тоже достаточно четко: во время развода на Саксонской площади 40 храбрых польских юношей убьют Константина Павловича, 50 польских подпрапорщиков захватят всех русских генералов, после чего польские войска пойдут на русские казармы⁶. Сопrotивления в казармах не ожидали, так как русская гвардейская дивизия формировалась из уроженцев бывших польских земель.

Этот смелый план хотели осуществить 8 октября 1830 г., когда караулы содержали польские гвардейские гренaдеры. Великий Князь Константин определил, что в Варшаве 2 дня караулы содержали русские, затем 2 дня поляки. Польским гвардейцам выпадали 7 и 8 октября. Но отличающийся непредсказуемым характером Великий

¹ Перетятко А.Ю. Указ. соч. С.46.

² Записки князя Николая Сергеевича Голицына // Русская старина, № 4. 1881//https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Turk/XIX/1820-1840/Golicyn_N_S/text1.htm

³ Там же.

⁴ Попов А.И. Первое наступление Великой армии в России в 1812 г. Том 1. Планирование войны и ее начал. Самара: ООО «Слово», 2020. С. 112.

⁵ Давыдов Д. Воспоминания о польской войне... С. 13.

⁶ Давыдов Д. Воспоминания о польской войне... С. 15.

Князь внезапно отменил этот распорядок. Возможно, поводом такого решения послужил ряд событий. 4 (16) октября Варшавские студенты заказали панихиду по полякам, убитым при штурме Праги в 1794 году¹. Это несколько возбудило население столицы. Потом отец одного учащегося донес, что учителя в школах дают детям задание собирать и готовить ружья. Власть отреагировала обысками и арестами. И руководителям заговорщиков пришлось перенести восстание на 29 ноября. По российскому в тот момент летоисчислению — 17 ноября.

А. Керсновский считает, что «поводом к восстанию послужило повеление Императора Николая Павловича польской армии готовиться к походу на Бельгию совместно с русскими войсками»².

Русская армия действительно готовилась к походу. Офицер гусарского полка записал в дневнике: «11 ноября... Вчера вечером возвратился полковник из Бердичева. В привезенных им французских (и) петербургских газетах прочитал я указ, которым повелено 1-му и 2-му пехотным и 3-му и 5-му резервным кавалерийским

корпусам считаться на военном основании и выступить к границам. С кем же мы будем воевать — не могу понять! Вероятно, эти движения имеют целью удержать дух мятежей, распространяющийся в средней Европе»³.

По другой версии, большую роль сыграли слухи, что русские войска, идущие в Бельгию, по дороге разоружат польскую армию. Кроме того, стало известно, что австрийцы выводят из Галиции в Венгрию войска из поляков, а в Галицию введут венгерские полки⁴.

Офицер генерального штаба Н.Д. Неелов подтверждал в своих записках, что были слухи о подготовке к походу в Голландию, поскольку Бельгия отделилась от нее и решила объединиться с Францией. Между Францией и Голландией начались военные действия, и русские войска должны были выступить на стороне Голландии. Планировалось отправить в поход Гренадерский корпус, I пехотный корпус, Литовский корпус и Польский корпус, причем поляков хотели послать в авангарде⁵. Офицеры генерального штаба получили карты Германии для организации переходов⁶.

¹ Максимович М. Указ. соч. С. 10.

² Керсновский А. Указ. соч. С. 67.

³ Вульф А.Н. Дневники//ugward.ru/library/pushkin/vulf_dnevnik.html#a004

⁴ Давыдов Д. Воспоминания о польской войне... С. 16.

⁵ Неелов Н.Д. Воспоминания о польской войне 1831 г.. СПб.: Типография В.И. Полетики. 1878. С. 15.

⁶ Неелов Н.Д. Воспоминания о польской войне 1831 г.. СПб.: Типография В.И. Полетики. 1878. С. 16.

Восстание

17 ноября 1830 года с утра заговорщики направили своих представителей в польские войска, расположенные вне Варшавы, а в 7 часов вечера руководимая польскими офицерами и воспитанниками военно-учебных заведений толпа ворвалась в Бельведерский дворец, чтобы убить Великого Князя Константина Павловича, но тому, однако, удалось спастись.

В. Грабеньский описал это нападение в деталях. 18 гражданских заговорщиков разделились на две группы. Одна во главе с поэтом Северином Гоцинским напала на дворец Бельведер, а вторая стояла с тыльной стороны дворца, чтобы схватить Константина, если он попытается бежать. Вместо цесаревича выскочил генерал Жандр,

бывший во дворце по военным делам, и пал под ударами штыков. Убийцы закричали, что Константин убит, и заговорщики оставили дворец, убежденные в смерти наместника¹.

Княгиня Н.И. Голицына вспоминала: «В самом деле, Великого Князя спас его камердинер Фриц в ту минуту, как мятежники собрались ворваться в кабинет, где Великий Князь по обыкновению отдыхал после обеда. Он спасся по лестнице, ведущей к ген. Куруте, и покуда княгиня оставалась в неизвестности об участии своего супруга, мятежники, не добившись своей цели, скрылись через разные выходы. Великий Князь, оказавшись во флигеле, занимаемом ген. Курутою, тотчас вышел во двор, вскочил в седло и возглавил три полка кавалерии, стоявших

Войцех Коссак. Столкновение польских повстанцев с русскими кирасирами на мосту в Лазенках 29 ноября 1830 г

в Лазенках и по первой же тревоге сумевших прибыть в Бельведер»¹.

По свидетельству той же княгини, в Варшаве сразу же началась стрельба по казакам. «Я подавала кучеру знак ехать. В этот момент какой-то казак, скача из города в Бельведер и наткнувшись на то же препятствие, что и мы, обратился к подпрапорщикам по-польски. Они направили ружья на казака, который был возле нас, и выстрелили в него, покуда наша карета поворачивала влево под дюжину ружейных выстрелов. Спасением своим мы обязаны появлению казака, который отвлек их внимание»².

В руки повстанцев попал уже известный нам Никифор Ежов, числившийся поручиком лейб-гвардии казачьего полка. В послужном списке он так и отметил – 17 ноября захвачен в плен и находился под стражей в Варшаве. Там же ему, находившемуся в плену, присвоен 25 июля 1831 г. чин штаб-ротмистра³. И то же самое случилось с Иваном Самойловичем Ульяновым. В 1830 году он был «взят в плен в Польше, в котором состоял по 14 сентября 1831 г.» и тоже 25 июня, будучи в плену, произведен в штаб-ротмистры⁴.

17 ноября погибли 4 казака 7-го Конно-Черноморского полка⁵.

В парке Лазенки, неподалеку от памятника Яну Собескому, высланные от Школы подхорунжих стрелки из-за деревьев обстреляли проезжавший мимо поднятый по тревоге эскадрон л.-гв. Подольского кирасирского полка.

Ночью Великий Князь вывел верные войска из Варшавы в деревню Виржбу по дороге в Гуры. Войск было 8 тысяч при 28 орудиях. К Константину присоединился командир гвардейских конных егерей Курнатовский («олицетворенное усердие, честность, преданность»⁶) и привел свой полк, состоящий из поляков. Генерал Жимирский (поляк) кружным путем привел к Великому Князю русские пехотные полки гвардии, «Волынский и Литовский, командиры которых, Рихте и Есаков, были захвачены в плен в первый же

момент»⁷. В нагрузку к пехотным полкам прибыли «полковые дамы». По воспоминаниям княгини Голицыной, «с полками прибыли дамы Кнорринг, Овандер, Гогель, Штрандман и пр. Эти дамы, как и все мы, были застигнуты врасплох и лишены всего»⁸.

«Меж тем в бушевавшей Варшаве сатурналии и неистовства всякого рода возрастали; вооруженное шляхетство и бездомная сволочь рыскали по городу»⁹.

Княгиня Голицына зафиксировала: «В продолжение ночи мятежники захватили Арсенал, напали на банк, разграбили кассу военного комиссариата, дом коменданта Левицкого и другие дома, где проживали русские генералы. Они несколько раз вступали в бой с Волынским полком (пехотным), убили нескольких офицеров, генералов и одного полковника, взяли пленниками семь значительных лиц и некоторых дам»¹⁰.

Ворота арсенала отворил особенно любимый цесаревичем 4-й полский пехотный полк, его же солдаты дали залп по солдатам Волынского полка, посланным на охрану арсенала¹¹.

Повстанцы разграбили несколько лавок и подожгли несколько деревянных домов около арсенала. «Зарево от пожара, осветившее Варшаву, придавало более ужаса сему вечеру»¹².

В ночь с 17 на 18 (29-30) ноября 1830 г. от рук повстанцев погибло шесть польских генералов: начальник главного штаба армии бригадный генерал Т. Семёнтковский, главный квартирмейстер генерал артиллерии М. Гауке, командующий пехотой генерал пехоты С. Потоцкий, командир 2-й пехотной бригады бригадный генерал И. Блюмер, инспектор пехоты бригадный генерал С. Тренбицкий, главный секретарь Правительственной Военной комиссии бригадный генерал Ю. Новицкий¹³. Также был застрелен начальник штаба артиллерии полковник Филип Мецишевский. Все эти высшие чины армии были встречены ночью во время восстания мятежными подхорунжими,

¹ Голицына Н. И. Княгиня Н. И. Голицына о польском восстании... С.71.

² Голицына Н. И. Княгиня Н. И. Голицына о польском восстании... С.66.

³ Корягин С.В. Ежовы и другие... С.10.

⁴ Корягин С.В. Ульяновы и другие... С. 8.

⁵ Матвеев О.В., Фролов Б.Е. Указ. соч. С.128.

⁶ Заметки о генералах всех чинов... С. 271.

⁷ Голицына Н. И. Княгиня Н. И. Голицына о польском восстании... С.72

⁸ Голицына Н. И. Княгиня Н. И. Голицына о польском восстании... С.72

⁹ Давыдов Д. Воспоминания о польской войне... С. 17.

¹⁰ Голицына Н. И. Княгиня Н. И. Голицына о польском восстании... С.71.

¹¹ Записки И.С. Ульянова//Сборник Областного войска Донского статистического комитета. Вып.2. Новочеркасск: 1901. С.63

¹² Там же. С. 64.

¹³ <http://www.reenactor.ru/index.php?s=5a88613b56b4d1d3c41ff663254c0501&showtopic=2347&st=20>

¹ Грабеньский В. Указ. соч. С. 104.

Залеский М. Взятие арсенала.

которые предлагали им возглавить восстание, а в случае отказа убивали¹.

Возможно, это были наиболее преданные Великому Князю люди. Томаш Ян Сементковский, раненый в «Битве народов» и остававшийся рядом с Наполеоном до его отречения, проявил верность и сейчас, в день восстания руководил обороной Саксонского дворца, был тяжело ранен и на следующий день умер. О Гауке Константин писал – «моя правая рука во всех отношениях»²; Блюмер характеризовался как человек «весьма честный, надежный», по мнению Константина, при Тарутино в 1812 году Блюмер спас остатки французской армии³. Другие, может быть, пали жертвой личной неприязни. Новицкий был охарактеризован Великим Князем, как «настоящая кумушка в мужском платье»⁴, а Потоцкий как «болтун», который подчиняется своей жене⁵. Инспектору линейной пехоты Станиславу Трембицкому Константин поручил надзор за Школой подхорунжих в Варшаве, и, начиная восстание, курсанты Школы первым делом расстреляли своего надзирателя.

Русским офицерам изначально казалось, что «несколько молодых офицеров, недовольных медленным продвижением по службе, подняли бунт, по легкомыслию уничтожив все успехи, достигнутые Константином Павловичем»⁶.

Правление практически не изменилось. Власть осталась у Совета правления, созданного еще в 1815 году. Председатель Соболевский, члены Мостовский, Грабовский, Раутенштраух, Козецкий, Фредро и князь Любецкий пополнились от мятежников Чарторишским, Михаилом Радзивиллом, Кохановским, генералом Пацем, Немцевичем и Хлопицким. «Пополнение» было произведено по настоянию Любецкого, так как прежний состав Совета авторитетом не пользовался, и в нем нужны были люди, «пользующиеся доверием народа»⁷.

Сразу же был отдан приказ образовать национальную гвардию и назначить начальником войска генерала Паца.

К восстанию пристали далеко не все войска, одни боялись, другие высказывались за Константина. Из находившихся в Варшаве 10 тысяч польских военных к восстанию примкнули 4500.

¹ Грабьеньский В. Указ. соч. С. 105-106.

² Заметки о генералах всех чинов, служащих в Польско-королевской армии, по порядку списка. 19 июня (1 июля) 1826 г.//Русская старина. 1882. № 4. С. 269.

³ Там же. С. 273.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 269.

⁶ Перетясько А.Ю. Указ. соч. С. 50.

⁷ Грабьеньский В. Указ. соч. С. 107-108.

Открыто восстание поддерживали, как писал Д. Давыдов, «шляхетство и городская сволочь из ту-неядцев»¹.

Верные Константину войска численностью превосходили вооруженные силы повстанцев почти в два раза. Из них чисто польских войск у него было 5 рот и 6 эскадронов². Если бы он повел их на Варшаву, ход событий мог бы иметь другое направление. Поляки явно боялись русских. Русская артиллерия, стоявшая в Скерневицах, беспрепятственно пришла в Виржбу к Константину. Более того, к Константину в Виржбу явился уволенный из армии в 1821 году генерал Хлопицкий и предложил захватить варшавский арсенал

Верные Константину войска численностью превосходили вооруженные силы повстанцев почти в два раза. Из них чисто польских войск у него было 5 рот и 6 эскадронов³. Если бы он повел их на Варшаву, ход событий мог бы иметь другое направление. Поляки явно боялись русских. Русская артиллерия, стоявшая в Скерневицах, беспрепятственно пришла в Виржбу к Константину. Более того, к Константину в Виржбу явился уволенный из армии в 1821 году генерал Хлопицкий и предложил захватить варшавский арсенал

Но Великий Князь, хотя и считал себя учеником Суворова и проделал с ним Итальянский и Швейцарский походы, решительности не проявил. Возможно, он не доверял Хлопицкому на том основании, что тот насмеялся над русским «фрунтом». Когда Хлопицкого отправляли в отставку, царь объяснил младшему брату причину: «Он позволил себе явно насмеяться над некоторыми подробностями нашей фронтальной службы»⁴. Для Великого Князя, как мы помним, это было посягательством на святое.

Каковы бы ни были причины, 19 ноября Хлопицкий возглавил мятежные польские войска.

Кроме Хлопицкого в Блони к Константину с 1-м полком егерей прибыл командир 3-й бригады Петр Шембек (Piotr Szembek) – шляхтич герба Шембек (Herbu Szembek), граф Пруссского королевства. Константина заверил генерала в полной амнистии всех участников восстания, и Шембек пообещал ему хранить верность, однако, уже на следующий день под давлением своих офицеров присоединился к восстанию и во главе

полка вступил в Варшаву под овации горожан. У русских офицеров, служивших в Польше, сложилось впечатление, что это отнюдь не народное восстание, а «вооруженное восстание регулярных польских войск, поднятых заговорщиками (по заранее составленному плану)»⁵.

В Варшаве продолжали перетасовывать власть. По инициативе профессора Лелевеля,

Генерал Петр Шембек.

явного якобинца, сформировался новый Совет без Соболевского, Грабовского, Раутенштрауха, Ковецкого и Фредро. Зато в Совет вошли Дембовский, Островский, Молоховский и Лелевель (вскоре Лелевеля заменил Брониковский).

Новые правители, Чарторишский, Любицкий, Островский и Лелевель, не чувствуя пока еще за собой силы, отправились к Великому Князю в Виржбу и потребовали возвращения Конституции 1815 года и присоединения к Царству Польскому земель, ранее отобранных у Речи Посполитой Россией. Попутно они пытались выведать о настроениях в Литовском корпусе. Последнее, видимо, и было главной целью их поездки, так как Константин своей властью не мог решить их

¹ Давыдов Д. Воспоминания о польской войне... С. 18.

² Максимович М. Указ. соч. С. 6.

³ Максимович М. Указ. соч. С. 6.

⁴ Давыдов Д. Воспоминания о польской войне... С. 19.

⁵ Максимович М. Указ. соч. С.7.

требования о конституции и территориальных уступках.

Константин в ходе переговоров обязался предупредить новую власть за 48 часов, если он решится наступать на Варшаву; обещал ходатайствовать перед царем «о забвении», если поляки прекратят мятеж; выдал информацию, что Литовскому корпусу не приказано вступать в Польшу; обещал освободить немногих оказавшихся у него пленных¹.

Через три дня восставшие поляки сформировали Временное правительство из членов того же Совета – Чарторижского, Лелевеля, Островского, Кохановского, Паца, Дембовского и Немцевича. Войска Гелгуда – 1-я бригада 1-й пехотной дивизии – выступили на Радом, чтоб отрезать Константину сообщения с Россией.

Великий Князь, более 10 дней наблюдавший за этими «беспорядками», 29 ноября выступил, наконец, из Виржбы на Гуры. «Польские пленные, числом более 200, были отпущены, но наших нам не вернули»². Из Гур двинулись на Пулавы, где и переправился на правый берег Вислы. «Поскольку в Пулавах имелось только семь лодок, войско потратило более двух дней, чтобы переправиться чрез реку, притом Уланский полк пришлось послать в Казимерж, где он перешел на правый берег и соединился с нами лишь три дня спустя»³. Великий Князь просил поляков не трогать его отряд во время марша и приказал русскому гарнизону очистить Модлин (который поляки сразу же заняли). На правом берегу Вислы Константин «дозволил» польским войскам, которые оставались ему верны, присоединиться «к своим»⁴.

До 3 (15) декабря при Великом князе оставались гвардейский конно-егерский полк, гвардейские гренадеры (кроме 3 рот 2-го батальона), сводный карабинерный батальон 1-го и 3-го

егерских полков, 1-я рота 6-го линейного полка и эскадрон юнкеров кавалерийского училища⁵.

Как писал А. Керсновский, «полагая, что «всякая пролитая капля крови только испортит дело», великий князь Константин отпустил остававшиеся ему верными польские войска — и эти превосходные полки усилили армию мятежников. Крепости Модлин и Замостье были переданы полякам, и цесаревич с гвардейским отрядом отошел в русские пределы»⁶. Гвардейский Конно-егерский полк, который был отпущен Константином уже у границы Королевства, возвратился в Варшаву, был переименован в 5-й конно-егерский и провоял всю кампанию в польской армии⁷.

Хуже обстояли дела с казачьими полками, прикрывавшими границы Царства Польского на левом берегу Вислы. По воспоминаниям И.С. Ульянова, поляки вели среди казаков агитацию, что будущие польские победы принесут казакам «великую пользу, так как донские казаки некогда принадлежали Польше»⁸. Имевший штаб в Калише полк Катасонова 2-го № 25 «почти весь попал в плен в 1830 году, только полторы сотни успели перейти границу в Пруссию»⁹. Когда это произошло, видно из послужного списка есаула Синеокова Ивана Алексеевича – «был в плену с 21 ноября 1830 по 15 августа 1831»¹⁰. Вместе с ним оказались в плену есаул Небыков Архип Поликарпович, есаул Пашков Василий Степанович¹¹, хорунжий Наумов Денис Яковлевич («был в плену у поляков»¹²), хорунжий Марков Михаил Маркович («был в плену»¹³), урядник Костин Даниил Захарович («был в плену»¹⁴), казак Евстратов Петр Ануфриевич¹⁵, казак Цепляев Яков Иванович «был взят в плен польскими мятежниками и выпущен в Россию»¹⁶ и, видимо, сотни других.

Сам командир полка Григорий Катасонов спасся, но нажитые «деньги пропали после

¹ Давыдов Д. Воспоминания о польской войне... С. 20.

² Голицына Н. И. Княгиня Н. И. Голицына о польском восстании... С. 74.

³ Голицына Н. И. Княгиня Н. И. Голицына о польском восстании... С. 77.

⁴ Давыдов Д. Воспоминания о польской войне... С. 20.

⁵ Вылежинский, Ф. И. Император Николай и Польша в 1830 году : Материалы для истории польского восстания 1830-1831 гг. : СПб. : Тип. А. С. Суворина, 1905. С.3.

⁶ Керсновский А. Указ. соч. С. 67.

⁷ <http://www.reenactor.ru/index.php?s=5a88613b56b4d1d3c41ff663254c0501&showtopic=2347&st=20>

⁸ Записки И.С. Ульянова... С. 70.

⁹ Корягин С.В. Яновы и другие... С.62.

¹⁰ Корягин С.В., Кундюков Н.М., Упорников Л.М. Сазоновы. Выпуск 84. М. Русаки. 2009. С. 168

¹¹ Корягин С.В. Фетисовы и другие. Выпуск 18. М.: Русаки, 2001. С. 87.

¹² Корягин С.В. Наследышевы и другие. Выпуск 75. М.: Русаки, 2008. С. 39.

¹³ Корягин С.В. Черячукины и другие. Выпуск 14. М.: Русаки, 2000. С. 49.

¹⁴ Корягин С.В. Ковалевы и другие. Выпуск 69. М.: Русаки, 2007. С.175.

¹⁵ Корягин С.В. Машлыкины и другие. Выпуск 46. М.: Русаки, 2004. С. 32.

¹⁶ Абрамов М.Ю., Алабин И.М., Корягин С.В. Лукьянов А.А. Хрещатицкие и другие. Выпуск 48. М.: Русаки, 2004. С. 23.

восстания 1830 г.»¹. Служивший в полку брат командира, войсковой старшина Иван Спиридонович Катасонов, тоже «избежал плена и вернулся через Пруссию в Россию»². Сотник Лотошников Андрей Павлович, хотя и «был взят в плен, бежал из плена, воспользовавшись полковым оружием и лошадьми, при этом собрал свою команду»³.

Из полка № 23 Пимонова 1-го в плен попали минимум три офицера: есаул Чурбаков Григорий Афанасьевич⁴, сотник Протопопов Арсений Кириллович, из поповских детей («Был в плену у поляков»)⁵, и сотник Епифанов Федор Петрович⁶.

Легче всего отделался полк Грекова 4-го. Все-го один урядник, Харламов Михаил Ильич, отметил в послужном списке, что был в плену, но потом оказался в конвое Его Высочества⁷. А есаул Валуев Михаил Семенович догадался отбыть из полка 17 июня 1830 года и воссиял в 1831 году приставом Новочеркасской полиции.

Из 13 офицеров 7-го Конно-Черноморского полка в плен попали 5, с ними 1 урядник и 11 казаков. Все же большую часть полка – 462 человека – командир полка вывел из Польши⁸.

6 декабря собрался Сейм, который сформировал новую структуру власти. Во главе страны ставился Диктатор, создавалась Надзирательная комиссия из членов Сейма, имеющая право снять Диктатора, и назначались министры, ответственные перед Сеймом. 8 декабря Сейм утвердил диктатором Хлопицкого.

Хлопицкий направил князя Любецкого и Езерского в Санкт-Петербург с донесением, что в Польше беспорядков нет, и просил вернуть полякам Конституцию 1815 года, а также распространить ее на «русско-польские» губернии, то есть на земли, утраченные Польшей еще при Екатерине Великой.

Адъютант Хлопицкого граф Замойский отправился к командиру Литовского корпуса генералу Розену и просил, чтобы тот ждал повелений от царя, а сам границы Польши не переходил.

Все это время в польских костелах продолжали молиться за русского царя (он же польский король).

Одновременно польские войска собирались под знамена повстанцев. На правом берегу Вислы это делал революционный активист Солтык, на левом – генерал Малаховский.

Формировалось дипломатическое прикрытие. 6 декабря польский сейм в своем манифесте заявил, что восстание поднято, чтобы «не допустить до Европы дикие орды Севера... Защитить права европейских народов»⁹.

Чарторижский выехал в Австрию, Валевский – в Париж, Виалопольский – в Лондон, Мостовский – в Берлин. Все они должны были просить правительства европейских государств, чтобы те выступили посредниками в переговорах новой польской власти с Санкт-Петербургом по поводу Конституции. Усилия их были обречены на провал. Карл фон Клаузевиц, известный военный теоретик, писал незадолго до этих событий: «Можно ли было смотреть на Польшу как на европейское государство, заслуживающее одинаковой мерки с другими членами европейского концерта? Нет. Это было варварское государство... В течение ста лет это государство, в сущности, не играло никакой политической роли и служило лишь яблоком раздора для других»¹⁰. В своих воззрениях Клаузевиц был не одинок. На фоне недавней очередной французской революции поддерживать наиболее верных союзников Наполеона не стали ни Австрия, ни Пруссия.

Все время этого зыбкого перемирия Константин Павлович выводил оставшиеся с ним войска, старательно избегая встреч с поляками. Из Пулав дорога вела на Люблин, но там с уланской бригадой стоял генерал Вейсфлок, и Великий Князь от Маркушува двинулся на Любартов по плохой дороге, затем вместо Коцка свернул на Влодаву. «Наконец-то мы достигли последней точки Царства Польского, – вспоминала княгиня Голицына. – Буг был перед нами, и на другой день мы должны были переправиться на тот берег. Великий Князь приказал всему войску сделать привал, и мы провели ночь во Влодаве (30 ноября/12 декабря). Там мы увидели первый снег, и с той поры

¹ Корягин С.В. Яновы и другие... С. 61.

² Там же. С. 62.

³ Корягин С.В. Каменновы и другие. Выпуск 38. М. Русаки. 2003. С. 103.

⁴ Абрамов М.Ю., Алабин И.М., Корягин С.В. Лукьянов А.А. Хрещатицкие и другие. Выпуск 48. М.: Русаки, 2004. С. 68

⁵ Корягин С.В. Киреевы и другие. Выпуск 54... С. 83.

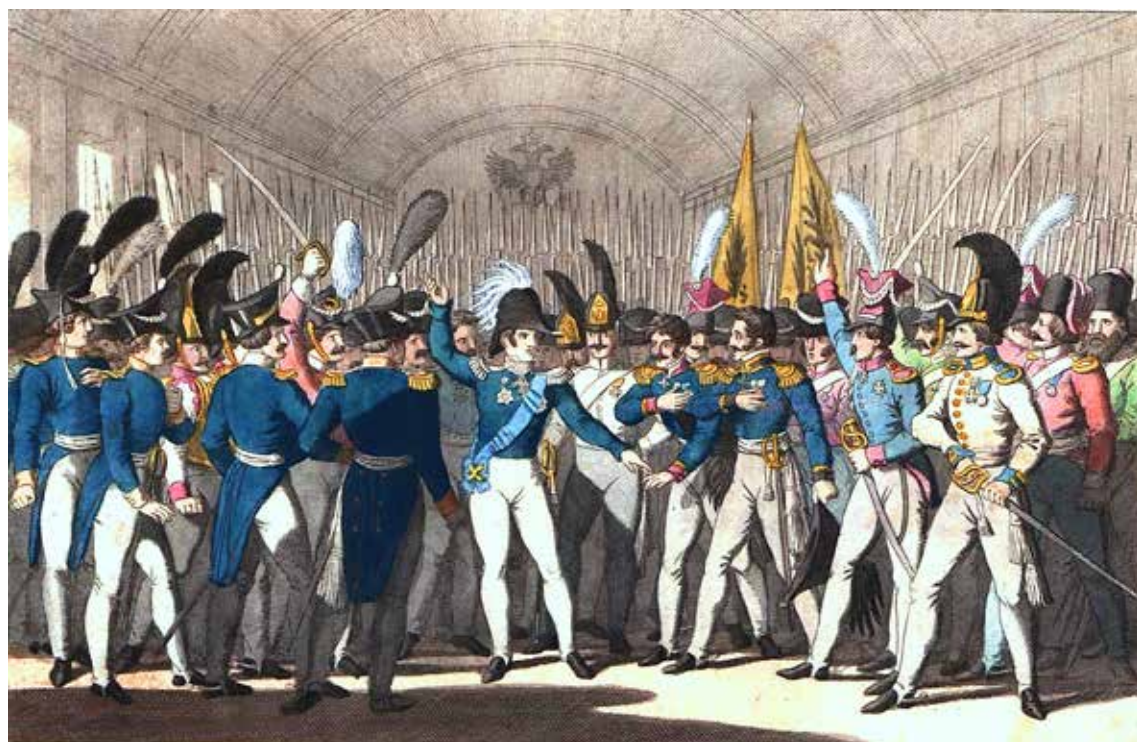
⁶ Корягин С.В. Машлыкины и другие. Выпуск 46. М.: Русаки, 2004. С. 46.

⁷ Корягин С.В. Харламовы и другие. Выпуск 102. М.: Русаки, 2012. С.8.

⁸ Матвеев О.В., Фролов Б.Е. Указ. соч. С.128.

⁹ Куняев С.Ю. Шляхта и мы. М.: Родина, 2020. С. 24.

¹⁰ Клаузевиц К. фон О войне. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2021. С. 485.

Император Николай I сообщает своей гвардии о восстании в Польше

зима, что явилась приветствовать нас на границе Отечества, начала входить в свои права»¹.

1(13) декабря отряд Великого Князя на плотах переправился чрез Буг, и лишь 4(16) декабря в половине перехода до Брест-Литовска к Константину прибыл первый со дня восстания фельдъегерь от царя. Наконец, отряд Великого Князя, получивший название в военных сводках «Гвардейский отряд», расположился в окрестностях Ружан и Слонима позади Литовского корпуса.

Все уцелевшие в один голос говорили о польском коварстве: «Поляки же, словно настоящие убийцы, старающиеся напасть из-за угла, застали нас врасплох, с оружием в руках набрасывались на русских, которых встречали на улицах, в спектакле либо в ином месте, убивали под покровом ночи, крича при этом условные слова: «Русские режут поляков!»... Не довольствуясь пролитием крови на улицах и во дворце Великого Князя, они развлекались, предавая казни портреты наших генералов»². Действительно, артиллерийский офицер А. Зеланд вспоминал, что волнения начались, когда в театре на представлении появился отставной поручик 8-го полка Добровольский и закричал:

«Поляки к оружию, русские нас режут»³. А генерал К. Калачковский видел, как на Гржибовской площади пехотные прапорщики скакали верхом и кричали «Москали режут наших, поляки к оружию!»⁴. Второй темой для разговоров была польская глупость: «Глупость, неразлучная спутница надменных поляков, и на сей раз влекла эту неблагоприятную и буйную нацию к печальной развязке, коей история Польши являет слишком много примеров»⁵.

Пока Великий Князь маневрировал, полки русской армии в первых числах декабря двинулись в поход.

Император Николай Павлович, получивший первые рапорты о беспорядках от своего брата 24 ноября (6 декабря), был человеком решительным. «Он не терял ни минуты, уже был отдан приказ начальнику Генерального Штаба армии генералу Чернышеву выдвинуть 1 корпус под командованием графа Петра Палена к границам польского королевства»⁶.

В самом Петербурге о польском восстании узнали 25 ноября (7 декабря) 1830 года.

Утром, «как и всегда, император участвовал в разводе, и после его окончания он выехал

на середину площади, приказав генералам и офицерам подъехать к нему. Все повиновались с быстротой, свидетельствующей о покорности и вежливости, и окружили со всех сторон лошадь, на которой он сидел. Громким голосом и очень отчетливо император рассказал во всех деталях о печальных новостях, полученных из Варшавы. Затем он рассказал об опасности, которой избежал его брат, и о неблагодарности поляков. Он сообщил об отданных им приказах и, наконец, закончил речь такими словами: «Если будет необходимо, то вы, моя гвардия, отправитесь наказать измену и восстановить оскорбленную честь России. Я знаю, что при любых обстоятельствах, могу рассчитывать на вас». С каждым словом императора внимание аудитории росло, с каждой минутой суровость уменьшалась, и после призыва гвардии к верности, все стремились притронуться к своему государю, все пытались выразить ему свою любовь и преданность. В их глазах заблестели слезы, и весь зал наполнился воодушевленным криком «Ура!», который был подхвачен вооруженными войсками, и который не прекращался, пока император не удалился»¹. «Однако, то было новое дело для русских войск: на сей раз речь уже не шла ни о новом завоевании, ни об отражении вражеского нашествия, как в 1812 году. Надлежало победить гений зла, дух ниспровержения, революционную гидру»².

Гвардия вскоре выступила из столицы (19(31) января все гвардейские части уже были в походе), но ей долго не было назначено конкретное направление, так как не предполагалось ввести ее в дело³. Лейб-гвардии казачий полк выступил в поход 10(22) декабря 1830 года.

Указ по 1 департаменту Военного министерства «о возникшем в Варшаве возмущении» вышел 12(24) декабря. До Дона он дошел 29 декабря⁴.

Прибывшему из Варшавы депутату Сейма Езерскому «было разрешено вернуться в Варшаву. Он был уполномочен письменно передать слова, сказанные ему императором, в сформулированном мною виде, – вспоминал А.Х. Бенкендорф. – Это был последний способ, к которому прибегло благородное сердце императора, с тем, чтобы его взбунтовавшиеся подданные смогли

избежать ужасов войны и наказаний, вызванных столь долгим неповиновением. Этот документ заканчивался словами: «Первый пушечный выстрел с польской стороны будет означать гибель Польши»⁵. Но слова Езерского «остались гласом вопиющего в пустыне, лидеры революции не слушали его, и война была решена»⁶.

3 января 1831 года из Петербурга вернулся подполковник Величинский и сообщил, что русские войска движутся к польским границам, и война неизбежна.

Юзеф Хлопицкий

Хлопицкий на 7 января собрал Сейм, который лишил его диктаторских полномочий.

Группа политиков предложила Хлопицкому возглавить армию, но он отказался. «Однако Хлопицкий отклонил от себя эту честь и настоял на назначении князя Радзивилла, оставшись при нем советником – фактически же главнокомандующим»⁷.

Поляки стягивали примкнувшие к восстанию войска. Армия их, по их заявлениям, насчитывала около 80 тысяч. В резервную армию удалось собрать всего 9 тысяч человек. Магнаты формировали отдельные эскадроны и батальоны.

¹ Голицына Н. И. Княгиня Н. И. Голицына о польском восстании... С. 84.

² Голицына Н. И. Княгиня Н. И. Голицына о польском восстании... С. 100.

³ Зеланд А. Л. Воспоминания о польском восстании и войне 1830 – 1831 гг. // Русская старина. 1892, т. 75, № 9. С. 507.

⁴ Колачковский К. И. Польша в 1814-1831 гг. (Из воспоминаний генерала) // Русская старина, 1902, т. 110, № 5. С. 560.

⁵ Голицына Н. И. Княгиня Н. И. Голицына о польском восстании... С. 86.

⁶ Бенкендорф А.Х. Указ. соч. С. 462.

¹ Там же. С. 463.

² Голицына Н. И. Княгиня Н. И. Голицына о польском восстании... С. 95.

³ Отзывы и мнения военно-начальников о польской войне... С. 117.

⁴ ГАРО. Ф. 341. Оп. 1. Д. 1584. Л. 91 об.

⁵ Бенкендорф А.Х. Указ. соч. С. 465.

⁶ Там же.

⁷ Керсновский А. Указ. соч. С. 67.

Августовское воеводство за 10 дней выставило 5 тысяч всадников. Варшава набрала дополнительно полк пехоты и полк кавалерии. «...Буйная молодежь Познани и Галиции, оставив дома родителей, университеты и ремесла, коими она занималась, спешила в Варшаву»¹. «Каждый шинок имел чтецов газет и толкователей политики; каждый кофейный дом имел ораторов»². Зато крестьяне уклонялись от участия в войне. «...От рекрутского набора они скрывались в лесах»³.

7 января, сразу же по смещении Хлопицкого, встал вопрос о главнокомандующем. Денис Давыдов дал претендентам интересные и острые характеристики. «Лишенный опытности и дарования» генерал Вейсенгоф⁴ явно не подходил. Известный якобинством полковник Шембек был человеком умным, но не имел опыта командовать большими массами войск. Генерал Круковецкий был известен как человек «дерзкий, хвастливый и надменный, но хитрый и искательный». Пределом его мечтаний был пост диктатора, но для этого не имелось способностей⁵ (А.К. Пузыревский считал, что Круковецкий «человек сварливый и задорный, но не без способностей»⁶, а Великий князь написал о нем: «Человек в высшей степени ветреный во всех отношениях... вспылчив до крайности, охотник до ссор...»⁷). Известный своими якобинскими взглядами генерал Пац обладал красивой наружностью, но «отличался ограниченным умом»⁸.

В конце концов, выбор пал на «протезе» Хлопицкого князя Радзивилла, который был связан родственными узами с прусским наместником Познанского края. 20 января Михаил Геден Радзивилл был выбран командующим польских войск (после отставки Иосифа Хлопицкого). Адъютантом Михаила Гедена Радзивилла был известный участник восстания, инструктор школы подхорунжих Пётр Высоцкий (видимо, присматривал за ним).

Михаил Геден Радзивилл

17 января Сейм создал Народное (или Национальное) правление из 5 человек, объявил династию Романовых низложенной и провозгласил главой «правления» Чарторыйского. «Этим была порвана последняя нить, связывавшая Польшу с Россией, отныне император имел все основания рассматривать поляков как врагов, а не как своих подданных»⁹.

Новая польская власть получила немедленно поддержку «прогрессивной общественности». «Журналы, газеты, витии левых сторон Английского парламента и обеих палат Франции, проповедники модных идей, модные люди, модные дамы, модные фразы и все вообще модное, запыло и стало дыбом на Россию»¹⁰. Как вспоминал генерал К. Толь, «поляки господствовали тогда над всею европейскою прессою»¹¹. Что-то это нам напоминает...

Россия готовит ответ

В русском обществе определенные круги отреагировали предсказуемо. Денис Давыдов назвал 1831 год близким родственником 1812-го. «Низкопоклонная невежественная шляхта, искони подстрекаемая и руководимая женщинами, господствующими над ее мыслями и делами, осмеливается требовать у России того, что сам Наполеон, предводительствовавший всеми силами Европы, совестился явно требовать, силился исторгнуть – и не мог!»¹. В целом же Денис Давыдов считал, что очередная война с поляками «едва ли не была в сущности грознее войны 1812 года. Одну можно назвать бурей, другую – заразой»^{2, 3}.

Генерал Бенкендорф дал характеристику более краткую: «Тут вообще война негодяев против честных людей». Естественно, объявилась масса добровольцев. 1 (13) января писал военному министру Чернышеву и просился в армию поэт-партизан Денис Давыдов.

В исторических исследованиях мы встречаем термин «польско-русская война». Такая статья («Польско-русская война 1830-1831 гг.») в «Военной энциклопедии» под редакцией Новицкого заявлена в статье «Остроленка»⁴. Но в последующем томе такой статьи нет, там сразу идут «Польско-шведские войны».

Российская армия к этому времени сохраняла устройство, данное ей при Императоре Александре Благословенном. Вооруженные силы состояли из Гвардейского корпуса, Гренадерского корпуса, семи армейских корпусов и Литовского корпуса. На окраинах войска были сведены в Кавказский, Финляндский, Оренбургский и Сибирский корпуса. Резервная кавалерия была сведена в пять резервных кавалерийских корпусов.

Структура корпусов была разная. Гвардейский корпус имел две дивизии пехоты по 2 бригады и батальон Гвардейского экипажа, лейб-гвардии кавалерийская дивизия состояла из 5 полков. Другие корпуса имели по три дивизии пехоты

по три бригады и по одной кавалерийской дивизии. V армейский корпус имел одну дивизию пехоты, остальные вошли в состав Литовского корпуса. Литовский (VI) корпус имел две дивизии пехоты, Литовскую гренадерскую бригаду и две кавалерийские дивизии.

Артиллерия состояла из 2 гвардейских бригад по три роты и 25 пеших артиллерийских бригад. Конная артиллерия состояла из 3 рот при гвардейской кавалерии, и по 2 роты приходилось на каждую кавалерийскую дивизию.

Инженерные батальоны были при гвардии, при Гренадерском корпусе, 7 пионерных батальонов состояли в армейских корпусах. 2 конно-пионерных эскадрона были в гвардии и I резервном кавалерийском корпусе. Кроме того при войсках были фушштатские бригады, военно-рабочие батальоны и жандармские части.

Для боя пехота строилась в 2 линии в колоннах «к атаке», 2-я стояла за 1-й на 300 шагов. При атаке вперед двигалась густая цепь застрельщиков. Колонны приближались к противнику без выстрела и бросались в штыки, застрельщики преследовали бегущих. «Нисколько не уступая полякам в маневрировании массами, русские оказались менее подготовленными в одиночных действиях, в застрельщицьем бое и т. п. Щегольством считался частый батальный огонь в развернутом строе»⁵.

Кавалерия для атаки строила 2 эскадрона развернутым фронтом, остальные становились уступом в 50-100 шагах. Вторая линия строилась в 400 шагах за флангами первой линии.

Как считали специалисты, «русская армия уступала в строевом отношении действующим польским войскам, доведенным в этом отношении заботливостью и усилиями цесаревича до замечательного совершенства»⁶. Тем не менее, в 1830 году в армии сохранились кадры, участвовавшие в наполеоновских войнах, ветераны победоносного похода до Парижа.

¹ Давыдов Д. Воспоминания о польской войне... С. 37.

² Записки И.С. Ульянова... С. 72.

³ Давыдов Д. Воспоминания о польской войне... С. 324.

⁴ Давыдов Д. Воспоминания о польской войне... С. 37.

⁵ Давыдов Д. Воспоминания о польской войне... С. 38.

⁶ Пузыревский А.К. Указ. соч. Т.1. с. 99.

⁷ Заметки о генералах всех чинов... С. 271.

⁸ Давыдов Д. Воспоминания о польской войне... С. 38.

⁹ Бенкендорф А.Х. Указ. соч. С. 465.

¹⁰ Давыдов Д. Воспоминания о польской войне... С. 321.

¹¹ Отзывы и мнения военно-начальников о польской войне... Т.2. С. 12.

¹ Давыдов Д.В. Сочинения. С. 34.М.: Государственное издательство художественной литературы, 1962. С. 34.

² Давыдов Д. Воспоминания о польской войне... С. 334.

³ Вылежинский, Ф. И. Император Николай и Польша в 1830 году... С.48.

⁴ Остроленка//Военная энциклопедия. Т. 16. С. 207.

⁵ Орлов Н.А.Указ. соч.

⁶ Пузыревский А.К. Указ. соч. Т.1. С. 34.

Организационно Гренадерский корпус, I – V армейские корпуса и II, III, IV и V резервные кавалерийские корпуса составляли 1-ю армию, VI и VII армейские корпуса – 2-ю армию. Литовский корпус считался резервом польской армии. В 1829 году 2-я армия была расформирована, и номер VI был присвоен Литовскому корпусу.

Россия могла выставить для усмирения Польши силы, достигающие примерно 183 000 человек. Предполагалось двинуть гвардию из Петербурга, Гренадерский корпус из Новгородских военных поселений, I и II корпуса из состава 1-й армии, Литовский корпус, переименованный в VI корпус, III и V резервные кавалерийские корпуса. Однако, чтобы собрать все эти войска, надо было потратить до 4 месяцев.

Гвардейский корпус размещался в Петербурге и его окрестностях. Дивизии Гренадерского корпуса стояли в Новгороде, Старой Руссе, Пскове, а кавалерия – в Твери. I корпус графа Палена 1-го разместил свои дивизии в Митаве, Динабурге и Вильно, кавалерия – в Поневеже и Вилькомире. II корпус графа Палена 2-го располагался в Витебске, Смоленске, Гомеле, Орле. Полки III резервного кавалерийского корпуса были растянуты от Проскурова до Летичева, а V резервного кавалерийского – от Киева до Переяславля. Войска находились в боевой готовности, так как готовились к походу в Бельгию.

В целом же опыт военных действий в последнее время имел лишь II корпус, повоевавший с турками. Остальные были подготовлены стандартно – по 3 патрона на человека для обучения стрельбе¹. Возможно, отсутствие боевого опыта у ряда солдат компенсировалось настроением – «негодование против поляков за их восстание разделяла вся армия от генерала до солдата»².

Гвардейский корпус великого князя Михаила Павловича и II корпус графа Палена 2-го могли подойти лишь к весне.

К декабрю 1830 года на границе Польши, у Бреста и Белостока, стоял один лишь VI корпус барона Розена (бывший Литовский), насчитывающий около 45 000 штыков и сабель. Его дивизии были развернуты в Гродно и Дубно, а полки уланской дивизии – в Слониме, Несвиже, Слуцке,

Джордж Доу. Розен Григорий Владимирович

«и это были первые войска, которые мы могли противопоставить полякам»³.

Боеспособность Литовского корпуса вызывала сомнения. «Солдаты в нем были по преимуществу белорусы, народ забитый и не отличающийся умственным развитием»⁴. Исключение составляла Литовская гренадерская бригада, куда были переведены 24 офицера из гвардии. Бригадой командовал генерал Муравьев, она не уступала другим русским частям в храбрости и благонадежности. Что касается других частей корпуса, то «полки были наполнены офицерами, совершенно не знакомыми с военным делом даже теоретически»⁵.

Как видим, войска Литовского корпуса были недостаточно надежны, но к театру военных действий ускоренными маршами приближались Гренадерский корпус князя Шаховского, I корпус графа Палена 1-го и резервная кавалерия южных военных поселений – III и V кавалерийские корпуса.

К походу были привлечены 13 казачьих полков⁶.

Поскольку лесистая и болотистая территория будущих военных действий была как бы создана для партизанской войны⁷, требовалось большое количество войск, способных бороться с партизанами, а это, как показал опыт предыдущих кампаний, закончившихся разделами Польши, были казаки⁸.

Войско Донское в конце 1830 года

К началу описываемых событий ситуация в казачьих войсках на Юге России была сложной.

В начале XIX в. крупнейшее на тот момент Войско Донское держало свои полки на Кавказе и одновременно участвовало в войнах с Ираном, Турцией, Швецией, Австрией и в нескольких кампаниях против Наполеона. Естественно, казаки при всей своей «самосохранности» и профессионализме несли потери.

Потери эти учитывались довольно приблизительно. 3 (15) декабря 1812 года М.И. Платов, докладывая о бое у Ковно, сделал интересное замечание: «урон с нашей стороны, благодарение Богу, весьма не велик, в прочем, в войске Донском в рассуждении урона в бывших на прошедших днях сражениях ведется домашний счет»¹. То есть, казаки сами вели подсчет своих потерь, и этот счет не всегда совпадал с официальными данными.

Данные о потерях донских казаков только в походах 1812, 1813 и 1814 годов следующие: в 1812-1813 гг. Войско Донское с учетом поголовного ополчения, куда входили отставные казаки и малолетки с 19 лет, выставило до 60 тыс. воинов. Во время войны численность только служилых донских казаков с 1 июля 1812 г. к 1 июля 1815 г., несмотря на пополнение за счет подростков после 17-летнего возраста, уменьшилась с 47 765 до 34 503 человек, и лишь к 1819 г. она достигла довоенного уровня – 47 786 человек².

Мы знаем, что армия Древнего Рима, потеряв более 25% личного состава, одновременно теряла боеспособность. Донцы же после таких потерь, пополнившись только за счет подрастающей молодежи, участвовали в войнах с Ираном (1826-1828) и Турцией (1828-1829).

Служба донских казаков с 1828 года была несколько упорядочена и разделялась на полевую и внутреннюю. Полевую службу казаки несли в строевых частях. Внутренней службой «по

Войску» считалась для донских офицеров служба в войсковых учреждениях, то же самое – для рядовых. Общий срок службы – 30 лет. Формально – 25 лет полевой службы и 5 лет внутренней. С 17-ти лет казак считался малолетком, и до 19-ти лет отбывал сиденочную повинность при станичном управлении (дежурил там и был на посылках), с 19 лет казаков начинали посылать на службу в полки. Полк набирался в определенном месте из казаков определенных станиц и выступал с территории Войска на границу или в какой-либо российский город. Служба длилась обычно три года, на Кавказе – четыре года. Но зачастую, исходя из нужд империи, полки задерживались на службе. Бывало, что полк уже отстоял на границе три-четыре года, но тут начинается война, и полк служит и воюет, пока она не кончится. По истечении оговоренного срока полк возвращался на Дон и распускался. Офицеры обычно сразу же записывались в другие полки и отправлялись служить дальше, а казаки расходились по домам и три-четыре года ждали, когда придет их очередь снова идти в полк. И так три-четыре раза.

После наполеоновских войн у казаков была репутация лучшей легкой конницы мира. Сами французы, натерпевшиеся от них, давали им самые лестные характеристики. Вот, например, Коленкур: «Казаки – несомненно лучшие в мире легкие войска для сторожевого охранения армии, для разведок и партизанских вылазок. Однако, когда мы давали им отпор или открыто двигались против них сомкнутым строем, они ни разу не оказали сопротивления нашей кавалерии. Но попробуйте потревожить их, когда вы отрезаны от своих! Или двиньтесь в атаку рассыпным строем! Вы погибли, потому что они возобновляют нападение с такой же быстротой, как и отступают. Они – лучшие наездники, чем мы, и лошади у них более послушны, чем наши; они могут поэтому ускользать от нас, когда нужно,

¹ Там же. С. 35.

² Пузыревский А.К. Указ. соч.Т.1. С. 36.

³ Пузыревский А.К. Указ. соч.Т.1. С. 33.

⁴ Там же. С. 34.

⁵ Там же. С. 35.

⁶ Там же. С.33.

⁷ Отзывы и мнения военно-начальников о польской войне... С. 105.

⁸ Венков А.В. Казаки и Первый раздел Польши. Ростов-на-Дону Альтаир, 2020. С. 131.

¹ Донское казачество в Отечественной войне 1812 г. и заграничных походах русской армии 1813-1814. Сборник документов. Ростов-на-Дону, 2012. С.296.

² Максимов К.Н., Очиров У.Б. Калмыки в наполеоновских войнах. Элиста: 2012. С. 212.

Неизвестный художник.
«Казак Донского войска». 1832.

и преследовать нас, когда преимущество на их стороне. Они берегут своих лошадей, если иногда и принуждают их к аллюрам и переходам, требующим большого напряжения, то чаще всего избавляют их от ненужной гонки туда и сюда, а мы такой гонкой губим своих лошадей»¹.

И последняя война с турками закончилась с похвалами. 4 апреля 1830 в Войско прибыл отзыв «Главногокомандующего господина генерал-фельдмаршала графа Дибича-Забалканского о пофальной службе Донских казачьих полков в минувшую турецкую кампанию»². Писарь Войсковой канцелярии грамотностью не отличался. «Кампанию» он написал через «о» и, будучи низовцем, «похвальную» написал как «пофальную».

Казачи научились мастерски взаимодействовать с другими родами войск. В этой книге мы не раз увидим, как казаки притворным отступлением «наводят» противника на русскую пехоту или на русскую артиллерию, и разгоряченный преследованием противник вдруг получает залп картечью в упор.

Подразумевалось, что другие рода войск тоже подготовлены к такому взаимодействию, но это было не всегда так. Вот в дневниках гусарского офицера Вульфа пример того, как казаки наводили поляков на русскую регулярную кавалерию, но та не поняла и не сработала: «Не дождавшись посланных вперед разузнать унтер-офицеров, бросились эскадроны в местечко, чтобы скорей самим подоспеть на поле битвы, которое должно было находиться за селением, ибо там был лагерь конно-егерский. Мы уже проскакали большую часть деревни, как вдруг бросились к нам навстречу сотня казаков, бегущих от поляков; в улице, и без того не широкой, сделалась ужасная теснота от натиска с двух сторон, так что невозможно было подвинуться ни туда, ни сюда; одно средство было – выскакать назад из деревни, чтобы за нею опять построиться, – к нему-то толпа сама собой и прибегла»³.

После стычки командир регулярных приказал «отступить, чтобы накормить и дать отдохнуть лошадям, а казаков оставил перед селением, чтобы наблюдать за неприятелем, занявшим оно»⁴. И дальше как обычно – регулярные отступили верст на 10 и там получили известие, «что неприятель пошел обратно к Замосцю и что за ними следуют казаки»⁵.

Общепризнано, что боевые качества донских казаков, служащих на Кавказе, ухудшились. В исторической науке это мнение впервые зафиксировал В.А. Потто в своей «Кавказской войне»: «Едва полк приходил в чужую, незнакомую сторону, как казаки разбрасывались по отдельным постам, где попадали под начальство чужих офицеров, мало интересовавшихся их нуждами. Донским офицерам не поручалось ничего по той понятной причине, что они в новом для них крае ничего не знали – ни местности, ни свойств неприятеля. Предоставленные самим себе, без забот о них ближайшего начальства, казаки сразу попадали в такую обстановку, при которой каждый неверный шаг оплачивался с их стороны тяжкими потерями и кровью... Десятками ложились они в одиночных боях с врагом, к которому не успели еще приглядеться, сотнями погибали от климатических условий, ломавших самые крепкие железные натуры, – и, таким образом,

на глазах у всех исчезла и падала боевая казачья сила»¹.

Причиной В.А. Потто видит общее ухудшение экономического положения Войска Донского. Во время непрерывных войн росла боеспособность донцов, но «падали экономические силы донской земли, годами лежавшей без обработки за недостатком рук, оторванных от нее вечной войной и службой. И вот, когда к России присоединилась Грузия и наряд донских полков значительно еще увеличился, – признано было необходимым сменять донские полки на Кавказе через каждые два года. Сделано было это, конечно, в видах облегчения домашнего быта донцов, – но результаты вышли совсем не те, которые ожидалось»².

А.Т. Урушадзе в своей интересной статье о казаках на Кавказе часть причин видит в плохом качестве донских офицеров и ссылается на мнение наказного атамана Войска Донского М. Г. Хомутова: «Наказной атаман указал на социальное расслоение внутри донского казачьего сообщества как на исходную причину офицерских пороков. Богатые и образованные казаки устраивались на службу в гвардию, прежде всего в казачий Атаманский его императорского высочества наследника полк, или в артиллерию и штабы. Бедным и необразованным казакам оставалась одна дорога – полевые полки, которые регулярно снаряжались для несения службы на Кавказе. На службе эти офицеры испытывали постоянные лишения и материальную нужду»³. Все это верно. А.Т. Урушадзе в своей статье отметил еще один факт, но, к сожалению, не развил. Он привел мнение русского офицера Г.И. Филипсона: «в мое время донские казаки были только неопытны, офицеры же сверх того были необразованны, склонны к пьянству и к незаконной наживе на счет своих же подчиненных»⁴.

Беда в том, что увеличение военной нагрузки на Войско совпало с имущественным и социальным расслоением. Более того, стали проявляться первые признаки «первоначального накопления капитала» – одни стали без зазрения совести обирать ближнего своего, другие – соответственно – разоряться. Очередное дело возникло в Грузии в полку № 13 войскового старшины

Каргина Корнея Степановича. Полк нес службу с 1831 года. Известный декабрист и историк В. Сухоруков, попавший в это время на Кавказ, стал слать в Петербург жалобы, что в полках воруют. Царь послал своего адъютанта графа Орлова-Денисова разобраться. Орлов-Денисов подтвердил информацию Сухорукова. Три полковых командира – Каргин, Фомин и Пантелеев – и походный атаман генерал Леонов были отданы под суд, когда полки вернулись на Дон, и суд «во избежание nepoтизма» учредили в Чугуеве при штаба 1-го резервного кавалерийского корпуса.

Вызванные свидетели показали, что с них командиры собрали по 22 рубля за покупку киверов, по 25 рублей 60 копеек за новые вальтрапы (суконная попона под седло для лошади), в то время, как лошадь у калмыков можно было купить за 15-20 рублей. Всего было доказано 13150 рублей. С казаков брали каждый год по полтиннику, то покупать волов для дежурства походного атамана, то лошадей для полковой канцелярии. С них еще собрали по два рубля походному атаману, чтобы сменил с разгонного поста (тот их через полгода опять вернул на этот пост). По 60-80 рублей брали, чтобы уехать с ремонтной командой на Дон, фактически в отпуск»⁵. И это при всем том, что приварочных денег казаку в день полагалось 2 7/9 копейки. Подсудимые многое признавали и с истцами рассчитывались. Но многие случаи, естественно, остались не раскрытыми, и лихоимство процветало на Кавказе среди донских полков еще долго. Донцы возмущались, когда кто-то из собратьев пытался обобрать их, но сами злоупотребляли «за милую душу». Тот же походный атаман на Кавказе Леонов уезжал по делам в Тифлис и опечатал полковые деньги, 23 тысячи рублей, а полк передал под временное командование войсковому старшине Быхалову. Когда вернулся, то не обнаружил ни денег, ни Быхалова, отъехавшего на Дон. Леонов требовал у донских властей вернуть Быхалова в полк⁶, но потом сам чудом избежал разжалования за собственные «фокусы», о которых речь шла выше. Спасли его амнистия в честь бракосочетания наследника престола и то, что сам Леонов был племянником наказного атамана Кутейникова, которого

¹ Коленкур Арман де. Наполеон глазами генерала и дипломата. М. АСТ, 2016. С. 254.

² ГАРО. Ф. 341. Оп.1. Д. 1585. Л. 3 об.

³ Вульф А. Указ. соч.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

¹ Потто В.А. Кавказская война: в 5 т.; Т.3. Персидская война (1826-1828). Ставрополь: Кавказский край, 1993. С. 311. 608 с.

² Там же. С.310-311.

³ Урушадзе А. Т. Донские казаки на Кавказской войне: особенности военной службы и оценки современников / А. Т. Урушадзе // Quaestio Rossica. — 2020. — Т. 8, № 4. — С. 1342.

⁴ Там же.

⁵ Венков А.В. Атаман Войска Донского Платов. М.: Вече, 2014. С. 451.

⁶ ГАРО. Ф, 344. Оп.1. Д. 319. Л. 3-3 об.

побывавшие в Европе донцы стали писать в документах Дмитрием «Эфимовичем»¹.

Что касается полков, направляемых в Европу, то туда традиционно отправляли лучших. Еще М.И. Платов, готовясь к кампании 1812 года, придирчиво рассматривал пополнения, подходившие к границе. «Скандальных, неумных прямо с дороги на Кавказ заворачивали»². Но и на западных рубежах была та же самая история. В 1830 году суд разбирает дело командира полка Васильева, который в 1822 – 1826 гг. командовал полком, стоявшим на границе с Австрией в районе Дубно. Система злоупотреблений строилась примерно по той же схеме, что и на Кавказе. Несвоевременно выдавалось жалование, удерживался и несвоевременно выдавался фураж, либо выдавался деньгами ниже установленных цен, несвоевременно выдавался провиант. Имела место «постройка полку непосредственно Васильевым парадных шапок», то есть, командир полка закупал шапки и продавал их казакам по 15 рублей 25 копеек³ (половина стоимости лошади в те времена). Через писаря Сенюткина вымогались взятки за зачисление казаков в ремонтную команду (ехать на Дон за лошадьми)⁴. Естественно, были упущения по службе. Васильев не взыскал с сотенного командира «за допущение казаков к пьянству»⁵. Командир полка брал деньги «взаимы» у офицеров. Сотнику Пшеничному был должен 600 рублей⁶. Требовал себе часть сбора с проходящих через пограничную рогатку фур⁷.

Вообще подполковник Васильев был человек экономически грамотный. До того, как получить в командование полк, он был смотрителем хлебных магазинов в Миусском сыскном начальстве. Получив полк, он делал бизнес на разнице курсов, выдавал жалование казакам не ассигнациями, а серебром, а писарь Сенюткин вместе с есаулом Леоновым «наклоняли» казаков подписать квитанции о том, что они получили жалование и ремонтные деньги не серебром, а ассигнациями⁸.

Казачи, глядя на поведение начальства, сами промышляли контрабандой. Некоторых

в Новочеркасске судили вместе с командиром, но по недостатку улик освободили, вынеся частное определение – не посылать их больше на службу в места, где есть таможи⁹.

Следствие затягивалось, и в 1830 году подсудимые до вынесения приговора были отпущены «в дома их».

Это еще что... В Войске Донском, славном крепкими родственными связями, судебные дела тянулись лет по 30 и более. В том же 1830 году 18 января пришла из Сената в Войсковую канцелярию бумага «о самоскорейшем» завершении дела командира полка Денисова 7-го, который никак не мог рассчитаться с казаками своего полка за 1793-1794 годы¹⁰.

Власти боялись имущественного расслоения казаков. Если одни разбогатеют, а другие обнищают, как же они за свой счет на службу собираться будут? Старались «войсковые правители», чтоб казаки не покупали лошадей на службу, а сами выращивали. С этой целью с 1824 года стали раздавать по станицам купленных на войсковые средства жеребцов. На каждые 12 казаков выделяли 1 жеребца, а казаки должны были в складчину создать косяк, подогнав каждый по 2 или хотя бы 1 кобылу. Первыми наделяли неимущих казаков, затем казаков среднего достатка. Зажиточным предлагали приобретать жеребцов за свой счет. Вдов, имеющих несовершеннолетних детей мужского пола, заносили в списки с первыми 12 казаками¹¹.

Параллельно с имущественным расслоением на донцов обрушились ужесточения, присущие николаевским временам. Приведем в пример одно из решений Войсковой канцелярии за ноябрь 1830 года. Рассматривалось дело о рождении казачьей женой Бессергеновской станицы Анной Янченковой (по мужу Фроловой) незаконного младенца¹². Атаман станицы сотник Медведев донес рапортом, что к его жене пришла соседка и сообщила о незаконной беременности Анны Фроловой (Янченковой), муж которой был на службе, а сама Анна на это время вернулась

¹ ГАРО. Ф. 46. Оп.1. Д. 415. Л. 1.

² Венков А.В. Атаман Войска Донского Платов. С. 323.

³ ГАРО. Ф. 344. Оп.1. Д. 320. Л. 52.

⁴ ГАРО. Ф. 344. Оп.1. Д. 320. Л. 8 об.

⁵ Там же. Л. 9.

⁶ Там же. Л. 9 об.

⁷ Там же.

⁸ Там же. Л. 11 об.

⁹ Там же. Л. 62.

¹⁰ ГАРО. Ф. 341. Оп.1. Д. 1586. Л. 22 об.

¹¹ ГАРО. Ф. 341. Оп.1. Д. 1806. Л. 6 – 6 об., 8.

¹² ГАРО. Ф. 341. Оп.1. Д. 1551. Л. 268.

в родительский дом. Атаман сразу же направил к беременной повивальную бабку, чтоб та удостоверилась. Бабка доложила, что беременная разродилась, но ребенка нигде нет. Роженица же отрицала факт беременности и родов¹. Атаман собрал всех станичных повивальных бабок, таковых оказалось четыре, и сам ходил с ними проверять сей противозаконный случай. Долго собирали показания свидетелей, видел ли кто Анну Фролову беременной. В Новочеркасске ее осматривали профессиональные акушерки, которые подтвердили, что беременность была и закончилась родами. Но достаточного количества свидетелей не набрали, и Анну Фролову освободили за недоказанностью. Заправлявший Войсковой канцелярией генерал Киреев, человек израненный и гуманный, многие дела сглаживал. В ходе разбирательства – была ли беременность – как-то забыли, упустили из виду, куда ж ребенок делся. Так что «персональные дела» на партийных собраниях времен Л.И. Брежнева или сталинского «тоталитаризма» – детский лепет по сравнению с нравами, установленными в Войске Донском.

Казак Михаил Фролов, съездивший на выменянной лошади из своей станицы в Новочеркасск без увольнительного билета, отсидел под арестом с 5 июня 1828 года по 9 апреля 1829-го, поскольку не мог доказать, откуда у него лошадь и что он делал в Новочеркасске².

Военная служба стала наказанием. Казак Потемкинской станицы Григорий Зрянин, 23 лет, за одновременное воровство вещей и денег на общую сумму 59 рублей 50 копеек, в чем он сознался и деньги отдал, получил 27 ударов плетью «с откомандированием без очереди в службу на одну перемену»³.

Казачи Усть-Медведицкого сыскного начальства Барышников 28 лет, Фомичев 30 лет, Благовещенсков 35 лет и Попов 52 лет украли лошадей. Их поймали и сообразно со степенью вины присудили в декабре 1830 года Фомичева к 60 ударам плетью, Барышникова к 45 ударам, Благовещенскова и Попова к 40 ударам. После порки

приказано командировать их на службу на одну перемену троих младших на «воинскую», а престарелого Попова «по внутренности»⁴.

Армия при всем внешнем блеске приравнивалась к тюрьме. Например, 7 октября 1830 года вышел указ «об отдаче евреев за неплатеж недоимок в податях в военную службу»⁵. Но власти быстро одумались, и 10 декабря того же года вышел новый указ «об остановлении взятия евреев в рекруты за денежные недоимки»⁶. Причины принятия этих указов пока не ясны...

Войско до сих пор пополнялось «желающими». Так, 24 апреля 1830 года принималось решение внести в списки «просящихся в казаки Войска Донского выкращенного из чеченцев Александра Харитонов»⁷. Но основной контингент поступающих «со стороны» составляли малороссияне. В начале XIX века такими малороссиянами, поверстанными в донские казаки, заселили четыре задонские станицы – Махинскую, Кагальницкую, Мечетинскую и Егорлыкскую. Впрочем, хлебнув казачьей жизни, малороссияне стали из станиц бегать, и Войсковому наказному атаману 29 мая 1830 года был направлен рапорт начальника задонских станиц есаула Щепкина «с приложением о неоказании назначенных в станицах казакам, поступивших в сие сословие из малороссиян»⁸. В переводе с кознозычного канцелярского это был список отсутствующих в станицах казаков.

Среди военной элиты того времени прежнего преклонения перед казаками не было.

Заметно, что военная теория середины и даже в конце первой трети XIX века стала принижать роль конницы. Карл фон Клаузевиц, умерший как раз в 1831 году, в своем фундаментальном труде «О войне» в разделе «Соотношение родов войск» отметил: «легче всего можно обойтись без кавалерии»⁹. Но казаков Клаузевиц оценивал, лично наблюдал за ними при Бородине, находясь в отряде Уварова. Он их называл «обломками татарских организаций»¹⁰. Исследователи войны 1831 года о казаках практически не писали. И.С. Ульянов писал, что иностранцы «вообще справедливее к казакам и лучше умеют ценить их заслуги»,

¹ Там же. Л. 269 об.

² ГАРО. Ф. 341. Оп.1. Д. 1551. Л. 696.

³ ГАРО. Ф. 341. Оп.1. Д. 1551. Л. 566 об.

⁴ ГАРО. Ф. 341. Оп.1. Д. 1552. Л. 28-28 об.

⁵ ГАРО. Ф. 341. Оп.1. Д. 1584. Л. 43 об.

⁶ ГАРО. Ф. 341. Оп.1. Д. 1584. Л. 86 об.

⁷ ГАРО. Ф. 46. Оп.1. Д. 413. Л. 26 об.

⁸ ГАРО. Ф. 46. Оп.1. Д. 414. Л. 29 об.

⁹ Клаузевиц К. фон О войне. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2021. С. 342.

¹⁰ Там же. С. 349.

соотечественники же «дают им имена самые оскорбительные»¹.

Но Войско Донское жило и служило и после восстания декабристов рассматривалось, как вернейшая опора власти. В 1830 г. Войско посылало подкрепления в полки, несущие службу, и направляло на границы Империи новые полки. На устройство города Новочеркаска были направлены полки № 51 Грекова 21-го и № 52 Каршина. Строительство города шло с 1805 года. Целые полки направлялись на него все равно, что на полевую службу. Раньше их так и называли «рабочие полки». А поскольку они являлись на службу со своими тележками, по форме напоминая древние колесницы, то их называли «фараоновым войском» и дразнили «кучурами» (кучерами) – «Не бань там ноги, там поганый кучур воду пил».

Тянулась хозяйственная переписка, касающаяся строительных кадров – об исключении «из числа войсковых плотников казака Н. Михалевской станицы Ивана Попова»² – и тяглого скота – «о сделании рассмотрения начет поправки находящихся при строительной комиссии города Ново-Черкаска войсковых волов»³. Отдельные распоряжения выходили об орудиях труда. Командиру полка Каршину выделили 6 пудов шинного железа и 1 пуд стали «для починки железных инструментов»⁴.

Что касается других полков, то полк № 55 Попова находился в с. Гошешти, в Бессарабской области, содержал кордоны по р. Прут. Туда же был направлен служивший с 1826 года полк Уткина 1-го № 22, прошедший за время службы крепость Карс, местечко Ланскорун, и, наконец прибывший в более или менее тихую Бессарабию.

Полк № 42 Иловайского 6-го находится в г. Бакеу, в Молдавском княжестве, а полк № 45 Чикилева стоял в скороспелке Одессе, в Новороссии.

10 полков были отправлены в Отдельный Кавказский корпус: № 53 Янова 2-го в крепость Константиногорскую; № 54 Колпакова в ст. Баталпашинскую; на правом фланге Кавказской линии, в ст. Григориополисской, находился полк Радичкина № 1; полк Скасырского № 47 стоял в укреплении Невинномысском и по р. Кубань; полк Астахова 2-го № 48 находится в кр. Владикавказской и на Военно-грузинской дороге; полк Грекова 9-го № 49 из урочища Башкич

(Сомхетия) переводился в г. Ставрополь и размещался на тракте к Георгиевску; и старейший на Кавказе, тянувший там лямку с 1825 года полк Шурупова 2-го № 13 находился в городке Старая Куба, занимал посты по Дагестану.

За хребтом, но тоже в составе Кавказского корпуса, стояли полк № 2 Александра (этот находился в с. Матрасы и на постах по Ширванской и Карабахской провинциям), полк № 50 Попова 6-го (этот стоял в кр. Баязет, но его должны были вывести в город Кутаис и разместить на постах по Имеретии, Мингрелии и Гурии), и полк Студеникина № 26 с 1826 года занимал посты от города Тифлиса к Гумрам.

19 полков уходили на войну с Персией и с Турцией и домой еще не вернулись. Некоторые ожидалось не скоро, так как после войны нашли им новое место службы. Полк Попова 11-го № 40 находится в Валахии, в местечке Браилов. Там же в Валахии, в селении Обилешти, стоял полк Рыковского № 33 и две сотни его патрулировали Бухарест. Полк Чернушкина 2-го № 35 стоял в городе Башушанах, в Молдавии. И дальше всех, в городе Силистрия, в Болгарии, оставался на оккупации полк Золотарева 2-го № 37. Полк Кутейникова № 46 оставили в Таврической губернии, в Новороссии.

Много полков оставили после войн дополнительно в Грузии, причем под этим термином понимали всю закавказскую территорию от моря до моря. Полк Сергеева 1-го № 31, разместился по Военно-Грузинской дороге. Полк Карпова 2-го № 30, уходивший в Грузию еще в 1826 году, теперь, после войны, находится в ур. Башкичеш, близ Тифлиса. Полк Платонова № 28 занял посты от Тифлиса к селению Закаталы. Полк Победнова 1-го № 29 занял посты от города Елисаветполя к крепости Шуша. Полк Шамшева № 27 занял посты от крепости Эривань до Нахичеванского поста. Полк Леонова 1-го № 12, ушедший на службу в 1825 году и отвоевавший две войны, находился в Сомхетии, на Храмском посту и по Елисаветпольской дороге.

Один полк, Басова № 11, находившийся на службе с 1825 года и участвовавший в двух войнах, был послан в Дагестан, в отряд генерал-майора Каханова.

И еще один полк, Фомина 1-го № 19, отправили далеко на север, и он теперь находился в Финляндии, и две его сотни стояли в Петербурге.

¹ Записки И.С. Ульянова... С. 81.

² ГАРО. Ф. 46. Оп.1. Д. 413. Л. 42 об.

³ ГАРО. Ф. 46. Оп.1. Д. 413. Л. 42 об.

⁴ ГАРО. Ф. 46. Оп.1. Д. 413. Л. 51 об.

Что касается полков Андреянова № 43, Долотина № 41, Секретова № 38, Борисова 1-го № 34, Ильина № 32 и Золотарева 4-го № 21, то путь их после окончания войны с Турцией тянулся в сторону польской границы. Правда, полк Долотина № 41 остановили в местечке Бар.

Итого 35 полков...

К 1 января 1831 года Войску надо было послать в Государственный контроль отчет «за последнюю турецкую войну»¹. И тут началась новая война. Начало восстания в Польше потребовало новые полки на службу. Им присвоили номера и в ноябре-декабре отправили в поход.

Раньше всех, с 24 ноября 1830 года, в поход выступил полк Александрина, которого уже в Польше сменил Егоров 1-й. Видимо, полк выступил на смену одному из полков, стоявших на границе между Польшей и Пруссией или Польшей и Австрией. Иначе объяснить выступление полка в поход в это время невозможно. Сам царь получил, как мы помним, сведения о восстании в Варшаве именно 24 ноября. Полк Александрина получил № 44, и его, как прибывшего раньше других, «пристроили» охранять Главную квартиру.

Затем, 29 ноября, ушел в поход полк Карпова 4-го № 10. Но большинство полков смогло выступить только в декабре. С 13 декабря 1830 г. в походе к Брест-Литовску находился полк Катасонова 1-го № 3. Полк Киреева 1-го № 4 выступил 16 декабря 1830. 18 декабря 1830 г. до г. Несвижа выступил в поход полк Грекова 5-го, получивший № 5, и 20 декабря 1830 г. – полк Попова 3-го № 6. Тогда же выступил в поход полк Платова 2-го № 9

Полки формировали по «сыскным начальствам», то есть – по территориальному принципу, хоперцев сводили с хоперцами, «черкасию» с такой же «черкасней».

Полки были пополнены «штрафованными». Так, 25 ноября 1830 года станица Голубинская без очереди командировала на службу в полк атарщика Демкина, «оказавшегося в пьяной отлучке от своего места»². И такой карой пригрозили всем, служащим «по Войску», кто будет небрежно относиться к своим обязанностям.

Естественно, в поход отправилась донская «золотая молодежь». Так, два сына генерала Павла Хрещатицкого, Александр и Константин, не преминули поучаствовать в кампании.

¹ ГАРО. Ф. 341. Оп. 1. Д. 1584. Л. 52 об.

² ГАРО. Ф. 46. Оп.1. Д. 415. Л. 9.

³ Абрамов М.Ю., Алабин И.М., Корягин С.В., Лукьянов А.А. Хрещатицкие и другие. Выпуск 48. М.: Русаки, 2004. С.16.

⁴ Корягин С.В. Мельниковы и другие. Генеалогия и семейная история донского казачества. Выпуск 11. М. Русаки, 2000. С. 20.

Поехали они на войну не сразу. Александр Павлович прибыл в полк Секретова 18 марта 1831 года, 5 августа он получил Знак отличия Военного Ордена (впоследствии его называли «георгиевским крестом»), 17 августа был произведен в офицеры, а 27-го уже числился адъютантом при только что назначенном Варшавском генерал-губернаторе и был представлен к «Анне» 4-й степени³. Его младший брат, Константин Павлович, имевший чин урядника с 2-летнего возраста, в полк Киреева № 4 прибыл 10 мая 1831 года, офицерский чин и «Анну» 4-й степени получил 27 июля.

Оригинален и изменчив путь лейб-гвардии казачьего полка, который мы можем определить по послужному списку служившего в нем Виденина Кирилла Харитоновича. После русско-турецкой войны «1829 г. с 1 августа по 1 ноября у содержания кордонной линии по границе Подольской с Херсонской губерниями, для охранения Края сего от чумной заразы; с 1-го по 19-е ноября же в походе на Дон и не дойдя до него – обратно по ВЫСОЧАЙШЕМУ повелению к реке Днестру для содержания по оной кордонов от появившейся в Бессарабии чумной заразы, где и находился по 11 июля, а с оногo в походе вторично на Дон, и не дойдя до оногo от города Бахмута к С.Петербургу»⁴,

1 ноября 1829 года лейб-гвардии казачий полк, стоявший в г. Балте, частично выступил в Санкт-Петербург, а часть казаков была отпущена на льготу и отправилась на Дон. Но в дороге казаки получили приказ вернуться и выставить кордоны против проникновения в Россию чумы. Лейб-гвардии казачий полк разместил свой штаб в г. Тирасполь, а исполнявший тот же приказ Атаманский полк – в г. Могилев.

11 июля 1830 г. казаков сменила армейская пехота. 31 июля 1-й, 4-й и 6-й эскадроны и 7-й Черноморский эскадрон под командованием полковника Орлова отправились в Петербург, а 2-й и 5-й на Дон. Команда Орлова прибыла в Петербург 8 ноября, и 11 ноября ей был устроен смотр. Тогда же было объявлено, что командиром полка назначен Степан Степанович Николаев.

7-й Черноморский эскадрон сменялся повзводно. 4 мая 1830 года через Область Войска Донского проследовал из Екатеринодара в Санкт-Петербург взвод лейб-гвардии казачьего

полка 7-го Черноморского эскадрона под командованием гвардии поручика Отринского¹.

Атаманский полк с 2 ноября 1830 г. по 4 (16) февраля 1831 г. был в походе до города Белостока.

Черноморцы и линейцы в войнах с Наполеоном такого количества казаков никогда не представляли и свои кадры служилых казаков сохранили.

Но кадры Черноморского войска оставляли желать лучшего. Держится устойчивая легенда, что казаки-черноморцы – потомки запорожцев. Действительно, в конце XVIII века началось переселение на Тамань и на Кубань «верных казаков черноморских». Но роль этих переселенцев и их непосредственная связь с запорожцами сильно завышена. В 1775 году, когда Низовое Войско Запорожское упразднили, из 38 куреней (станций) Запорожского войска к туркам ушли 35. Остались 3 (Кисляковский, Иркилевский и Брюховецкий).

Ушедшие 35 куреней впоследствии в течение почти 100 лет возвращались в Россию мелкими группами и вернулись далеко не все.

Напомним, что, когда началась война с турками в 1787 году и возникла необходимость в казаках, Потемкин создал из остатков запорожцев «Кош верных казаков черноморских», куда вошло 1764 казака, воюющих на лодках (казачья флотилия), и 570 конных. К 1790 году смогли собрать 2710 конных².

Исходя из этого, в 1787 году по приказу Потемкина М.И. Платов на территории бывшего Запорожского войска стал формировать Екатеринославское или Новодонское войско (о чем ниже).

Когда после войны с турками «черноморцев» стали переселять на Тамань и правый берег Кубани, их насчитывалось 7239 человек³, они создали 38 станиц по наименованиям 38 старых запорожских куреней (хотя реально сохранились 3 куреня). Но в реальности на постах созданной Черноморской линии от Тамани до Усть-Лабинской крепости в 1793 году границу охраняли 796, а в 1798 – 845 конных казаков⁴.

Большую часть (порой 90%) кордонных конных казаков составляли наемные казаки, служившие за своих хозяев⁵. «Основную массу конницы

Черноморского войска в первые десятилетия его существования составляли наемники, служившие за казаков-хозяев (наёмники – преимущественно престарелые, малолетние или «хворые» люди). Приток в войско различных беглых элементов, переселение в Черноморию огромного количества малороссийских казаков (фактически крестьян) определили наличие в войске большого количества малоподготовленных в военном отношении людей»⁶.

Формально в 1800 году количество боеспособных удвоилось – 15 573, всего же 23 474 мужчины и 9135 женщин.

В 1802 году, когда Черноморское войско стали реформировать по образцу Донского, приказано было сформировать 10 пеших и 10 конных полков, но Ф.А. Щербина, известный историк Кубанского войска, считает, что речь могла идти только о «бумажных» полках.

Чтобы усилить Кубанскую линию между Усть-Лабинской и Кавказской крепостями, сюда переселили оставшихся казаков Екатеринославского казачьего войска. Войско создавалось М.И. Платовым, который в качестве костяка взял с собой 500 донских казаков. Основной массой войска стали однодворцы, передвинутые на юг с Белгородской черты. Началось формирование 4-х полков по 1000 всадников. Донцы были распределены равномерно по полкам в качестве инструкторов.

К Екатеринославскому казачьему войску отнеслась станица Батайская (ныне г. Батайск), поставленная напротив крепости Св. Дмитрия Ростовского, чтобы контролировать выход донских казаков к морю.

В 1796 году Екатеринославское войско расформировали. Часть казаков расформированного Екатеринославского Войска свели в Чугуевский казачий регулярный полк, которым долгое время (до своей опалы) командовал все тот же М.И. Платов.

В 1803 году началось переселение на Кубань остатков бывшего Екатеринославского казачьего войска – 3277 казаков, из них был создан Кавказский казачий полк. Казаками Екатеринославского (Новодонского) войска заселили станицы Медведовскую, Тимошевскую, Брюховецкую, Пластуновскую, Кореновскую, Березанскую,

Новодонецкую, Новомалороссийскую, Ладожскую, Тифлисскую, Казанскую, Кавказскую¹.

Когда уже граница устоялась, в 1808-1810 гг. в Черноморское войско переселили 25 тысяч семей малороссийских казаков из Полтавской и Черниговской губерний. И 19 апреля 1820 года в Черноморское войско было зачислено еще 25 тысяч малороссийских казаков². Только тогда Черноморское войско было доведено до штатного состава.

О качестве личного состава Черноморского войска можно судить из письма А.П. Ермолова от 10 января 1821 года черноморскому атаману: «Генерал-майор Власов прислал мне донесение об осмотре полков, содержащих по Кубани кордонную стражу. Сколько он ни старался смягчить выражения при описании неисправностей сих полков, не могу я однако же не видеть, до какой степени достигли оные.

Начну с того, что в них некомплект, но вы, господин атаман, должны вспомнить, что есть мой приказ о собрании к полкам отлучных людей и чтобы оные не были развлекаемы.

Оружия на людях многого не состоит, а находящееся налицо — в непозволительном состоянии. Не у храброго воина оружие в небрежении, а у казаков черноморских съедает его ржавчина.

Лошадей много неспособных; большого числа вовсе недостает; в пяти полках казаков с лошадьми надежными только тысяча пятьсот девяносто восемь. Разочтите, господин атаман, сколько остается негодных. — /

В разборе людей не приемлется в рассуждение род службы. Казак, ловкий на коне, служит пеший; неумеющий управлять взлез на коня — и сам не рад, и конь непослушен под седоком боязливым.

Судя по стрельбе казаков в цель можно заключить, что многие из казаков пороха с маком не распознают.

Обращение офицеров с казаками не внушает в сих последних к себе должного почтения. Не слабостью и потворством приобретаетась любовь подчиненных. Большая часть офицеров Черноморского войска сего не понимает.

Казаки, послаблением допущенные до состояния, уничижающего звание воинов, заставляют краснеть начальников, над ними поставленных, и мне, новому сотруднику вашему, едва остается право признать вас более не за начальника войска, а за пристава над мужиками.

Столько же неприятно мне видеть в вас начальника, не вселяющего почтения, которым должны бы быть почтены и лета ваши, и заслуги, так равно и иметь под начальством моим сброд людей, похищающих именованное военных. Есть время все поправить, и мне приятно будет щадить старого служивого»³.

Отличалось Войско Черноморское своеобразным вольнодумством и даже вольтерянством. 17 ноября 1830 года выходил указ «о высылке в каторжную работу казака Костенко за поношение Высочайшей особы бранными словами»⁴. А еще до этого шла переписка «о изловленном в Желтоножкином кабачке безписьменного вида казака Григория Руденкова Черноморского войска»⁵.

С продуктами в благословенном черноморском крае было не очень, и 29 января 1830 года в Донской наказной атаман рассматривал «рапорт комиссионеров Черноморского войска о снабжении их сведениями по предмету покупки на Войско Черноморское провианта»⁶.

При неустроенном хозяйстве Войска Черноморского приходилось отбиваться от разного рода хищников, которые не только из-за Кубани приходили. В январе 1830 года переслали из столицы на Дон рапорт Черноморского атамана «о появлении в земле Войска Донского, смежной с землею Войска Черноморского шайки разбойников, производящих грабежи и воровство лошадям и прочему скоту»⁷.

За неимением людей пограничные войска пополняли, как могли. 25 ноября 1830 года вышел указ «об определении в казаки незаконнорожденных сыновей солдаток, которых мужья поступили на службу из казенных селений или семейств, зачисленных в состав линейных полков Черноморского и Астраханского казачьих войска»⁸.

¹ ГАРО. Ф.46. Оп.1. Д. 413. Л. 45 об.

² Матвеев О.В., Фролов Б.Е. Боевая слава кубанского казачества. Краснодар. 2012. С.77, 85.

³ Матвеев О.В., Фролов Б.Е. Боевая слава кубанского казачества. Краснодар. 2012. С.92.

⁴ Матвеев О.В., Фролов Б.Е. Боевая слава кубанского казачества. Краснодар. 2012. С.85.

⁵ Матвеев О.В., Фролов Б.Е. Боевая слава кубанского казачества. Краснодар. 2012. С.85.

⁶ Матвеев О.В., Фролов Б.Е. Боевая слава кубанского казачества. Краснодар. 2012. С. 113..

¹ Матвеев О.В. К историографии 1-го Кавказского наместника Екатеринославского генерал-фельдмаршала князя Потемкина-Таврического полка Кубанского казачьего войска//Кубанский сборник. 2006. № 1(22). С.64.

² Галушко Ю. Казачьи войска России. Краткий историко-хронологический справочник казачьих войска до 1914 года. М. Русский мир. 1993. С. 78.

³ Потто В.А. Кавказская война: В 5 т.; Т.2: Ермоловское время. Ставрополь: Кавказский край, 1994. С. 508

⁴ ГАРО. Ф. 341. Оп.1. Д. 1584. Л. 65 об.

⁵ ГАРО. Ф. 46. Оп.1. Д. 413. Л. 43 об.

⁶ ГАРО. Ф. 341. Оп.1. Д. 1586. Л. 10 об.

⁷ ГАРО. Ф. 341. Оп.1. Д. 1586. Л. 12 об.

⁸ ГАРО. Ф. 341. Оп.1. Д. 1584. Л. 76 об

Войцех Коссак. Казак.

Как видим, черноморцам понадобилось очень много времени для аклиматизации. Их соседи, казаки-линейцы имели гораздо больше опыта. Неизбежное сравнение черноморцев и линейцев на поле боя всегда было в пользу линейцев. «А.П. Ермолов, оставивший просто уничтожительную характеристику Черноморского войска, писал, что линейцы «всегда отличались от прочих казаков особенной ловкостью, исправностью оружия и добротою коней»¹.

Линейцы формировались долго и из разных частей. В 1763–1769 гг. путем продвижения гребенских казаков вверх по Тереку была создана Моздокская укрепленная линия. Началось с укрепления урочища Моздок, где в 1763 г. построили форпост. Затем были устроены казачьи станицы Калиновская, Мекенская, Наурская, Ищерская и Галюгаевская², которые заселили 517 семейством волжских казаков³.

В июне 1765 г. отмечен первый набег кабардинцев на Моздок и окрестности. Такие набеги продолжались до 1779 г. Как писал В.А. Потто: «Впрочем, в Петербурге едва ли даже знали, что происходило на этой отдаленной линии, оберегаемой тогда гребенскими, кизлярскими

и терско-семейными казаками, а между тем нужны были безумная отвага и нечеловеческие силы, чтобы трем слабым казачьим войскам бороться против соединенных усилий тавлинцев, чеченцев, кумыков и кабардинцев»⁴.

С 1787 года имели место походы русских войск и казаков за Кубань. Но с 1791 года отвоеванную территорию надо было закреплять.

Генерал Р.А. Фадеев считал: «На Кавказе было бы невозможно управиться с горцами без заселения казаками передовых линий»⁵. Действительно, русские власти поняли, что богатейшую черноземную территорию одними крепостями и солдатами не удержишь. Ее стали заселять казаками, которые построили станицы, завезли женщин, детей, домашний скот. Добыча сама подошла к кубанским берегам из степи. И с начала нового XIX в. черкесские юноши ударились в новые набеги. Но ходили они в набеги больше для лихости, для славы. Переселившиеся черноморские казаки оказались недостаточно богаты и недостаточно многочисленны, чтоб за их счет можно было серьезно нажить, а регулярные русские войска и пришедшие с Дона казачьи полки интереса у черкесов и вовсе не вызывали — взять с них было практически нечего, кроме лошадей. Поэтому опасность предприятий всегда превышала возможную добычу.

На Северном Кавказе, на территории, заселенной казаками и русскими переселенцами, на долгие годы установилась обстановка тревоги, постоянной опасности, необходимости быть постоянно начеку, быть готовым к обороне. Эту обстановку прекрасно описал Ф.Ф. Торнау. Он писал, что горцы, прорывавшиеся в наши пределы, редко позволяли себе «шалить», то есть убивать и грабить, в утреннее время. В это время работающие толпами выходил в поле, а казачьи разъезды по берегам пограничных рек и по всем дорогам отыскивали следы разбойников, успевших ночью прокрасться в степь. Если бы их выявили с утра, то долгий день способствовал бы казакам преследовать их. Самым опасным временем дня считались последние часы перед закатом солнца. Шайки горцев, весь день прятаясь в глубоких балках или в густых лесах, появлялись в неожиданных местах, угоняли стада и табуны, убивали тех, кто оборонялся, захватывали в плен беззащитных и успевали ускользнуть от погони под

¹ Матвеев О.В., Фролов Б.Е. Боевая слава кубанского казачества. Краснодар. 2012. С. 112

² Беликов Г. Главноначальствующие Кавказа. М., 2017. С. 22.

³ Беликов Г. Главноначальствующие Кавказа. М., 2017. С. 30.

⁴ Потто В.А. Указ. соч. С. 54

⁵ Кубанский сборник. 2006. № 1(22). С.37.

покровом ночи. Если их собиралось нескольких сотен человек, то они нападали на крестьянские селения или даже рисковали врываться в казачьи станицы. Но казаки уже наработали необходимые навыки, и попытки горцев ворваться в станицы им почти никогда не удавались. Внешне казаки стали практически неотличимы от горцев. «Вечерняя встреча в поле с конными людьми в мохнатых шапках, когда, к тому же, лица были укутаны башлыками, и у передового ружья вынуто из чехла, редко предвещало добро, — писал Ф.Ф. Торнау. — Сердце сжималось болезненно, когда в степи неожиданно появлялась шайка подобных ездоков; рука судорожно ложилась на курок ружья или пистолета, и тоску отводило только в счастливом случае, если удавалось разглядеть у них более сапогов чем чевяк: значит казаки, а не чеченцы и не закубанцы»¹. Понятно, что к каждой ночи линейцы готовились, как к сражению: «из станичных ворот выезжали заставные и разъездные казаки, резервные съезжались на сборное место; на улицу казак не выходил иначе как с ружьем, вынутым из чехла, и в свою конюшню не заглядывал без пистолета в руке»².

К началу XIX в. на Кавказе компактно проживало несколько групп казачьего населения: Терско-Кизлярское войско, Терско-Семейное войско, Гребенское войско, Моздокский казачий полк, Моздокская горская казачья команда, Волгский, Хоперский и Кубанский казачьи полки.

Войска эти выставляли на службу одним только казаков: Терско-Кизлярское — 108, Терско-Семейное — 400, Гребенское — 466, Моздокский полк — 1000, Моздокская горская казачья команда — 50, Волжский полк — 510, Хоперский — 519, Кубанский — 501³.

Черноморскую территорию постоянно подкрепляли переселением на нее линейцев. В 1824 году на Кубань из под Ставрополя перевели Хоперский полк. Хоперцы основали станицы

Баталпашинскую, Беломечетскую, Невинномысскую, Барсуковскую, Карантинную (на р. Куме).

Кроме того население из линейных казаков на Кубани имели станицы: Архангельская, Воронежская, Дмитриевская, Ильинская, Новорожденская, Тенгинская, Терновская, Тифлисская.

Моздокская горская команда из кабардинцев, донские казаки станицы Луковской, жители нескольких русских и осетинских селений были в 1824 году объединены в Горский полк.

Среди линейцев к рассматриваемому нами времени попадались даже поляки. «В состав Отдельного Кавказского корпуса военнослужащие польского происхождения попадали по разным причинам. Некоторые из них отправлялись сюда в ссылку. Сначала это были примерно 2 тыс. пленных поляков, воевавших до этого против России в армии Наполеона. Большую их часть в 1813 г. распределили по рабочим ротам и крепостным гарнизонам, но 259 человек записали в Хопёрский и Моздокский полки Линейного казачьего войска»⁴.

1 декабря 1830 года «от всех войск и полков Кавказской линии стали направлять представителей для формирования Сборно-Линейного полка, предназначенного для несения службы за пределами Кавказа»⁵. Все линейные казачьи полки послали в него по полусотне. Одно уточнение — полк сформировали «при действующей армии»⁶. Командовать полком назначили полковника П.С. Верзилина, будущего атамана Кавказского Линейного войска. 13 декабря полк в составе 1 штаб-офицера, 16 обер-офицеров, 39 урядников и 548 казаков выступил из Ставрополя на Гродно⁷.

Через 40 лет после ряда реформирований эта воинская часть получила свое окончательное наименование — Кубанский казачий дивизион — и была расквартирована в г. Варшаве⁸.

¹ Торнау Ф.Ф. Указ. соч. С. 154.

² Торнау Ф.Ф. Указ. соч. С. 154.

³ <http://kuban-cossacks.ru/boevaya-slava-kubanskogo-kazachego-vojska/linejnye-kazaki>

⁴ Савельев А.Е. Поляки в Кавказской войне — две грани одного явления// <http://dompolski-journal.ru/articles/article/304/>

⁵ Галушко Ю. Казачьи войска России. Краткий историко-хронологический справочник казачьих войск до 1914 года. М. Русский мир. 1993. С. 113.

⁶ Галушко Ю. Казачьи войска России... С. 98.

⁷ Матвеев О.В., Фролов Б.Е. Указ. соч. С. 133.

⁸ Галушко Ю. Казачьи войска России... С. 98.

Русская армия. Начало похода

Иван Иванович Дибич

С 1 (13) декабря армия стала приводиться в готовность. Гусарский офицер Вульф записал в дневнике: «1 декабря. Новость за новостью. Получен приказ, чтобы гг. офицеры не отлучались от своих взводов без особенного позволения на то командира, который оно только вправе давать в случае крайней надобности... Эскадронным командирам даны какие-то тайные приказания, которые они скрывают с весьма важным видом, объявляя только, что можно ежечасно ожидать повеления выступить через 24 часа в поход...»¹.

Главнокомандующим 1 декабря 1830 г. был назначен фельдмаршал граф Дибич-Забалканский (Указ о том вышел 3 декабря 1830 года)², прибывший к войскам 18 декабря, начальником штаба — генерал Толь, явившийся в армию на два дня раньше Дибича. Оба они имели опыт совместной службы во время недавней русско-турецкой войны и беспредельно доверяли друг другу. Денис Давыдов в своих воспоминаниях

привел интересный случай во время сражения при Кулевче, когда главнокомандующий Дибич заявил: «Так как Толь составил план сражения, то пусть он сам и распоряжается в нем»³.

Иван Иванович (Иоганн Фридрих Карл Антон) Дибич имел огромный боевой опыт. За время наполеоновских войн он от чина прапорщика лейб-гвардии Семеновского полка (1801) дослужился до генерал-лейтенанта (1813). В 1812 году он сражался на петербургском направлении. Во время русско-турецкой войны 1828-1829 гг. он довел русские войска до Адрианополя, за что был произведен в фельдмаршалы, награжден орденом Св. Георгия 1-го класса и получил почетную приставку к фамилии — «Забалканский». Герцог Веллингтон считал: «операции кампании 1829 года дают право Дибичу на звание великого полководца»⁴.

Внешность его была весьма оригинальна. Н.Д. Неелов, увидев его, записал, что Дибич «маленький, на коротеньких ножках, сутуловатый,

нестройный, с огромной головою, с всклокоченными волосами, живой, проворный, вертлявый, глаза бегали у него, как у кошки... заметил в его взоре и важность и глубокомыслие и проницательность»¹. Ф.Ф. Торнау, ближайший родственник супруги Дибича, характеризовал его как «истинно-добродушного и снисходительного человека, строгого к подчиненным не по характеру, а по убеждению в необходимости неумолимой дисциплины для поддержания военного порядка и потому, что он собственные действия подчинял самым строгим внушениям никогда не кривившей совести»². Ф.Ф. Торнау, при всех своих блестящих качествах кампанию 1829 года начал прапорщиком и в том же чине закончил. Представление на него о повышении в чине и переводе в генеральный штаб Дибич не подписал. «Главнокомандующий отказал по трем причинам: потому что я был молод летами, с небольшим год на службе и в родстве с его женой»³.

Невзлюбивший Дибича Денис Давыдов писал: «Дибич был человек умный — это бесспорно... Ум Дибича далеко не был необыкновенным»⁴.

Прибыв к войскам, Дибич нанес визит Великому Князю Константину. 3(15) января в Брестовице «Великий Князь принял генералов Палена, Муравьева, де Витта и, наконец, фельдмаршала Дибича, который был встречен радостными кликами. Он произвел смотр несчастному полку гвардейской пехоты Его Высочества, построеному прямо на снегу во дворе... Великий Князь, одетый в парадный мундир, подошел к фельдмаршалу и отдал ему рапорт. Фельдмаршал шагнул к Августейшему страдальцу, поцеловал его в плечо и на несколько мгновений припал к груди Великого Князя. Эта сцена растрогала всех нас. Затем балканский герой побывал у Великого Князя и тотчас после обеда возвратился в Гродно»⁵.

Формальности были соблюдены, начиналась война. На место Великого Князя пришли люди, имеющие боевой опыт последней войны на Балканах.

Карл Федорович Толь был старше Дибича возрастом, участвовал в Итальянском и Швейцарском походах А.В. Суворова, был произведен в капитаны. Войну 1812 года он начал

Джордж Доу. Карл Федорович Толь

генерал-квартирмейстером 1-й Западной армии, а с прибытием к войскам М.И. Кутузова стал генерал-квартирмейстером всех действующих армий. Он был любимым учеником Кутузова, когда тот возглавлял 1-й кадетский корпус в Санкт-Петербурге, и в 1812 году Кутузов Толь полностью доверял и с ним советовался. В 1825 году Толь принимал участие в подавлении восстания декабристов. К началу Польской кампании К.Ф. Толь был графом, генералом от инфантерии и кавалером ордена Св. Георгия 2-го класса.

Генерал-квартирмейстером был генерал-лейтенант Нейдгарт 2-й, начальником артиллерии — генерал-лейтенант Сухозанет, инженерами командовал полковник Ден 1-й.

На командных должностях, как видим, стояли немцы (Сухозанет происходил из шляхты Новогрудского воеводства). Русским поручили интендантскую службу (сенатор Абакумов, пробившийся из писарей⁶) и госпитальную (полковник Тишин). Указ о «бытии сенатору Абакумову генерал-интендантом действующей армии, собираемой на Западе» вышел 6 декабря⁷. «Абакумов с умом хорошим, но видит единственно провиантский департамент и забывает, государство,

¹ Вульф А.Н. Дневники...

² ГАРО. Ф. 341. Оп.1. Д.1584. Л. 85 об.

³ Давыдов Д. Воспоминания о польской войне... С. 315.

⁴ Пузыревский А.К. Указ. соч. Т.1. С. 37.

¹ Неелов Н.Д. Воспоминания о польской войне 1831 г. СПб.: Типография В.И. Полетики. 1878. С. 33.

² Торнау Ф.Ф. Воспоминания русского офицера. М.: «АИРО-XX», 2002. С.19.

³ Торнау Ф.Ф. Указ. соч. С. 128.

⁴ Давыдов Д. Воспоминания о польской войне... С. 315.

⁵ Голицына Н.И. Указ. соч. С. 103-104.

⁶ Пузыревский А.К. Указ. соч. Т.1. С. 38.

⁷ ГАРО. Ф. 341. Оп.1. Д. 1584. Л. 82 об.

армию и последствия, могущие быть от неосновательного и часто несправедливого уменьшения продовольственного итога», – так характеризовали его современники¹.

Александр Иванович (Александр Лоренц Вильгельм) Нейдгардт участвовал в наполеоновских войнах на адъютантских и штабных должностях, тем не менее на Березине был ранен и награжден орденом Св. Георгия 4-го класса. Будучи начальником штаба Гвардейского корпуса, проявил большую распорядительность при подавлении восстания декабристов. Во время русско-турецкой войны был произведен в генерал-лейтенанты. Иван Онуфриевич Сухозанет начал службу в артиллерии в 1804 году, прошел в ней наполеоновские войны, закончил их генерал-майором. Командуя артиллерией Гвардейского корпуса, расстрелял картечью каре восставших декабристов. Русско-турецкую войну закончил генерал-лейтенантом и кавалером ордена Св. Георгия 3-го класса.

Генерал-лейтенант
Александр Иванович Нейдгардт

Во главе корпусов стояли генерал Пален 1-й (лучший из корпусных командиров), генерал Розен (образованный, но слабый), генерал Шаховской (любимец солдат, герой 1812 года, «но без особых дарований»²), генерал

Крейц («весьма способный кавалерийский генерал»³)

Казачами командовал походный атаман, генерал-майор Максим Григорьевич Власов (1863 – 1848). Возраст Власов был старше командующего армией и его ближайшего окружения, имел огромный боевой опыт и прекрасно знал театр военных действий, так как провел здесь две кампании при Матушке-Императрице, каждая из которых заканчивалась очередным разделом Польши, воевал здесь с Наполеоном в 1806-1807 годах и гнал через Польшу остатки Великой армии в 1813-м. Происходил Власов из семьи небогатого казачьего чиновника, зато из станицы Раздорской – первой столицы донских казаков. Первый офицерский чин он заслужил в 1792 году, в довольно зрелом возрасте, и первый полк в свое командование получил в 1812-м. Во время преследования французов, в боях под Вильно и Ковно казаки Власова захватили 2 орудия и 2 тысячи пленных, за что Власов был награжден орденом Святого Георгия 4-й степени. Не прошло и года, как он был награжден «Георгием» 3-й степени за сражение под Бельцигом, где его казаки взяли еще 1200 пленных. Войну с Наполеоном Власов закончил генерал-майором, а его полк был удостоен Георгиевского знамени.

После наполеоновских войн Власов продолжал службу. В 1819 году его послали походным атаманом в Грузию, где он во главе казаков усмирял восстания в Имеретии и Ширванском ханстве. С 1820 по 1826 гг. Власов командовал Черноморским войском. Командовать черноморцами его назначил А.П. Ермолов. Власову присваивалось звание командующего Черноморским войском, атаман войска ему подчинялся. Черноморцы переживали не лучшие времена. До назначения Власова, 19 апреля 1820 года в Черноморское войско было зачислено 25 тысяч малороссийских казаков⁴. Люди эти попали на пограничье впервые. Противостоящие им за Кубанью горцы воспользовались ситуацией. Исправил положение Власов. «Власову была полная воля карать хищных черкесов в их собственной земле – и имя его скоро загрело в горах Западного Кавказа. Не довольствуясь охраной кордонной линии, он перенес войну с теми же черноморцами за Кубань и смелыми действиями распространил ужас в горах... Грозой и пугалом стал Власов для

¹ Епанчин Н. Очерк похода 1829 года в европейской Турции. Часть 2. СПб.: Типография департамента уделов, 1906. С. 94.

² Пузыревский А.К. Указ. соч. Т.1. С. 39.

³ Там же.

⁴ Галушко Ю. Казачьи войска России. Краткий историко-хронологический справочник казачьих войск до 1914 года. М.: Русский мир, 1993. С. 78.

закубанских народов. Бывали и при нем попытки вторжений, но черкесы уже не возвращались с добычей на свой берег Кубани, и сотни тел их оставались на русском берегу¹. В октябре 1821 года огромная партия черкесов перешла Кубань с целью разорения казачьих станиц. Но Власов и черноморские казаки окружили ее и в ночном бою вырубали. Бой этот вошел в историю Кавказской войны как «Калаусская битва». Власов сам участвовал в рукопашном бою. Один из казаков рассказывал: «А этот командовать командует, а сам, маленький да широкоплечий, знай наряду с казаками работает шашкой, и не одному черкесу снес голову»². Только утонувшими при отступлении черкесы потеряли 20 знатнейших князей и 1200 всадников. Казаки захватили в плен 1 князя и 42 простых черкеса, взяли 2 знамени и 516 лошадей. Сами казаки, если не врут источники, потеряли 1 убитого, 4 утонувших и 14 раненых³. Император Александр Павлович наградил Власова орденом Святого Владимира 2-й степени.

Максим Григорьевич Власов

Черкесы порывались отомстить. Турки, их формальные сюзерены, сидевшие в Анапе, сдерживали горячих парней. Предотвращая готовившийся набег, Власов сам в феврале 1822 года переправился с черноморцами за Кубань и сжег 17 больших аулов, 119 хуторов и много заготовленного хлеба⁴. Но царь «по известному великодушью» не поощрял такие набеги на формально турецкую территорию, и Власов за этот поход остался без награды.

Постепенно черкесы осмелели и снова полезли через Кубань на черноморские селения. В 1823 году, в ответ на очередной набег, Власов вновь отправился за Кубань и стал там карать «мирных» и «немирных» и даже отбил у черкесов одну пушку турецкого производства. В 1824 году стороны вновь обменялись набегам. В 1825 году Власов водил черноморцев за Кубань 5 раз. В 1826 году взаимные набеги продолжались. Но в этом же году на Власова «завели дело» по жалобам «мирных» князей. Власова отдали под суд, но судили при Войске Донском, и, естественно, дело затянулось. Черкесы пока что сидели тихо, и это было против Власова. Он, таким образом, казался виновником постоянных боев на Кубани. Но в 1828 году начинается очередная война с турками, и черкесские «набеги приобретают снова поражающе кровавый характер»⁵. В данной ситуации суд Власова оправдал. Произошло это 22 февраля 1830 года. Император Николай Павлович 21 марта того же года «торжественно выразил Власову свое доверие и милость, поручив ему управлять войском Донским на время отсутствия наказного атамана Кутейникова. Прошло еще несколько месяцев, и Власов был вызван в действующую армию походным атаманом Донских казачьих полков»⁶.

«В феврале 1830г. ему было поручено формирование казачьих полков в Дубосарах для похода по западным границам, а 2 декабря он в качестве походного атамана последовал за этими полками подавлять вспыхнувший в Польше мятеж»⁷. Послужной список М.Г. Власова приводит иные даты: «Исправляющим должность наказного атамана Войска Донского 1830 г. мая 29-е. Пробыл того года августа по 23-е – 2 месяца, 24 дня. Без службы того-ж года ноября по 13-е – 2

¹ Потто В.А. Кавказская война: В 5 т.; Т.2: Ермоловское время. Ставрополь: Кавказский край, 1994. С. 509.

² Там же. С. 513.

³ Там же. С. 513-514.

⁴ Там же. С. 521.

⁵ Там же. С. 553.

⁶ Там же. С. 555.

⁷ <http://ksovd.org/ksovd/563-nakaznoi-ataman-maksim-grigorevich-vlasov.html>

Казачи на кордонной линии

месяца, 20 дней. Командирован по Высочайшему повелению в Дубоссары для приведения в надлежащее устройство донских казачьих полков, возвращавшихся из-за границы Турции, 1830 г. ноября 13-го. Оттоль по случаю происшедшего в Царстве Польском возмущения с донскими казачьими полками командирован туда в виде походного атамана¹.

Нет смысла давать характеристики всем командирам казачьих полков, рассмотрим лишь некоторых, первыми принявших участие в боевых действиях.

Во-первых, командование полками получили представители донской элиты – Платов и Грековы.

Степан Иванович Платов (1790-1835), сын племянника «вихрь-атамана» Матвея Ивановича Платова, службу формально начал с 6 лет, в лучших традициях екатерининского времени. Подростком участвовал он в войнах с турками и с Наполеоном, воевал на Кавказе. В сражении под Тарутино заслужил он орден Святого Георгия 4-й степени и производство в войсковые старшины Атаманского полка. Был трижды ранен – осколком гранаты (в Бородинской битве), пулей в правый бок и пулей в правую ногу (во время

похода в Европу). Чин полковника Степан Платов получил в последнюю войну с турками².

Из многочисленных Грековых в кампании 1831 года участвовали Греков 4-й (Александр Матвеевич) и Греков 5-й (Степан Евдокимович)

Секретев Петр Тимофеевич (1782 – 1832) был сыном урядника, но вот дядя его был женат на племяннице генерала от кавалерии Ф.П. Денисова, первого графа из донских казаков. Службу Секретев начал рядовым казаком в 1802 году, через три года службы получил чин урядника, в 1810 – чины хорунжего и сотника. Он отличился войне с Наполеоном, в 1813 году под Бауценом заслужил орден Святого Георгия 4-й степени, в том же году был произведен в есаулы и войсковые старшины. Во время войны с турками в 1828-1829 гг. командовал полком № 38 и был произведен в полковники³.

Борисов Яков Васильевич, 1779 г.р., сын есаула, службу начал в 1801 году рядовым казаком, участвовал в Прусской кампании, в войне с турками, в кампании 1812 года, в 1813 году под Лейпцигом сам получил чин есаула, был ранен саблей в руку и 4 октября особо отличился – поймал курьера с какой-то важной депешей. За этого курьера он получил чин войскового старшины

и «Владимира» 4-й степени. Чин полковника он получил в 1829 году, командуя полком № 34 в войне против турок¹.

Золотарев Василий Степанович происходил из казачьих детей станицы Семикаракорской, но из-за своей грамотности служить начал в Войсковой канцелярии писарем. Службу штабную и канцелярскую он сочетал со службой полевой, отслужил в Атаманском полку, побывал на Кавказе, в то же время служил «по устройству Новочеркаска». К 1812 году он уже был войсковым старшиной. Под Люцеком в 1813 году был ранен пулей в ногу. После походов в Европу вернулся к службе заседательской и в 1822-1824 году входил в Строительную Комиссию Новочеркаска, будучи полковником. 11 мая 1826 года он получил в командование полк и через два года выступил на войну с турками, где заслужил «Георгия» 4-й степени. Как человек, «вращающийся в сферах», он сразу же со своим полком был поставлен охранять и конвоировать Главную квартиру.

Определенным исключением был Попов Алексей Емельянович, бывший командиром полка своего имени № 6 с 20 декабря 1830 г. по 23 июня 1835. Он происходил из поповских детей, родился ок. 1780 г. Службу он начал 2 мая 1797 г. писарем. По карьерной лестнице он поднимался постепенно: в 1800 г. – полковым писарем; в 1803 г. произведен в квартирмейстеры; с 9 декабря 1808 г. – сотником. Реальной войной для него стала война с Наполеоном, которую он провел в полку Родионова 2-го, где служил с 20 марта 1811 г. по 28 октября 1815 г. Перед войной Попов был произведен в есаулы – 16 марта 1812 г. Войну 1812 года он провел на Петербургском направлении, участвовал в боях под Витебском и Полоцком. За отличие в делах награжден чином войскового старшины с 8 сентября 1812 г. и «Анной» 4-й степени, но при этом ранен саблей в голову, грудь и правую руку, то есть, дал себя изрубить в рукопашной, что коренные донцы себе не позволяли. В победоносной кампании 1813-1814 гг. он насобирав еще орденов русских и прусских, но после войны более 15 лет оставался без команды². Когда же он получил вожденный полк, то и контингент ему подобрали

соответствующий. Хорунжий Полковников Артем Андреевич, например, – квартальный надзиратель Новочеркасской полиции, а сын его, Полковников Андрей Артемович, определялся от Войска до поступления в полк на покупку жеребцов для войскового табуна³. Учитывая все это, начальство, как мы увидим позже, весь начальный этап кампании держало полк Попова № 6 на границе, не вводило его на территорию непосредственно Польши.

В Черноморском войске, за бедностью на командиров, во главе полков ставили есаулов. Так во главе 5-го Конно-Черноморского полка был есаул Иван Власевич Павленко. Происходил он «из казачьих детей», офицерский чин выслужил в 25 лет, чин есаула получил в последней войне с турками, отличившись под Силистрией, выступил против поляков в возрасте 41 года⁴.

Н.Д. Неелов вспоминал, что в поход отправилась весело. Когда отправлялись из Вильно, «при выезде нам встретились похороны. Это, кажется, должно бы было произвести на нас неприятное впечатление, но мы приняли за добрый знак»⁵. Солдаты тоже были рады. Солдаты Гренадерского корпуса, пожив в военных поселениях, рвались на войну и скрывали свои болезни. От Новгорода до Вильно гренадеры за поход потеряли 50 больных и везли с собой на повозках 90 «слабых»⁶. Поход сопровождался балами. С поляками, вернее – с польским дворянством, офицеры встретились уже в Витебской губернии. «Дамы, девушки казались мне грациозными и любезными, мужчины несколько надменными»⁷.

Лейб-казачий полк ввели в Санкт-Петербург 6 декабря, 10 декабря устроили смотр и объявили о походе. Полк выступил «декабря с 20-го 1830-го года от С.Петербурга к городу Вильно»⁸. В Порхове к полку присоединились прибывшие с Дона сменные эскадроны. И дальше полк шел в полном составе – 6 донских эскадронов и 1 черноморский. Так полк прибыл в Вильно, но от Вильно дальше не пошел.

В Вильно полк оставался в боевой готовности 2 месяца. Лошади стояли под седлами, люди бесшумно несли службу. Ждали подхода Гвардейского корпуса.

¹ <http://www.don-kazak.ru>

² Корягин С.В. Платовы и другие. Выпуск 45. М.: Русаки, 2004. С. 18.

³ Корягин С.В., Секретев К.М. Секретевы и Коньковы. Выпуск 1. СПб.: ВИРД, 1998. С. 11.

¹ Корягин С.В. Борисовы и другие. Выпуск 33. М.: Русаки, 2003. С.45.

² Корягин С.В. Корягин. Поповы. Вып. 67. М.:Русаки, 2007. С. 287.

³ Корягин С.В. Упорниковы и другие. Выпуск 25. М.: Русаки, 2002. С.62.

⁴ Матвеев О.В., Фролов Б. Е. Указ. соч. С. 130.

⁵ Неелов Н.Д. Указ. соч. С.31.

⁶ Неелов Н.Д. Указ. соч. С.37.

⁷ Неелов Н.Д. Указ. соч. С.25.

⁸ Корягин С.В. Мельниковы и другие... С. 20.

Полковой знак лейб-гвардии казачьего полка

20 января армия подошла к Неману. Ее пока что составляли I и VI корпуса, Гренадерский корпус, III и V резервные кавалерийские корпуса и гвардейский отряд, ушедший из Варшавы. Всего 106 батальонов, 135 эскадронов, 396 орудий и 11 казачьих полков¹. Всего русские силы у польских пределов составили 114 000 бойцов.

- Гренадерский корпус состоял из 3-х пехотных дивизий;
- I корпус Палена 1-го из 3-х пехотных дивизий и одной гусарской дивизии;
- VI корпус генерала Розена из 2-х пехотных дивизий и одной уланской дивизии;
- III резервный кавалерийский корпус графа Витта из кирасирской дивизии и уланской дивизии;
- V резервный кавалерийский корпус Крейца из драгунской дивизии и конно-егерской дивизии;
- отряд Великого Князя из 2-х пехотных полков и 3-х кавалерийских полков;
- казачьи полки под командованием походного атамана М.Г. Власова.

Вернувшиеся с турецкой войны полки Андреева № 43 и Секретова № 38 срочно направили на усиление VI Литовского корпуса, полк Борисова 1-го № 34 – I корпуса, полк Ильина № 32 включили в отряд полковника Анрепа, а полк

Золотарева 4-го № 21 оставили охранять главную квартиру.

Казачьи полки, уходившие во время самого восстания в Пруссию, возвращались в Россию, и Дибич писал Николаю I 24 декабря (5 января), что наступать будет, «оставив... казаков, возвращающихся из Пруссии, для прикрытия Ковна и низовьев Немана»². Вышедшие из Пруссии казаки, как проверенные на верность, иногда зачислялись в конвой Его Высочества. Так попал в конвой казак полка Катасонова № 25 Степан Маркович Марков.

Русская армия, как мы видим, имела корпусную систему. В корпусе, как правило, было 2 дивизии. Каждый корпус имел по саперному батальону.

Пехотные дивизии состояли из 6 полков – 4-х пехотных, 2-х егерских – и 3-х батарей.

Кавалерийские дивизии – их 4-х полков и 2-х батарей.

Пехотная дивизия из отряда Великого Князя состояла по штату тоже из 6 полков, но налицо к началу похода были лейб-гвардии Литовский и лейб-гвардии Волынский полки и пешая батарея № 5 рота³.

Кавалерийская дивизия из отряда Великого Князя состояла из 3-х полков и 2-х батарей, один полк остался в Варшаве⁴. «Хронологический указатель» называет три полка – лейб-гвардии Подольский кирасирский, Цесаревича уланский и Гродненский гусарский – и конно-легкую № 3 роту⁵.

Русские пехотные полки выступили в поход, имея по 2 батальона, 3-й резервный батальон остался на старых квартирах.

Батареи имели по 12 орудий, но в поход взяли по 8 орудий, 4 оставили в резерве.

Губернии Гродненская, Виленская, Минская, Подольская, Волынская и Белостокская область объявлялись на военном положении и подчинялись главнокомандующему.

«Отряды русских войск, входившие в Польшу, должны были разделяться на небольшие части. К каждой такой части придавали несколько казаков: сотню, две; очень редко полк действовал вместе... Казакам приходилось работать маленькими партиями, почти в одиночку»⁶.

¹ Давыдов Д. Воспоминания о польской войне... С. 320.

² Война с польскими мятежниками 1831 года в переписке Николая I с гр. Дибичем//Русская старина. 1884. № 1. С. 94.

³ Хронологический указатель... С. 109.

⁴ Неелов Н.Д. Указ. соч. С. 44-45.

⁵ Хронологический указатель... С. 109.

⁶ Картины былого Тихого Дона: Краткий очерк истории войска Донского. Т. 2. М.: Граница, 1992. С. 75.

Перед кампанией Нейгардт написал «Правила для наблюдения во время марша на биваках, на тесных квартирах и в самом бою». Согласно этим «Правилам», войска на марше строились так:

- казаки, кавалерия с артиллерией, пехота с артиллерией, строевой обоз¹;
- в арьергарде ставились пехота и казаки²;
- «в лесистых местах за казаками идет не кавалерия, а пехота»³;
- «передовые полевые караулы занимаются казаками с подкреплением от регулярной кавалерии, а на пересеченной местности – от пехоты»⁴;

- и лишь в бою «казаки на флангах позиции для наблюдения»⁵.

Дословно это звучало так: «Казаки располагаются на флангах и наблюдают за малейшими движениями неприятеля»⁶.

Будучи наиболее опасными и неуловимыми, казаки вызывали ненависть у повстанцев, зачастую, попав в плен, они подвергались пыткам. А.Ф. Лишин вспоминал, что в Варшаве во время очередного «переворота» «одного казака, взятого в плен, поставили возле столба, привязали ему веревку за ноги и тянули вверх, а сабельные удары окончили жизнь несчастного»⁷.

¹ Пузыревский А.К. Указ. соч. Т.1. С. 35.

² Там же. С. 36.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Отзывы и мнения военно-начальников о польской войне... С. 276.

⁷ Лишин А. Ф. Воспоминания 1830-1831//Русская старина. 1890, т. 65, № 3, С. 735.

Создание новой польской армии

Для ведения войны, как известно, необходимы три вещи – деньги, деньги и деньги. Раньше поляки об этом особо не задумывались, так как их армия содержалась на русские деньги. Но и теперь они не слишком переживали. Их вдохновляло «достигнутое под русским владичеством материальное благосостояние страны, сделавшее за 15 лет настолько замечательные успехи, что в казначействе, вместо прежнего постоянного дефицита, была теперь свободная наличность в 66 миллионов злотых»¹.

К ноябрю 1830 г. в варшавском Арсенале хранилось пехотных ружей 34311, кавалерийских карабинов 1333, пистолетов 3891 пара, кавалерийских сабель 10276, тесаков пехотных 7094, саперных 86 и пик 995; в Модлине было заскладировано 186507 готовых зарядов, запасено 9450 фунтов селитры и 13240 фунтов пороха. Этих запасов было вполне достаточно, чтобы снабдить развертываемую по военному времени армию, с запасом. С началом боевых действий достаточно быстро наладили и производство всего, от пороха до орудий².

Изначально польские войска, как мы помним, были организованы по образцу русских и могли быть сведены в усиленный корпус – 2 гвардейских полка (пехотный и кавалерийский), 2 пехотные дивизии, 2 кавалерийские дивизии – 28 батальонов, 38 эскадронов, 106 орудий. То есть, 25 тысяч пехоты, 6 тысяч кавалерии. С артиллерией 35 тысяч.

Хлопицкий прежде всего за счет резервистов развернул пехотные полки до 4-х батальонов, а кавалерийские до 6 эскадронов. 3-е и 4-е батальоны в пехотных полках и 5-е и 6-е эскадроны в кавалерийских стали лучшими, так как состояли из старослужащих вновь призванных солдат. Далее Хлопицкий приказал формировать 16 пехотных полков по 3 батальона из ополченцев. Остальное население с 18 по 45 лет должно было

вооружиться косами и составить «стражу безопасности»³. Кавалерию предполагали увеличить добровольцами и по старому принципу – 1 всадник с 50 дымов (дворов) – и так набрать еще 10 тысяч. 8 тысяч составили кракусы.

Хржановский вспоминал, что формировалась новая кавалерия. «Полки ее получили наименование от воеводств, но вообще ее называли кракузами»⁴.

Термин «кракусы» возник в 1813 году. Наполеон еще в России решил противопоставить русским казакам «польских казаков». Естественно, «польских казаков» в 1812 году никто создавать не стал. Но император от своего не отступился. «Особые надежды он возлагал на сбор всеобщего шляхетского конного ополчения – «посполитого рушения» и особый рекрутский набор «с 50 дымов» (т.е. крестьянских домов) по одному всаднику «на здоровой и суровой деревенской лошади». Указанные меры оказались безрезультатными: вместо планируемых 12600 кавалеристов с огромными трудностями набрали менее 6 тыс. «хлопов» – мужиков на прескверных низкорослых меринах, называемых «конья»...»⁵.

Их долго формировали и подгоняли под стандарты. В конце концов на 19 апреля 1813 г. имелось 3 кавалерийских полка численностью около 500 человек, которые именовались «полками передней (передовой) стражи». Военной формы они не имели, носили простые крестьянские сермяги и шапки с меховым околышем и четырехугольной тульей. Подавляющее большинство имело на вооружении пиками без флюгеров. 27 июня 1813 г. эти полки передней стражи были сведены в 1-й сводный полк передней стражи со штатным составом в 4 эскадрона по 220 кавалеристов, всего 880 человек (налицо – 754 чел.). 30 июня этот полк получил название «кракусы» «Его солдаты происходили из познаньского, калишекого, радомского и, в основном, краковского

департаментов, к тому же 2-й и 3-й полки, сформированные из завербованных людей в период дислокации польских войск в Кракове, носили название «кракусов», да и большинство личного состава носило головные уборы – «кракуски» и верхнюю одежду, распространенные среди краковян»¹.

Русский офицер генерального штаба Н.Д. Неелов вспоминал: «Кракусами мы вообще называли дурно вооруженную милицию»². Боееспособность кракусов была невелика. Н.Д. Неелов описал, как после взятия Стоядле он ехал в Минск за диспозицией для 2-й гренадерской дивизии. В сопровождение ему дали 4 казаков, и еще они сопровождали 3 пленных, взятых в Стоядле. Из кустов по кавалькаде кто-то выстрелил, «казаки бросились в кусты и, к счастью, успели напасть на засаду, состоящую из пяти кракусов... Кракусы тотчас же сдались, число пленных увеличилось до восьми»³.

Как и во всякой революционной армии появилось много формирований с нестандартными названиями. Егерский полк из жителей Варшавы и уланский полк из них же носил название «варшавские юноши», появились 2 батальона вольных стрелков из Подляхии и Сандомира («курпы»), калишские, плоцкие стрелки, 2 эскадрона карабинеров из жандармов. Недавно созданные 2 эскадрона подолецев, 2 эскадрона познанцев и 2 эскадрона галичан взяли себе громкое имя «Легион Вислы»⁴. По полбатальона составляли «Университетская гвардия» и «Адские егеря»⁵.

Проблема была с количеством лошадей и с количеством орудий. Революционеры предлагали отлить 100 орудий из церковных колоколов (совсем как Петр Великий), но отлили только 20. Сберегая орудия, артиллеристы в боях снимались с позиции раньше времени.

Ружей тоже не хватало. В полках из ополченцев зачастую две первые шеренги имели ружья, а третья – косы⁶.

Каждая армия отличается особыми национальными чертами, которые всегда стараются учитывать противник. «Поляки отличались

пылкостью атак, равно и стойкостью при обороне. Поляк подвижен, горяч, храбр, предприимчив, но у него нет нравственной стойкости. Порыв свой он считает непреодолимым, но если его постигнет неудача, то наступает малодушие, он падает духом»⁷.

Старший командный состав был хорошо подготовлен. Старые офицеры и высший командный состав имели опыт наполеоновских войн. Младшие были подготовлены в школе гвардейских подпрапорщиков и в Калишском кадетском корпусе. «Из школы подпрапорщиков и из калишского кадетского корпуса сделали усиленный выпуск офицеров, а кроме того назначили на офицерские места шляхтичей, никогда не служивших в войсках, — мера неудачная, ибо служаки были плохие, а как революционеры внесли в армию разлагающее начало»⁸. Характерно, что масса младших офицеров «принадлежала к крайней революционной партии, была чрезвычайно заносчива, самонадеянна и подрывала дисциплину в войсках своим, нередко публичным, осуждением действий и распоряжений начальников»⁹. В целом эти офицеры были храбры, но неопытны. В ходе «волнений» многие «наполеоновские» генералы были убиты или отстранены. «Командиры полков и батарей смотрели на службу как на средство сколотить себе некое состояние, а генеральские места были выгодными синеккурами»¹⁰.

Возглавивший армию генерал Хлопицкий, дворянин Подольской губернии, достиг 60-летнего возраста. При Речи Посполитой он служил в Украинской дивизии, принимал участие в войнах времен 2-го и 3-го разделов Польши под командованием Костюшко, воевал в Испании в рядах наполеоновской армии. В 1812 году в России он был ранен и обойден в производстве в чин дивизионного генерала (генерал-лейтенанта), из-за чего подал в отставку. При Александре Первом его назначили командовать дивизией в польской армии, но придрались «из-за мелочного несоблюдения формы одним из нижних чинов»¹¹. Он опять вышел в отставку.

¹ Орлов Н.А. Указ.соч.

² <http://www.reenactor.ru/index.php?showtopic=2347&st=160>

³ Пузыревский А.К. Указ. соч.Т.1. с. 25.

⁴ Отзывы и мнения военно-начальников о польской войне 1831г. Санкт-Петербург. Типография Веймара, 1867. С. 4.

⁵ Шереметьев О.В. «Польские казаки» – история корпуса кракусов//Воин № 10. С. 28

¹ Там же.

² Неелов Н.Д. Указ. соч. С. 74.

³ Неелов Н.Д. Указ. соч. С. 74.

⁴ Пузыревский А.К. Указ. соч. с. Т.1. 26.

⁵ Отзывы и мнения военно-начальников о польской войне... С.5.

⁶ Пузыревский А.К. Указ. соч. Т.1. С. 28.

⁷ Орлов Н.А. Указ. соч.

⁸ Орлов Н.А. Указ. соч.

⁹ Пузыревский А.К. Указ. соч. Т.1. С. 26.

¹⁰ Пузыревский А.К. Указ. соч. Т.1. С. 29.

¹¹ Там же.

Как человек, имевший опыт наполеоновских войн, особенно в Испании против гверильясов, он не верил в возможности каких-либо ополчений и был заранее убежден в проигрыше войны против России.

Сменивший Хлопицкого Радзивилл, как считали российские военные историки, вообще не был военным человеком.

Князь Михаил Геден Радзивилл (польск. Michał Gedeon Hieronim Radziwiłł 1778, Варшава — 1850, там же) был очень богатым и знатным человеком. Он рано поступил на военную службу, 16-летним юношей сражался под начальством Тадеуша Костюшко против русских и прусских войск. В 1806 году, как только в Польше началось восстание против пруссаков, он поступил на службу в Северный польский легион, в январе 1807 года получил звание полковника и возглавил легион. С 1 апреля 1808 года он стал командиром 5-го пехотного полка Герцогства Варшавского, в 1811 году получил чин бригадного генерала. В кампанию 1812 года он командовал польской бригадой в дивизии Гранжана X корпуса Макдональда, в 1813 году участвовал в знаменитой обороне Данцига, за что получил статус офицера ордена Почётного легиона. В армии Царства Польского он с 1815 года возглавлял дивизию, но более активно участвовал в гражданской жизни, стал сенатором-каштеляном, а с 1825 года — сенатором-воеводой. Но при всем своем командном опыте Радзивилл среди других ветеранов наполеоновских войн не выделялся. Видимо, не отличился на глазах у самого Наполеона.

Николай I написал Дибичу: «Назначение Радзивилла было довершением всех глупостей»¹.

Из польских военачальников военный историк А.К. Пузыревский выделял Прондзинского и Хржановского. Прондзинскому были свойственны «частые гениальные стратегические соображения»². Но он неуважительно относился к противнику. Хржановский, участвовавший в русско-турецкой войне, уважал русского солдата, но в блеске стратегической мысли уступал Прондзинскому.

Хлопицкий этих блестящих штабистов сразу же «упрятал» — Прондзинского в Замостье,

а Хржановского в Модлин начальником штаба гарнизона. Радзивилл, возглавив формально армию, их вернул. Хржановского назначил начальником штаба армии, а Прондзинского — генерал-квартирмейстером.

Тактически старые польские полки, по мнению ряда очевидцев и исследователей, превосходили русские части. Великий Князь Константин занимался с ними не только шагистикой, но еще и фехтованием и плаваньем. Каждая часть должна была дважды переплыть реку с офицерами и в мундирах, а если без мундиров, то Вислу шесть раз без отдыха³.

Русский офицер А.А. Половцев, направленный в польские войска «для обмена опытом» вспоминал: «Учителями были австрийцы и поляки; скакание в воду с разных высот и движения в воде длившиеся до часа, 6-ти краткое переплытие Вислы, наконец, плавание в одежде, оказались неодолимы, особенно для офицеров»⁴. Причем подведение итогов проводилось 10 октября при температуре воды в 10 градусов.

Пехота хорошо дралась на пересеченной местности и сознательно выбирала ее, чтобы противостоять русской кавалерии.

Регулярных, способных к полевой войне войск было все еще не свыше 60 000.

Хлопицкий разделил их на 4 дивизии пехоты и 2 дивизии кавалерии.

Пехотой командовал Радзивилл, получивший звание генералиссимуса.

1-й пехотной дивизией командовал Круковецкий

2-й пехотной дивизией — Жемирский

3-й пехотной дивизией — Скрженецкий

4-й пехотной дивизией — Шембек

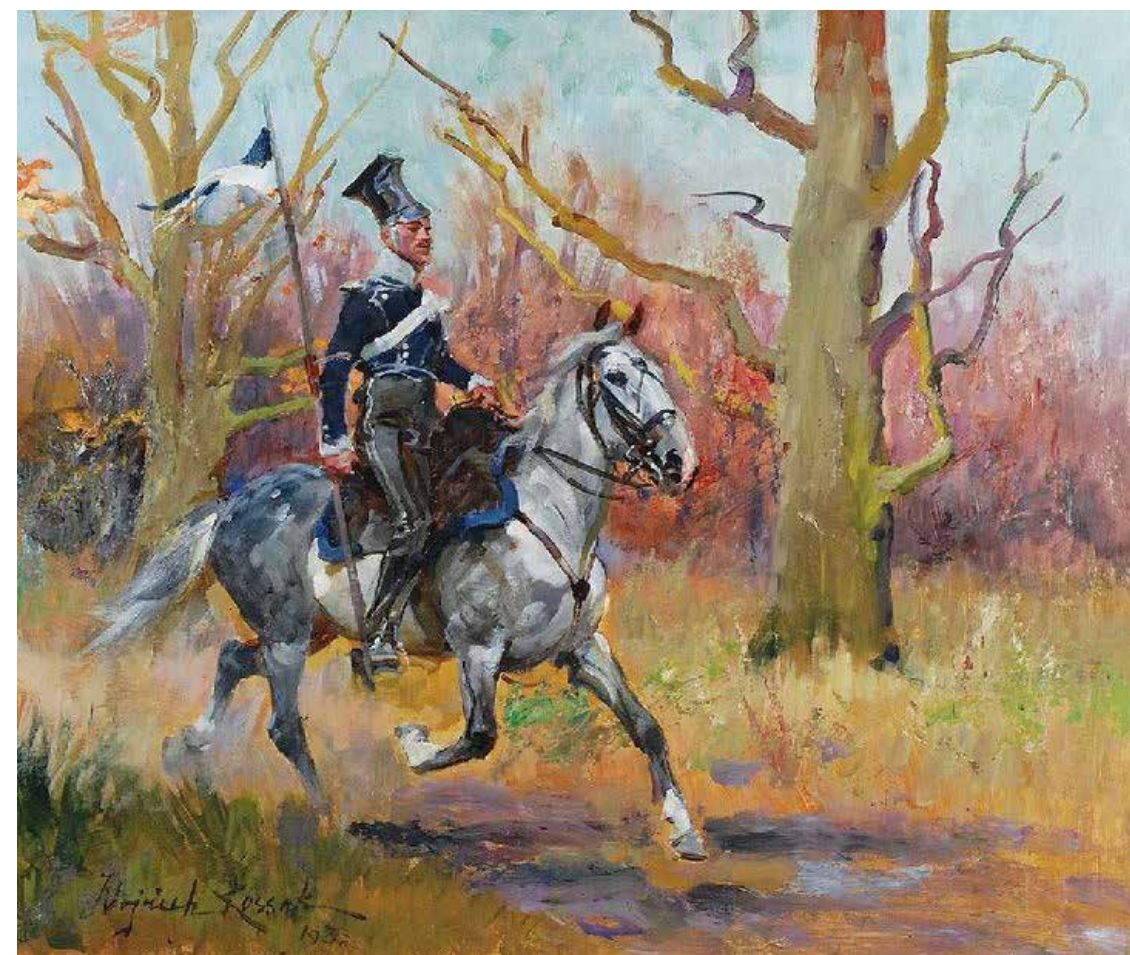
1-й кавалерийской дивизией — Клицкий

2-й кавалерийской дивизией — Томицкий⁵.

А.К. Пузыревский дал более полное расписание польской армии, и кавалерийских дивизий указал четыре:

1-я дивизия Круковецкого:

- бригада Гелгуда — 1-й и 5-й линейные полки
- бригада Малаховского — 2-й и 6-й линейные полки
- 12 орудий

Войцех Коссак. Улан

2-я дивизия Жимирского:

- бригада Роланда — 3-й и 7-й линейные полки
- бригада Чижевского — 2-й и 4-й егерские полки
- 2 легкие батареи — 24 орудия

3-я дивизия Скрженецкого:

- бригада Богуславского — 4-й и 8-й линейные
- бригада Чолчинского — 2 б-на ветеранов и полк Варшавских юношей
- 2 легкие батареи 12 орудий и 8 орудий

4-я дивизия Шембека:

- бригада Белинского — 1-й и 3-й егерские полки
- бригада Мюльберга — гвардейский гренадерский, стрелки Кушеля

Кавалерия:

1-я дивизия Янковского:

- бригада Скаржинского — 1-й конно-егерский и Августовский полки
- бригада Доминского — 3-й конно-егерский, Плоцкий и 1-й полк Мазуров

- Конная батарея 8 орудий

2-я дивизия Сухоржевского:

- бригада Буковского — 1-й уланский и Сандомирский полки
- бригада Хлаповского — 4-й уланский, Люблинский, Калишский и Подляшский полки
- Конная батарея 8 орудий

3-я дивизия Томицкого:

- бригада Скаржинского — 2-й конно-егерский полк и Познанские эскадроны
- бригада Кицкого — 5-й конно-егерский и 2-й полк Мазуров
- Конная батарея 8 орудий

4-я дивизия Лубенского:

- бригада Каменского — 4-й конно-егерский, 5-й уланский полки
- бригада Земенцкого — 2-й и 3-й уланские полки,
- карабинеры и полк кракусов
- Конная батарея 8 орудий
- Резерв — 3 полубатареи и ракетная батарея¹.

¹ Война с польскими мятежниками 1831 года в переписке Николая I с гр. Дибичем // Русская старина. 1884. № 2. С. 389.

² Пузыревский А.К. Указ. соч. Т.1. С. 30.

³ Там же. С. 27.

⁴ Записки Александра Андреевича Половцова // Русская старина, № 10. 1913 // https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Turk/XIX/1820-1840/Polovcov_A_A/text1.htm

⁵ Неелов Н.Д. Указ. соч. С. 49.

¹ Пузыревский А.К. Указ. соч. Т.1. С. 28.

К концу декабря 1830 года из-за увеличения количества добровольцев-кавалеристов создали 5-ю кавалерийскую дивизию под командованием Рутье.

Что касается боевого опыта командиров, то уровень его был разный – от ветеранов восстания Костюшко до участников наполеоновских войн, закончивших их в чине поручика.

Ян Стефан Круковецкий (Jan Stefan Krukowiecki) (1772-1850) – граф герба Помиан (Pomian), родился во Львове, образование получил в Военной Академии Вены, с 1792 года служил в австрийской армии, но с началом восстания 1794 года под предводительством генерала Костюшко оставил австрийскую службу и следующие 12 лет провёл в отставке. В 1806 году вступил во французскую армию, а в следующем году – в армию Великого герцогства Варшавского, участвовал в Прусской и Польской кампаниях (1806-1807) и в Австрийской кампании 1809 года. С 1810 года – полковник, командир 2-го пехотного полка. В составе V-го польского корпуса Великой Армии участвовал в походе на Россию, отличился в сражении 17 августа при Смоленске, где был тяжело ранен, 13 февраля 1813 года произведён в бригадные генералы и назначен командиром кавалерийской бригады. Участвовал в Саксонской и Французской кампаниях, отличился в сражении при Лейпциге, 1 марта 1814 года возглавил польский почётный караул в Версале. Кавалер и офицер Почётного Легиона. После отречения Наполеона Круковецкий вступил в армию Царства Польского. В 1829 году – дивизионный генерал, командир 1-й пехотной дивизии.

Антоний Янковский (Antoni Jankowski) (1783-1831) – шляхтич герба Новина (Nowina), в декабре 1806 года в возрасте 23 лет поступил на военную службу в армию Великого герцогства Варшавского подпоручиком 2-го уланского полка, в 1808 году определён в 1-й полк польских шеволежеров Императорской гвардии (1er Regiment de Chevau-legers polonais de la Garde Imperiale). Принимал участие в Испанской кампании 1808 года, сражался при Медине, при Сомо-Сьерре, в ходе Австрийской кампании 1809 года дрался при Эсслинге и при Ваграме, в чине капитана участвовал в Русском походе 1812 года, сражался при Вильно, Могилёве и Смоленске, Боровске, Малоярославце, Городне, Красном и Березине. В ходе Саксонской и Французской кампаний 1813-1814 года участвовал в сражениях при

Граф Ян Стефан Круковецкий

Петерсвальде, Лейпциге, Ганау, при Сен-Дизье, Бриенне, Ла Ротьере, Шампобере, Монмирае, Вошане, Монтеро, Труа, Берри-о-Бак, Краоне, Лаоне, Реймсе, Фер-Шампенуазе, Арси-сюр-Обе, Витри и при обороне Парижа. В 1815 году в чине полковника присоединился к армии Царства Польского и с 1816 года командовал 1-м полком конных егерей, в 1829 году – флигель-адъютант императора Николая I-го. Перед нами блестящий кавалерист, возможно – прекрасный полковой командир. Весь его боевой опыт – служба в гвардейском дворянском полку.

Тадеуш Мария Михал Юзефат Сухоржевский (Tadeusz Maria Michal Jozefat Suchorzewski) (1778-1852) – шляхтич герба Заремба (Zaremba), родился в Сарбинове (Sarbinow, Powiat koscianski) в семье хорунжего, летом 1799 года отправился в Италию и 24 июля присоединился к Польским Легионам генерала Домбровского как раз во время боев с Суворовым, в том же году переведён в Дунайский Легион генерала Княжевича, отличился в сражении при Гогенлиндене, дослужился до поручика и в 1801 году вышел в отставку и возвратился на родину. В 1806 году вступил в польские войска, в 5-й полк конных егерей, участвовал в войнах с Пруссией, Россией, Австрией. В рядах 6-го уланского полка участвовал в войне 1812 года, ранен при Островно и Тарутино, произведен в полковники. В 1813 году, командуя полком, в сражении при Лейпциге получил шесть сабельных ударов в голову и был захвачен в плен.

Тадеуш Сухоржевский

В 1815 году поступил на службу Царства Польского с назначением командиром 2-го полка конных егерей, в 1818 году – бригадный генерал, командир 1-й бригады Уланской дивизии. Великий князь Константин считал его бригаду лучшей в польской кавалерии, а самого Сухоржевского характеризовал как «олицетворенное усердие и желание быть всегда исправным»¹.

Петр Шембек (Piotr Szembek) с 1804 года учился в Военной Академии в Берлине (Ritter-Akademie, Berlin), с ноября 1806 года в возрасте 17 лет поступил с чином подпоручика в 3-й Легион генерала Домбровского с назначением адъютантом генерала Гилгуда, 3 июля 1807 года он получил чин капитана. В ходе Русской кампании 1812 года командовал батальоном 11-го полка, участвовал в блокаде Риги и принимал участие в обороне Гданьска (Данцига). В польскую армию в 1815 году он поступил майором, и Великий князь Константин вывел его в бригадные генералы.

Отдаленно биографии зарождавшейся донской аристократии напоминает биография Лубенского

Томаш Анджей Адам Лубенский (польск. Tomasz Andrzej Adam Łubieński) (1784 – 1870), прусский граф, барон Французской Империи, сенатор-каштелян Царства

¹ Заметки о генералах всех чинов... С. 273.

Польского в 1829 году, помещик и предприниматель. Его отец при Великом герцогстве Варшавском был министром юстиции, а мать известна как поэтесса и драматург. В возрасте шести лет Томаш Лубенский был записан в качестве товарища в народную кавалерию, где, спустя два года, получил чин хорунжего (в этом, собственно, и все сходство). Воспитывался и учился дома. В 1801 году в течение нескольких месяцев учился в Вене, изучая музыку, танцы, рисунок, фехтование и верховую езду. Затем практиковал в семейных коммерческих предприятиях в Варшаве.

В 1806 году, после вступления французской армии в Варшаву, Лубенский был причислен к польскому почетному караулу при Наполеоне, состоящему из аристократической польской молодежи, и назначен заместителем командира. Участвовал в кампании 1806-1807 гг., награжден крестом Ордена Почетного Легиона. Далее он вступил в созданный легкоконный (польский) полк императорской гвардии (шеволежеры), где командовал эскадром. В рядах полка участвовал в походе в Испанию, сражался при Сомасьерре (1808), его эскадрон был отправлен для поддержки атакующих Козетульского. В 1809 году

Томаш Лубенский

принимал участие в битвах под Эсслингом и Ваграмом, за что получил титул барона Французской империи. В результате конфликта с командиром полка Винцентом Красинским Лубенский оставил службу в гвардии и сформировал 2-й полк уланов Легиона Вислы (позднее переименованный в 8-й полк шеволежеров-лансьеров). Во главе полка Лубенский участвовал в походе на Россию. В его полку служил знаменитый впоследствии писатель Фаддей Булгарин. Уланы его полка обнаружили тот самый брод на Березине, который спас остатки французской армии в 1812 году. В кампании 1813 года он сражался под Дрезденом, Кульмом, Лейпцигом и Ханану. В январе 1814 года, еще до отречения Наполеона, он подал в отставку. На службу в армию Царства Польского Лубенский вступил в звании генерал-майора, но служить с великим князем Константином Павловичем не смог и в 1816 году подал в отставку. В 1830 году он стал директором торгового дома «Братья Лубенские». В качестве сенатора Царства Польского Томаш Лубенский подписал 25 января 1831 года акт о низложении Николая I Романова. На следующий день после низложения Николая I, то есть 26 января, Томаш Лубенский сообщил в поправке к протоколу заседаний сената о том, что лишение царя польского престола состоялось по инициативе депутатской палаты, и сенаторы были вынуждены последовать за ним.

В польскую армию стали вступать иностранцы. Зачастую трудно определить, были ли они профессиональными революционерами или профессиональными наемниками. До командира корпуса во время начавшейся войны дослужился Ромарино.

Джероламо Раморино (итал. Gerolamo Ramorino) (1792 – 1849), уроженец Генуи, во время наполеоновских войн отошедшей к Франции. Служил во французской армии, во время наполеоновских войн дослужился до должности командира эскадрона. Участвовал в Пьемонтском восстании 1821 г. После поражения жил в Париже, занимался торговлей. Присоединился к польскому восстанию 1830–1831 гг. и после его поражения участвовал в революционном движении в Италии. В 1849 г. командовал дивизией в пьемонтской армии, за невыполнение приказа во время военных действий расстрелян.

С 26 июня (8 июля) 1831 года командиром 1-го Краковского конного полка (1 Pulk JazdyKrakowskiej) стал подполковник Бадени (Michal Badeni), мадьяр.

Джероламо Раморино

Каждая дивизия состояла из двух старых полков и двух или более новых. Саперы были распределены поротно в Модлин, Замостье и Прагу, кроме того понемногу в каждую дивизию.

Из 4-тых батальонов 8 были назначены в Модлин (4-го и 8-го линейных и 1-го и 3-го егерских полков) и в Замостье (3-го и 7-го линейных и 2-го и 4-го егерских полков). Остальные были посланы в отряды Дверницкого и Серавского. Так, 4-е батальоны 1-го, 5-го, 2-го и 6-го линейных полков находились на левом берегу Вислы в составе этих отрядов.

Существуют разные расчеты. Солтык писал, что на начало военных действий у поляков было:

- 13 пехотных полков по 4 батальона, всего 52 батальона по 800 человек – **41600**;
- 9 полков кавалерии по 5 эскадронов и 2 эскадрона карабинеров, итого 47 эскадронов по 200 человек – **9400**;
- артиллеристов с резервным парком на 124 орудия, по 20 человек на орудие – **2500**;
- фурштадт – **1000**;
- новосформированной пехоты – **2500**;
- 3 батальона егерей с охотничьими ружьями – **1000**;
- несколько эскадронов кракусов – **500**.

Всего получается 45110 пехоты и 9900 кавалерии. Всего **58520**.

Из этого числа были исключены:

- гарнизоны Праги, Модлина и Замостья – **10000**;
- отряд Дверницкого – **2500**;
- отряд Серавского – **1500**;
- отряд в Сандомирском воеводстве – **500**.

Поскольку войска стояли на месте и не теряли людей на маршах, то батальоны стали считать по 1000 человек, а егерские батальоны по 3000. Всего набиралось **81920** человек¹.

На гарнизоны указанных крепостей и в отряды указанных командиров, Дверницкого и Серавского, прикрывавших верхнее течение Вислы, пошли 4-е батальоны полков

При всей армии в 81920 человек, главные силы составляли 67420 человек.

Помимо этого в тылу формировалась резервная армия «со всею поспешностью, требуемую обстоятельствами»:

- 16 пехотных полков по 3 батальона
- 20 полков кавалерии
- 3 батальона егерей
- Всего 90 тысяч.

Были сформированы кракусы.

Формировалась Варшавская национальная гвардия.

Но это пока были «заготовки». Основу боевых войск, прибавив к ним 2 полка из резерва и 18 орудий, довели до 50 тысяч человек с 144 орудиями. Всего же имели 73760².

Этот довольно путанный, не поддающийся логике расчет Солтыка или Д.В. Давыдова не дает четкого представления о количестве польских войск. Но качество этих настроенных патриотически войск было высоким. Старшие военачальники, как уже говорилось, имели опыт наполеоновских войн, прошли эти войны как союзники Наполеона или даже служили во французской армии.

Повстанцы исправили Модлинскую крепость, создали Прагское предместное укрепление и обнесли укреплениями Варшаву. Романтическая молодежь, мечтавшая о кавалерийских атаках, вынуждена была заниматься инженерным делом. «Словом это была война настолько же классическая, насколько романтическая», – записал Денис Давыдов³. Но были и просчеты. Видимо, не хватило времени и средств укрепить Плоцк, создать укрепление в Бобровниках при впадении

Вепржа в Вислу, в Мнишеве при впадении в Вислу Пилицы, в Сирокке, который считался «истинной застеежкой Буга и Нарева»⁴.

Главным просчетом было то, что на правом берегу Вислы сформированные за счет населения магазины не вывезли на левый берег. А собранные повозки для фурштадта держали вместе, не распределив по дивизиям и бригадам.

Единого операционного плана у поляков не было. Хржановский предлагал сосредоточить силы между Бугом и Наревом, атаковать Литовский корпус, взять Вильно и бить русские войска, которые будут подходить разрозненно. В случае неудачи отойти на Брест-Литовск⁵.

Прондзинский предлагал укрепить Варшаву, Модлин и Сероцк и ждать на этой позиции, когда русские совершат какую-нибудь ошибку, а тогда ударить.

К единому мнению польское командование не пришло. Отсюда и решение удерживать две дороги – из Ковно и из Бреста. То есть, Варшаву прикрывали с северо-востока и с востока.

На Брестском шоссе стояла 2-я дивизия Жимирского, уланы Сухоржевского выдвинулись к Седлице и Венгрову, стали по речке Ливец; севернее шоссе у Станиславова и Добре развернулась 3-я дивизия Скржинецкого; 4-я дивизия Шембека и три дивизии кавалерии – Лубенского, Томицкого и Рутье – сконцентрировались позади Жимирского и Скржинецкого. То есть, на восточном направлении силы растянулись от Праги до Добре и Калушина по брестскому шоссе, выставив авангард к речке Ливицы.

1-я дивизия Круковецкого прикрывала Ковенское шоссе, от Праги до Пултуска по ломжинскому шоссе с авангардом до Остроленки; кавалерия Янковского стояла в Ружане.

Связь между Бугом и Наревом поддерживали патрулями.

Юг и юго-восток поляков пока не беспокоили. Оттуда могли подойти русские войска, выведенные из Турции, где они сильно пострадали от чумы. В некоторых русских полках оставалось по 70 человек. Возможно, на южное направление у поляков пока не хватало сил. Тем не менее, между Вислой и Пилицей стояли отряды Серавского и Дверницкого. В Радоме – Дзеконский с 11-м и 12-м полками. Переправу у Пулав наблюдал отряд Казаковского из егерей и кавалерии.

¹ Приложения к запискам Д.В. Давыдова//Русская старина. 1872. Т.6. С. 394.

² Приложения к запискам Д.В. Давыдова//Русская старина. 1872. Т.6. С. 395.

³ Приложения к запискам Д.В. Давыдова//Русская старина. 1872. Т.6. С. 396.

⁴ Приложения к запискам Д.В. Давыдова//Русская старина. 1872. Т.6. С. 395.

⁵ Пузыревский А.К. Указ. соч. Т.1. С.49.

Переход границы

Русские войска собирались у границы. Неким центром, вокруг которого они группировались, стал VI Литовский корпус. Его 24-я дивизия и гренадерская бригада стояли в Белостоке, а 25-я и уланская дивизии – в Бресте. I корпус Палена подходил на соединение к Литовскому корпусу. III резервный кавалерийский корпус хотели направить на Холм, чтоб он там встретил отряд Цесаревича. Такой же приказ был отдан «четырем казачьим полкам, бывшим в сборе при Могилеве на Днестре, идти форсированным маршем на Холм»¹. V резервный кавалерийский корпус шел непосредственно к главной армии. Вскоре, когда Великий Князь вышел на русскую территорию, III резервный кавалерийский корпус и казачьи полки получили приказ идти не в Польшу, а к Бресту.

Джордж Доу.
Князь Иван Леонтьевич Шаховской

Николай I писала 8 (20) января Дибичу: «Я узнал сегодня, что 6 казачьих полков с Власовым должны были быть 5 числа в Луцке. Я предполагаю, что Вы оставите четыре казачьих полка Крейцу и Гейсмару, так как они будут им очень нужны для успешного выполнения данного им поручения»².

Дибич надеялся окончить войну одним решительным ударом и довольно быстро. Имея задачу разбить поляков и овладеть Варшавой, он планировал разбить их или на левом берегу Буга или на правом берегу Нарева. Если же поляки уйдут в Варшаву, он планировал перейти Вислу выше города и окружить польскую столицу. Понимая, что чем дальше русские не вступают в Польшу, тем больше ее истощают поляки, Дибич не стал медлить. Он решил не утяжелять армии обозами. Провианта взяли с собой на 15 дней, фуража — на 12. 396 орудий показали командующему чрезмерной силой. Треть орудий оставили в резерве. Артиллерийские роты выступили, имея в своем составе 8 орудий вместо 12. Пехотные полки традиционно выступили в составе 2 батальонов.

24 и 25 января (5 и 6 февраля) русские войска перешли границу Царства Польского одиннадцатую колоннами, развернутыми так, «чтобы 80 тысяч человек могли всегда в течение 20 часов соединиться и нанести возмутителям решающий удар, если бы они отважились принять сражение». Так охарактеризовал это построение Дибич 27 января (8 февраля)³.

В диспозиции на 24-25 января (5-6 февраля) говорилось: «Прибытие войск к самой границе должно быть сделано скрытно, почему сколь можно долее оставлять казачью цепь, которой усугубить осторожность»⁴.

24 января (5 февраля) Гренадерский корпус князя Шаховского, имевший 18 гренадерских батальонов, 4 эскадрона кавалерии, 60 орудий

и 7-й Конно-Черноморский казачий полк, выступил из Ковно на Калварию и Августов. 3 сотни черноморцев Шаховской послал вперед до Ломжи. В тот же день, 24 января (5 февраля), в Августове казаки захватили почту и эстафету.

От Гродно двинулся через Домброву на Августов отряд генерал-майора Мандерштерна – 5 батальонов, 2 эскадрона кавалерии, 12 орудий и Донской казачий полк Грекова 4-го.

Гораздо южнее, от Влодавы на Седлец, отправился отряд барона Гейсмара – 24 эскадрона кавалерии, 24 орудия, 2 казачьих полка (Платова и 5-й Конно-Черноморский)

С такими же силами – 24 эскадрона кавалерии, 24 орудия, но 1 казачий полк (Хоперского) – отряд генерал-лейтенанта барона Крейца пошел от Устилуга к Люблину.

От Брест-Литовска прямо на Седлец двинулся отряд полковника Анрепа – донской казачий полк Ильина и дивизион Украинского уланского полка. Он предназначался для связи Гейсмара с главной армией.

Как видим, в первый день наступления границу на самом широком фронте перешли конница и Гренадерский корпус. Гренадеры, подошедшие через Литву от Новгорода, оказались на значительном удалении от главных сил, и Дибич предоставил им пока свободу действий. Впрочем, навстречу им к Августову подходил отряд генерал-майора Мандерштерна. V резервный кавалерийский корпус барона Киприана Антоновича Крейца, героя Бородинской битвы, бывшего генерал-адъютанта польского короля, на левом фланге демонстрировал на Люблин. Об этом «поручении» писал царь Дибичу 8 (20) января. Внимание поляков, таким образом, отвлекали на Августов и Люблин, между которыми расстояние составляло до 200 верст.

25 января (6 февраля) через границу пошли главные силы. I пехотный корпус Петра Петровича Палена – 21 батальон, 16 эскадронов, 72 орудия, 2 казачьих полка – от Тикочина и Желтков повел наступление на Заводы и на Дудки. Пален наступал, «имея казачьи отряды кругом в нескольких верстах». Его казаки были представлены 4 сотнями 2-го Черноморского полка¹.

VI пехотный корпус генерала Григория Владимировича Розена – 26 батальонов, 24 эскадрона, 120 орудий и 2 казачьих полка – от Суража и Пионтково через Соколы выступил на Высокомазовец. При корпусе находилась главная

Джордж Доу. Петр Петрович Пален

квартира с конвоем из 1 батальона, 1 эскадрона и 1 полка казаков (Золотарева). Практически два корпуса пошли клином в районе Белостока в угол, образуемый реками Буг и Нарев. Левый фланг их прикрывал отряд графа Витта – 4 батальона, 28 эскадронов, 48 орудий, – направляясь на Цехановец, Гранне, Нур и Стердынь. 25 января (6 февраля) Витт уже был в Нуре.

25 и 26 января (6 и 7 февраля) в Суроже границу перешел резерв армии – 22 батальона, 12 эскадронов, 36 орудий – и двинулся на Соколы. Возглавлял его Великий Князь.

26 января (7 февраля) казаки захватили первых пленных – 6 польских офицеров.

Казачьи полки, вступившие на польскую территорию, имели следующий состав (23-24 января 1831 г.):

- при главной квартире в Белостоке казачий полк Золотарева – 5 сотен, 490 казаков – и полк Александрина (впоследствии Егорова № 44) – 5 сотен, 206 казаков;
- I корпус Палена 1-го – 2-й Конно-Черноморский полк – 5 сотен, 444 казака;
- VI корпус Розена – донской полк Андреевича – 5 сотен, 404 казака – и донской полк Секретева – 5 сотен, 515 казаков;
- отряд правого фланга Мандерштерна – донской полк Грекова 4-го – 5 сотен, 348 казаков;

¹ Пузыревский А.К. Указ. соч. Т.1. С. 53.

² Война с польскими мятежниками 1831 года в переписке Николая I с гр. Дибичом//Русская старина. 1884. № 1. С. 104.

³ Давыдов Д. Воспоминания о польской войне... С. 330.

⁴ Война с польскими мятежниками 1831 года в переписке Николая I с гр. Дибичом//Русская старина. 1884. № 1. С. 121.

¹ Война с польскими мятежниками 1831 года в переписке Николая I с гр. Дибичом// Русская старина. 1884. № 7. С. 152.

- Гренадерский корпус Шаховского – 7-й Конно-Черноморский полк – 5 сотен, 462 казака;
- отряд левого фланга Анрепа – донской полк Ильина – 5 сотен, 450 казаков;
- отряд Гейсмара – донской полк Платова и 5-й Конно-Черноморский полк – 10 сотен, 893 казака;
- V кавалерийский корпус Крейца – донской полк Хоперского – 5 сотен, 437 казаков¹.

Прикрываясь от разобренных польских войск течением Буга и Нарева, главные русские силы могли выйти вплотную к Варшаве и к левому флангу восточной польской группировки. Отряд Мандерштерна был оставлен в Ломже, чтобы наблюдать за польскими войсками на ковенском направлении и постараться не дать им уйти к Варшаве.

Вспыльчивый Денис Давыдов проклял этот маневр Дибича, заявил в «Записках» – «клеймо проклятия горит на его памяти в душе каждого россиянина»². Такой маневр, считал Давыдов, можно было делать, лишь заняв войсками русско-польские (ранее отобранные у Речи Посполитой) губернии. Затем уже собрать все силы в кулак и идти прямо по Брестскому шоссе на Варшаву.

Как бы ни было, поляки после перехода русскими границы приняли решение отступить и принять бой у Праги. Над их рядами казаки заметили белые знамена с надписью «За вашу и нашу свободу»³. Но пока боевых действий не велось. 28 января (9 февраля) Дибич констатировал впереди отсутствие польских регулярных войск и наблюдательных постов⁴.

Свои коррективы в военные планы внесла погода. 28 января (9 февраля) армия стала на дневку «для отдыха и для снабжения продовольствием»⁵. Дибич писал царю, что войска расположились по деревням, «куры спокойно расхаживают там среди казаков и даже между обозами; одни только жида нарушают подчас строгий порядок, продавая иногда тайно, и кажется довольно дорого, стакан водки»⁶.

Вечером температура достигала 20 градусов мороза. Ночью началось резкое потепление. 29 января (10 февраля) все растаяло, речки разлились, и в свои права вступила пятая польская стихия, как ее называли французы, – грязь.

По мнению А.К. Пузыревского, дождь согнал снег с полей еще 27 января (8 февраля)⁷.

Дожди и оттепель, сделавшие непроходимыми лесистый и болотистый Буго-Наревский район, побудили Дибича увести войска на более высокий и сухой левый берег Буга. Кроме того, надо было восстановить связь с остававшейся на левом берегу Буга кавалерией. И еще одну цель преследовал Дибич – «дабы занятием вдруг большого пространства обеспечить по возможности будущее продовольствие армии в Царстве Польском»⁸. Военный теоретик К. фон Клаузевиц поддерживал такую стратегию в принципе. «Территория должна быть завоевана, потому что она может явиться источником новых вооруженных сил» – писал он⁹.

30 января (11 февраля) русские войска двинулись во фланговый марш и начали переправу через Буг в двух местах: VI корпус у впадения в Буг реки Брок, I корпус у речки Нурчик. Лед на реках все еще держал. За I корпусом Буг перешел резерв и с ним весь обоз с 6-дневным провиантом.

Одним этим движением русские войска захватили большую часть польских магазинов с продовольствием. Польская армия оставшееся время войны нуждалась в пропитании, в хлебе, который польское правительство покупало за границей¹⁰.

Для обеспечения положения на правом берегу Буга князь Шаховской к 4 (16) февраля должен был с 3-й гренадерской дивизией достигнуть Ломжи, взять под свое командование находившийся там отряд Мандерштерна, дождаться подхода 1-й гренадерской дивизии и изо всех этих войск составить новый корпус – 22 батальона, 4 эскадрона гусар, 2 казачьих полка, 60 орудий.

Кроме того на правом берегу с 3 сотнями казачьего полка Андреянова оставался полковник Шиндлер (как партизан). Он должен был

¹ Пузыревский А.К. Указ. соч. Т.2. С. 8-10.

² Давыдов Д. Воспоминания о польской войне... С. 312.

³ Пузыревский А.К. Указ. соч. Т.1. С.72.

⁴ Война с польскими мятежниками 1831 года в переписке Николая 1 с гр. Дибичом//Русская старина. 1884. № 2. С. 395.

⁵ Давыдов Д. Воспоминания о польской войне... С. 342.

⁶ Война с польскими мятежниками 1831 года в переписке Николая 1 с гр. Дибичом//Русская старина. 1884. № 2. С. 400.

⁷ Пузыревский А.К. Указ. соч. Т.1. С. 70.

⁸ Давыдов Д. Воспоминания о польской войне... С. 339.

⁹ Клаузевиц К. фон О войне. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2021. С. 46.

¹⁰ Приложения к запискам Д.В. Давыдова//Русская старина. 1872. Т.6. С. 395.

обеспечивать связь между Дибичем и Шаховским.

Параллельно была учреждена летучая казачья почта от Нура до Ломжи¹.

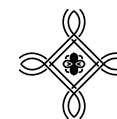
31 января (12 февраля) Дибич двинул войска двумя колоннами от Буга на Венгров. К вечеру Венгров был занят авангардом I корпуса под командованием генерал-майора Сакена. Остальная часть корпуса и бригада 1-й гусарской дивизии остановились в Пашееве. VI корпус расположился при деревне Тонче.

От Венгрова польские войска, стоявшие перед Варшавой, были прикрыты несколькими разлившимися речками, и Дибичу пришлось свернуть на Брестское шоссе.

Авангарды корпусов вышли к реке Ливице. Мосты через реку при Ливе и Старой Веси оказались уничтожены. При Ливе поляки стреляли

через реку по подходившим русским войскам. Егерская бригада и артиллерия отогнали поляков от реки, мост навели, и авангард переправился. В «Хронологическом указателе действий русской армии и флота» этот бой 1 (13) февраля отмечен как первый бой кампании – 49-й егерский полк при 6 орудиях оттеснил от селения Ливы 7-й линейный и 2-й уланский полки поляков².

Выходя на Брестское шоссе, русские войска оказались лицом к лицу со ждавшими их под Варшавой поляками. К тому времени Дибич имел четкое представление о расположении польских сил. Одна их часть оставалась на Нареве при Остроленке, Пултуске и Рожанове; ей противостоял Шаховской. Вторая и сильнейшая часть польских войск стояла в Минске-Мазовецком, Калушине и Владислаове.

¹ Война с польскими мятежниками 1831 года в переписке Николая 1 с гр. Дибичом//Русская старина. 1884. № 8. С. 338.

² Хронологический указатель... С. 109.

Первый поход на Варшаву. Начало...

У русских было превосходство в коннице, и это сказалось на избранной тактике. «При весьма многочисленной кавалерии мы будем искать широкого простора равнин, – писал К. фон Клаузевиц, – и любить размах крупных движений... Мы будем предпринимать отважные обходы и вообще смелые движения, ибо мы хозяева пространства»¹.

Оценив обстановку, Дибич решил нанести удар в правый фланг противостоявших ему польских войск, отрезав их от Варшавы и загнав их в изобилующий разлившимися речками район северо-восточнее польской столицы.

Исполнение маневра началось. Авангард VI корпуса был послан к Дебре, авангард I корпуса – к Калущину. Главная квартира оставалась в Венгрове. Резерв перешел к Соколову, его авангард 1(13) февраля потянулся к Седлецу. К резерву был подключен III резервный кавалерийский корпус без 2-й бригады Украинской уланской дивизии, она должна была подойти 3(15) февраля. Движение было не таким быстрым, как хотелось бы, поскольку на местах приходилось искать фураж, ибо подвезти его не имелось возможности. «Войска наши везде находили продовольствие, особенно в фураже, которого при тогдашней распутице никакими средствами подвести бы не можно было»².

Таким образом, русские войска с севера вышли на Брестское шоссе и в левый фланг растянущимся по шоссе польским войскам.

Навстречу полякам, и далеко обходя польский правый фланг, двигалась русская конница.

V резервный кавалерийский корпус Крейца еще 27 января (8 февраля) был в переходе от Люблина. Польских войск он там не встретил. Затем Крейц получил приказ двигаться от Люблина на Пулавы и переправить на левый берег Вислы часть казаков, чтоб они рассеяли собираемые там польские резервы. То есть, V резервный

Джордж Доу. Киприан Антонович Крейц

кавалерийский корпус отправился в глубокий обход польских войск с угрозой польским тылам на западном берегу Вислы. 1 (13) февраля Крейц вышел на берег Вислы к Пулавам. 6 эскадронов и 2 сотни он оставил наблюдать за Замостьем, в Кушнерине захватил магазин и стал готовиться к переправе на левый берег Вислы.

В это же время начальник польской 1-й кавалерийской дивизии Клицкий решил разделить Гейсмара и Крейца и выслал вперед отряд Дверницкого на правый берег Вислы. Генерал Клицкий характеризовался как человек «храбрый и благородный, но к несчастью болезненный». Считалось, что сам Евгений Богарне ему обязан своей славой в 1812 году. Еще отмечалась его снисходительность к подчиненным³. При таком

Юзеф Дверницкий

начальнике Дверницкий заведомо имел развязанные руки.

Юзеф Дверницкий (польск. Józef Dwernicki) (1779–1857), родился в Варшаве, происходил из старинного шляхетного рода. С 1809 года служил в польских войсках, командовал сформированным им уланским полком, принял участие в походе Великой Армии на Россию, отличился в сражениях при Мире, Могилёве и Бобруйске, за переправу через Березину награждён серебряным крестом ордена «Virtuti militari». Участвовал в кампании 1813 года, сражался под Лейпцигом, в 1814 г. до самого занятия союзниками Парижа, оказывал им сопротивление во главе уланского полка. В новой армии Царства Польского был назначен командиром 2-го уланского полка, произведен в генералы и по поручению великого князя Константина Павловича занимался составлением нового кавалерийского устава для новой польской армии. Все это указывает на то, что он был одним из лучших кавалерийских генералов Польши.

Отряд Дверницкого, составленный из 3-х дивизионов 9 полков, 4-х батальонов 1-го, 2-го, 5-го и 6-го линейных полков, двух полков кракусов (имени Костюшко и имени Понятовского),

батальона егерей Кушеля, Волинского легиона и 6 орудий, опередив Крейца, переправился 30 января (11 февраля) через Вислу у Мнишова. 31 января (12 февраля) Дверницкий был у Желехова.

Передовые части Дверницкого – кракусы – начали перестрелку с казаками, но потеряли двух кракусов пленными¹.

Русские продолжали наступление. 1(13) февраля перед ними показался Седлец, который был занят какими-то «бессмертными» Кухеля, кракусами, 6 батальонами пехоты и 8 эскадронами кавалерии². Кавалерия принадлежала кавалерийской дивизии генерала Сухоржевского. Полковник Анреп с полком казаков и дивизионом улан, наступающий по шоссе от самого Бреста, налетел на Седлец и занял его без сопротивления. Стрельба все же была. Казак Широков Иван Никифорович был ранен в левую ногу пулей, казак Морозов Михаил Васильевич получил такую же рану. Видимо, казаки стреляли по полякам с лошадей из ружей, а поляки стреляли по лошадям (они более крупная цель), и несколько раз попали по ногам.

Опомнившиеся поляки двинули на город два пехотных полка и артиллерию. Анреп отошел к Збучину, выманивая поляков еще дальше и на восток, чтоб они подставили свой левый фланг III резервному кавалерийскому корпусу, наступающему с севера вместе с русскими резервами, а правый фланг – Гейсмару, который подходил с Седлецу с юга.

2 эскадрона поляков неосторожно выдвинулись к Збучину, и Анреп, атаковав, гнал их 6 верст до Седлеца. Затем он отошел до Угржанова, в 4 верстах от Седлеца, и выставил там посты, наблюдая за движениями противника, чтобы сразу преследовать, как только поляки начнут отходить.

После этой стычки Анреп установил связь с Гейсмаром, подхитившим с юго-востока.

Гейсмар со своей конницей от Лукува двинулся на Сточек-Луковский в надежде обойти Седлец с юго-запада, чтоб не дать полякам отступить из этого города. В его отряде были два казачьих полка – 2-й и 5-й Конно-Черноморские (впоследствии на их основе будет создан Екатеринодарский полк Кубанского казачьего войска)³.

Позже польский историк В.Грабенский писал, что «Гейсмар получил приказ окружить корпус Жимирского и отделить его от главных сил.

¹ Клаузевиц К. фон О войне. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2021. С.345.

² Бантыш-Каменский Д. Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов. В 4-х частях. Часть 4. Санкт-Петербург. В типографии Третьего Департамента Министерства Государственных Имуществ. 1841. С. 154

³ Заметки о генералах всех чинов... С. 271.

¹ Пузыревский А.К. Указ. соч.Т.1. С. 78.

² Война с польскими мятежниками 1831 года в переписке Николая 1 с гр. Дибичом//Русская старина. 1884. № 8. С. 336.

³ Матвеев О.В., Фролов Б.Е. В вечное сохранение... С. 93.

Жимирский, находившийся в большой опасности, был спасен предусмотрительностью генерала Ющцкого¹, который приказал Дверницкому перейти на правый берег Вислы и парализовать усилия Гейсмара².

Поляки имели сведения о Гейсмаре. В селе-

Гейсмар Федор Клементьевич

нии Правде они захватили драгунско-казачий пост и узнали о русских силах. Рано утром 2 (14) февраля Дверницкий вышел к селению Сточек на перехват русскому отряду. Поэтому вместо обхода города Гейсмар, с презрением относившийся к полякам, как к ополчению³, столкнулся лоб в лоб с отрядом Дверницкого, костяк которого составляли старые опытные солдаты. Должной разведки не было, о силах поляков представление имели самое поверхностное, их стойкость не учитывалась. «Так мало знали, сколь велико было озлобление против русских»⁴.

«2 февраля, – писал А. Керсновский, – произошло неудачное для нас кавалерийское дело у Сточека, где конноегерская дивизия генерала Гейсмара была опрокинута Дверницким. Гейсмар

раздробил свои силы, в результате чего 2 наших полка были опрокинуты по очереди, не приняв удара в сабли. Наш урон – 280 человек и 8 орудий, поляки лишились 87 человек. Гейсмар обвинил войска в «подлой трусости и распущенности». Это первое дело подняло дух поляков»⁵.

За двадцать с лишним лет русские отвыкли от поражений и теперь, после проигрыша схватки с какими-то поляками, пытались разобраться в причинах случившегося.

Судя по сведениям, полученным Денисом Давыдовым, от деревни Колодня к Сточеку «выскакал полк переяславский конно-егерский, с храбрым и знающим свое дело генералом Пашковым (Александром Васильевичем)»⁶. Поляков не было видно. Отряд Дверницкого стоял за возвышенностью на равнине, которая позволяла ему перебрасывать свои эскадроны в любом направлении. Конно-егерский полк короля Виртембергского (2-й полк бригады) все еще шел в обход леса, чтобы выйти на дорогу. Генерал Гейсмар якобы, не дожидаясь его подхода, послал Переяславский полк вперед. Поляки переяславцев опрокинули, затем налетели на конных егерей короля Виртембергского, и этот полк «понес участь, подобную первому»⁷. Два другие полка дивизии – Тираспольский и Арзамасский конно-егерские – находились от места боя в 5 верстах, стояли в Серочине. Они отступили, не потерпев поражения.

Н.Д. Неелов, офицер генштаба, дал более детальное описание этого боя.

При встрече Гейсмар не разглядел силы Дверницкого, решил, что их мало. Тем более, что за Дверницким был ручей, и, в случае поражения, он был бы в этот ручей загнан и истреблен. Гейсмар бросил в бой два полка двумя колоннами. Вслед за ними поскакали две конные артиллерийские роты. Дверницкий, в свою очередь, развернул свою пехоту в каре, позади нее на возвышенности поставил пушки, 6 эскадронов улан поставил против Пашкова, 6 – против Гейсмара, 2 эскадрона оставил в резерве.

Пашков вылетел на поляков первым, попал под огонь пехоты и артиллерии и контратаку улан. Он бросил бывшие с ним 2 орудия, но 4 орудия фейерверкер увел по льду через болото.

¹ Видимо в книге Грабенского опечатка, и под «Ющцким» следует понимать «Клицкого».

² Грабенский В. Указ. соч. С. 127.

³ Пузыревский А.К. Указ. соч. Т.1. С.79.

⁴ Отзывы и мнения военно-начальников о польской войне... С.110.

⁵ Керсновский А. Указ. соч. С. 69.

⁶ Давыдов Д. Воспоминания о польской войне... С. 366.

⁷ Давыдов Д. Воспоминания о польской войне... С. 366.

Ян Розен. Битва под Сточеком

Вторым на поляков из-за леса вылетел Гейсмар. Он также был отбит и бросил все 6 своих орудий.

Всего русские, по версии Неелова, потеряли 300 человек убитыми, ранеными и пленными. Поляки потеряли около 100 человек¹.

По польским данным, Дверницкий развернул 6 орудий, 3 батальона и дивизион 3-го конно-егерского полка поставил в прикрытие. Дивизионы 1-го и 3-го уланских полков и эскадрон 2-го уланского полка он поставил по дороге на Серочин, а дивизионы 1-го и 2-го конно-егерских и дивизион 4-го уланского – против Точиски. Дивизион кракусов имени Костюшко оставался при Дверницком.

После залпа, когда Переяславский полк был опрокинут, поляки не преследовали его, так как со вторым полком появился сам Гейсмар. Дверницкий бросил на него 6 эскадронов, полк короля Виртембергского открыл огонь, и атакующие остановились. Тогда сам Дверницкий с дивизионом 1-го конно-егерского полка охватил левый фланг русских кавалеристов, а дивизионы 3-го конно-егерского и 4-го уланского атаковали с фронта. Дверницкий вспоминал: «драгуны дрались храбро, но эти крупные люди на тяжелых, массивных лошадях не могли проворно парализовать удары и нападения легких, на ловких лошадях, польских улан»².

¹ Неелов Н.Д. Указ. соч. С. 62.

² Пузыревский А.К. Указ. соч. Т.1. С. 79.

³ Матвеев О.В., Фролов Б.Е. Указ. соч. С. 129.

⁴ Торнау Ф.Ф. Указ. соч. С.26.

⁵ Неелов Н.Д. Указ. соч. С.59.

Потери русских поляки оценили в 280 человек и 241 лошадь, 8 орудий и 9 зарядных ящиков. Свои потери – в 87 человек.

Что делали в этот день казаки-черноморцы, источники умалчивают. Известно, что погибли 6 казаков 5-й сотни 5-го Конно-Черноморского полка и 1 казак 2-го Конно-Черноморского полка пропал без вести³.

Н.Д. Неелов видел бегущих конных егерей: первым к авангарду 2-й гренадерской дивизии прискакал Гейсмар и заявил: «Я разбит и отступаю; здесь на носу неприятель».

Генерал Гейсмар, отличившийся в войну с турками, по воспоминаниям современников был высок, сух, с «предлинными, вниз опущенными усами», в нем не было «ни одной черты бездушной выскателности, ни натянутой важности... В Гейсмаре все было просто и натурально»⁴. Его «отделали», он и прискакал...

Далее показались «изнуренные лошади, покрытые пылью (?) и пеной, усталые лица солдат, из которых многие были окровавлены и едва держались на лошадях, артиллерийские лошади без орудий; несколько экипажей, нагруженных ранеными и убитым, и все это составляло нестройную толпу, впереди которой на полных рысях ехал седой генерал-майор Пашков»⁵.

Позже выяснилось, что командир одного из полков – Новосильцев – был убит ударом пики в грудь.

Н.Д. Неелов объяснял поражение в рукопашной схватке тем, что конным егерям только что выдали пики, которыми они не умели драться. Во время атаки они стали пики бросать и доставать из ножен сабли¹. Позже, лет через 80 с лишним, немецкие конные егеря вот так же получают пики и нарвутся на Козьму Крючкова...

Гейсмар в своем письме Анрепу (немец немцу) опять-таки обвинил конных егерей в трусости, он написал, что лишь 2-й дивизион Переяславского полка провел атаку, остальные все обратились в бегство². Одну из причин поражения он видел в том, что принц Виртембергский увел его казаков в Люблин и не прислал обратно, и с ним в бою была всего 1 «рота» казаков³. То есть, Гейсмар был лишен возможности организовать полноценную разведку.

Позже внук Гейсмара опубликовал его биографию и описал события со слов деда. Об отряде

Дверницкого Гейсмар знал от пленных, захваченных в Летовичах. В духе недавней войны с турками, где он отличился, Гейсмар разделил свою дивизию на три части: один полк под командованием Пашкова должен был ударить с фронта, второй под командованием самого Гейсмара одновременно – с фланга. Целая бригада оставалась в резерве. У Пашкова было 4 орудия, у Гейсмара – 6.

Дверницкого о приближении «москалей» заблаговременно предупредили местные мужики⁴. Впрочем, Дверницкий с возвышенности видел их колонны.

Пашков вышел из лесного дефиле и развернул Переяславский полк уступами подивизионно в 3 линии. Поляки двинулись на стоявший первым 2-й дивизион. Конные егеря (на то они и егеря) встретили их стрельбой с места. 1-й дивизион после стрельбы товарищей должен был ударить во фланг атакующим полякам, но побежал, за ним повернул 3-й дивизион. 2-й дивизион принял польскую атаку, стоя на месте, но был ожидаемо опрокинут (так всегда было, когда

скачущая конница налетала на стоящую), и весь Переяславский полк «в карьер уносится по дороге в Луков»¹.

Поляки не преследовали, так как на фланге у них появился Гейсмар. Тот тоже построил Виртембергский полк подивизионно. Впереди встал 3-й дивизион, за ним 2-й и 1-й. 3-й дивизион пошел в атаку на польских конных егерей, но повернул и «ускакал по дороге в близлежащий лес»². Гейсмар лично повел в атаку 2-й и 1-й дивизионы, но «оба дивизиона конных егерей Виртембергского полка обращают тыл и быстро догоняют своих бегущих товарищей»³.

Гейсмар, судя по всему, впал в ступор. Поляки, «увлеченные преследованием – пронесли мимо стоявшего в раздумьи Гейсмара, который, наконец, также повернул лошадь и последним оставил поле битвы»⁴.

Недавно громивший турок Гейсмар с горечью констатировал, что лишь «2 эскадрона честно исполнили свой долг и вступили в рукопашный бой»⁵. Оправданием ему может служить лишь то, что дивизию он принял 23 января (4 февраля), чуть больше недели до боя, не успев узнать солдат и офицеров, и они его не знали.

3 (15) февраля Дибич в донесении царю подтвердил слова Гейсмара и заявил, что поражение произошло «по плохому духу и трусости»⁶.

Последствия этого боя впоследствии приняли очень суровый характер. Конных егерей, как род кавалерии, в России расформировали. Они были любимым родом войск императора Александра I, который в свое время возродил их в русской армии. Любовь покойного императора на упразднение конных егерей при новом императоре не повлияло.

Царь был «прискорбно изумлен» известием об этом бое⁷, потребовал не давать «никакой пощады трусам, какого бы чина они ни были»⁸, и «учинить над ними быстрое и строгое правосудие и придать этому делу возможную гласность»⁹.

Дверницкий после удачного для него боя ушел за Вислу. Он был объявлен героем, к нему присоединилась масса волонтеров. Варшава шумно отпраздновала первую победу над русскими.

Действия русского левого фланга были удачнее. Крейц, заняв Люблин, вышел, как мы помним, 1 (13) февраля к Пулавам. 2 (14) февраля он переправился, занял Гевашев и там оставался до 6 (18) февраля. Выделенный им отряд Адама Виртембергского, 2 эскадрона и 2 сотни, занял Зволин, стоявшие там косинеры Казаковского ушли к Радому. Принц Адам Виртембергский, бывший в польской армии командиром 2-й уланской бригады, ушел из Варшавы вместе с Великим князем Константином, которым характеризовался, как «олицетворенное усердие, старательность и преданность»¹⁰.

Начальник штаба Крейца И.Ф. Деллинсгаузен с частью войск соединился 4 (16) февраля с Адамом Виртембергским, 5 (17) февраля подошел к Радому и занял его вместе с хранящимися там большими воинскими запасами. Захваченного оружия и запасов обмундирования хватило бы на 3 тысячи человек.

Деллинсгаузен рассеял несколько отрядов повстанцев, заставил отступить Дзеконского с 11-м и 12-м линейными полками и так застрашил Сандомирское воеводство, что местный начальник Роман Солтык послал гонцов за помощью к Дверницкому.

6 (18) февраля Деллинсгаузен повернул на Козенцы и соединился с Крейцем.

Объединившемуся отряду Крейца противостоял Серавский. Формально он возглавлял дивизию, но в дивизию входили полк кракусов, 2 полка косинеров, кантонисты 3-го дивизиона гвардейских конных егерей и 4 орудия.

Дверницкий возвращался не через Пулавы, он вышел к Гура-Кальвария, 5 (17) февраля переправился, соединился с Серавским в Горе и стал готовиться к отражению нападения Крейца. Вместе у них было 10 тысяч человек – 7 батальонов, 22 эскадрона и 16 орудий. Но они полагали, что у Крейца и того больше.

До Крейца дошли сведения, что у объединившихся Дверницкого и Серавского вместе 10 тысяч войска (а с косинерами 16 тысяч)¹¹, и он повернул обратно, боясь быть отрезанным. В сторону польского отряда он выслал свой авангард

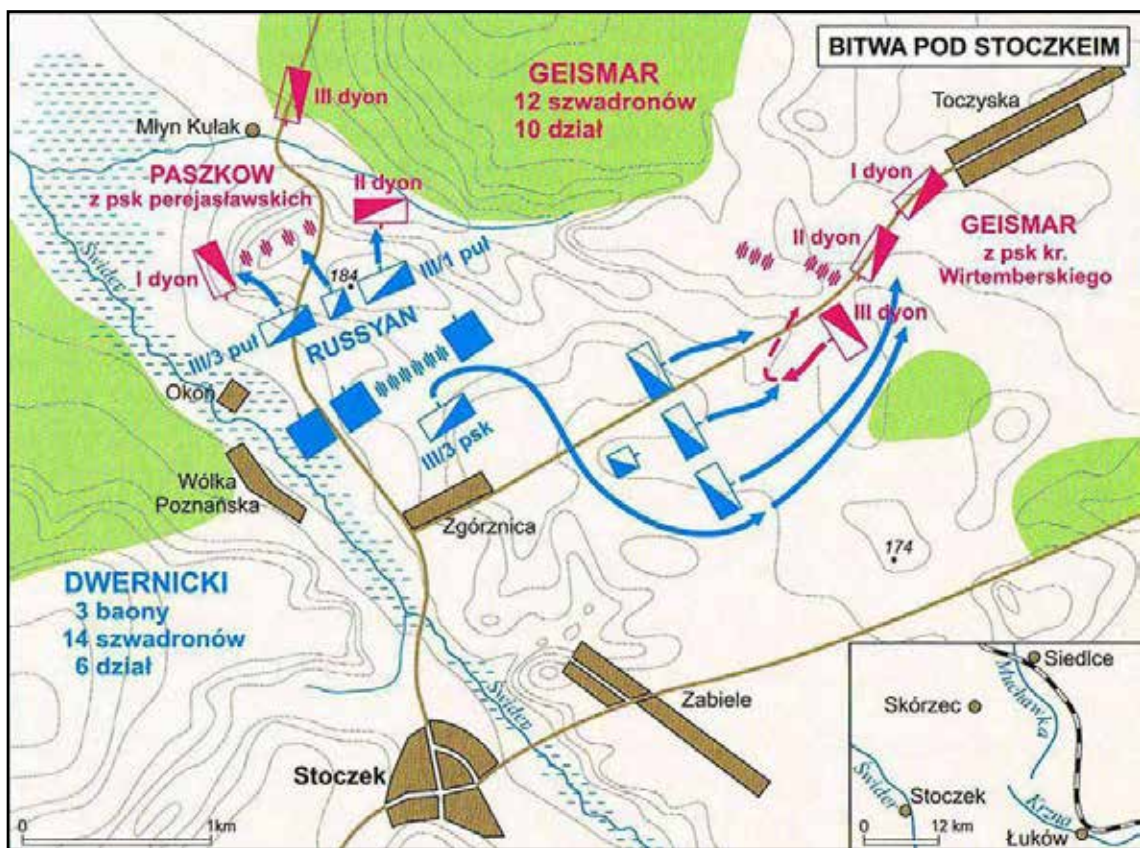

Схема боя под Сточком

¹ Неелов Н.Д. Указ. соч. С. 62.

² Война с польскими мятежниками 1831 года в переписке Николая 1 с гр. Дибичом//Русская старина. 1884. № 9. С. 534.

³ Война с польскими мятежниками 1831 года в переписке Николая 1 с гр. Дибичом//Русская старина. 1884. № 9. С. 535.

⁴ Гейсмар В. Барон Федор Клементьевич Гейсмар. Биографический очерк. 1783-1841//Русская старина. 1881. № 12. С. 743.

¹ Там же.

² Там же. С. 743.

³ Там же. С. 743-744.

⁴ Там же. С. 744.

⁵ Там же. С. 745.

⁶ Война с польскими мятежниками 1831 года в переписке Николая 1 с гр. Дибичом//Русская старина. 1884. № 9. С. 533.

⁷ Война с польскими мятежниками 1831 года в переписке Николая 1 с гр. Дибичом//Русская старина. 1885. № 4. С. 107.

⁸ Там же. С. 108.

⁹ Там же. С. 110.

¹⁰ Заметки о генералах всех чинов... С. 273.

¹¹ Война с польскими мятежниками 1831 года в переписке Николая 1 с гр. Дибичом//Русская старина. 1885. № 5. С. 282.

под командованием артиллерийской роты № 28 подполковника Бутовича – 6 эскадронов драгун, полк казаков Хоперского и 6 орудий. Видимо, Бутович был самый старший по чину. Авангард занял дефиле у Майданова близ деревни Нововис (Nowa Wies).

Дверницкий атаковал его там. Кракусы пошли на казаков. Дверницкий «увидел казаков, отступающих перед кракусами. Зная казацкую тактику и опасаясь засады», Дверницкий приказал, преследуя, не заходить в лес. Но полковник кракусов увидел случай «обстрелять людей и приобрести славу»¹. Казаки навели кракусов на орудия, а затем бросились преследовать. Кракусы потеряли до 40 человек убитыми.

Интересно, что командиром новосформированного 1-го Краковского конного полка (1 Pulk Jazdy Krakowskiej) в этом бою 7 (19) февраля был полковник Каэтан Дунин-Рзуховский (Kajetan Dunin-Rzuchowski), начавший службу в 1790 году, участвовавший в 4-х кампаниях, из них 2 против русских, отличившийся под Миром в 1812 году, где поляки как раз дрались с казаками. Видимо, большинство поляков за все эти годы воевать с казаками так и не научилось.

На помощь кракусам подошли уланы. «Польские уланы двинулись рысью ровно, стройно, как на учении»², и так же нарвались на картечь. Подполковник Хоперский за эти «эволюции» 3 (15) марта был произведен в полковники.

Однако силы были неравными. Бутович был разбит, взят в плен, его отряд потерял 2 орудия и отступил. Поляки донесли, что взяли 158 русских пленных (из них 6 офицеров), сами потеряли 63 человека. По другим данным они потеряли более 300 убитых и раненых³.

Тем не менее, поляки отступили. Дверницкого отозвали защищать столицу. Крейц выслал вперед казачий полк наблюдать за поляками к Ричевалу и донес Дибичу, что связи с Гейсмаром у него нет, и что боится начала оттепели. Больше всего его смущал собственный обоз в 300 повозок с продовольствием.

Дибич приказал Крейцу возвращаться обратно на правый берег Вислы в Люблинское воеводство.

На центральном направлении после неудачного боя под Сточком Толь взял командование на себя и стал готовить наступление на Калушин.

Разведка донесла, что Скржинецкий стоит у Добре, а Жимирский с авангардом у Калушина.

Каэтан Дунин-Рзуховский

У Калушина поляки собрали 6 полков пехоты, 4 полка кавалерии, часть кракусов и 4 батареи артиллерии.

В ночь с 2 (14) на 3 (15) февраля польский генерал Скржинецкий с 11 батальонами и 2 кавалерийскими полками провел усиленную рекогносцировку у селения Добре и атаковал передовые части VI корпуса – казачью цепь и батальон Житомирского полка. Казаки отскочили, житомирцы разбежались. Поляки оттеснили русские части, прибывшие на подкрепление, заняв с. Пневники.

Видимо, отдельные польские отряды выходили даже к Главной квартире, так как командир конвойного полка Василий Степанович Золотарев 2-3 февраля под «Плевниками» ранен саблей в челюсть и пикой в бок⁴.

Скржинецкий разглядел позиции русской армии и вернулся обратно.

Главная русская армия три дня оставалась на месте. Солдаты собирали в ранцы провиант на 5 дней. Считалось, что 1 фунт хлеба можно заменить 4 фунтами картофеля. Картофель забирала у местных жителей под видом реквизиций. Наблюдатели отмечали беспечность русских солдат, которые вели себя не как на войне, а как на учениях.

¹ Пузыревский А.К. Указ. соч. Т.1. с. 119.

² Там же. С. 120.

³ https://runivers.ru/conflicts/campaigns/polskoe_vosstanie_kampaniya_1831

⁴ Жемайтис О.Ф., Корягин С.В. Золотаревы и другие. Выпуск 95. М.: Русаки, 2010 С.65.

Черноморцы, тем не менее, 4 (16) февраля вели бой в передовой цепи и потеряли убитыми и пропавшими без вести 14 казаков 2-го Конно-Черноморского полка¹.

5 (17) февраля после трехдневного бездействия русские выступили. VI корпус Розена направился на Добре и Станиславов, I корпус Паллена 1-го – от Лив к Калушину. Толь двинулся на Калушин по шоссе. Справа от шоссе шли гренадеры, непосредственно по шоссе – уланы, кирасиры и гвардейский отряд, авангардом которого с 5 (17) февраля командовал Гейсмар, слева от шоссе наступал генерал Фрейганг с 2 карабинерными полками, он должен был лесами выйти в тыл Жимирскому, стоявшему в Калушине.

Франтишек Жимирский (польск. Franciszek Żwirski (1779, Краков — 25 февраля 1831, Варшава) в 15-летнем возрасте участвовал в восстании Костюшко и в течение проигранной кампании 1894 года дослужился до поручика. Если учесть его молодой возраст и отсутствие семейных связей, можно быть уверенным в его предрасположенности к воинской службе. После поражения восстания, он был курьером между польской эмиграцией в Константинополе и участниками патриотического движения в самой Польше. В 1797 он вступил в польские легионы, сражался в Италии и позже участвовал в экспедиции на о. Сан-Доминго. За 10 лет службы во французской армии дослужился до подполковника, затем перешел в армию герцогства Варшавского, где в 1811 году получил должность командира полка. Чин генерал-майора он выслужил уже в Царстве Польском в 1830 году. Великий князь Константин писал о нем: «лучший их моих пехотных офицеров... одарен редким умом и способностью»². То есть, поляками на этом направлении командовал человек, служивший в армии с малых лет и прошедший, как минимум, пять войн.

Жимирский из Калушина ушел, не принимая боя, и, уходя, направил 1 батальон, 4 эскадрона и 2 орудия на Якубово к Скржинецкому. Н.Д.Неелов, бывший при Калушине, записал: «Все наши действия в этот день походили более на искусный и приятный маневр, нежели на сражение»³. Раненых в войсках Толя было всего 12 солдат и 1 офицер.

В этот же день генерал Чеодаев с Екатеринославским и Киевским гренадерскими полками и генерал Сакен с уланской бригадой и казачьим

Франтишек Жимирский

полком Андреянова (в бою участвовали 2 сотни) вел бой под Якубовым. Русские войска оттеснили польские части полковника Стаковского от Якубова к Мистово.

Более серьезным было дело Литовского корпуса. Его отметил А. Керсновский: «5-го наш VI корпус барона Розена имел бой с дивизией Скржинецкого у Добре»⁴. В бою участвовали 6 батальонов, Донской полк Секретева и Волынский уланский полк со стороны Литовского корпуса и 4 батальона и 1 уланский полк со стороны дивизии Скржинецкого. «Покровительствуемые местоположением, они три часа защищались с крайним упорством, но видя войска наши готовыми ударить на них в штыки, обратились в бегство, и были отброшены за селение Добре»⁵. Поляки отошли на Осенчисно. А.К. Пузыревский считал, что поляки хотели заманить Розена, но Дибич разрешил VI корпусу наступать только до Станиславова, а его авангарду – до Окунева.

За день 5 (17) февраля потери русских войск убитыми и ранеными составили 750 человек, из них 600 – при Добре. Среди убитых при

¹ Матвеев О.В., Фролов Б.Е. Указ. соч. С. 129.

² Заметки о генералах всех чинов... С. 272.

³ Неелов Н.Д. Указ. соч. С. 67.

⁴ Керсновский А.А. Указ. соч. Т.2. С. 69.

⁵ Бантыш-Каменский Д. Указ. соч. С. 155.

Добре – командир Вольнского уланского полка полковник Филимонов.

У поляков особо пострадал 4-й линейный полк, потерявший 1 орудие и до 200 человек пленными, командир полка полковник Богуславский и полковник Чайковский были опасно ранены¹. В плен попал командир 4-го егерского полка полковник Савицкий.

Вечером 5-го по русским войскам была разослана диспозиция наступать на Минск-Мазовецкий.

Литовский корпус оставлял 4 батальона и уланский полк охранять Нур, Венгров и Седлец, а остальные силы направлял на Станиславов. Авангард под командованием Влодека получил приказ наступать до Окунева.

Русские войска у Окунева были встречены артиллерийским огнем, однако атаквали противника и вынудили его отойти на Гроховскую позицию. Из казаков в бою участвовал лишь полк Секретева.

Чеодаев и Сакен выступали на Цыганку. I корпус – на Минск до Дембовельки, его авангард до Милосны.

Авангард I-го корпуса, состоящий из кавалерии (Сумской, Оливиопольский, Клястицкий и Лубенский гусарские полки), атаковал польские войска Жимирского у корчмы Подкоберне и заставил отойти к корчме Яновеку, откуда они также были вытеснены в сторону Вавра.

У Цыганки Сакен застал врасплох и атаковал отряд подполковника Вольского. Поляки потеряли 2 офицеров и 189 рядовых убитыми и ранеными и 100 пленными.

2-я гренадерская дивизия шла до Стоядле, гвардейский отряд – до Минска, кирасиры – до Калушина. Главную квартиру планировали перенести в Минск-Мазовецкий

В это же время гвардия выступила из Вильно. Кирилл Виденин записал, что из Вильно «февраля с 5-го по 12 в походе к границам Царства Польского»². Действительно, 5(17) февраля 3-й дивизион лейб-казацкого полка выступил в город Ковно, за ним тронулись остальные. 25 февраля (9 марта) дивизион перешел Неман во главе правой колонны гвардейского корпуса под командованием генерала Бистрома. Вместе с ним двигался лейб-гвардии саперный батальон (исправлял дороги). Затем был переход до Белостока, куда в первых числах марта подошел и весь

Гвардейский корпус. Так что 1-е наступление Дибича на Варшаву происходило без поддержки гвардии.

Зато Гренадерский корпус был под рукой и вскоре принял участие в боях. 5 (17) февраля две его дивизии стояли в Ломже, одна была в составе главных сил. На соединение к нему из Белостока шли прибывший к армии Атаманский полк, артиллерия 2-й гренадерской дивизии и батальон 6-го карабинерного полка. Прибывший к армии Атаманский полк отметил, что во время перехода от Белостока до Ломжи с 5 (17) февраля находился «в поисках мятежников»³.

Действительно, приход Гренадерского корпуса в район Белостока – Ломжи заставил «банды инсургентов» под предводительством Пушета, Шона и Годлевского укрыться на территории Пруссии (впрочем, вскоре они оттуда вернулись)

Поляки готовились к сражению. Хлопицкий выехал в войска. «Армия их состояла под командою князя Радзивилла, но движениями оной, по показанию пленных, располагал Хлопицкий»⁴.

Скрженицкий отступал к Станисловову, Жимирский к Стоядле. Хлопицкий выслал им подкрепления. Шомбека направил к Скрженицкому и часть кавалерии – к Жимирскому. Сам Хлопицкий с дивизией Круковецкого занял Пустельники.

У русских ситуация была тревожной. В ночь на 6 (18) февраля при деревне Ендржеевой сорвались с коновязей лошади Переяславского и Вюртембергского полков, и треть конных егерей осталась пешими.

Днем 6-го I корпус занял Минск-Мазовецкий и вел бой с арьергардом Жимирского у Стоядле, захватил два орудия и дошел до Дембевельки. За взятие орудия хорунжий полка Ильина № 32 Яков Иванович Терсков был награжден орденом Святого Георгия 4-й степени⁵. Потери были небольшими. Урядник полка Ильина № 32 Кострюков Иван Евсеевич был ранен пулей в правую ногу, а Широков Иван Никифорович ранен пулей в левую руку. Казак полка Егорова 1-го № 44 Донецков Алексей Степанович был награжден Знаком отличия Военного Ордена.

Жимирский отошел в Яновске. По другим данным, Жимирский от Стоядле уходил быстро, и казаки успели захватить лишь 1 его орудие. Напомним, что в I корпусе казаки были представлены 2-м Конно-Черноморским полком.

Первый поход на Варшаву. Вавр...

За Вислой, как мы помним, авангард Крейца 7(19) февраля под командованием Бутовича у Нововесы отвлекал на себя войска Дверницкого (7 батальонов, 22 эскадрона, 16 орудий). У Бутовича войск было гораздо меньше – 6 эскадронов, 6 орудий и казаки Платова – поэтому он был разбит и попал в плен, а отряд отступил¹.

Главные события разворачивались на варшавском направлении. На 7(19) февраля диспозиция предписывала VI и I корпусам наступать, а их авангардам выйти к Выгоде, Чеодаеву с двумя гренадерскими полками дойти до Скроды, 2-й гренадерской дивизии оставаться у Милосны, гвардейскому отряду – у Дембовельки, кирасирам – у Минска. Гейсмару со 2-й бригадой выйти к Карчеву и переправиться по льду на левый берег Вислы, чтоб отвлечь внимание поляков от направления главного удара. Дибич хотел захватить выходы к Граховской равнине, за равниной была Прага. Слевы от равнины до Вислы тянулись леса и болота. Справа тоже была пересеченная местность, но все же проходимая.

7-го числа I корпус Палена вел бой в Милосне, поляки стояли крепко, но Милосну Пален все же взял. Поляки уходили через лесное дефиле, их артиллерийский огонь прикрывал отступление. Преследовавшие русские несли потери. Ехавший перед 2-й гренадерской дивизией Н.Д. Неелов видел кучи беспомощных раненых и целые фуры, нагруженные ранеными, за фурами текли ручьи крови².

2-я гренадерская дивизия не спешила, шла за I корпусом медленно.

После оставления Милосны, Жимирский по шоссе отошел к Вавру и решил принять бой.

За его спиной на протяжении семи километров до Праги простиралась равнина, покрытая песчаными холмами, кустами, болотами и отдельными усадьбами. В двух километрах за Вавром, вдоль шоссе, лежали деревни Малый и Большой Грохов, а в 3 км за ними виднелась Прага; не доходя Грохова, была расположена небольшая

ольховая роща. Поляки в случае сражения могли маневрировать по равнине, а русским, для начала сражения, на эту равнину еще предстояло выйти.

Имевшиеся у него 28 артиллерийских орудий (русские считали потом, что орудий 40) Жимирский выставил в одну линию перед Вавром против уже указанного дефиле. Русские для атаки должны были либо разворачиваться в лесу, что при тех плотных строях было невозможно, либо выходить из леса колоннами и разворачиваться под огнем польских орудий.

Направо от батареи Жимирский развернул 3 батальона и примкнул их правый фланг к болоту, налево от орудий он развернул 6 батальонов. Остальные войска были поставлены во второй линии.

На помощь Жимирскому подошла дивизия Шембека. Ко времени ее прибытия к Вавру из леса начали показываться передовые части I корпуса графа Палена. Шембек развернул свою дивизию правее Жимирского, а на правом фланге поставил три полка кавалерийской дивизии генерала Томаша Лубенского

Бой за выход на Граховскую долину вели два русских корпуса, VI и I, но путь авангарда VI корпуса под командованием Влодека был длиннее в полтора раза. Выступили они одновременно, но к долине авангард I корпуса под командованием Лопухина вышел гораздо раньше.

Русские с ходу начали атаку. Авангард Лопухина состоял из 2-го Конно-Черноморского полка, егерской бригады и 22 эскадронов Сумского и Клястицкого гусарских, Новомиргородского и Елисаветградского уланских полков (Клястицкий гусарский имел в строю 4 эскадрона). За авангардом шла 3-я пехотная дивизия и недавно битая бригада конных егерей – Переяславский и короля Виртембергского. Авангард Лопухина атаковал из дефиле. Здесь собрались егерская бригада 1-й пехотной дивизии, 5-й егерский полк, бригада 3-й уланской и 1-й гусарской дивизий. С собой они выкатили 2 орудия.

¹ Война с польскими мятежниками 1831 года в переписке Николая 1 с гр. Дибичом//Русская старина. 1884. № 9. С. 540.

² Корягин С.В. Мельниковы и другие ... С. 20.

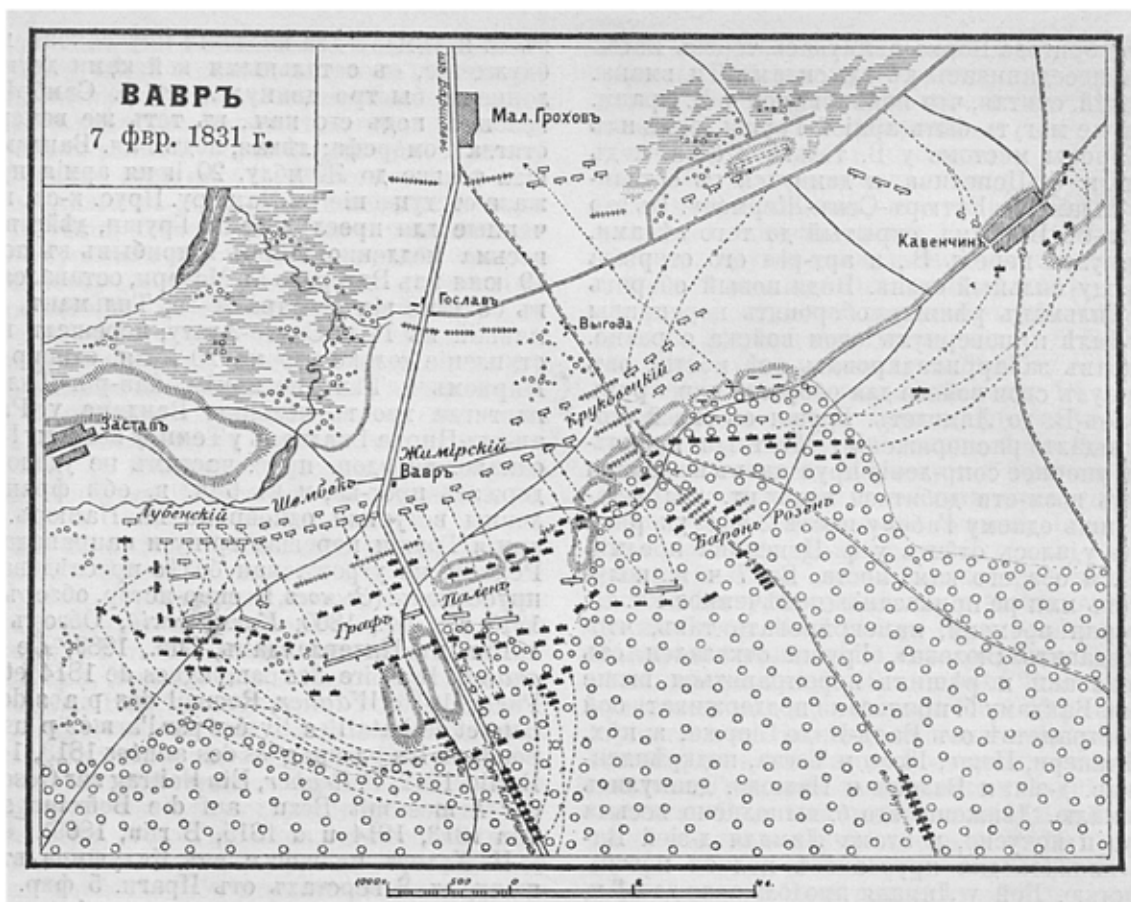
³ Корягин С.В. Кузнецовы. Генеалогия и семейная история донского казачества. Выпуск 60. М.: Русаки, 2006. С.54.

⁴ Бантыш-Каменский Д. Указ. соч. С. 158.

⁵ Козловский Я.В., Корягин С.В., Логинов С.Д. Поляковы. Выпуск 115. М.: Древлехранилище, 2015. С. 108.

¹ Хронологический указатель... С. 110.

² Неелов Н.Д. Указ. соч. С. 78.

Их уже ждали дивизия Жимирского, дивизия Шембека, кавалерия Лубенского и тот самый гвардейский конно-егерский полк, некогда преданный Великому князю Константину.

Сам Хлопицкий прискакал к месту сражения. Названным войскам он приказал удерживать Палена, а дивизии Круковецкого и Скржинецкого двинул на подходившие войска Литовского корпуса. 4-й линейный полк (пользовавшийся славой и носивший прозвище «чвартаки»)¹, занял ключевые позиции – Ольховую рощу. На левом фланге поляки оставались Янковский с тремя полками.

1-й и 2-й егерские полки из авангарда Лопухина вышли из леса, но были сбиты. Батальон 2-го егерского полка «понес весьма значительные потери»². Фактически 2-й егерский полк потерял большую часть своего состава. Дело в том, что, выходя из дефиле, егерям, чтобы не потерять темпа, запрещали останавливаться и заряжать ружья. Когда же они вышли и развернулись перед польской батареей, им приказали заряжать. Поляки смели их картечью, а потом налетела польская кавалерия. Уцелели 300 егерей. Поляки

захватили их знамя и взяли в плен 3 штаб-офицеров. «В то же время Черноморский полк на левом фланге произвел атаку, но был опрокинут, и атаман Власов, получивший несколько сабельных ударов, подвергся опасности быть взятым в плен; черноморцы произвели новую атаку и выручили своего атамана»³.

П.Н. Краснов так описал этот бой Власова: «7 февраля 1831 года он повел сам казаков атаку на польских улан. У польских улан тоже были пики, как у казаков, но только с маленькими флажками у копыя. Седой генерал врубился в ряды поляков. Но рука старика уже не была так сильна, как прежде. Уланы его окружили. Он получил восемь сабельных ран, ему разбили челюсть. Он упал с лошади. Уланы начали колоть его пиками, но в это время налетели на них казаки и перекололи их всех. Замертво вынесли казаки своего атамана из боя. Три месяца он пролежал в госпитале, лечась от ран...»⁴.

То, что Власов, донской походный атаман и генерал-майор, лично повел в атаку черноморских казаков, объясняется тем, что это были

¹ Орлов Н.А. Указ. соч.

² Пузыревский А.К. Указ. соч. Т.1. С. 89.

³ Пузыревский А.К. Указ. соч. Т.1. С. 89.

⁴ Краснов П.Н. Картины былого Тихого Дона. Т.2. М.: Граница, 1992. С.76.

последние войска, которыми он сам командовал в бою. Небольшого роста, широкоплечий, прирожденный конник, он, по воспоминаниям черноморских казаков, снес шашкой не одну черкесскую голову. Если в нынешнем возрасте он сам повел казаков в атаку, то, значит, драться умел и любил. Но регулярная польская кавалерия это не черкесы...

«То дело при Вавре вошло в биографию 64-летнего М. Г. Власова 3-го особой строкой: он впервые в своей долгой жизни был ранен. И как ранен!»¹.

В источниках разнится количество ран. В.Потто насчитал их больше всех: «Восемь сабельных ран по лицу и по голове, раздробленная челюсть и грудь, пробитая двумя ударами пик, – служили неопровержимым доказательством его участия в рукопашной свалке»². В послужном списке отмечены 5 ран саблей в голову и 2 пикой в бок³. За участие в этом бою М.Г. Власов 27 февраля 1831 года был произведен в генерал-лейтенанты.

Польские высшие командиры, оставившие воспоминания о бое под Вавром, о стычке своей кавалерии с черноморцами вообще не упоминают. Не упоминается о ранении Власова и в соответствующей статье «Вавр» в «Военной энциклопедии» 1911 года. «Бросившийся в атаку Черноморский п. б. опрокинут»⁴ – и все. Дибич в день боя написал царю: «Генерал Власов тяжело ранен пулею»⁵.

Но вернемся на поле боя...

Части Лопухина три часа выдерживали огонь и атаки поляков и вынуждены были начать отход назад к Милосне. Но подошли остальные части I корпуса, развернулись, выкатили под огнем орудия 2-х батарей, и бой закипел.

Пален с кавалерией стал левее. По шоссе развернулся 5-й егерский полк и прикрыл разбитый 2-й егерский. Части 3-й дивизии стали правее. Держались так с 10 часов.

В 11 часов подошел Дибич с эскадром Лубенского гусарского полка и 9 батальонами 2-й пехотной дивизии.

Вместе с Дибичем подошли казаки, охранявшие главную квартиру. Казаки полков Золотарева № 21 и Егорова 1-го № 44 отметили в своих послужных списках участие в бою при Вавре,

но каких-либо наград за этот бой не получили. Лишь казак полка Егорова № 44 Донецков Алексей Степанович за бой 7 февраля 1831 г. был награжден Знаком отличия Военного Ордена. Там же были черноморцы из 5-го Конно-Черноморского полка во главе с хорунжим Емельяном Давыдовым. Они числились «7, 8 и 9 в конвое при главнокомандующем действующей армии из местечка Минска до Гроховского поля»⁶.

Пока русские конные егеря пропускали подошедшую пехоту, польская пехота бросилась на русскую артиллерию в рассыпном строю. Польские стрелки захватили 4 орудия, и сам Дибич с полуэскадром конвоя и «несколькими десятками казаков» их отбивал⁷. Казак Донецков Алексей Степанович полка Егорова 1-го № 44, как мы помним, за бой 7 февраля 1831 был награжден Знаком отличия Военного Ордена и, видимо, не зря. Кроме того вмешался саперный батальон, ремонтировавший дорогу.

Русские пушки стояли на шоссе, и поляки атаковали их по открытой местности. Захватив пушки, они подверглись не только атаке кавалерии по тому же шоссе, но и перекрестному огню русской пехоты. В итоге польские стрелки оставили захваченные орудия и убежали в лес.

Литовский корпус в это время теснил Скрженецкого по такому же лесному дефиле, но северо-восточнее. Около 12 часов дня Скрженецкий присоединился к левому флангу Жимирского и выставил батарею перед Выгодами.

На Розена вместо частей Скрженецкого вышли части дивизии Круковецкого с конно-егерским полком из дивизии Янковского.

Хлопицкий с Круковецким выехали к ведущим бой войскам. Они хотели атакой в центре разделить русские войска и опрокинуть I корпус Палена в болото.

Командовавший сражением Толь выдвинул против стянутых к центру польских войск артиллерию, и польская атака была сорвана, не начавшись.

Хлопицкий на своем правом фланге стал концентрировать кавалерию. Но Толь вовремя противопоставил ей кавалерию под командованием Сакена и бригаду конных егерей Пашкова.

¹ <http://ksovd.ru/ksovd/303-maksim-grigorevich-vlasov-3-i.html>

² Потто В.А. Указ. соч. Т.2. С. 555.

³ Корягин С.В. Власовы и другие. Выпуск 21. М.: Русаки, 2001. С. 23.

⁴ Вавр//Военная энциклопедия. Т.5. М.: Тип. Т. И.Д. Сытина, 1911. С. 208.

⁵ Война с польскими мятежниками 1831 года в переписке Николая 1 с гр. Дибичом//Русская старина. 1884. № 9. С. 541.

⁶ Матвеев О.В., Фролов Б.Е. Указ. соч. С. 130.

⁷ Краснов П.Н. Картины былого Тихого Дона. Т.2. М.: Граница, 1992. С.90.

Сакен развернул на выходе из дефила Сумский гусарский полк, за ним во 2-й линии Новоархангельский и Елисаветградский уланские и за ними Клястицкий гусарский и 500 казаков Секретева (по строевому рапорту за 7 (19) февраля их было 353¹). Правее на опушке леса под прикрытием егерей стала конная батарея.

Поляки стянули к месту атаки 2 уланских и 2 конно-егерских полка из дивизии Лубенского. Их 1-я линия бросилась в атаку. Сумский гусарский бросился навстречу, но был опрокинут. В свою очередь Новоархангельский уланский полк опрокинул всю польскую 1-ю линию на 2-ю. Польская кавалерия была отбита, и Лубенский стал отводить ее за пехоту Жимирского. Шембек тоже стал отводить свою дивизию.

«Видя это, граф Дибич приказал кавалерии дружно атаковать противника. Конно-егерский Его Величества Короля Вюртембергского полк лихим ударом опрокинул 3-й полк польских конных егерей. Тогда генерал Хлопицкий приказал 2-му батальону польского Гренадерского гвардейского полка ударить в штыки и оттеснить поддерживавший русскую кавалерию 2-й батальон 3-го морского полка. Польские гренадеры смело пошли в атаку. Но полковник Н.Я. Сафонов (командир полка – **А.В.**) хладнокровно выжидал их приближения. Подойдя на 100 шагов и видя неподвижность русских рядов, гренадеры замялись и остановились. Разгневанный Хлопицкий подскакал к батальону, чтобы лично вести его в атаку. И тут Сафонов дал залп, выбивший первую шеренгу гренадер, а также лошадей под свитой генерала. Началась неразбериха. В этот момент Сафонов ударил на гренадер в штыки...»².

С флангов и тыла на польских гвардейских гренадер бросились конные егеря бригады Пашкова. Полк короля Виртембергского врубился в ряды гвардейских гренадер и загнал их в болото (куда поляки планировали загнать корпус Палена 1-го). «Польские гвардейцы были смяты, загнаны в болото, где истреблены или взяты в плен вместе с их командиром подполковником Киверским»³.

В общем, «в центре и на левом фланге граф Пален сбил повсюду мятежников, и конно-егерский Его Величества короля Виртембергского полк, по личному приказанию генерал-фельдмаршала, врубившись в пехоту, нанес ей большое поражение, и взял при этом случае в плен

польского майора Борткевича со многими офицерами»⁴.

Русская пехота заняла Вавр, прикрывавшая вместе с гренадерами отступление польская кавалерия ушла на Застав и Зержен.

VI (Литовский) корпус продолжил наступление двумя колоннами. Против него выступила дивизия Круковецкого. 5-й линейный полк стал охватывать русский правый фланг, но был остановлен. В 2 пополудни Круковецкий стал отходить к Ольховой роще, где уже укрепился Скржинецкий.

Бой закипел за местечко Кавендзин, на которое опирался левый фланг поляков. Польский и Волынский уланские полки и Житомирский пехотный полк ворвались в селение, которое защищал батальон польской пехоты и Калишский уланский полк. В конце концов, поляки стали отходить.

В 4 часа пополудни стемнело. Поляки отошли к Малому Грохову, правый фланг примкнул к болоту, левый – к Ковендзину. Центр остался в Малом Грохове, перед ним поставили батарею.

Русские, преследуя, выдвинулись: авангард Палена к Гославу, сам корпус остался у Вавра, VI корпус занял своим авангардом Выгоду. 2-я гренадерская дивизия стала за I корпусом. Цесаревич со своими войсками расположился за гренадерами, кирасиры вступили в Милосну. Главная цель была достигнута – выходы из леса заняты. Но поляки удержали Ольховую рощу – центр поля будущего сражения.

Вдали показалась Варшава...

В этот день, 7 (19) февраля, Гренадерский корпус находился в 150 верстах от армии, а Крейц в 200 верстах.

А. Керсновский назвал сражение при Вавре «случайным». «7-го числа произошло случайное сражение при Вавре, после которого польская армия отступила на Гроховскую позицию, непосредственно прикрывавшую Варшаву. Поляки атаковали I корпус, введя мало-помалу большую часть своих войск, но были остановлены и сбиты VI корпусом, взявшим их во фланг. У нас участвовало 27 000 человек, у поляков – 40 000. Наши конноегеря лихо атаковали польские каре, взяв реванш за Сточек и показав необоснованность упреков своего начальника. Наш урон – 3600, польский – 3700»⁵.

¹ Пузыревский А.К. Указ. соч. Т.2. С. 12.

² <https://arsenal-info.ru/b/book/2557340892/5>

³ Там же.

⁴ Бантыш-Каменский Д. Указ. соч. С. 157.

⁵ Керсновский А.А. Указ. соч. С. 69.

Офицер генерального штаба Н.Д. Неелов считал, что убитыми, ранеными и пленными русские потеряли до 4000 человек, поляки почти столько же¹. Ранены были начальник артиллерии генерал-адъютант Сухозанет, походный атаман генерал-майор Власов, генерал-майоры Афросимов, Иосселиани, полковник Бодиско.

И, наконец, поляки считали, что потеряли убитыми около 3000 человек, а русские – около 6000².

Известно, что поляки потеряли до 500 человек пленными. «Бывший лейб-гвардии гренадерский и конно-егерский полки пострадали наиболее против других»³.

На левом фланге Гейсмар, получивший приказ прикрывать левый фланг, 8 (20) февраля вышел к Висле и занял Карчев. Под его командованием был отряд из полка пехоты, трех кавалерийских полков и полка казаков. Там Гейсмар простоял до 13 (25) февраля.

Согласно ведомости от 7 февраля 1831 года в боях при «вступлении на Пражские поля» участвовали всего три казачьих полка – донской полк Секретева в VI корпусе в авангарде Влодека (359 казаков), 2-й Конно-Черноморский полк в I корпусе в авангарде Лопухина (338 казаков) и донской полк Платова 2-го в отряде Гейсмара (488 казаков)⁴.

¹ Неелов Н.Д. Указ. соч. С. 81.

² Грабеньский В. Указ. соч. С. 128.

³ Бантыш-Каменский Д. Биографии ... С. 158.

⁴ Пузыревский А.К. Указ. соч. Т.2. С. 12-13.

Первый поход на Варшаву. Граховские поля...

О тойда, поляки занимали довольно невыгодную позицию с Вислой за спиной. Если бы удалось опрокинуть их мощным лобовым ударом, вся польская армия оказалась бы либо на льду, либо в ледяной воде. Тем не менее, они примкнули свой правый фланг к Висле, а левый поставили за Ольховой рощей против Кавенчина (Ковендзина).

Ольховая роща опять стала тем пунктом, на который опиралась их оборона. В самой Ольховой роще укрепились 4 батальона 4-го линейного полка. Справа и чуть позади рощи развернулась дивизия Скржинецкого, слева и чуть позади – дивизия Круковецкого. Непосредственно за рощей расположились 6 батальонов Гелгуда.

Сразу же 8 (20) февраля бои продолжились. Керсновский пишет: «8 февраля наша 25-я дивизия VI корпуса по собственному почину атаковала Гроховскую позицию, но была отбита. У нас в этом деле убыло 1620 человек»¹. Керсновский не посчитал еще 53 выбывших офицеров...

Дело было в следующем. Части Гейсмара на рассвете 8-го стали располагаться в нескольких верстах от Праги, напротив Ольховой рощи, и даже составили ружья. Поляки вышли из рощи и открыли огонь. Волынский и Минский полки взялись за оружие и пошли на поляков, Брестский и Подольский полки их поддержали. Командовал генерал-лейтенант К.П.Рейбниц. Гоня поляков, дивизия вошла в Ольховую рощу. С другой стороны туда вступили батальоны Гелгуда. Бой в роще выиграла поляки. Отбитая 25-я дивизия отошла назад и очистила Ольховую рощу, что было большой ошибкой. Все остальные войска стояли на своих местах и не помогли укрепиться в этом лесном массиве.

Дибич медлил, он решил дать генеральное сражение 14-го числа, направив удар в левый фланг неприятельской позиции. Он все рассчитал. Ставку он делал на подход Гренадерского

корпуса. Еще 6 (18) февраля он направил своего адъютанта ротмистра Муханова с 50 казаками к командиру корпуса князю Шеховскому, чтобы тот форсированным маршем шел к месту будущего сражения и 11 (23) февраля был в Сероцке.

Армии стояли друг против друга. В русских войсках уже обозначилась нехватка сухарей. Фунт сахара для чаепитий господа офицеры покупали у маркитантов за 1 рубль серебром. Но, как вспоминал Н.Д. Неелов, «убежденные, что скоро вступим в Варшаву, мы легко переносили и холод и все лишения, и проводили время довольно весело»². Офицеры сменили шляпы на походные фуражки.

Пока ротмистр Муханов искал Шаховского, поляки обдумывали свой план боя. К ним прибыл генерал Уминский, человек авантюристического склада, и получил под свое командование кавалерийскую дивизию Вейсенгофа. Вейсенгоф при Великом князе был начальником уланской дивизии и был Князем охарактеризован: «Человек умный, с познаниями, прекрасный офицер»³.

Хлопицкому советовали ударить на Литовский корпус, считавшийся ненадежным. Но он боялся, что русские ударят ему тогда в правый фланг и отрежут от Варшавы.

Муханов нашел князя Шаховского 8 (20) февраля в Остроленке и передал приказ. Корпус Шаховского, как мы помним, был неполным, но при нем в качестве авангарда была дивизия Мандерштерна и один казачий полк Грекова 4-го, который Дибич выслал из Венгрова на правый берег Буга и который должен был осуществлять связь Шаховского с главной армией. Греков 4-й осуществлял связь активно. Сотник его полка Волошинов Андрей Алексеевич 9 (21) февраля был ранен пикой в голову⁴.

Тогда же, 9 (21) февраля в город Пултуск прибыл Атаманский полк и вошел в состав корпуса генерала Гурко. Как сказано в «Атаманской

памятке», «сейчас же наши сотни были разделены на отдельные партии и втянулись в громадные леса, окружающие реку Буг. Им было приказано узнать, насколько крепок лед на реке и может ли по нему пройти кавалерия и артиллерия»¹.

Прибывшие на войну атаманцы попали в непривычные условия. «Эта война была совсем особенная. Местность, на которой действовал полк, покрыта дремучими лесами и непроходимыми болотами и топями. По всем деревьям, в лесах, по корчмам и трактирам ютились мятежники. Всякий крестьянин был опасен, во дворах у помещиков скрывались отряды, или, как их называли, «банды» поляков. Не проходило дня, чтобы кто-нибудь из казаков не был убит из-за угла изменнической пулей... Но зато в эту войну казаки, привычные действовать маленькими партиями под командой хорунжих и урядников, имели случай отличиться»².

Ожидая Шаховского, Дибич отрядил Сакена с уланской бригадой к Загржу захватить мост, чтобы Шаховской переправился. Мандерштерн перешел Буг по льду и атаковал охрану моста с тыла. Когда Шаховской переправлялся, к нему прибыл от Дибича штабс-капитан Львов и передал распоряжение главнокомандующего: если гренадеры идут с артиллерией, то пусть двинутся сразу на Варшаву... Так Дибич пытался разыграть новое Ватерлоо. Как мы помним, Наполеон тогда дрался с Веллингтоном, а в правый фланг ему ударила подошедшая армия Блюхера. Теперь в левый фланг полякам должен был ударить князь Шаховской.

Это в идеале... Если же Шаховской торопился и пустился в путь без артиллерии, то пусть сворачивает на Радзимин на соединение с русской армией и просто усилит ее.

Хлопицкий, почуяв неладное, 11 (23) февраля послал к переправе у Зегржа генерала Янковского с бригадой кавалерии и батальоном пехоты (3-й батальон 6-го линейного полка) из бригады Малаховского, батальоном стрелков «Курпов» и 2 орудиями. Кроме того эти части имели приказ забрать запасы из магазина в Радзимине. Потом Хлопицкий решил, что против русских гренадер это ничтожно мало, и послал еще Малаховского с 6 батальонами.

Прикрывавший со стороны Радзимины переправу гренадерских дивизий Атаманский полк вступил с «Курпами» в перестрелку.

Шаховской явился к месту происшествия с артиллерией, поэтому получил приказ двигаться к Бялоленке, во фланг польским войскам.

Обрадованный Дибич стал составлять план генерального сражения на 14 февраля. Граф де Витт с III резервным кавалерийским корпусом выступает навстречу Шаховскому и 14-го утром соединяется с ним у Кавендзина. Шаховской выступит туда в 2 часа утра из Бялолянки. Соединившись, они образуют правый фланг под командованием Шаховского – гренадеры, отряды Мандерштерна и Сакена и кавалерия де Витта. Центр позиции составляет VI корпус Розена, левый фланг – I корпус Палена. В резерве встанут 2-я гренадерская дивизия и гвардейский отряд Великого Князя. Атаку начнет Шаховской, затем всей массой будет нанесен удар в центре, и поляков загонят между Вислой и болотами³. Но четкой диспозиции составить так и не успели. Думали сделать в ночь на 14-е.

12 (24) февраля Нейдгардт объехал позиции и указал, где перед боем расставлять дивизии. За левый фланг командование не беспокоилось. Крейц у Тырчина переправился на правый берег Вислы и, хотя и издали, но наблюдал за ним. В главной армии день прошел спокойно. Но у Шаховского по пути его следования уже начались бои.

12-го утром Янковский, оставив полк Мазуров в Бялоленке, напал на русских гренадер. Шаховской (11 батальонов, 6 эскадронов, 3 казачьих полка – донской Грекова, 4-й и 7-й Конно-Черноморские) под Непорентом отбросил кавалерию Янковского на Слупно к Бялоленке. Янковский потерял 2 орудия⁴. Непорент («Поренте») указан в послужном списке донского хорунжего Никанора Машлыкина как второй бой Атаманского полка⁵.

Дальнейшее наступление были приостановлено, так как в Бялоленке уже стояла пехота Малаховского. А чуть дальше, к Брудно, подходила дивизия Круковецкого.

Дибич предпочел не начинать активных действий 12-го числа, а корпус Шаховского использовать внезапно, и послал Шаховскому приказ не ввязываться в бои. Приказ опоздал, «казак, везший его, наткнулся на дивизию Янковского, взял правее, сделал большой объезд, не застал Шаховского у Непотрента и настиг его уже

¹ Керсновский А.А. Указ. соч. С. 69.

² Неелов Н.Д. Указ. соч. С. 84.

³ Заметки о генералах всех чинов... С. 270.

⁴ Корягин С.В. Волошиновы и другие. Выпуск 39. М.: Русаки, 2003. С.6-7.

¹ Краснов П.Н. Атаманская памятка// http://az.lib.ru/k/krasnow_p_n/text_0190.shtml

² Краснов П.Н. Атаманская памятка...

³ Неелов Н.Д. Указ. соч. С. 90.

⁴ <https://arsenal-info.ru/b/book/2557340892/5>

⁵ Корягин С.В. Машлыкины и другие. Выпуск 46. М. Русаки. 2004. С. 9.

в то время, когда он втянулся в дефиле у Кобелки»¹.

Бялоленка закрывала вход в лесное дефиле, ведущее к левому флангу поляков, и Шаховской атаковал селение. Селение тянулось целую версту вдоль дороги на Прагу и заканчивалось помещичьей усадьбой. Утром 12-го в Бялоленку вступила бригада Малаховского – 2-й и 6-й линейные полки – с приказом обороняться до последней крайности. 1 батальон 6-го полка развернулся перед наружной оградой усадьбы, 2 других укрепились в самой усадьбе. Левее, между селением и лесом развернулись 3 батальона 2-го полка. Мазуры встали впереди селения, «Курпы» в самом селении, Янковский – за правым флангом.

Нагрудный знак лейб-гвардии
Атаманского полка

В 2 часа пополудни шедший в авангарде Шаховского Атаманский полк оттеснил 1-й полк Мазуров к польскому левому флангу. Поляки открыли огонь из деревни. Деревню атаковали 1-й и 2-й морские полки под командованием Мандерштерна. Во время боя за деревню Янковский получил приказ отойти к главным силам, к Грохову. Он оставил 1-й полк Мазуров и ушел.

1-й и 2-й морские полки «ворвались в Бялоленку и выбили из нее 2-й батальон 6-го линейного полка. Но за селом русских встретили 1-й и 3-й батальоны 6-го полка, которые контра-такой отбросили морские батальоны, но лишь

до середины Бялоленки. В домах и дворах завязался упорный бой. Противники стреляли друг в друга с 20 шагов, после чего бросались в штыки»².

К деревне вышел Суворовский гренадерский полк. Заявив, «Суворовцы» не стреляют», гренандеры пошли в лоб в штыковую атаку, Сакен стал обходить поляков с фланга. «Надобно было брать штурмом каждый дом, каждый забор», – писал Н.Д. Неелов³. Но к вечеру Бялоленку заняли. Прекрасно показал себя Атаманский полк.

Малаховский ушел в Брудно. Шаховской не преследовал его кавалерией. Поляки уходили по лесному дефиле, отстреливались, и обойти их по зимнему лесу конница не могла.

Потери русских составили 650 человек. Потери поляков не объявлены.

Дибич повторно послал Шаховскому приказ не принимать бой, а идти к нему на соединение.

По приказанию Дибича начали составлять диспозицию на 14 (26) февраля. Удар наносился по левому флангу поляков, и нанести его должны были гренандеры Шаховского. Именно здесь единственный раз упоминались казаки. Правее Шаховского разворачивалась его кавалерия, а еще правее – казаки, «по шоссе к Праге»⁴. Больше в диспозиции о казаках ничего не было.

Утром 13 (25) февраля поляки атаковали Бялоленку...

А. Керсновский считал, что Радзивилл «оказал делу восстания огромную услугу, атаковав утром 13 февраля Шаховского под Белоленкой, чем спас польскую армию от готовившегося ей 14-го числа сокрушительного удара во фланг, и заставил Дибича произвести фронтальную атаку гроховской позиции»⁵.

Шаховской после недавнего боя решил, что на него наступает вся польская армия. В первой линии на него шли сразу 8 батальонов. Это была дивизия Круковецкого. Во второй линии наступал полк косинеров, но его не было видно, зато виднелся полк кавалерии – Люблинский.

Шаховской стал отвечать огнем на огонь и завязался бой.

В главной армии готовились к предстоящему сражению. Господа офицеры играли в карты...

Главнокомандующий, естественно, был настороже и обратил внимание на выстрелы где-то в 8 верстах, там, где должен был находиться

Шаховской. Судя по орудийному огню, сражение там завязалось серьезное. Моментально сориентировавшись, Дибич сказал Толлю: «Зачем ждать, начнем сегодня». И отдал приказ занимать позиции к бою. Он совершенно справедливо полагал, что, если поляки послали войска против Шаховского, то их центр ослаблен.

Поляки в это время занимали следующее положение: главная польская позиция проходила по Брестскому шоссе между Большим и Малым Гроховом, но Большой Грохов был позади, а Малый впереди позиции. Шембек стоял на правом крыле, упираясь в болото между шоссе и Вислой; Скржинецкий удерживал центр; Жимирский во главе левого крыла выдвинулся к Гроховскому лесу, перед его позицией был ров. Бригада Роланда из дивизии Жимирского – 3-й и 7-й линейные полки – стояла в роще, а главная масса за рвом. Три дивизии польской кавалерии стояли за пехотными дивизиями. Косинеры и артиллерийский резерв оставались у Праги. Круковецкий и подчиненные ему Янковский и Малаховский вели бой с Шаховским, опираясь на Брудно.

Русские начали бой, имея 48 тысяч пехоты, 10 тысяч кавалерии, 118 орудий. У подходившего Шаховского было 8500 пехоты, 2000 кавалерии и 56 орудий. 64 орудия русские держали в резерве. В лесистой местности их трудно было

где-либо развернуть. Однако позже польский историк написал, что русских было 100 000 человек и 300 орудий, а у поляков 30 000 человек и 80 пушек¹.

На самом деле у Хлопицкого было 36 тысяч пехоты, 12 тысяч кавалерии, 112 орудий. Круковецкий, сдерживая Шаховского, имел под своей командой 12 тысяч человек.

«Тогда Дибич, не успевший сосредоточить силы в намеченном направлении, атаковал 13 февраля Гроховскую позицию в лоб. Так произошло Гроховское сражение – самое кровопролитное дело за все войны русских с поляками», – писал А.Керсновский².

В 9-30 русские открыли огонь, и их правый фланг потянулся вправо, на рощу.

Пален наступал по обеим сторонам Брестского шоссе. Его кавалерия шла левее. Розен с VI корпусом наступал правее шоссе, 1-я бригада Литовской уланской дивизии составляла правый фланг русских у Ковенчина.

На русском левом фланге корпус Палена упорно продвигался вперед. Но в центре Литовский корпус ничего не мог поделаться. В 10-00 Розен бросил в атаку 5 батальонов 24-й дивизии и 6 батальонов 25-й дивизии. Они прошли Ольховую рощу, дошли до рва и были отбиты. Вторая атака была отбита всей дивизией Жимирского.

Коссак В. «Ольшинка Гроховская»

¹ Пузыревский А.К. Указ. сорч. Т.1. С.95.

² <https://arsenal-info.ru/b/book/2557340892/5>

³ Неелов Н.Д. Указ. соч. С. 94.

⁴ Война с польскими мятежниками 1831 года в переписке Николая 1 с гр. Дибичом//Русская старина. 1885. № 7. С. 47.

⁵ Керсновский А.А. Указ. соч. С. 76.

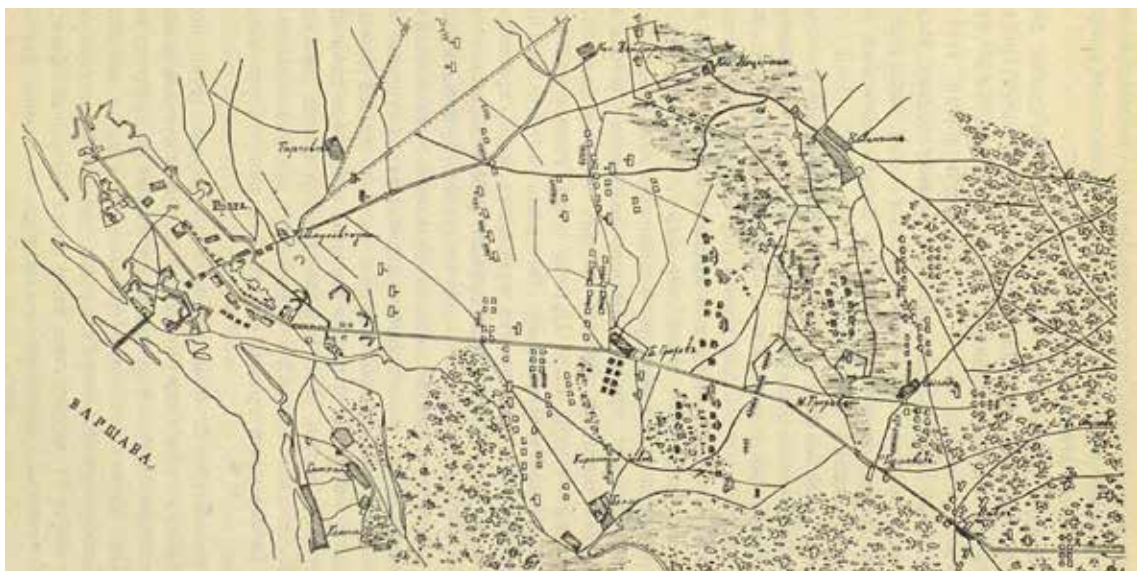
¹ Грабеньский В. Указ. соч. С. 128.

² Керсновский А.А. Указ. соч. С. 69.

Третья велась при поддержке 3-й пехотной дивизии. Дивизия Жимирского была отброшена, сам он смертельно ранен. К 11-00 русские заняли рощу, но она насквозь простреливалась польской картечью. Наконец, контратакой дивизии Скржинецкого русских из рощи выбили.

«Гроховская позиция была очень сильна. Многочисленные речки, канавы с водой, ямы и болота еще более затрудняли ее атаку. Тактическим ключом являлась Ольховая роща, у которой и разыгрались решительные действия. Три наших атаки, веденные длинными линиями до 20 батальонов, были отражены, и Хлопицкий лично водил войска в яростные контратаки»¹.

В 12-00 Дибич бросил на рощу 10 батальонов 3-й пехотной дивизии и начал обходить ее с двух сторон.

Н.Д. Неелов, оказавшийся на позиции трижды атаковавшего и трижды отбитого VI корпуса, писал об открывшемся ему беспорядке, «беспорядок этот еще более усиливался беспрестанными переметчиками, которые, в наших глазах, бросая ружья, перебежали на сторону поляков, или переходили целыми командами со всем оружием»². Командир корпуса генерал Розен находился впереди в стрелках и гнал солдат вперед. Рожки играли наступления, и солдаты Литовского корпуса отступали.

Хлопицкий повел в контратаку остатки дивизии Жимирского, сам стал во главе 4-х

батальонов гвардейских grenадер из дивизии Шембека, примкнувших к правому флангу дивизии Жимирского. Русские оставили рощу и даже потеряли два орудия.

Розен просил у Дибича прислать к нему grenадерскую дивизию. Дибич, не дождавсь прибытия Шаховского, кричал: «Что делает со мною Шаховской! Что делает!»³. Совсем как Наполеон в фильме «Ватерлоо», когда он всплескивал руками и кричал: «Where is Grouchy?»⁴

Неелов вспоминал, что Дибич «вертел на себе шляпу, снимал ее с головы, мял, бил лошадь ногой и, казалось, сам не знал, что делал»⁵. Затем последовал его приказ: «Адъютант! Скажите

к Шаховскому и скажите ему, чтобы через час он непременно был здесь с корпусом, иначе я донесу на него государю»⁶.

Шаховской был связан боем в Бялоленке. Получив приказ Дибича, он сначала не знал, как ему идти к главной армии, делать фланговый марш, когда поляки на него напирали. Наконец, решение было принято. Батарея штабс-капитана Чаплица встала на высоте и огнем остановила польское стремление. Шаховской вывел войска из Бялоленки и двинулся в обход леса по плохой дороге. «При Белоленке урон каждой стороны был по 650 человек, у нас пропало 1 орудие»⁷.

Grenадерский корпус подошел к месту боя в сумерках. Хорунжий Атаманского полка Машлык Никанор Акимович отметил участие в деле

¹ Керсновский А.А. Указ. соч. С. 69.

² Неелов Н.Д. Указ. соч. С. 92.

³ Неелов Н.Д. Указ. соч. С. 94.

⁴ Где Груши? (англ.)

⁵ Неелов Н.Д. Указ. соч. С. 94.

⁶ Неелов Н.Д. Указ. соч. С. 94.

⁷ Керсновский А.А. Указ. соч. С. 69.

«на Графовом поле»¹. Но дело было решено без Grenадерского корпуса.

Дибич готовил решающую атаку. «Не стыдно ли, что мы не можем овладеть этой рощей, – заявил он. – Теперь настала минута, когда мы лично должны собой жертвовать»².

Он сам прибыл в 3-ю дивизию и отвел ее в сторону. Командир grenадерской бригады повел своих grenадер вперед между 3-й дивизией и VI корпусом. Правее рощи стали выдвигаться русские кирасиры и уланы.

С польской стороны Круковецкий, двигавшийся параллельно с Шаховским, стал выходить к Ольховой роще с севера. Хлопицкий приказал «Круковецкому перейти к роще, а Лубенскому с кавалерией – поддержать предстоящую атаку. Лубенский отвечал, что местность неудобна для действий кавалерии, что Хлопицкий – пехотный генерал и не понимает кавалерийского дела, а что приказание он исполнит, лишь получив его от официального главнокомандующего Радзивилла. Вот в какую критическую минуту сказала неправильность положения Хлопицкого. Он отправился к Радзивиллу. На пути граната попала в лошадь Хлопицкого, разорвалась внутри и поранила ему ноги. Деятельность его прекратилась»³.

Поляки приписывали этому ранению решающее значение: «Хлопицкий, который всюду присутствовал, уже отдавал распоряжения, которые должны были закончить битву поражением русских, когда вместе с конем был сбит на землю. Хлопицкий, раненый гранатой в обе ноги, был отвезен в Варшаву... После удаления Хлопицкого с поля битвы последняя получила иной оборот»⁴.

Единое командование польскими войсками действительно было утеряно. Радзивилл молился и на вопросы отвечал текстами из Священного писания. Шембек плакал⁵. Он оказался чувствительным человеком. Видимо, сказало то, что в детстве он изучал искусство скрипичной игры под руководством знаменитого Пьера Роде (Pierre Rode).

Один Скрженецкий сохранял спокойствие и готовность драться.

В это время артиллерия русского I корпуса выдвинулась вперед. 90 орудий открыли огонь одновременно. Вместо Литовского корпуса в лес с боем вошла 2-я бригада 2-й grenадерской дивизии. Нейдгардт приказал, чтобы она ждала сигнала и не выходила на опушку. Но она уже вышла. Дибич послал приказ, чтобы она вернулась в лес. Grenадеры не могли отступить, так как перед ними стала сосредотачиваться польская

Виллевальде Б. Сражение у Грохова

¹ Корягин С.В. Машлыкины и другие. Выпуск 46. М. Русаки. 2004. С. 9.

² Пузыревский А.К. Указ. соч. Т.1. С.105.

³ Орлов Н.А. Указ. соч.

⁴ Грабеньский В. Указ. соч. С. 129.

⁵ Пузыревский А.К. Указ. соч. Т.1. С. 106.

Войцех Коссак.

Генерал Хлопицкий со своим штабом в битве под Гроховым»

кавалерия. Толь отбил эту кавалерию вовремя подвезенной артиллерией и приказал гренадерам наступать. Те смели все на своем пути и вышли на шоссе при Большом Грахове, встали влево от Праги, в полуверсте от нее.

«Выбив поляков из Ольховой рощи, фельд-маршал решил нанести им окончательный удар кавалерией. Однако кавалерийские начальники атаковали порознь вместо общей атаки и, несмотря на беспримерный героизм этих блестящих атак, они дали очень скромные результаты (тем более, что местность совершенно не благоприятствовала коннице)»¹. В бой были введены 3-я кирасирская дивизия и два уланских полка – лейб-гвардии уланский Цесаревича и Украинский. Перед тем, как атаковать, кавалерии пришлось преодолеть три рва в строю по три. Наконец граф Толь ее построил в три линии, выдвинул вперед 30 орудий на картечный выстрел и после их огня послал кавалерию в атаку на польские части. «Граф Толь имел в виду атаковать их конницу, опрокинуть ее на пехоту, и в общем замешательстве преследовать быстро; но едва тронулась кавалерия наша шагом, а потом рысью вперед, как кавалерия мятежников обратилась в бегство»².

Атака русской кавалерии действительно велась разрозненно. Шедший на левом фланге уланский Его высочества полк был обстрелян из леса 4-м линейным полком, уланы повернули

на польскую пехоту, но та была прикрыта канавой. Толь лично приказал развернуть против 4-го линейного конную батарею Герштенцвейга, и картечь рассеяла польскую пехоту.

Наиболее удачной была атака кирасирского полка Принца Альберта Прусского под командованием полковника Мейендорфа, составлявшего правый фланг кавалерии. 1-й дивизион подполковника Зона «разметал» каре 8-го линейного полка дивизии Скрженецкого и поскакал на 2-ю линию поляков. Мейендорф со 2-м дивизионом следовал за ним. 2-й уланский полк был брошен в контратаку на русских кирасир, но Зон опрокинул польских улан и «погнался за ними чрез всю глубину неприятельского расположения, распространяя смятение и беспорядок в рядах противника. Только в тылу неприятеля, у самой Праги, Кицкий, собрав 5 эскадронов 2-го и 5-го уланских полков, взял Зона во фланг, но тот простым поворотом налево вышел на шоссе и вывел дивизион свой из-под направленного против него огня пехоты и ракетной батареи»³.

Считалось, что дивизион полка принца Альберта проскакал Прагу, домчался до моста через Вислу, загнал противостоящих ему поляков в болота и взял много пленных. В свою очередь, кирасиры дивизиона потеряли половину своего состава, сам Зон был ранен и попал в плен, где и умер. Однако нравственное воздействие атаки русских кирасир было огромно. Среди поляков

¹ Керсновский А.А. Указ. соч. С. 70.

² Бантыш-Каменский Д. Указ. соч. С. 162.

³ Пузыревский А.К. Указ. соч. Т.1. С. 107.

Виллевальде Б. Сражение при Грохове

распространилась паника. Радзивилл со свитой уехал в Варшаву и приказал сжечь мост через Вислу¹. К счастью для беглецов, приказ не был выполнен.

«В самую эту минуту, граф Пален левым своим флангом быстро наступил вдоль по шоссе, и с Ольвиопольским гусарским полком загнал неприятельскую пехоту в болото, из которого весьма малая часть спаслась»². Отличился, конечно же, не один Ольвиопольский полк. Гейсмар повел в атаку Сумский и Ольвиопольский гусарские полки и Украинский уланский, бывшие ранее в прикрытии артиллерии I корпуса, и бригаду конных егерей. Русские кавалеристы атаковали 1-й и 3-й польские егерские полки «и тем опрокинули всю дивизию Шембека»³. Солдаты Шембека оказались кто в болоте, кто за Вислой. Украинский уланский полк в ходе атаки сам влетел в болото, но выбрался.

Пален двинул вперед пехоту и выровнял единую линию с VI корпусом. В 16-00 подошел Шаховской. Дибич выехал к нему в дивизию.

Гейсмар, прикрывавший на берегу Вислы левый фланг русской армии, стал заходить слева, двинулся вниз по течению Вислы, но получил

двукратное предупреждение «не двигаться с места»⁴.

Скржинецкий на левом фланге позиции удержался на песчаных холмах. На правом фланге держались лишь кавалерия и бригада Гелгуда с 3 орудиями.

От полного разгрома поляков спасло то, что они выставили на высоты у Праги свою артиллерию и ее огнем прикрыли отступление своих войск. Русская артиллерия, со своей стороны, «обложила ближайшие высоты предместья и произвела наихудшее опустошение в войсках, столпившихся у ворот Праги»⁵. Косинеры, бывшие в резерве, бежали через Вислу, проваливались – лед был не крепок – и бросали косы⁶.

В 17-00 стемнело. В 18-00 польские части стали уходить за Вислу.

В ночной темноте Дибич никак не мог найти прорвавшиеся сквозь польскую позицию 3 гренадерских полка и послал адъютантов вернуть их назад.

А.П. Ермолов, вспоминая предыдущие войны, писал: «случается обыкновенно, что казаки в генеральных сражениях никакой не приносят пользы»⁷. Тем не менее, в бою под Граховым участвовали 2-й конно-Черноморский (4 сотни,

¹ Отзовы и мнения военно-начальников о польской войне... С. 16.

² Бантыш-Каменский Д. Указ. соч. С. 163.

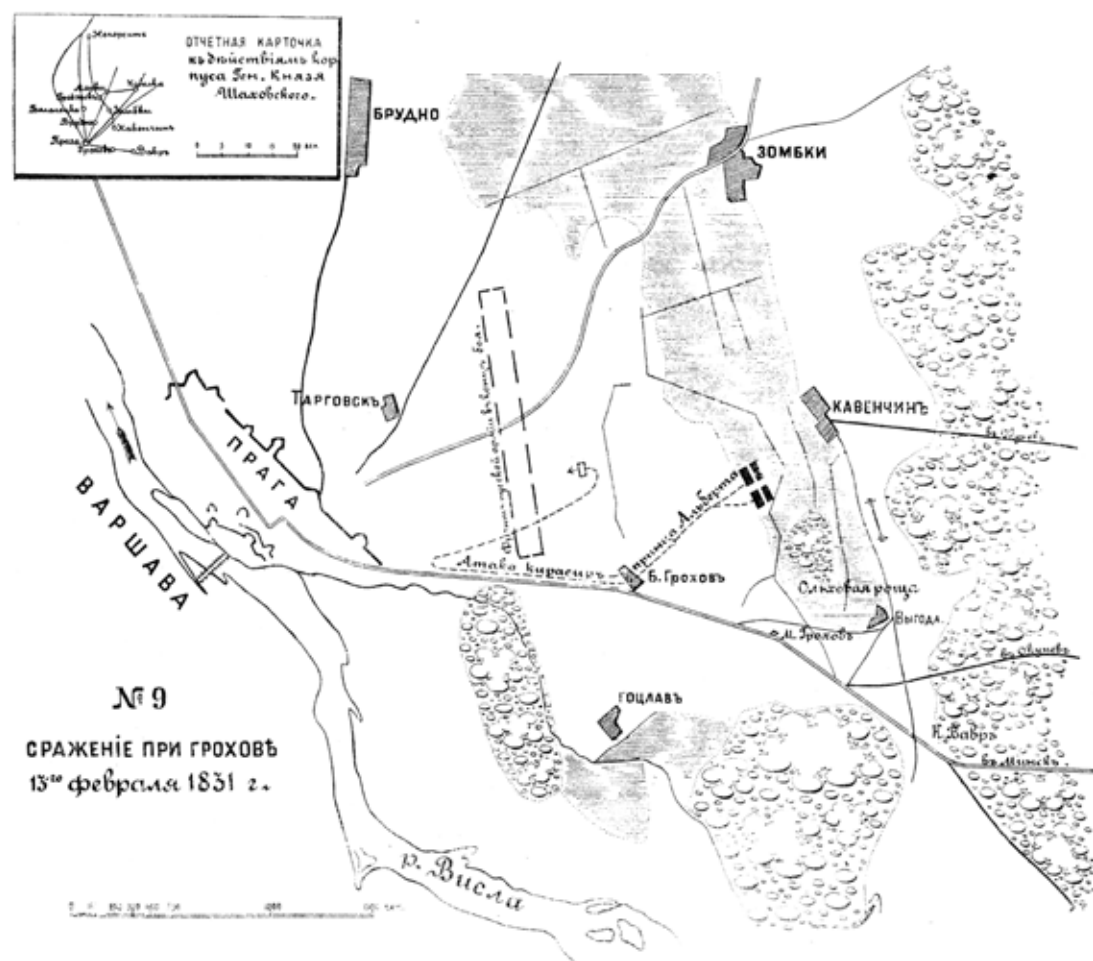
³ Пузыревский А.К. Указ. соч. Т.1. С. 108.

⁴ Гейсмар В. Указ. соч. С. 747.

⁵ Бантыш-Каменский Д. Указ. соч. С. 163.

⁶ Лишин А. Ф. Воспоминания 1830-1831.//Русская старина. 1890, т. 65, № 3. С. 727.

⁷ России двинулись сыны. Записки об отечественной войне 1812 года ее участников и очевидцев. М. 1988. С. 70.

Грохов

421 казак в I корпусе Палена), полк Секретева (5 сотен, 337 казаков в VI Литовском корпусе), Атаманский полк, полк Грекова и 4-й и 7-й Конно-Черноморские полки (9 сотен, 1000 казаков, «прочие в раскомандировках», в Гренадерском корпусе) и полк Андреянова (5 сотен, 387 казаков в отряде Сакена)¹. Участие в сражении поместили в своих послужных списках офицеры полка Золотарева № 23, охранявшие главную квартиру. Так, сотник Данилов Александр Семенович за этот бой получил орден Святой Анны 3-й степени, есаул Трифонов Петр Трифонович – Владимира 4-й степени, хорунжий Золотарев Михаил Васильевич – внеочередное производство в сотники с 16 февраля. Урядник Беляевский Козьма Алексеевич был награжден Знаком отличия Военного Ордена. То же участие в бою указали офицеры полка Егорова 1-го № 44, хорунжий Захаров Ефим Герасимович из этого полка получил Орден Святой Анны 4-й степени.

Из Конвоя Его Императорского Высочества двое были произведены в хорунжие – Александров

Алексей Алексеевич и унтер-офицер лейб-казачьего полка Дербенцев Иван Михайлович с зачислением в Атаманский полк.

Атаманский полк, дравшийся не столько на Граховых полях, сколько при Бялоленке, тоже получил награды: войсковые старшины Греков Алексей Андреевич и Иловайский Василий Алексеевич ордена Святой Анны 2-й степени, есаул Карпов Афанасий Акимович был произведен в войсковые старшины с 19 апреля 1831, есаул Андреянов Иван Иванович – тоже, с того же числа Никулин Филипп Дмитриевич был произведен в хорунжие, урядник Черевков Петр Федорович и казак Любченков Василий Василий были награждены Знаками отличия Военного Ордена. «Владимира» 3-й степени за Граховские поля получил командир Атаманского полка полковник Кузнецов Михаил Михайлович, приказ, правда, вышел лишь 6 сентября.

Дравшийся в рядах VI Литовского корпуса полк Секретева тоже получил свою долю наград: есаул Бирюков Федор Яковлевич награжден

¹ Пузыревский А.К. Указ. соч. Т.2. С.14-15.

орденом Святого Владимира 4-й степени, хорунжий Иванеев Иван Иванович – орденом Святой Анны 3-й степени, Плетнев Василий Михайлович, раненый саблей в голову и левую руку, произведен в хорунжие¹, казак Волошинов Семен Алексеевич награжден Знаком отличия Военного Ордена.

Поляки всю ночь с 13 на 14 февраля отступали. Преследуя их, вызванный из Карчева и назначенный начальником авангарда Гейсмар занял Прагу.

По данным русской разведки, после Грохова «почти не существуют» 2-й и 4-й егерские и 7-й линейный полки. Все эти полки входили в дивизию Жимирского.

Пленные показали, что у поляков к концу боя и после него царил беспорядок. Радзивилл вмешивался в распоряжения Хлопицкого. Жимирский погиб (ему оторвало руку, и он вскоре умер), Хлопицкий получил ранение в ногу. «Мы считали, говорили они, все погибшим и встретили бы русскую армию в Варшаве не с оружием,

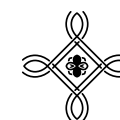
а с хлебом и солью, прося помилования у Императора»². На высоте положения остался недавно произведенный в бригадные генералы Скржинецкий. «Скржинецкий своею храбростью и распорядительностью мог заставить войска удерживаться до вечера»³. Он вскоре и стал польским главнокомандующим.

Русские войска потеряли в сражении убитыми и ранеными 9400 человек (из них 4300 из Литовского корпуса), поляки лишились 12 000 человек и 3 орудия⁴. По польским данным, русские потеряли около 9000, поляки – свыше 7000 человек⁵.

Всего по 16 (28) февраля русские потеряли 16500 человек и 11 орудий – 1 при Бялоленке, 8 при Сточке и 2 при Нововесе.

У русских был ранен генерал-майор Михайловский-Данилевский, будущий военный писатель.

14 (26) февраля после полудня началась оттепель, и пошел мокрый снег с дождем.

¹ Корягин С. В. Павловы и другие. Вып. 80. М.: Русаки, 2008. С. 93.

² Неелов Н.Д. Указ. соч. С. 117.

³ Неелов Н.Д. Указ. соч. С. 104.

⁴ Керсновский А.А. Указ. соч. С. 70.

⁵ Грабеньский В. Указ. соч. С. 130.

Первый поход на Варшаву. Обманутые надежды...

Известный военный теоретик Карл фон Клаузевиц писал, что «победа заключается не просто в захвате поля сражения, а в физическом и моральном сокрушении вооруженных сил противника, достигаемом большей частью лишь преследованием после выигранного сражения»¹.

На следующий день после сражения поляки заняли и сильно вооружили пражские укрепления. Вокруг тет-де-пона выставили 35 новых орудий². Командующий русскими инженерами полковник Ден 1-й осмотрел их и предложил штурмовать. Дибич не хотел рисковать и требовал осадный парк. Парк находился в Риге, но при нем не было лошадей. Наступившая распутица могла затянуть время подвоза тяжелых орудий, даже если бы нашлись лошади. Продовольствия в войсках оставалось до 20 февраля³. Армия выступила «в поход «налегке» — в результате чего после Гроховского сражения во всей русской артиллерии осталось всего 5000 зарядов, с чем нельзя было приступать к штурму сильно укрепленной Варшавы. Выступи Дибич в поход на месяц позже, кампания закончилась бы на полгода раньше: имея под рукой достаточные силы и средства, можно было бы сразу нанести решительный удар. Всю кампанию армии пришлось расплачиваться за эту первоначальную ошибку»⁴.

По сведениям княгини Голицыной, «депутация от всего купеческого сословия Варшавы и от мирных жителей явилась в русский лагерь и умоляла быстрее войти в город, потому как неприятельская армия обратилась в бегство, но фельдмаршал Дибич не сумел воспользоваться своим преимуществом»⁵.

Все ожидали таяния льда на Висле, когда поляки, ушедшие за реку, будут окончательно недоступны. «Обманутая надежда в скором окончании дел»⁶ довела над войсками. Еще больше, видимо, переживали русские пленные, удерживаемые в Варшаве. «Наши несчастные пленники, что были захвачены ночью 17/29 <ноября>, содержались в Королевском замке и терпели оскорбления от поляков, стали свидетелями и сражения, которое наблюдали из окон, и непонятного отступления нашей армии. Отчаянье охватило их, и минутная надежда, заставлявшая биться их сердца, сменилась горькою печалью пред еще долгим пленом»⁷.

Погода стояла сырая и туманная, шел снег с дождем. «Воздух был смраден, тучи дыма стлались над биваками»⁸. Войска стояли на поле битвы, и далеко не все погибшие были захоронены. 14 (26) и 15 (27) февраля гвардейский отряд Великого князя и III кавалерийский корпус отошли от Праги к Милосне.

Солдаты под снегом и дождем раздевались донага и давили вшей. Караульные, разряжая после смены ружья, стреляли во все стороны.

Неелов описывает случай, когда гренадеры обступили кибитку маркитанта-еврея, а один отпряг лошадь и куда-то повел. Еврей крикнул «Гвалт!» и побежал за своей лошадью. Гренадер объяснил ему, что хотел лошадь напоить. Пока еврей бегал за лошадью и выяснял отношения, половину его товара разнесли⁹.

Командный состав жил гораздо удобнее. Командующий 1-й гусарской дивизией князь Лопухин, плативший в месяц по 14 тысяч

повару-французу, закатывал обеды и кормил гостей на серебре.

В таких условиях естественны были интриги. Дибич всем намекал, кто является виновником неполной победы. Князь Шаховской написал оправдательное письмо лично царю. Царь ответил ему через Дибича, после чего Шаховской и Дибич стали заклятыми врагами.

При главной квартире поставили Атаманский полк, который на время лечения М.Г. Власова оставался «без хозяина». Полк находился при главной квартире и охранял ее с 16 (28) февраля по 25 марта (6 апреля). С тыла к театру военных действий подходили еще 56 донских сотен. Пока что в Вильну прибыл полк Кутейникова.

У поляков шла смена командного состава. На следующий день после сражения на военном совете Скржинецкий задал Радзивиллу вопрос, чувствует ли тот себя способным командовать армией. Радзивилл ответил уклончиво, но его ответ граничил с просьбой об отставке. Уминский задал Хржановскому (начальнику штаба) вопрос — кого ставить во главе армии? Думал, что Хржановский назовет его. Хржановский назвал Скржинецкого. Радзивилл тоже высказался за эту кандидатуру. Это было чем-то вроде назначения преемника. Хржановский остался начальником штаба, Прондзинский — генерал-квартирмейстером. Военным министром назначили Моравского, которого Пузыревский в своем исследовании почему-то назвал «ничтожным»¹, хотя Великим князем он был охарактеризован как старательный усердный, но «немного неопытен для маневров»².

Был ли у Уминского шанс возглавить польскую армию? Был.

Ян Непомуцен Уминьски (Jan Nepomucen Umiński)(1778-1851) родился в польской шляхетской семье в Челюсцине в Великой Польше. В 16-летнем возрасте он вступил в армию Речи Посполитой и участвовал в восстании Костюшко 1794 года в качестве адъютанта генерала Антония Мадалинского, первым со своей конной бригадой поднявшим восстание. После поражения Польши он сбежал из Польши в Дрезден, где был эмиссаром Общества польских республиканцев и генерала Яна Хенрика Домбровского, формировавшего польские легионы на французской службе. Когда начались наполеоновские войны, он вступил во французскую армию, где быстро дослужился до звания майора кавалерии. Вскоре

Ян Непомук Уминский

его перевели в армию герцогства Варшавского, где он служил командиром кавалерийского эскадрона и принял участие в войне с Австрией в 1809 году. В 1812 году Уминьский участвовал в походе на Россию, где он, командуя гусарским полком, сражался под Смоленском и при Бородино. Его 10-й гусарский полк первым вступил в Москву. Уминьский стал командиром бригады. В 1813 году он принял участие в Битве Народов под Лейпцигом, был ранен и попал в плен, из которого был освобожден после окончания войны. 20 января 1815 года он стал командиром 1-го конно-егерского полка в армии Царства Польского, но в том же году вышел в отставку и поселился в своем имении в отошедшей к Пруссии Великой Польше. С этого времени он стал создавать тайные патриотические общества. В 1826 году он был арестован прусской полицией и приговорен к 6 годам заключения. 5(17) февраля 1831 года Уминьский бежал из тюрьмы и 6 (18) февраля прибыл в Калиш. 9 (21) февраля Уминьский присоединился к польской армии в звании рядового солдата. Но генерал Хенрик Дембинский, хорошо знавший его, ввел его в круг нового высшего польского командования. Один факт вступления в Москву впереди всей Великой армии делал имя Уминьского легендарным. Но на должность командующего все же выдвинули Скржинецкого.

Ян Зигмунт Скржинецкий (Jan Zygmunt Skrzynecki) (1787–1860) родился в Жебраке под Седлецем, образование получил в Львовском университете. В армию Герцогства Варшавского он поступил простым солдатом и в сражении под

¹ Клаузевиц К. фон О войне. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2021. С.13.

² Отзывы и мнения военно-начальников о польской войне... С. 17.

³ Пузыревский А.К. Указ. соч. Т.1. с.110.

⁴ Керсновский А. Указ. соч. С. 75.

⁵ Голицына Н.И. Указ. соч. С. 118.

⁶ Неелов Н.Д. Указ. соч. С. 108.

⁷ Голицына Н.И. Указ. соч. С.119.

⁸ Неелов Н.Д. Указ. соч. С. 108.

⁹ Неелов Н.Д. Указ. соч. С. 109.

¹ Пузыревский А.К. Указ. соч. Т.1. С. 31.

² Заметки о генералах всех чинов... С. 273-274.

Рашином в 1809 году, отражая наступление австрийцев, получил чин лейтенанта. Он прекрасно показал себя в Битве Народов под Лейпцигом, а настоящая известность пришла к нему, когда в 1814 году в сражении под Арсис-сюр-Об Наполеон укрылся в каре его батальона во время внезапной атаки неприятельской кавалерии. За период наполеоновских войн он получил Золотой крест *Virtuti Militari* (за Рашин, 1809), Рыцарский крест *Virtuti Militari* (1812), стал кавалером Ордена почетного легиона (1813) и офицером Ордена почетного легиона (1814). В Царстве Польском он командовал 5-м линейным полком. Таким образом, новый командующий получил в наполеоновских войнах опыт командира батальона, который, видимо, компенсировался широтой взглядов, полученной в Львовском университете.

Ян Зигмунт Скржинецкий

Скржинецкий происходил из мелкого галицийского дворянства. Проявил себя как сибабит. Командуя войсками, он разъезжал по театру военных действий в карете. Имел блестящую внешность и был напоказ религиозен¹. Польский историк оценил его так: «Ленивый, не способный

переносить тяжести лагерной жизни, он разгорался в огне битвы, упорно бился и выросал в героя. Лично мужественный, он не был ни теоретически, ни практически подготовлен к роли командующего»². Вскоре он удалил и Хржановского и Прондзинского и в ходе своего командования «достукался» до всеобщей ненависти³.

Вместе с командующим поляки поменяли командный состав дивизий и отчасти саму их структуру. Шембека удалили 5(17) марта, но он продолжал сражаться волонтером в рядах корпуса Серавского, Круковецкий ушел сам на должность губернатора Варшавы. Пехотные дивизии возглавили Рыбинский (вместо Круковецкого), Гелгуд (вместо убитого Жимирского), Малаховский (вместо Скржинецкого), Мюльберг (вместо плакавшего на поле боя Шембека). В старые пехотные полки добавили людей из новых полков, в новых полках оставили по 2 батальона. Каждой дивизии придали легкую батарею и тяжелую полубатарею. Командовать всей артиллерией стал Конарский.

Кавалерийские дивизии свели в два корпуса – Т. Лубенского и Уминского. Пятой резервной кавалерийской дивизией командовал К.Скаржинский. В каждой кавалерийской бригаде были один полк старый и один полк новый.

В устоявшую и не сдающуюся после поражения под Граховым Варшаву прибыли делегации от восточных земель, отошедших еще при разделах Речи Посполитой к России, они обещали восстать.

Вспомним, как в романе «Война и мир» два немца на русской службе рассуждали о том, как «перенести войну в пространство» – *Der Krieg muß im Raum verlegt werden. Der Ansicht kann ich nicht genug Preis geben, — говорил один. — О, ja, — сказал другой голос, — da der Zweck ist nur den Feind zu schwächen, so kann man gewiß nicht den Verlust der Privatpersonen in Achtung nehmen. — О ja, — подтвердил первый голос*⁴.

Дверницкий, имея отряд в 6500 человек, двинулся к Пулавам и 18 февраля (2 марта) перешел Вислу. Он планировал идти на Люблин, где намечалось восстание. Если же в Люблине не восстанут, то отряду предстояло раздробиться и рвать русские коммуникации. В Пулавах в замке стоял эскадрон Казанского драгунского полка. До прихода Дверницкого, 14 (26) февраля, жители

¹ Пузыревский А.К. Указ. соч. Т.1. С. 114.

² Грабеньский В. Указ. соч. С. 131.

³ Пузыревский А.К. Указ. соч. Т.1. С. 114 Там же.

⁴ Война должна быть перенесена в пространство. Это воззрение я не могу достаточно восхвалить (нем.). –

⁵ да, так как цель состоит в том, чтобы ослабить неприятеля, то нельзя принимать во внимание потери частных лиц (нем.).

(ополченцы полковников Казаковского и Лаговского), 180 пеших егерей графа Юлия Малаховского и 100 волонтеров графа Виельгорского напали на драгун и, «не смотря на упорную оборону, истребили этот эскадрон самым злодейским образом»¹. Узнав об этом, император Николай Павлович распорядился о замке, где произошла трагедия: «разружьте его до основания»².

Грабеньский дает иную версию событий в Пулавах. Якобы Дибич отправил письмо в Модлин коменданту крепости, полковнику Ледоховскому, с предложением капитулировать. Ледоховский отказался. «Получив неблагоприятный ответ, Дибич приказал генералу Крейтцу, стоявшему в Люблинском крае, уничтожить Пулавы, где проживали мать и сестра президента Народного правительства. Эту роль взял на себя герцог Адам Вюртембергский, племянник Чарторыйского,

в момент восстания вышедший из польской армии и вступивший в русскую. Он напал на Пулавы, где жила его мать, приказал навести орудия и стрелять во дворец. Он намеревался разгромить резиденцию Чарторыйских, когда явился Дверницкий и заставил его бежать»³.

Чтобы затянуть время и перегруппировать силы, Скржинецкий начал переговоры с Дибичем, слал ему письма и личных представителей. Граф Мисиельский, бывший адъютант Великого князя Константина, прибыв 19 февраля (3 марта) к Дибичу от Скржинецкого, рассказывал, что их командный состав состоит из старых наполеоновских генералов. На что Дибич возразил, что хороши старые полковники, а генералы должны быть молодыми⁴.

Так они упражнялись в остроумии, пока поляки «переносили войну в пространство».

¹ Бантыш-Каменский Д. Указ. соч. С.164.

² Война с польскими мятежниками 1831 года в переписке Николая 1 с гр. Дибичом//Русская старина. 1885. № 6. С. 518.

³ Грабеньский В. Указ. соч. С. 133.

⁴ Неелов Н.Д. Указ. соч. С. 109.

Левый фланг...

Перейдя Вислу, Дверницкий направился на Куров. Главные силы Крейца с 17 февраля (1 марта) стояли в Люблине, поскольку он получил сведения, что там готовится восстание. На Куров был послан генерал Е.В. Кавер с Финляндским драгунским полком, 2 сотнями казаков и 2 орудиями.

19 февраля (3 марта) авангард Дверницкого – 1-й Краковский конный полк (1 Pulk JazdyKrakowskiej) – атаковал Кавера, отбросил к Гребле, отобрал 2 орудия и погнал русских драгун к Маркушеву. В тот же день Дверницкий занял Маркушев.

На помощь драгунам подоспел отряд полковника А.Н. Тухачевского (Тверской драгунский полк, донской полк Хоперского и 2 орудия), опрокинул эскадрон Понятовского и 2 эскадрона 4-го уланского полка, отобрал 1 орудие, но, видя неравенство сил, ушел к Люблину¹. Русские потери – 40 убитых, 80 плененных, захвачено 3 орудия.

За этот бой казак полка Хоперского № 20 Хоперский Григорий Петрович был произведен в хорунжие (3 марта 1831 г.)

Кавера, непонятно за какие грехи, отдали под суд, 25 февраля (9 марта) Дибич написал царю, что Кавера считают помешанным².

Крейц оставил в Люблине 1 батальон из Литовского корпуса и повел свои войска к Маркушову. Но Дверницкий изменил направление движения, вступил в оставленный Крейцем Люблин и истребил там оставленный батальон Литовского корпуса. Еще один батальон того же корпуса (резервный батальон Житомирского пехотного полка) был истреблен в Устилуге местными инсургентами. Только половина его смогла спастись (13 офицеров и 245 нижних чинов), 5 офицеров и 360 солдат вместе со знаменем попали в плен. Два батальона, оставленные во Владимире, на границе Волыни и Польши, ушли из города, опасаясь восстания. Сам Крейц отошел в Ленчно.

А Дверницкий стал жечь мосты через Вепрж, как бы отгораживая Люблинское воеводство от главных сил русской армии. Серавский с 6 тысячами стоял в Пулавах и готов был подкрепить его.

Дибич узнал о результатах этих боев 21 февраля (5 марта) и немедленно послал гонцов в Киев с требованием придвинуть к театру военных действий 11-ю пехотную дивизию и 3-ю гусарскую дивизию. Донскому полку Катасонова, «следовавшему в голове с Дона»³, был послан приказ из Бреста повернуть на Влодаву и поступить под командование Анрепа. 26 февраля (10 марта) Катасонов во Влодаву вступил.

Силы Дверницкого оценились неверно. Местные жители сообщили генералу Витту, командиру III кавалерийского корпуса, что у Дверницкого 16-18 батальонов пехоты, 30 эскадронов кавалерии и 5 батарей. Создавалось впечатление, что через Вислу переброшена вся дивизия Круковецкого.

Интересно, что прибывший от поляков парламентар граф Мечельский предлагал отозвать Дверницкого, если начнутся переговоры о мире⁴.

Учитывая все это, русское командование созвало военный совет. Появилась опасность, что повстанцы прорвутся на волынские и подольские земли. Решено было графу Витту с кирасирами, Пашкову с бригадой конных егерей, 4 полкам из дивизии Набокова и 3 полкам из дивизии Муравьева 22 февраля (6 марта) выступить в Ласкаржево и Рыки и строить мосты в Шарках и Бобровниках. Это войско в 18 тысяч человек возглавил сам Толь. Надо было поддержать Крейца и не пустить Дверницкого в Волынь и Подолию. А.Керсновский писал: «переоценив силы Дверницкого, русская Главная Квартира двинула на Холмщину на усиление V кавалерийского корпуса еще III кавалерийский корпус и Литовскую гренадерскую бригаду. Все действовавшие здесь войска были подчинены генералу Толю»⁵.

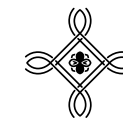
Пока собирались войска, Крейц пытался противостоять Дверницкому. Пока что от Люблина он отошел к Пяскам и ушел в Ленчно.

Отвлекая внимание на себя, польский гарнизон Замостья сделал вылазку, атаковал Устилуг, захватил в плен стоявший там батальон – 5 офицеров, 370 рядовых, знамя – и вернулся в Замостье.

Дверницкий пробыл в Люблине с 20 по 23 февраля (4 – 7 марта) и покинул город.

На соединение с ним должен был идти Серавский. 20 февраля (4 марта) он переправился через Вислу у Пулав, но узнал, что русские двинули против Дверницкого большие силы, и ушел назад.

Собраным против Дверницкого войскам двигаться пришлось по распутице. Казаки сообщили, что Дверницкий 24 февраля (8 марта) стоял в Красноставе. Два пути были открыты ему – на Волынь и на Замостье...

¹ Хронологический указатель... С. 111.

² Война с польскими мятежниками 1831 года в переписке Николая 1 с гр. Дибичом//Русская старина. 1885. № 6. С. 512.

³ Пузыревский А.К. Указ. соч. Т.1. С. 101.

⁴ Война с польскими мятежниками 1831 года в переписке Николая 1 с гр. Дибичом//Русская старина. 1885. № 6. С. 516.

⁵ Керсновский А.А. Указ. соч. С. 70.

Правый фланг...

15 (27) февраля Дибич приказал Сакену двинуться к Зегржу навстречу подходившей 1-й гренадерской дивизии генерала Угрюмова. В Зегрже уже стояла одна сотня Атаманского полка, но Сакен повел туда 1 бригаду 2-й пехотной дивизии, 2-ю бригаду 3-й уланской дивизии и три казачьих полка – Андреянова, Грекова № 24 и 7-й Конно-Черноморский.

23 февраля (7 марта) русским пришлось вспомнить о необходимости прикрыть Августовское воеводство на северо-востоке. Туда как раз готовилась войти русская гвардия. Казак лейб-гвардии казачьего полка Кирилл Виденин записал в послужном списке: «февраля с 23-го по 12-е марта в походе от Ковно до города Остроленки»¹. В самом Августове стоял гренадерский графа Аракчеева полк. В этот день Сакен двинулся к Остроленке. Вперед он послал полковника Лахмана к Насиельску с 75 казаками и 4 эскадронами Новомиргородского уланского

полка. Лахман у Малушина обнаружил отряд в 500 косинеров, лесничих и вооруженных крестьян во главе с майором Венгородским. Казаки стремительно прошли 80 верст, напали на шайку инсургентов на берегу Вкры, предварительно уничтожив мост в тылу селения, и разбили ее. 200 человек были взяты в плен, остальные истреблены или утонули. Таким образом, Лахман «забрал множество пленных, предал пламени несколько селений и соединился с Сакеном в Остроленке»². Остроленка была занята 25 февраля (9 марта) Сакеном без боя, и «оттуда он рассылал отряды в разных направлениях для рассеяния народных ополчений»³.

Хорунжий 5-го Конно-Черноморского полка Яков Ткаченко 25 февраля (9 марта) был отправлен с 30 казаками к местечку Карлево «для занятия разъездов», где и патрулировал до 10 (22) апреля.

¹ Корягин С.В. Мельниковы и другие... С. 20.

² Неелов Н.Д. Указ. соч. С. 111.

³ Пузыревский А.К. Указ. соч. Т.1. С. 117.

Центр и левый фланг...

Итак, разослав часть войск на юго-восток и на северо-восток, Дибич под Варшавой после выигранного сражения попал в затруднительное положение. Из-за распутицы продовольствие подвозили медленно. Войска снабжались за счет фуражировки. Литовский корпус вообще стоял на разбитой местности. «Отступившие поляки прикрывались линией Вислы и сильными укреплениями Праги, тогда как русские войска (подошедшие было на версту к Праге) не имели осадной артиллерии, расстреляли все свои немногочисленные боевые припасы в Гроховской битве и, выступив в поход налегке, стали испытывать всевозможные лишения. Дибич не рискнул поэтому на штурм польской столицы и отвел войска на сближение с транспортами»¹.

26 февраля (10 марта) Дибич приказал Гейсмару оставаться под Прагой, Розену остаться на Граховских полях, остальным отойти назад на 3 перехода и ждать, когда земля просохнет.

Уходили от Грохова 26-го вечером, шел дождь. Войска разбирали избы обывателей на костры. Во время привала гренадеры стали разбирать дом, где расположилась корпусная квартира. Кончилось тем, что конвойные «казаки сели на лошадей, погнали гренадеров нагайками»².

Гейсмар отошел к корчме Вавер и развернул здесь передовые посты из полка казаков и двух полков конных егерей.

Пока главные силы отходили от Праги, Толь «чистил» Люблинское воеводство. В помощь ему прибыла очередная партия донских полков – Катасонова, Киреева, Платова 2-го. 27 февраля (11 марта) Толь вступил в Жержень и приказал Крейцу брать Люблин. Город защищался «сволочью, весьма слабо вооруженною»³. Это были батальон слабосильных, конскрипты и 300 кракусов⁴. Тем не менее, Крейц назвал город «второй Сарагосою». Он взял его, но потерял 120 человек убитыми и ранеными. Штурмовали в пешем строю

2 эскадрона Казанского драгунского полка и 1 эскадрон Финляндского драгунского. Поляки потеряли пленными 5 офицеров и 200 нижних чинов. 150 человек русские положили на месте. Дверницкий отступил к Жолкиевке.

За бой под Люблином сын командира полка № 20 казак Хоперский Николай Алексеевич был награжден Знаком отличия Военного Ордена и 3 марта 1831 произведен в хорунжие.

1(13) марта Толь выступил из Люблина двумя колоннами – Крейц пошел на Пяски, де Витт – на Быхов. Дверницкий скрылся, уклонился от столкновения.

Толь дал войскам отдых до 4 (16) марта и начал новые действия. Крейц был оставлен в Люблине, Пашков с конными егерями отправился к Пулавам наблюдать за Серавским. Сам Толь с главными силами 5 (17) марта вступил в Красновостав. В авангарде его шел донской полк полковника Хоперского (подполковник Хоперский Алексей Иванович за отличие был произведен в полковники 3 марта 1831 г.). Разведку вел поручик Львов с сотней Атаманского полка. Казаки донесли, что Дверницкий ушел в Замостье. Как писал А.Керсновский, Дверницкий, «видя неравенство сил, укрылся в Замостье с отрядом в 6500 человек при 12 орудиях»⁵. Не медля, Толь направил полк Платова 2-го к Замостью, затем стал охватывать крепость со всех сторон. Анреп с полком Катасонова – от Грубешова, донской полк Киреева – от Жолкевки.

Штурмовать Замостье у русских не было сил и времени. Толь оставил полки Муравьева в Красновоставе наблюдать за Замостьем. С другой стороны и вообще вокруг Замостья организовали разъезды полковники Анреп и Бутовский с казачьими полками Катасонова, Платова и Грекова. Витт и Набоков расположились в Люблине. Крейц – в Белжице, а потом в Уржедоме. Пашков в Казимерже и Пулавах наблюдал за Серавским,

¹ Керсновский А.А. Указ. соч. С. 70.

² Неелов Н.Д. Указ. соч. С. 123.

³ Давыдов Д. Воспоминания о польской войне... С. 380.

⁴ https://runivers.ru/conflicts/campaigns/polskoe_vosstanie_kampaniya_1831

⁵ Керсновский А.А. Указ. соч. С. 70.

который ушел за Вислу. Расставив так «истомленные» походом по распутице 18 тысяч солдат, Толь отбыл в главную квартиру в Шеницу.

Войска выстраивали новую линию фронта. I корпус Палена растянулся от Шеницы до Парызова и Осецка. Его кавалерия наблюдала территорию от устья Вепржа до Карчева. Гренадерский корпус остановился в Латовичах. 1-я гренадерская дивизия заняла Сточек и Серочин. Гусары встали в Земхове, резервная артиллерия – в Лукове. От расположения Литовского корпуса до отряда Крейца полки были растянуты на 200 верст.

Гейсмар прикрывал это перестроение, оставаясь у Праги.

2 (14) марта после отхода русской армии от Варшавы поляки предприняли вылазку, чтобы уточнить в каком направлении отступает противник. Высылаемые порознь полки бригадного генерала Янковского были отражены войсками Гейсмара

Поляки, вдохновленные отходом русской армии, копили силы. Регулярные войска они увеличили до 75 тысяч при 160 орудиях. 60 тысяч приходилось на пехоту, 15 тысяч на кавалерию. Их «правление принимало форму более стройную и приобретало общую доверенность»¹. Диктаторские полномочия взял на себя Чарторижский. Раненый Хлопицкий уехал в Краков, на австрийскую территорию. Командование войсками, как мы помним, принял Скрженецкий, начальником штаба у него стал Хржановский, служивший при Дибиче в 1829 году и хорошо знавший характер русского главнокомандующего. Генералом-квартирмейстером назначили Прондзинского. Народ ликовавал после первых побед. Женщины на Саксонской площади танцевали мазурку с отличившимися солдатами². «...Новые журналы разносили идеи свободы по воеводствам»³.

Под Прагой на передовых постах шли стычки. Янковский постоянно тревожил казаков, и его постоянно отбивали. Так командир сотни раздерганного полка Андреянова Павел Родионов в стычках 3-4 (15-16) марта был «контужен в лицо», за что награжден «Владимиром» 4-й степени⁴. Урядник Филиппов Поликарп Васильевич

из полка Секретева за бой 13(25) марта был произведен в хорунжие и награжден «Анной» 3-й степени; хорунжий Нагибин Яков Филиппович из полка Ильина за этот бой был произведен в сотники. Судя по всему, именно в этой схватке был взят в плен польский полковник Блендовский⁵.

Отвлекая внимание русских от Варшавы и прощупывая их позиции, того же 13 (25) марта в Забине поляки опрокинули казачий пост, но он был подкреплен полком Грекова 4-го, вместе казаки погнали 600 кракусов и захватили 30 в плен, а 14 (26) марта генерал Уминский с 6-тысячным войском, в которое входили 1-й егерский полк Кушелевского, 1-й уланский, 3-й конно-егерский, новый легкоконный полк, Краковский, Августовский и Люблинский полки и 16 орудий, переправился у Ливца и через Модлин пошел к Остроленке. Он «намеревался атаковать мост под Остроленкой, но был встречен сильным и удачным огнем батарейных орудий, отступил поспешно к Висле»⁶. Дело в том, что 12 (24) марта в Остроленку вступили части русской гвардии, вернее – ее авангард под командованием Сакена. 1-я пехотная дивизия гвардии остановилась в Ломже, 2-я – в Мясковке, легкая кавалерия – в Червине, кирасиры – в Щучине. Уминский наравшись на Сакена, отошел к Рожану и Шелкову, «где и бездействовал»⁷. Сакен пытался навязать ему бой, но Уминский ушел на Прагу.

Царь, боявшийся послышать гвардию в огонь в первые же дни кампании, отреагировал на это столкновение очень болезненно. 22 марта (3 апреля) он написал Дибичу: «Повторяю еще раз, что же делают казаки и легкая кавалерия – это поистине непостижимо, и я начинаю думать, что на аванпостах спят, вместо того чтобы исполнять свои обязанности»⁸.

В гвардии истинно легкой кавалерии было мало. Вместе с гвардией пришел лейб-гвардии казачий полк, который находился «с 12-го по 19-е при наблюдении дистанции по берегам Нарева и Писека»⁹.

Полк из Белостока за это время дошел до Тикочина и стал там на квартиры. С подходом главных сил Гвардейского корпуса полк был разделен

¹ Неелов Н.Д. Указ. соч. С. 119.

² Неелов Н.Д. Указ. соч. С. 119

³ Неелов Н.Д. Указ. соч. С. 120.

⁴ Корягин С.В. Родионовы и другие. Выпуск 61. М.: Русаки, 2006. С. 43.

⁵ Гейсмар В. Указ. соч. С.748.

⁶ Бантыш-Каменский Д. Указ. соч. С. 166.

⁷ Пузыревский А.К. Указ. соч. Т.1. С. 167.

⁸ Война с польскими мятежниками 1831 года в переписке Николая 1 с гр. Дибичом//Русская старина. 1885. № 9. С. 425.

⁹ Корягин С.В. Мельниковы и другие... С. 20.

«и должен был действовать против польских мятежников отдельными партиями, не только полкескадронно, но часто даже повзводно, неся во всех отрядах самую трудную, аванпостную службу»¹.

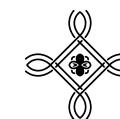
Лейб-эскадрон оставили при штабе Гвардейского корпуса;

2-й эскадрон отправили в Ломжу;

3-й и 4-й эскадроны были определены в авангард корпуса и заняли селение Шумово;

7-й Черноморский эскадрон возвратили в Белосток для конвоирования Главной императорской квартиры;

5-й и 6-й эскадроны остались в Ковно, в неспокойной Литве. 6-й эскадрон вернулся в Ковно из авангарда корпуса 8(20) марта и оставался там вместе с Павловским полком до 14 (26) марта. 5-й эскадрон вышел из Ломжи с лейб-гвардии Финляндским полком и 11 (23) марта вступили в Остроленку, откуда эскадрон разослал разъезды по левому берегу Нарева.

¹ История лейб-гвардии казачьего Его Величества полка, составленная офицерами полка. СПб.: 1876. С. 358.

Второй поход на Варшаву. Польский ответ

Что делается у поляков, русское командование не знало. Дибич 5 марта писал царю: «Мы не имеем никаких известий о неприятеле с самого вскрытия Вислы и с тех пор, как они расстреляли несколько евреев, которых мы отправили в Варшаву»¹.

Меж тем у беспокойного Дибича созрел новый план. Пополнив запасы боевого снаряжения, он решил овладеть Варшавой и в первых числах марта стал сосредоточивать армию у Тырчина, в трех переходах от Варшавы, где намечена была переправа через Вислу. Задача была трудна, поскольку он сам 9 (21) марта указывал на «убийственное состояние дорог»². 10 (22) марта лед сошел. Готовились три моста – у Тырчина, Тарнувян и Карчева. I корпус Палена, 1-я и 2-я гренадерские дивизии и гвардейский отряд должны были выйти к устью Вепржа, построить там мост, спустить его до Тырчина (непосредственно переправа планировалась между рекой Вепржею и Прагой против местечка Рыки), переправиться там и наступать на Варшаву. Отряд Витта – III кавалерийский корпус, 4 гренадерских полка дивизии Набокова и 3 гренадерских полка дивизии Муравьева – должен был перейти на левый берег Вислы в Казимерже. Слева готовящуюся переправу прикрывал V кавалерийский корпус Крейца в Люблинском воеводстве и непосредственно отряд Анрепа, который стоял в Красноставе и наблюдал за Дверницким, находившимся в Замостье. Корпус Крейца имел задание в случае успеха общей операции перейти Вислу по мосту в Рахове и идти на соединение с остальными переправившимися. Дибич просил царя направить к Люблину войска Редигера, обещал, что его подкрепят кавалерией и казаками, а Крейца смело можно будет направлять в Сандомирское воеводство.

Прикрывать всю операцию, а вместе с тем и тыл армии был оставлен VI Литовский корпус

барона Розена на Брестском шоссе у Дембовельке. Он должен был прикрывать и Седлец, где расположились госпитали и куда подвозили магазины. Из корпуса Розена отряд Гейсмара стоял в Милосне и наблюдал за Варшавой, его посты выдвинулись прямо к пражским укреплениям. 15 (27) марта Дибич приказал Розену держать казачий отряд с кавалерией и орудиями при Вавре. Розену обещали подкрепление к 22 марта (3 апреля). В тылу от Седлице до границ России казаков не оставили, в самом Седльце стояли 3 сотни 5-го Черноморского и 1 сотня донского полка Ильина³.

На подкрепление Литовского корпуса из российских губерний приближались II пехотный корпус Палена 2-го и 1-я бригада 3-й гвардейской дивизии. Им предстояло подойти по шоссе к Седлецу и Калущину. В случае начала боевых действий командующий «литовцами» Розен имел приказ держаться до подхода II корпуса. На всякий случай все обозы армии потянулись в Коцк.

Прибывший из Петербурга гвардейский корпус 10-15 (22-27) марта стоял в Ломже и Остроленке, вернее – между Остроленкой, Замбровом и Тикочинном. 16 (28) марта полуэскадрон казаков лейб-эскадрона штаб-ротмистра Луковкина конвоировал Великого Князя Михаила от Тикочина до Ломжи и обратно в Тикочин. Но конвойная служба конвойной службой, а в основном прибывшие с Гвардейским корпусом казаки в марте начали очищать территорию от местных «инсургентов». Казак лейб-гвардии казачьего полка Кирилл Виденин записал в послужном списке, что в марте «20-го и 21 в сражении при очищении пространства между Писеком и Сквою от партизанов Годлевского; марта с 22-го апреля по 2-е при наблюдении дистанции по реке Скве, между тем с 31-го марта по 1 апреля в сражении под командою штабс-ротмистра Ефсеева против

партии польских мятежников, причем изрубил несколько человек неприятелей и взял одного офицера в плен, за отличие в сем деле произведен в хорунжие с переводом в Войско Донское»¹. Но приказ о производстве в хорунжие и переводе из гвардии в обычный донской казачий полк вышел только 25 апреля (7 мая) 1831 г. А пока Кирилл Виденин оставался в лейб-казачьем полку, и по его послужному списку можно проследить боевые действия этого полка.

Что касается штаб-ротмистра «Ефсеева», то он с 5-м эскадром лейб-гвардии казачьего полка контролировал территорию от речки Сквы до прусской границы. В ночь на 31 марта (12 апреля) он с 40 казаками настиг в селе Клишек шайку, которая набирала местное население в повстанцы. Евсеев атаковал ее, переколол более половины, разогнал остальных, взял в плен капитана Усаковского, двух поручиков, студента и четырех рядовых. Евсеев был награжден «золотой саблей», а два унтер-офицера – Власов и Виденин – были произведены в хорунжие.

15 (27) марта корнет Иловайский с 49 казаками ходил к Станиславу, сжег мост на реке Скве против Брзовова, 20 марта (1 апреля) 5-й и 6-й эскадроны с 2 ротами полка графа Аракчева переправились через реку Пысек и зачистили территорию между Писеком с Сквой, прогнали партизан Годлевского, что совпадает с записью Виденина. Далее они наблюдали дистанцию от устья реки Сквы до прусской границы и сообщения с Остроленкой.

25 марта (6 апреля) 6-й эскадрон ушел в Остроленку.

2-й эскадрон 16 (28) марта во главе с командиром полка Николаевым ходил в Рожаны, искать противника, но из Рожан был выбит поляками с потерей одного унтер-офицера. 30 марта (11 апреля) 2-й и 6-й эскадроны соединились в Остроленке и двинулись к Красносельску «для разогнания Годлевского»². 1 (13) апреля на рассвете встретили 300 «вольных стрелков» и начали с ними перетрелку. На помощь казакам подошли финские стрелки и сбили противника за Оржец. Мятежники, отступая, уничтожили мост, но 2-й взвод 2-го эскадрона вплавь перебрался через Оржец и преследовал поляков до леса, захватив в плен офицера и несколько рядовых³.

Вечером оба эскадрона вернулись в Остроленку и до 8 (20) апреля содержали аванпосты и гоняли за мятежниками.

Так же до 9 (21) апреля около местечка Броки ходил по лесам и ловил шайки 4-й эскадрон.

Лейб-эскадрон был отослан в Августов, где находился до 24 марта (5 апреля).

После выступления гвардии из столицы при Николае I остались два эскадрона кавалергардов. «Я нашелся вынужденным окружить себя выпущенными из госпиталей солдатами», – вспоминал царь⁴.

Русское командование осознало необходимость занять войсками смежные с Царством Польским губернии. 1-я армия Сакена (начальник штаба Красовский, генерал-квартирмейстер Вейраух) в составе III и IV пехотных корпусов и IV кавалерийского корпуса сместилась на Вольнь, откуда генерал Редигер с III пехотным корпусом выступил на Люблин.

Формировалась особая армия из V пехотного корпуса и резервных батальонов. Возглавил ее граф Толстой (начальник штаба Довре, дежурный генерал Клейнмихель). Она готовилась к выступлению на Белосток, Гродно, Вильно.

«Скржинецкий, которому удалось поднять дух своей армии, упавший было после Грохова, сознавал всю опасность форсирования русскими Вислы и решил во что бы то ни стало воспрепятствовать этой операции, отвлечь Дибича от переправы»⁵. Поляки разработали свой план – ударить по Литовскому корпусу, а затем свернуть вправо, в тыл главным русским силам. Против переправы оставались лишь 1-я дивизия (в Гурах) и корпус Серавского из 8 батальонов, 8 эскадронов и 4 орудий. Его усилили лишь двумя 4-ми батальонами линейных полков и егерями из лесников и охотников. Остальные дивизии польских войск оставались под Варшавой и Прагой.

Перед операцией, 12 (25) марта в Шеницы, в главную квартиру, прибыл блестящий Денис Давыдов, который оставил воспоминания о кампании вообще и о главной квартире в частности. Прежние главные квартиры были охарактеризованы Давыдовым как «подвижные столицы», квартира Дибича – как «обитель траппистов»⁶. Вывод гласил: «Все это хорошо для стяжания царства небесного, но не для покорения царства

¹ Война с польскими мятежниками 1831 года в переписке Николая 1 с гр. Дибичом//Русская старина. 1885. № 7. С. 46.

² Война с польскими мятежниками 1831 года в переписке Николая 1 с гр. Дибичом//Русская старина. 1885. № 7. С. 57.

³ Война с польскими мятежниками 1831 года в переписке Николая 1 с гр. Дибичом//Русская старина. 1885. № 9. С. 411.

¹ Корягин С.В. Мельниковы и другие... С.20.

² Корягин С.В. Машлыкины и другие. Выпуск 46. М.: Русаки, 2004. С. 10.

³ История лейб-гвардии казачьего полка... С 368.

⁴ Давыдов Д. Воспоминания о польской войне... С. 334.

⁵ Керсновский А. Указ. соч. С.70-71.

⁶ Давыдов Д. Воспоминания о польской войне... С. 355.

Денис Давыдов в 1830-е годы

польского»¹. Обласкав острого на язык поэта-партизана, Дибич и Толь отправили его 15 (28) марта к Крейцу принять от полковника Анрепа летучий отряд из казачьих полков Катасонова, Платова и Киреева и Финляндского драгунского полка, расположенный в Красноставе между Люблином и Замостьем. Задачей Давыдову ставилось наблюдение за войсками Дверницкого, стоявшими около Замостья и насчитывавшими 8-10 тысяч человек.

Распрощавшись с беспокойным героем, Дибич и Толь продолжили операцию по переправе. 17 (29) марта началось само движение к Висле. Готовились брандеры, чтобы взорвать мост между Прагой и Варшавой (впоследствии эти брандеры под командованием офицеров Эссена, Бальца и Майделя сели на мель).

Переправа готовилась в очень тяжелых условиях. «Распутица достигла крайних пределов»². 17 (29) марта «ростепель была ужасная; густая грязь, по колено лошади и по ось повозки, весьма затрудняла движения»³. На следующий день Давыдову пришлось ехать по дороге, которой двигался к Коцку гвардейский отряд графа Куруты. «Вся дорога была завалена

повозками, на каждом шагу выбивающимися из грязи и изнуренными лошадьми гвардейского отряда и здесь оставленными или уже издыхавшими на дороге»⁴.

Гвардейский отряд в тот день дошел до Окржи.

Розену 17 (29) марта было приказано держать войска компактнее, Гейсмара оттянуть к Демба-Вельке, остальным расположиться между Минском и Калушиным, у Вавра оставить лишь казаков и эскадрон улан. И вовремя...

В ночь с 18(30) на 19(31) марта поляки выложили мост из Варшавы в Прагу соломой и перевели по нему войска.

19 (31) марта на рассвете началось наступление поляков на Гейсмара и Розена.

Считалось, что инициатором этой операции был Прондзинский.

Игнацы Прондзиньский (польск. Ignacy Prądzyński) (1792—1850) —родился в 1792 году в Познани. Получил домашнее образование в Дрездене, под руководством каноника Езерского.

В 1809 году в возрасте 17 лет поступил в 11-й пехотный полк Наполеоновской армии и участвовал в войнах против Австрии в 1809 году

Игнатий Прондзиньский

¹ Давыдов Д. Воспоминания о польской войне... С. 356.

² Пузыревский А.К. Указ. соч. Т.1. с.108.

³ Давыдов Д. Воспоминания о польской войне... С. 365.

⁴ Давыдов Д. Воспоминания о польской войне... С. 366.

и России в 1812 году. В 1812 году Прондзиньский в чине капитана-инженера состоял при генерале Я. Г. Домбровском, который командовал наблюдательным корпусом под Бобруйском. После окончания наполеоновских войн возвратился из Франции с польскими войсками. В 1816 году Прондзинский участвовал в создании тайного общества «Польских друзей», в начале 1822 года был арестован, но избежал заключения. В 1826 он был арестован повторно и заключён в Кармелитский монастырь, где пробыл 3 года. Во время заключения он, по приказанию Константина Павловича, разрабатывал проект войны с Австрией. В 1829 году Прондзинский был освобождён. С восстания начался его карьерный взлет.

У Розена в корпусе было три полка казаков — Ильина, Секретева и 2-й Конно-Черноморский. В их 15 сотнях было 867 казаков¹.

Казаки составляли авангард Гейсмара у Вавра, они же раскинули передовую цепь и они же небольшим отрядом стояли у Грохова.

Кроме казаков у Гейсмара в отряде состояли Тираспольский и Арзамасский конно-егерские полки, командовать которыми только что был назначен генерал Тиман.

Поляки наступали по двум направлениям. Дивизия Рыбинского выдвинулась к Ковенчину, главные силы давили с фронта.

Согласно послужному списку урядник полка Ильина Авчинников Селиверст Тимофеевич 19 (31) марта под Граховым был ранен пикой в голову², а хорунжий Полухин Ефим Трофимович там же «ранен саблей в голову»³.

Казачьи посты Гейсмара у Вавра были сбиты, на помощь казакам пошли 47-й егерский полк и волынские уланы. Поляки их тоже сбили. Казаки вышли из-под удара и ускакали по лесной дороге. Отбивались егеря, Виленский и Литовский пехотные полки.

Интересно, что во время боев 19 (31) марта Гейсмар отбил знамя польского 5-го пехотного полка⁴.

В 3 часа пополудни Гейсмар отступил к Милосне, где к нему присоединился батальон Белостокского полка, к Яновеку, где к нему присоединился второй батальон того же полка, а затем к Дембевелькам, где был расположен передний

эшелон VI пехотного корпуса. Он отступал с боем 11 часов, с 5 утра до 16.

Ночью 19 (31) марта Розен писал Дибичу: «Гейсмар со своим авангардом (5300 человек с 700 казаками) удерживал неприятеля сколько мог. При Дембе-Вельке я принял Гейсмара на себя, и тогда началось упорное сражение, продолжавшееся более 4-х часов. Превосходными силами неприятель принудил меня к отступлению; я полагаю в течение ночи отступить к Калушину»⁵.

Розен позже докладывал Дибичу более детально, что он стал разворачиваться, из авангарда прибыл Гейсмар с кавалерией и артиллерией, но без казаков, и сообщил, что пехота отходит под прикрытием казаков.

Пехота в арьергарде отходила в походной колонне и «наскакавшими казаками была извещена, что неприятельская кавалерия скачет за ними». Действительно появились 2 эскадрона поляков, но повернули и ускакали⁶.

Два полка казаков, а это были 386 донцов Ильина и 315 черноморцев, стали за левым флангом пехоты. Бой шел на шоссе. Вокруг было море разливанное грязи.

Квартиры VI корпуса были растянуты на 40 верст, его поражение стало неминуемо.

Поляки имели двойное превосходство (33 000 поляков против 18 000 русских). Бой продолжался более 4 часов. Розен потерял 2 орудия, 2 батальона Литовского пехотного полка потеряли командира, оказались отрезанными и положили оружие, сдались со всеми своими знаменами.

Розен стал отступать на Минск и Калушин. Польская кавалерия, обходя его, поскакала на Окунев и Станиславов. Гейсмар с егерями, бригадой пехоты, двумя уланскими полками, конными егерями и казаками прикрывал отступление у Стоядле. Он держался до 8 утра 20 марта (1 апреля) и уходить к Калушину стал, когда Розен прошел Минск, «казаки, по его приказанию, прикрывали отступление»⁷.

Согласно «Хронологическому указателю», 19-20 марта у Калушина польские уланы графа Замойского (4-й уланский полк) опрокинули бывших в арьергарде казаков, наскакали на 49-й и 50-й егерские полки и отняли у них два

¹ Пузыревский А.К. Указ. соч. Т.2. С. 18.

² Корягин С. В. Поздеевы и другие. Выпуск 64. М. Русаки, 2006. С.65.

³ Корягин С. В. Тарасовы и другие. Выпуск 81. М. Русаки, 2008. С. 45.

⁴ Война с польскими мятежниками 1831 года в переписке Николая 1 с гр. Дибичом//Русская старина. 1885. № 3. С. 420.

⁵ Гейсмар В. Указ. соч. С. 750.

⁶ Война с польскими мятежниками 1831 года в переписке Николая 1 с гр. Дибичом//Русская старина. 1886. № 3. С. 546.

⁷ Гейсмар В. Указ. соч. С. 752.

Войцех Коссак. Уланская атака

знамени¹. «Атака кавалерии по шоссе, произведенная уже поздно вечером, решила победу», – вспоминал Хржановский².

Утром 20 марта (1 апреля) Розен с боем оставил Калужин, бросил 11 орудий и ушел на Седлец. Отряд, посланный окружить русских движением от Янова к Пржитоку, опоздал, не окружил. Командовавший им Хржановский сошел с лошади опросить пленных, и его лошадь украли вместе с прикрепленной к седлу зрительной трубой. Лошадь искали больше часу, и в итоге опоздали³.

«Наш урон: 2500 убитых и раненых, 3000 пленных, 5 знамен и 10 орудий. У поляков убито 2000», – констатировал Керсновский⁴.

19 и 20 марта погибли или пропали без вести 15 казаков 2-го Конно-Черноморского полка⁵.

Главные потери были понесены не во время боев. Подавляющее большинство пленных составили люди, бывшие на фуражировке. Все они были отрезаны и захвачены еще 19 (31) марта.

Розен докладывал Дибичу 21 марта (2 апреля), что пехоты у него в строю всего 4000, и из-за сплошной грязи уставшая «кавалерия с трудом двигается, равно как и артиллерия»⁶.

Кроме того, поляки захватили вестового Розена с инструкциями Дибича держаться до 22-го, а тогда подойдет помощь из России. Из переписки

стало ясно, что операционная линия Дибича выстраивается через Коцк, Мандзыржец, Брест.

До столкновения с подходящими русскими войсками поляки успели занять Шеницу. 20 марта (1 апреля) кавалерийская дивизия Скаржинского с 3 батальонами пехоты заняла место бывшей русской ставки и взяла там 200 пленных.

Обо всем этом Дибич сообщил царю 21 марта (2 апреля).

II корпус Палена 2-го в это время шел от Бреста к Седлецу. Гвардия стояла в Ломже, а отряд Сакена в Остроленке. Гейсмар с остатками VI корпуса стоял за речкой Коштржин, Розен уехал в Главную квартиру.

Победоносные поляки свернули вправо – на Сточек, Парызов, на русские тылы. Но один день они потеряли – депутация от правительства прибыла с наградным крестом для Скрженецкого и состоялась церемония награждения.

21 марта (2 апреля) поляки всего лишь сбили казачье передовое охранение у Колбеля и отбросили его к Гарволину.

22 марта (3 апреля) на рассвете поляки атаковали Гарволин. Стоявший там полковник Реад стал уходить на Желехов. За Гарволином у Горжно 3 эскадрона поляков атаковали прикрывавших

отход Реада ольвиопольских гусар и казаков, взяли 100 пленных, и вышли к Желехову.

Почти весь день директор госпиталей полковник Тишин, организовав способных держать оружие, оборонял это местечко от кавалерийской дивизии Скаржинского и 3 польских батальонов. С прибытием частей Лопухина – 1-я пехотная дивизия, 3 гусарских полка, 16 орудий – госпиталь был эвакуирован.

23 марта (4 апреля) польские войска вступили в сам Желехов. На этом направлении они остановились и перешли к обороне. Зато в этот день полковник Дембинский с 3 эскадронами 5-го уланского и 1 эскадрона 3-го уланского вышел к Ливцу, к Бугу, и далее на Станиславов и якобы захватил там 1500 пленных при 14 офицерах.

Главкомандующий Дибич эти сведения получил от фуражиров 22 марта (3 апреля), прискакавшие с тыла военные чиновники сообщили, что поляки уже в Желехове. За ними прибыл гонец от Розена, подтвердивший эти новости. Утром следующего дня пришли известия о волнениях в Литве. Великий Князь якобы сказал Дибичу: «Смотри, герой Забалканский, не будь пленником Завислинским»¹. «Дибич бесился», – вспоминал Неелов². В молодые годы он, будучи офицером Семеновского полка, участвовал в сражении под Аустерлицем, и вот теперь Скрженецкий повторил против него тот же маневр, что и Наполеон против союзников в 1805 году.

Увидев свой тыл под ударом, Дибич, естественно, приостановил наступление к Висле, отложил переправу, приказал Розену отойти по направлению к Бресту и соединиться со II корпусом, помня, что в Бресте сосредоточены склады русской армии. Свои войска Дибич стал стягивать к одному месту, к деревне Рыки. 1-ю гусарскую дивизию с приданной пехотой он послал к Желехову в качестве авангарда. Он отреагировал быстро и верно. Пусть Розен «заманивает» поляков. Преследуя его, они удалятся от Варшавы.

По сведениям разведки позиция поляков прорисовалась – правый фланг у Желехова, а левый у Седлеца. Вклинившись между Розеном и Дибичом, они сами подставили под удар свой правый фланг и тыл. Толь хотел атаковать и отрезать Скрженецкого от Варшавы, но отвечающий за снабжение Аббакумов заявил, что нет хлеба, при походе на Варшаву нечем будет кормить войска. Магическое «нет хлеба» изменило планы

Войцех Коссак. Схватка

русского командования. Главная армия начала фланговое движение к обозам, к Коцку. 27 марта (8 апреля) войска выступили из Рык к Лукову.

Поляки не стали перехватывать главные силы Дибича на марше, они выставили против его авангарда кавалерийскую дивизию Скаржинского (3-й и 4-й уланский полки, 2-й конно-егерский и карабинеры), 10 батальонов пехоты и 16 орудий под общим командованием Хржановского. Стычки все же имели место. Под Тарновском 29 марта (10 апреля) хорунжий Виденин Федор Алексеевич из полка подполковника Егорова, «находясь на передовой цепи с 30-ю казаками благоразумным распоряжением и расторопностью прогнал до 50 человек польских улан, взяв из них в плен одного офицера и 4 рядовых»³, за что был награжден орденом Святой Анны 3-й степени. Находившиеся в охране Главной квартиры казаки Атаманского полка тоже участвовали в боевых столкновениях. «За мелкие стычки и захваты мятежников 27, 29 и 31 марта и 1 апреля урядник Никулин и казаки Сидоров, Абросимов, Харитонов, Аксенов, Горелов, Калмыков и Кузнецов награждены знаками отличия Военного Ордена 4 степени»⁴.

Главные силы поляков вновь ударили на Розена, на Седлец. С запада на войска генерала

¹ Хронологический указатель... С. 112.

² Отзывы и мнения военно-начальников о польской войне... С. 24.

³ Там же. С. 25.

⁴ Керсновский А.А. Указ. соч. С. 71.

⁵ Матвеев О.В., Фролов Б.Е. Указ. соч. С. 131.

⁶ Война с польскими мятежниками 1831 года в переписке Николая 1 с гр. Дибичом//Русская старина. 1886. № 3. С. 547.

¹ Давыдов Д. Воспоминания о польской войне... С. 385.

² Неелов Н.Д. Указ. соч. С. 138.

³ Корягин С.В. Мельниковы и другие. Выпуск 11. М. Русаки, 2000. С. 10.

⁴ Краснов П.Н. Атаманская памятка...

Эпизод восстания 1831 г. Неизвестный художник

Фези (47-й, 48-й, 49-й, 50-й егерские полки, Подольский и Житомирский пехотные полки, Литовский уланский и Донской казачий полк Секретева) наступал Скржинецкий. С юга Прондзинский теснил кавалерию Сиверса (18 эскадронов).

Сиверс отошел к деревне Игане. Прондзинский его преследовал и вышел к той же деревне. Этим движением он чуть было не встал на пути отступления Фези¹. У деревни Игане на болотистой речке Муховец 29 марта (10 апреля) завязался жестокий бой.

Казачи приняли в нем минимальное участие. Донской полк Секретева (397 казаков)² стоял в тылу и следил за флангами.

На помощь Розену подоспела дивизия из II пехотного корпуса и 1-я бригада 3-й гвардейской дивизии. 13-й и 14-й егерские полки («варнские львы») вернули Игане, выбили 8-й польский полк. Розен захватил у поляков 4 орудия, «но топкость места не позволила их увезть. По этой причине оставлено и одно наше орудие»³.

Польское командование тоже было не на высоте. Скржинецкий прибыл к войскам утром 29 марта. «Не выходя из кареты, он стал жаловаться на утомление, в ближайшем селении позавтракал и лег отдыхать; будить его не смели. Главкомандующий проспал сражение»⁴.

В итоге Прондзинского остановили, дивизии Фези дали возможность переправиться через Муховец и избежать окружения.

Под Игане русские потеряли до 1000 человек. Бригадный командир генерал-майор Добровольский и командир 14-го егерского полка подполковник Жирков были ранены, командир 13-го егерского полковник Бессонов «пал впереди своих воинов под штыками мятежников»⁵.

Как доносил впоследствии Дибич царю, после этих боев у Розена в строю оставалось 5000 человек⁶.

У поляков потери тоже были значительны, их 8-й линейный полк был уничтожен наполовину⁷, и «31 числа они удалились к Калушину, преследуемые казаками»⁸.

Холера, тылы и фланги...

В то время как Розен и Пален 2-й отбивались от Скржинецкого, главные силы Дибича прошли Луков. В Лукове между местными евреями свирепствовала холера, русские обозные ее подцепили и разнесли.¹ Холера стала общим бедствием, и «в польской армии появилась холера, далеко, впрочем, не свирепствовавшая так опустошительно у них как в нашей армии»².

Двинувшись из Лукова на выручку Розена, Дибич соединился с ним 31 марта (12 апреля) у Седлеца. В Седлеце главные силы и расположились. А Литовский корпус 2 (14) апреля отправился в Белосток на переформирование. Из командиров больше всех досталось Гейсмару. Его убрали из армии, он уехал в Киев и даже хотел застрелиться³. Строившиеся через Вислу мосты были уничтожены, суда, подогнанные для их постройки, затопили.

В результате этих неудач заволновалась Литва (где вначале была оставлена одна слабая дивизия в 3200 штыков).

Было ли это связано с польским наступлением, или просто так совпало по времени, но 14 (26) марта вооруженные местные жители под руководством некоего Грошевского с трех сторон напали на Россиены, обезоружили находившихся там 60 инвалидов и провозгласили независимость Литвы. Несколько чиновников было убито, уездное казначейство ограблено.

Восстание стало распространяться. Повстанцы «в маленьких городах... беспрестанно убивали наших одиночных солдат, грабили склады, инвалидные команды. Они терроризировали русских жителей, уничтожали собственность империи, вешали бедных евреев и участвовали во всех насилиях и провокациях, которые эти остатки некогда избранного народа и шумного дворянства вне всяких обычаев и логики могли выдумать в своем безумии... В Вильно молодые студенты уже не скрывали своих надежд на вооруженный

бунт, многие из них уже бросили учебу и руководили преступлениями и беспорядками»⁴.

16 (28) марта восставшие некоего Довбора захватили после перестрелки г. Тельши и пленили оборонявшую его инвалидную команду.

17(29) марта восставшие под руководством Трусокоского и Пржецишевского заняли без сопротивления г. Поневеж, обезоружив инвалидную команду в 60 человек, захватив цейхгауз, госпиталь, магазины и казенные кассы.

18 (30) марта мятежники, наконец-то, получили отпор. Полковник А.И.Бартоломей с 4 ротами пехоты (2 роты гренадерского короля Прусского полка, 2 роты 9-го егерского полка), 60 казаками, лейб-гвардии конно-пионерным эскадром (любимой частью императора Николая Павловича) при 4 орудиях встретил у Эйраголи (юго-западнее Поневежа) местное ополчение И.Станевича – несколько тысяч местных жителей, в том числе 800 вооруженных ружьями. Повстанцы, естественно были разгромлены.

Первое поражение не обескуражило их. 22 марта (3 апреля) вооруженная толпа мятежников Матусевича, Кучевского и Тиноского – всего 200 человек – захватила прямо около Вильно г. Троки, разграбила цейхгауз вещей Виленского и генерал-фельдмаршала князя Кутузова-Смоленского пехотных полков, разоружила солдат, охранявших тюрьму, откуда было выпущено 40 арестантов.

23 марта (4 апреля) повстанцы Важинского захватили с другой стороны Вильно город Ошмяны после короткого сопротивления гарнизона – инвалидной команды в 70 человек и депо Великолуцкого пехотного полка в 40 человек. Гарнизон был взят в плен, захвачено 300 ружей и 8000 патронов.

24 марта (5 апреля) мятежники Ягелловича напали на Поланген (на прусской границе), но были отбиты русской пограничной стражей капитана Бушенова.

¹ Игане//Военная энциклопедия. Т. 10. С. 564.

² Пузыревский А.К. Указ. соч. Т.2. С. 20.

³ Бантыш-Каменский. Указ. соч. С. 167.

⁴ Орлов Н.А. Указ. соч.

⁵ Бантыш-Каменский. Указ. соч. С. 167.

⁶ Отзывы и мнения военно-начальников о польской войне... С. 156.

⁷ Там же. С. 173.

⁸ Бантыш-Каменский. Указ. соч. С. 168.

¹ Неелов Н.Д. Указ. соч. С. 145.

² Пузыревский А.К. Указ. соч. Т.1. с.158.

³ Гейсмар В. Указ соч. С. 753.

⁴ Бенкендорф А.Х. Указ. соч. С. 474.

Русское командование было встревожено. Царь сообщил Дибичу, что 24 марта (5 апреля) приказал генералу Отрощенко с 2 полками казаков двинуться к Вильно, чтоб усмирить восстание¹.

С этого момента против литовских повстанцев русское командование стало направлять войска и с территории непосредственно Польши. 25 марта (6 апреля) по приказанию августовского военного губернатора генерал-майора фон-Фрикена лейб-эскадрон лейб-гвардии казачьего полка выступил из Августова в Годлево осматривать левый берег Немана и охранять селение Брудно. «Новые полки донских казаков и казаков кавказской линии (впервые использовались вне территории их расквартирования) были направлены в наши губернии»².

Восстание в Литве разрастается. 26 марта (7 апреля) повстанцы Мажанского, наступавшие тремя группами, заняли предместье Ковно – Вилиамполь, но были отбиты полковником А.О. Вышковским. Ковно обороняли 6 рот 9-го егерского полка при 2 орудиях³.

28 марта (9 апреля) лейб-эскадрон переместился в Квитишки, откуда фон-Фрикен повел его на Мариамполь. В ходе боевых действий в этом районе разъезд корнета Харитонов разбил шайку мятежников и освободил 7 русских пленников. 23 казака корнета Каменнова встретили у селения Рудки отряд мятежников, вступили с ним в перестрелку, подождали свою пехоту и общей атакой рассеяли. Поляков положили 40, своих потеряли 1 убитого и 1 раненого⁴.

При подходе к Янову партия поручика Ивана Иловайского встретила в Кормялово 250 мятежников, к ней на помощь подошла партия Платона Луковкина, и мятежников разогнали, потеряв 1 убитого.

Невзирая на приближение казаков, восстание расширялось. 30 марта (11 апреля) толпа мятежников вступила в Свенцяны (теперь уже северо-восточнее Вильно) и попыталась разрушить инвалидную команду, но была встречена огнем караула, потеряла 3 убитых и поспешила из города. Однако командир гарнизона посчитал,

что не сможет удержать за собой вверенный ему пункт и отступил в Видзы⁵, в сторону Двинска.

К югу от Вильно инсургенты, как мы помним, захватили город Ошмяны. Возглавлял их граф Пшездецкий, и в отряде у него было 2500 человек. Полковник Верзилин, имея 300 казаков Сводно-Литейного полка и 4 роты пехоты, выбил их оттуда 1(13) апреля⁶. Пшездецкий ушел из Ошмян до боя, но оставил в арьергарде 600 человек, которые засели в городе и обстреляли линейцев⁷ 2 казака были ранены и 4 казачьи лошади убиты. «Раздраженные этим линейцы соскочили с коней и с шашками в руках ворвались в город. Ожесточенный бой был непродолжительным, и в несколько часов возмущение в Ошмянах было подавлено»⁸. Было подобрано 350 трупов. Бой плавно превратился в погром, «казаки не щадили никого на своем пути, грабили еврейские лавки, костелы, дома. Часть жителей Ошмян привязали к пушкам и привезли в Вильно, иным обрили головы»⁹.

Повстанцев это не вразумило. 2 (14) апреля майор польских войск Любанский прибыл в Вилейку, призвал жителей к восстанию и принудил местный гарнизон, состоявший из инвалидной команды, сложить оружие.

3 (15) апреля фон-Фрикен собрал войска и повел на город Ковно, захваченный мятежниками. В авангарде шли лейб-казаки. У селения Плебанишки мятежники встретили русские войска. Рота 9-го егерского полка атаковала их с фронта, а «лейб-эскадрон, пользуясь туманом, зашел полякам в тыл и в свою очередь дружно атаковал их»¹⁰. На поле боя подобрали 80 убитых поляков, кроме утонувших в Вилие и взятых в плен. Казаки потеряли убитым ротмистра Ивана Чернозубова, 1 унтер-офицера и 2-х рядовых, 5 казаков получили ранения.

Преследуя бегущих в сторону Янова, казаки увидели польскую кавалерию, которая заезжала им во фланг от Соломянки. Лейб-эскадрон мигом развернул фронт и ударил на неприятельскую конницу в пики. Согласно рапорту, поляки потеряли 100 убитых и 200 пленников (видимо, это было какое-то польско-литовское конное

¹ Война с польскими мятежниками 1831 года в переписке Николая 1 с гр. Дибичом//Русская старина. 1886. № 3. С. 540.

² Бенкендорф А.Х. Указ. соч. С. 474.

³ https://runivers.ru/conflicts/campaigns/polskoe_vosstanie_kampaniya_1831

⁴ История лейб-гвардии казачьего полка... С. 361.

⁵ https://runivers.ru/conflicts/campaigns/polskoe_vosstanie_kampaniya_1831

⁶ Хронологический указатель... С.113.

⁷ Матвеев О.В., Фролов Б.Е. Указ. соч. С. 133.

⁸ Пузыревский А.К. Указ. соч. Т.1. С. 165.

⁹ Матвеев О.В., Фролов Б.Е. Указ. соч. С. 133-134.

¹⁰ История лейб-гвардии казачьего полка... С. 362.

ополчение). Казаки – 3 убитых рядовых, 1 пропавшего без вести, и 1 унтер-офицер был ранен.

За этот подвиг Луковкин и Иловайский получили наградные сабли с орденом Святой Анны 4-й степени, 1 унтер-офицер и 6 рядовых – Знаки отличия Военного Ордена¹.

Фон-Фрикен вступил в Ковно и оставался там до 14 (26) апреля. Эта часть Литвы временно была взята под контроль.

6 (18) апреля русский отряд полковника А.О. Вышковского (2 роты, 16 кавалеристов, 1 орудие) атаковал повстанцев Прозора, занимавших крепкую позицию у Кормилово, и разгромил их. Мятежники потеряли около 150 убитых и пленников.

8 (20) апреля вновь отличился полковник Верзилин. С теми же линейцами и двумя ротами пехоты при двух орудиях он при Овсянишках разбил и разогнал 3 тысячи инсургентов Залусского². У Залусского было 150 всадников, 1000 повстанцев имели ружья, остальные были вооружены косами. «Казаки своевременно заметили скакавших неприятельских всадников и, подавшись назад, навели их на пехоту и артиллерию. Встреченные пулями и картечью инсургенты смешались и обратились в бегство»³. Конница ускакала, но пехота засела в домах и овинах селения и открыла огонь. «Полковник Верзилин во избежание напрасной потери в людях, приказал зажечь строения»⁴. Пехота из огня побежала к лесу и попала под казачьи шашки. Казаки преследовали инсургентов только до леса, успев перебить 120 человек и 30 взять в плен. Сами казаки потеряли 6 человек.

Еще несколько ударов нанесли русские отряды по отрядам инсургентов. Генерал Ренненкамф того же 8 (20) апреля около Полангена нанес «поражение литовским мятежникам при Дорбьянах в лесном массиве и в самом городе»⁵.

10 (22) апреля майоры Шон и Пушет с 4 тысячами инсургентов атаковали Мариамполь. Город оборонял полковник Н.Н. Анненков с командой Шлиссельбургского пехотного полка. Генерал Малиновский с 3 эскадронами Оренбургского уланского полка подошел из Кальварии. Он взял под свое командование эскадрон лейб-казаков

и 4 сотни 8-го Оренбургского казачьего полка и 2 орудия. В результате боя Пушет бежал, а «Шон был взят и расстрелян за жестокости, особенно против евреев, которые он себе позволял»⁶. По воспоминаниям польского прелата Будкевича, полковник Анненков повесил всех пленников «революционных офицеров»⁷. 1170 инсургентов попали в плен. Русские части потеряли 53 человека.

Петр Семенович Верзилин

Как вспоминал тот же Будкевич, пленников литовских крестьян отправили на строительство шоссе между Москвой и Санкт-Петербургом⁸.

11 (23) апреля повстанцев били и около Вильно и у Палангена. Авангард казачьего отряда генерал-майора Отрощенко рассеял литовских мятежников в лесах у Вишнева. В тот же день полковник А.И. Бартоломей атаковал и разбил мятежников у Кретингена.

12 (24) апреля в оставленную восставшими Вилейку вступили тептярские казаки подполковника Болценталя, захватили два десятка мятежников и запасы оружия.

После всех этих операций Верзилин со своими линейцами через Троки возвратился в Вильно. «Остатки революционеров, разбежавшись по стране, распространили всюду страх

¹ История лейб-гвардии казачьего полка... С. 363.

² Хронологический указатель... С.114.

³ Пузыревский А.К. Указ. соч. Т.1. С. 82.

⁴ Матвеев О.В., Фролов Б.Е. Указ. соч. С. 134.

⁵ https://runivers.ru/conflicts/campaigns/polskoe_vosstanie_kampaniya_1831

⁶ Пузыревский А.К. Указ. соч. Т.1. С. 166.

⁷ Буткевич. Воспоминания прелата. Польское восстание 1831 года. Пер. с польск. Гиллос. Сообщ. П. К. Шебальский.-РС, 1878, т. 22, № 8. С. 603. с. 591-615.

⁸ Там же.

и смятение; с тех пор слово «черкес» производило устрашающее действие на возмутителей»¹.

Пока шли эти тяжелые бои и маневры, Денис Давыдов, наконец, добрался 23 марта (5 апреля) до Красностава, был там встречен как триумфатор и принял от И.Р. Анрепа отряд. Из его воспоминаний видно, как русские в Люблинском воеводстве боролись с попытками поляков прорваться на волынские и подольские земли.

На 21 марта (3 апреля) отряд Крейца состоял из 2-й драгунской дивизии, 1-й бригады 2-й конно-егерской дивизии, гренадерской дивизии (3 полка) из VI корпуса и казачьих полков Платова, Киреева, Хоперского, Грекова и Катасонова. Командовали этими частями генералы Пашков и Муравьев и полковник Анреп (после него генерал Давыдов).

Муравьев стоял в Красностае с полком Платова. Полк Грекова 5-го выдвинул посты в Рахов, Юзефов и Камень, полк Киреева – в Туробин. Цель у всех была одна – отрезать Дверницкого от Вислы.

Сам Крейц находился в Уржендове, Пашков с конно-егерским полком и полком Грекова держал посты по Висле от Ветржа до Юзефова, дальше по Висле от Юзефова до Завихвоста стоял на постах полк Хоперского. Полковник Анреп командовал войсками в Горшково и Жолкево, полк Катасонова 1 он держал между Воиславицами и Тишовцами и отдал ему приказ «опустошить край как можно ближе к Замостью»², чтоб не было продовольствия в крепости. Несвижский карабинерский полк стоял в Ополе, Луцкий гренадерский полк и Самогитский гренадерский полк в Люблине, в том же районе находились артиллерийские роты № 27 и № 28.

Наиболее опасным противником считался Дверницкий, расположившийся в районе Замостья. Напротив, за Вислой, против Пулав и Казимержа, развернул свои войска Серавский. У него насчитывалось 7-8 тысяч «человек новобранного и худо вооруженного войска»³. Это были 10-й и 11-й полки по 2 батальона, 4-й батальон 2-го линейного полка, 2 батальона стрелков и 1500 косинеров. Конница состояла из 2-го Калишского полка, 2-го Сандомирского полка, половина полка «Понятовского» (2-я половина была у Дверницкого) и 2 эскадрона кракусов «Белого орла» (7 батальонов, 15 эскадронов, 6 орудий).

¹ Пузыревский А.К. Указ. соч. Т.1. С. 165.

² Война с польскими мятежниками 1831 года в переписке Николая 1 с гр. Дибичом // Русская старина. 1885. № 7. С. 59.

³ Давыдов Д. Воспоминания о польской войне... С. 371.

⁴ Заметки о генералах всех чинов... С. 270.

⁵ Давыдов Д. Воспоминания о польской войне... С. 349.

Сам Серавский был охарактеризован Великим князем Константином так: «Хороший, честный человек, но слабый характером...». Константин в свое время предполагал использовать его для формирования резервов⁴.

Уступом за вскрывшимся ото льда Бугом от Кладнова до Летовижа (австрийская граница) растянулся отряд Лошкарева – донской полк Попова (360 пик) и гусарская бригада (1350 сабель). Общее командование на правом берегу Буга осуществлял командир IV кавалерийского корпуса Редигер (1800 сабель и 2420 штыков). Все эти силы были собраны против Дверницкого, от которого ожидали похода на Волынь и далее до Киева.

У Дверницкого, по данным русской главной квартиры, под рукой находились следующие польские конные части: 5-е и 6-е эскадроны 1-го, 2-го, 3-го и 4-го конно-егерских полков; 5-е и 6-е эскадроны 1-го, 2-го, 3-го и 4-го уланских полков; 4 полка кракусов по 3 эскадрона. Всего – 28 эскадронов по 100 человек. Итого – 2800 человек⁵.

Денис Давыдов воспроизвел статистику: Дверницкий бил Гейсмара и захватил 8 орудий;

Дверницкий бил Крейца и захватил 5 орудий; Дверницкий бил Кавера и захватил 3 орудия;

После чего Давыдов с ложным сожалением отмечал, что у него в отряде пушек не было.

28 марта (9 апреля) Дверницкий напал на русские посты в Крылове (180 казаков) и Грубешове, а 29 марта (10 апреля) начал переправу через Буг между Устилугом и Летовижем. Редигер не смог его удержать и 1 (13) апреля отошел за Стырь у Красного. К нему стали подходить русские войска, вернувшиеся из Турции, но они были в большом некомплекте. Фельдмаршал приказал Крейцу с его V кавалерийским корпусом преследовать Дверницкого. Но Крейца задержали на Висле обстоятельства, о которых будет сказано ниже.

По версии Д.В. Давыдова, все произошло несколько иначе. 1 (13) апреля Давыдов получил приказ Крейца наступать из Туробака на Щербачежину и вести разведку на Франполь и Бельгрой, то есть, двигаться в сторону от войск Дверницкого.

Дверницкий, в свою очередь, выступил из Замостья на Волынь.

Крейц обвинил Давыдова, что он просмотрел неприятеля, за которым должен был наблюдать, и повернул его за Дверницким. Давыдов 4 (16) апреля вышел между Замостьюем и предполагаемым местом нахождения Дверницкого, затем переправился через Буг по мосту в Крылове и после переправы сжег этот мост. В Крылове Давыдов захватил несколько офицеров Дверницкого, студентов из Лемберга (Львова) и прокламации, написанные от имени Ермолова¹. Поляки разворачивали информационную войну.

«Газета Варшавская» обманула своих читателей, написав, что при прохождении Давыдова мимо Замостья из города была победоносная вылазка, а затем «корпус генерала Давыдова разбит волынским ополчением при переправе через Буг»².

Жители Крылова говорили, что Дверницкий во Владимире-Волынском, и Давыдов 6 (18) апреля атаковал этот город. На самом деле город захватил граф Стецкий с отрядом в 30 всадников и 100 пеших³. Тем не менее, по воспоминаниям Давыдова: «Стар и млад, шляхта и духовенство, военные и мещане, все стреляло из окон, из-за заборов и оград, и подобно лазам или лезгинам, не просило пощады». Бой продолжался 4 часа. Давыдов спешил 3-й дивизион Финляндского драгунского полка (полковника Кологривова) и большую часть полка Катасонова, «все же прочие были на коне»⁴.

Граф Стецкий ускакал. Его жена отстреливалась. Казаки подожгли дом, из которого она стреляла, но какой-то офицер спас ее из пламени. Вот такая романтическая история.

Город был взят. В плен захвачено 90 человек⁵. Давыдова представили к «Георгию» 3-й степени. Но он этот орден так и не получил, поскольку Дверницкого во Владимире-Волынском не оказалось. Денисов утешался тем, что он «однако поставил здесь все вверх дном и отбил навсегда охоту бунтовать»⁶. Он захватил некоего Чернолуцкого и для устрашения населения приказал расстрелять его, а труп повесить.

Не получив «Георгия» 3-й степени, Давыдов, тем не менее, представил к орденам

и производству в очередные чины своих подчиненных. Из полка Катасонова 1-го № 3 сотники Гусев Яков Антонович и Козловцев Казьма Ерофеевич были произведены в есаулы; сотник Гордеев Артемий Трофимович «за особую храбрость и мужество 6 апреля при поражении мятежников в г. Владимире-Волынском награжден А-4»⁷, такую награду получили хорунжие Киреев Логин Климович и Борисов Тимофей Андреевич, урядник Ежов Михаил Филиппович получил Знак отличия Военног Ордена. Из полка Платова 2-го хорунжий Александров Григорий Ефимович получил «Анну» 4-й степени, а Махин Фатей Лазаревич был произведен в хорунжие. Есаул Дмитрий Рубашкин был представлен в войсковые старшины. Из полка Киреева 1-го сам командир Александр Андреевич Киреев за Владимир-Волынский был награжден «Анной» 3-й степени, сотник Кузнецов Андрей Яковлевич был произведен в есаулы, а Каменнов Александр Васильевич – в хорунжие.

Пока же тылы русской армии были в довольно сильном напряжении. Ехавший в армию Ф.Ф. Торнау вспоминал: «Дверницкий прорвался тем временем на Волынь, польская шляхта повстала, на дорогах появились разбойничьи шайки, и прямое сообщение с главной армией прекратилось для одиноких путешественников»⁸.

Генерала Ридигер не дал Дверницкому утвердиться на правом берегу Стыри, 6 (18) апреля он вытеснил из леса три батальона мятежников, взял в плен 2 офицеров, 50 рядовых и захватил 4 орудия без лафетов, устроенных на брусках. Эти орудия он приказал затопить. 7 (19) апреля Редигер переправился через Стырь на левый берег у селения Хриники и в тот же день имел жаркое дело с отрядом Дверницкого при Боремле, «рассеял всю его пехоту, уничтожил совершенно два дивизиона лучшей регулярной кавалерии, взял в плен до 200 человек»⁹. По другим данным, поляки потеряли до 200 убитых и раненых, в плен попали 2 офицера и 50 нижних чинов, русские захватили 4 орудия без лафетов¹⁰. Офицер гусарского полка А.Вульф уточнил, что захвачены были «только пушки, валявшиеся в винокурне»,

¹ https://runivers.ru/conflicts/campaigns/polskoe_vosstanie_kampaniya_1831

² Давыдов Д. Воспоминания о польской войне... С. 378.

³ Пузыревский А.К. Указ. соч. Т.1. С. 189.

⁴ Давыдов Д. Воспоминания о польской войне... С. 377.

⁵ Бантыш-Каменский Д. Указ. соч. С. 170.

⁶ Давыдов Д. Воспоминания о польской войне... С. 377.

⁷ Абрамов М.Ю., Вальдин А.С., Королев В.Н., Корягин С.В. Астаховы и другие. М. Русаки, 2001. С. 48.

⁸ Торнау Ф.Ф. Воспоминания русского офицера. М.: АИРО-XX, 2002. С. 152.

⁹ Бантыш-Каменский Д. Указ. соч. С.169.

¹⁰ https://runivers.ru/conflicts/campaigns/polskoe_vosstanie_kampaniya_1831

а «пехоты польской не было в деле. Прошу после этого верить донесениям»¹.

Бой при Боремле 5–7 апреля записал в послужной список хорунжий полка Попова 3-го Карпов Иван Иванович.

Давыдов сожалел, что не мог успеть к Боремле. У Ридигера при Боремле было 9000 и 36 орудий, у Дверницкого — 6000 с 12 орудиями. Русские потеряли 700 человек и 5 орудий, но преградили полякам путь в Подолию. У Дверницкого убыло 1000 человек, он потерял 250 человек пленными.

Федор Васильевич Редигер

8 (20) апреля бегущий Дверницкий у Берестечка переправился вброд на правый берег Стыри и потянулся к Радзивилу.

12 (24) апреля русские войска атаковали авангард Дверницкого и отбросили к Вышгородку, перекрыв ему дорогу в Подолию.

След Дверницкого «зачищался». 14 (26) апреля 2-я бригада 1-й конно-егерской дивизии разгромила польские сборные пункты в Горохове и Дружкополе, где были захвачены 100 старых солдат Дверницкого, оставленных для образования новых кадров².

Наконец, Дверницкий «иссяк», «его отряд отступил к деревне Люлинцы, прислонив тыл к границе, и после дела 15-го разоружился в количестве 4000 человек»³. До боя дело не дошло. Поляки «показывали готовность вступить в бой, но когда пехота наша, перейдя два глубоких оврага, а кавалерия, обойдя левый фланг мятежников, повели решительную атаку, то они мгновенно удалились в австрийские владения, живо преследуемые нашею кавалериею до самого рубежа»⁴.

Австрийцы разоружили 4000 поляков и передали русским 17 орудий из отряда Дверницкого. Грабенский писал, что Дверницкий «по предложению австрийских властей сложил оружие под Хлебановкой. Арестованный австрийцами он был потерян для восстания. Не удалось и волынское восстание, которое поднялось было при вести о походе Дверницкого»⁵.

Против помотавшего нервы командованию польского отряда генерал-адъютант граф Ф.В.Ридигер собрал 3-ю гусарскую и 1-ю драгунскую дивизии, 1-ю бригаду 1-й конно-егерской дивизии, четыре полка 10-й и три полка 11-й пехотных дивизий. Всего в 14 батальонах и 60 эскадронах насчитывалось около 12000 человек.

Со всеми этими войсками Редигер до 18 (30) апреля наблюдал за австрийцами, за ушедшим к ним корпусом Дверницкого. Убедившись, что поляки разоружены, он выступил на Вишневец и Торчин, куда и прибыл 21 апреля (3 мая).

Опоздавший к решающему бою Давыдов повернул на Ковель, где «скопище» мятежников «производило страшные неистовства»⁶. При приближении Давыдова они побежали и спрятались «в лесистых болотах»⁷.

После всех этих событий Давыдов получил приказ от Крейца дальше наблюдать за Замостьем, перешел в Устилуге границу и стал в Блонках.

Сам Крейц в это время находился на берегу Вислы. 23 марта (4 апреля) он получил приказ Дибича, отводившего войска от переправ, сжечь мосты у Рахова и Казимержа. Казаки корпуса Крейца стояли цепью по берегу Вислы, у Белжице находился отряд Толстого с 3 полками кавалерии и казачьим полком Хоперского, у Пулав

¹ Вульф А.Н. Дневники...

² https://runivers.ru/conflicts/campaigns/polskoe_vosstanie_kampaniya_1831

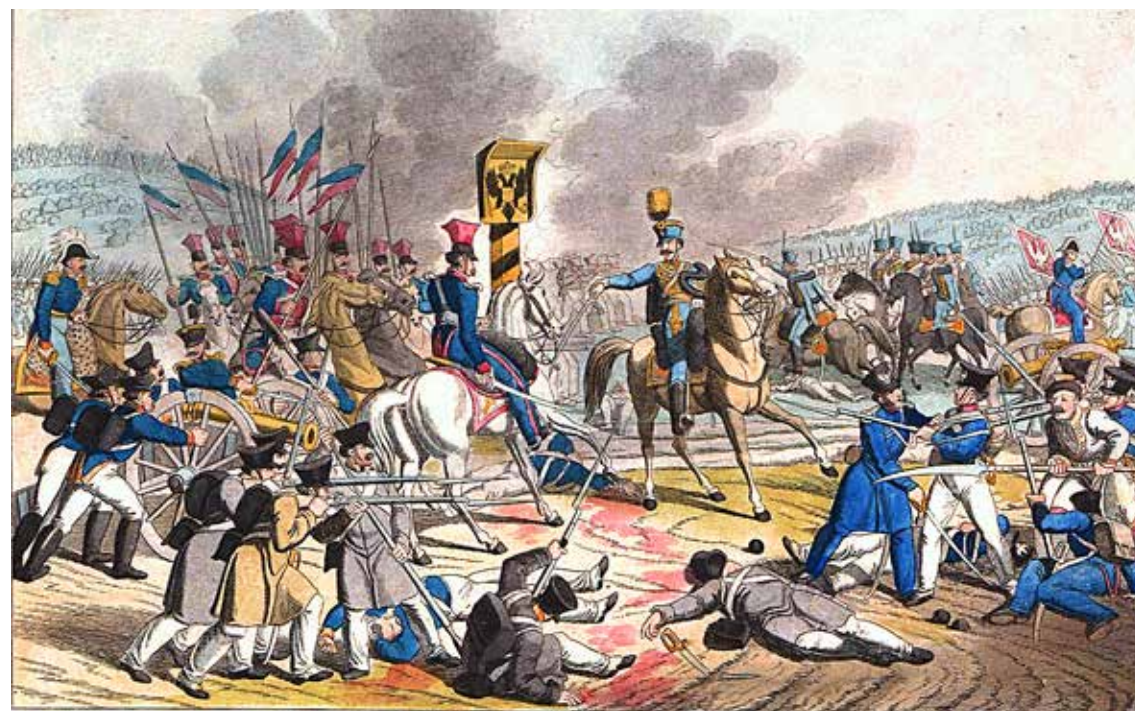
³ Керсновский А. Указ. соч. С. 71.

⁴ Бантыш-Каменский Д. Указ. соч. С. 172.

⁵ Грабенский В. Указ. соч. С. 134.

⁶ Давыдов Д. Воспоминания о польской войне... С. 378.

⁷ Там же.

Генерал Юзеф Дверницкий переходит австрийскую границу

и Казимержа стояли конные егеря Пашкова, донской полк Грекова находился выше Казимержа.

Крейц знал о подготовке Серавского к переправе. 26 и 27 марта (7 и 8 апреля) поляки действительно переправились между Раховом и Юзефовом.

Крейц думал, что Серавский и Дверницкий двинутся навстречу друг другу. Русские знали, что в Замостье холера, и Дверницкий постарается покинуть город. Дверницкий, как и ожидалось, покинул Замостье, но пошел не на запад, а, как мы знаем, на восток, 29 марта (10 апреля) он перешел Буг. Государь Николай Павлович недоумевал: «я не могу понять, каким образом Крейц со своими казаками мог упустить его из виду»¹.

Крейц получил приказ двигаться вслед за Дверницким и не дать ему вернуться в Замостье. Но тут 31 марта (12 апреля) через Вислу переправился отряд генерала Паца и двинулся на Гарволин и Сточек. Это было серьезно. У Паца под командой были 12-й, 13-й, 14-й, 15-й, 16-й и 21-й пехотные полки по 2 батальона, 1-й полк кракусов (4 эскадрона), Плоцкий полк (6 эскадронов), 1-й конно-егерский полк (4 эскадрона). Всего до 12 тысяч.

Крейц остался на берегу Вислы. На помощь ему пришли неопытность и нерешительность

генерала Паца. Не встретив русских, он вернулся за Вислу. Крейц остался один на один с Серавским.

Отряды Серавского стали на переправе, сбили казачью цепь полка Хоперского и конных егерей и начали наступление на Вронов и на Белжице.

Командующий авангардом корпуса Серавского «Лаговский в бесплодной погоне за казаками присылал пока хвастливые донесения»², затем нарвался на главные силы Крейца и стал просить подкреплений.

4, 5 и 6 (16, 17 и 18) апреля Крейц сразился с генералом Серавским. У Серавского был отряд в 7 тысяч, из которых, по мнению Давыдова, с ружьями была 1 тысяча³. Д. Бантыш-Каменский считает, что у Серавского было 10 тысяч при 9 орудиях. Три дня Крейц бил его при Стржесковице, Вронове, Ополе и Карчмиско и, наконец, 6 (18) апреля «нанес ему при Казимерже окончательный удар, взял в плен 4-х штаб, 52-х обер-офицеров и более 2000 нижних чинов. Вся потеря мятежников простиралась до 6000 человек»⁴. Как считал Хржановский, «Серавский обманывался относительно достоинства своих войск»⁵, и это повлекло за собой поражение.

Бои начались у Бабино 4 (16) апреля, где авангард Крейца под командованием Толстого

¹ Война с польскими мятежниками 1831 года в переписке Николая 1 с гр. Дибичом// Русская старина. 1885, № 8. С. 239.

² Пузыревский А.К. Указ. соч. Т.1. с. 175.

³ Давыдов Д. Воспоминания о польской войне... С. 378.

⁴ Бантыш-Каменский Д. Указ. соч. С. 169.

⁵ Отзывы и мнения военно-начальников о польской войне... С. 33.

отбросил отряд Лаговского. Поляки теснили казаков и конных егерей, но увидели главные силы Крейца и стали уходить. Тогда русская кавалерия, в свою очередь, помчалась за ними. Отличились донцы полка Хоперского.

Русский авангард продолжил наступление к Белжице. Поляки пытались остановиться у Вронова. Казаки обскакали их позицию и вышли в тыл. Казанский драгунский полк атаковал с фронта. В плен были взяты 6 офицеров и 126 нижних чинов.

5(17) апреля сам Крейц атаковал Серавского в 7 утра и погнал его к Ополе и Казимержу. И опять отличились донцы полков Хоперского и Грекова¹. Полковник Хоперский, командир полка № 20, за отличие 5 апреля был удостоен Высочайшего благоволения, сотник Рябов Ефим Семенович из того же полка получил «Анну» 4-й степени. Казаки полка Грекова 5-го № 5 Греков Петр Макарович, Ермолов Иван Данилович и Калинин Тимофей Иванович были награждены Знаками отличия Военного Ордена. Казак Пузанов Иван Данилович во время боя был ранен пикой в левую ногу и впоследствии произведен в хорунжие².

На следующий день Серавского настигли в Казимерже, когда он переправлял свой отряд. 4 орудия и часть польской кавалерии успели переправиться, когда появился граф Толстой с 2 драгунскими полками и казаками и атаковал Казимерж. Урядник полка Грекова 5-го Владимир Федорович Шурупов взял в плен польского майора и был произведен в хорунжие. 18-летний казак Павел Решетовский заслужил Знак отличия Военного Ордена.

Сандомирская кавалерия стала переправляться вплавь и погибла. Кржесимовский с егерями, прикрывавший переправу, сдался. Серавский с остатками кавалерии и 2 орудиями ушел на Пулавы и там ночью переправился.

За два дня боев 5(17) и 6 (18) апреля поляки потеряли «более 450 убитых и раненых, 54 офицера и 1500 нижних чинов пленных, среди последних начальник Сандомирской кавалерии Виельгорский»³

Серавского сменил Дзеконский и стал набирать новых людей. Хрженовский писал, что корпус Серавского, «страшно ослабленный, а главное совершенно деморализованный, надолго остался ни к чему не годным»⁴.

На правом фланге русских войск во время польского наступления от Праги на Седлец действовала кавалерия Уминского, которая хотела «прощупать» русскую гвардию. Уминский направился к Остроленке, но встречен был легкой русской гвардейской кавалерией под командованием графа Ностица. Увидев русских при Рожанах, Уминский повернул к Венгрову, чтобы идти на Игане, где слышалась артиллерийская стрельба. На следующий день он оттеснил конницу Гейсмара и занял Венгров. Но к тому времени на этом направлении русские уже объединили свои силы. К Гейсмару на помощь пришли 1-я и 2-я гренадерские дивизии. 2 (14) апреля 1-я гренадерская дивизия атаковала Венгров двумя колоннами. Одной командовал генерал Фезе, второй – штабс-капитан Сливицкий. Гренадеры опрокинули поляков и гнали за Ливенец. 1-я гренадерская дивизия заняла Венгров и находившееся там предместье укрепление. Бой закончился за 3 часа. В плен взяли 300 человек, на месте штыками положили 500 мятежников⁵.

На правом фланге, у Остроленки, лейб-казаки продолжали патрулировать территорию: «Апреля с 2-го по 6-е при наблюдении дистанции по реке Амулеву (Омулев – А.В.), с 8-го по 12-е по Аржецу (Ож – А.В.)»⁶.

В ночь на 10 (22) апреля поручик Иван Иловыйский переправился с 24 казаками через Оржец и обнаружил неприятеля. Поляки проводили мобилизацию местного населения и отправляли новобранцев в Млаву и Плоцк. 11 (23) апреля 5-й эскадрон обнаружил до 2 тысяч пехоты и кавалерии противника, которые направлялись из Млавы в Хоржев. В Хоржеве казаки рассмотрели пехоту и 5 эскадронов кавалерии. 11 (23) апреля вечером Остен-Сакен отозвал 5-й эскадрон в Остроленку. Наблюдать за поляками стали другие части.

Подготовка третьего похода

На 1 (13) апреля количество казаков на театре военных действий увеличилось.

При главной квартире несли службу 4 ½ сотни Атаманского полка – 616 казаков. Там же числился донской полк № 21 Золотарева – 5 сотен, 486 казаков. Но в пометке сказано, что казаки этого полка «раскомандированы по штабам корпусов и дивизий»¹.

В авангарде подошедшего II корпуса Палена 2-го содержал посты по речке Костржин донской полк Ильина № 32 – 5 сотен, 376 казаков.

В VI корпусе Розена состоял полк Секретева № 38 – 5 сотен, 437 казаков – и ½ сотни полка Андреянова № 43 – 40 казаков.

В I корпусе Палена 1-го в передовом отряде числилась сотня Атаманского полка – 137 казаков, а при главных силах уже известный нам 2-й Конно-Черноморский, все его 5 сотен.

При Гренадерском корпусе в отряде Угрюмова, выдвинувшемся к Венгрову, была ½ сотни Атаманского полка – 69 казаков; в отряде Герштенцвейга – полк Борисова № 34 – 5 сотен, 378 казаков; в отряде Тимана – полк Егорова № 44 – 5 сотен, 226 казаков; в летучем отряде графа Цукато, стоявшем между Бугом и Наревом – полк Андреянова № 43 – 4 ½ сотни, 275 казаков².

Правый фланг армии Дибича составляли части Гвардейского корпуса и отряд Остен-Сакена. В авангарде Остен-Сакена находился полк Грекова № 24 – 4 сотни, 212 казаков, одна сотня полка стояла в Ломже (102 казака). Кроме донцов в отряде Остен-Сакена был 7-й Конно-Черноморский полк – 5 сотен, 317 казаков.

В Гвардейском корпусе казаки были представлены лейб-гвардии казачьим полком – 771 казак. Сотни полка стояли в Остроленке. Августовые, Ломже, 2 сотни содержали посты на Пысе,

Черноморский эскадрон (160 человек) находился в Белостоке³.

На левом фланге казаки были причислены к трем отрядам. Отряд графа Толстого включал в себя полк Хоперского № 26, который содержал посты по Висле от Рахова до селения Камень и в селении Красник – 5 сотен, 386 казаков; в отряде Анрепа был полк № 5 Грекова 5-го, его 4 сотни содержали посты от Камня до Казимержа, 1 сотня стояла в Люблине, всего в полку числился 441 казак; и в отряде Дениса Давыдова в Красноставе, Горжкове и Жолкевке стояли полки Катасонова № 3, Киреева № 4 и Платова № 9 – 15 сотен, 1451 казак⁴.

В тылу так же были расквартированы казачьи полки, либо они двигались к местам расквартирования.

В Седлеце стоял 5-й Конно-Черноморский полк – 5 сотен, 375 казаков.

В Августове в распоряжении августовского губернатора были полк Катасонова 2-го № 25 – 5 сотен, 133 казака – и 8-й Оренбургский полк – 4 сотни, 448 казаков.

Во Влодаве охранял мост через Буг полк Карпова 4-го № 10 – 5 сотен, 526 казаков.

В Вильно стоял полк Кутейникова № 39 – 5 сотен, 277 казаков.

В Устилуге, в распоряжении генерала Редигера, был полк Попова 3-го № 6 – 5 сотен, 548 казаков.

Следовал к Вильно уже известный нам Сборно-Линейный полк – 5 сотен, 548 казаков – и 2-й Теплярский полк – 5 сотен, 500 казаков. В Вильно они должны были появиться 11 (23) апреля⁵.

В Дубиссах ждали 11-й Оренбургский полк – 2 сотни, 255 казаков (полк этот стоял наполовину из башкир)⁶. Но время прибытия было неизвестно⁷.

Всего казаков насчитывалось 10313.

¹ Хронологический указатель... С. 113.

² Корягин С.В. Платоновы и другие. Выпуск 70. М.: Русаки, 2007. С. 97.

³ https://runivers.ru/conflicts/campaigns/polskoe_vosstanie_kampaniya_1831

⁴ Пузыревский А.К. Указ. соч. Т.1. С. 179.

⁵ Бантыш-Каменский Д. Указ. соч. С. 168.

⁶ Корягин С.В. Мельниковы и другие... С. 20.

¹ Пузыревский А.К. Указ. соч. Т.2. С. 21.

² Там же. С. 22-24.

³ Там же. С. 25-26.

⁴ Там же. С. 26.

⁵ Там же. С. 28.

⁶ Оренбургское казачье войско//Военная энциклопедия. Т. 16. С. 151.

⁷ Пузыревский А.К. Указ. соч. Т.2. С. 29.

В начале апреля на варшавском направлении шли стычки местного значения. Об одной из них в деталях рассказывается в «Атаманской памятке». «В самую распутицу, 7-го апреля, полк, имея впереди хорунжего Кузнецова с разъездом из нескольких казаков, подходил к местечку Гарболино.

Дорога шла лесом. За лесом открывался мост и видны были дома местечка. Едва только передовые казаки показали из-за леса, как со стороны Гарболина раздался дружный залп. Хорунжий Кузнецов выскочил вперед и увидел, что поперек моста навален хворост и доски, а за ними видны поляки.

– За мною, стройся! – крикнул атаманский офицер. Казаки по тяжелой грязи поскакали к мосту. В неприятельской стороне произошло движение. Часть защитников моста побежала к лошадям, стоявшим за домами, часть открыла беспорядочную стрельбу.

Казаки пришпорили своих лошадей. Толкнул шпорами коня Кузнецов и перепрыгнул через завал. Польский конный егеря замахнулся на него прикладом своего штуцера, но тут же был свален сильным ударом шашки. Казаки покололи еще нескольких и ворвались в деревню.

Конные егеря, занимавшие ее, бежали, часть была захвачена в плен, и от них казаки узнали, что мятежники занимают м. Сарочино. Разъезд хорунжего Кузнецова, состоявший из урядников Семенцева, Ерофеева, Соковникова и казаков Пушкарева, Ажинова, Турчанинова, Захарова, Дашкова и Фомина, украсился знаками отличия Военного Ордена 4 степени.

М. Сарочино лежит в глухом лесу среди болот. На коне к нему не подъехать. Поляки укрепились в нем, заняли дома, завалили улицы и переулки, закрыли ставнями окна.

Полковник Кузнецов приказал Атаманскому полку огнем выбить неприятеля. Застучали в лесу казачьи штуцера, и пошла перестрелка. Поляки покинули Сарочино, и наш полк мог продолжать движение к Главной Армии. В этом деле особенно отличились урядник Ушаков и казак Жиров, получившие георгиевские кресты»¹.

9 (21) апреля отряд Мандерштерна выходил к Куфлево, и его три сотни из атаманцев и казаков 2-го конно-Черноморского полка опрокинули эскадрон поляков Дембинского². Казак

Карл Егорович Мандерштерн

Атаманского полка Пушкарев Иван Андреевич заслужил за этот бой Знак отличия Военного Ордена.

Дибич, дважды проваливший поход на Варшаву, планировал перейти в новое наступление от Седлеца 12 (24) апреля. В этот день он приезжал в Гренадерский корпус на молебен и обещал идти вперед. Тогда же, 12 (24) апреля, был создан летучий казачий отряд для прикрытия левого фланга и для связи с отрядом Крейца. В отряд вошел Атаманский полк и пребывал там до 2(14) июня. В «Атаманской памятке» говорится: «11 – го апреля к нашему полку присоединились Донской казачий Ильина полк, 2-й и 5-й Черноморские полки, и этот конный отряд под командой полковника Кузнецова собрался у деревни Руда»³.

Но поход отложили, Дибич «был остановлен распоряжением Государя, повелевавшего выждать прибытия гвардии»⁴. Не теряя времени, главнокомандующий стал подтягивать войска. Н.Д. Неелов вспоминал: «Дежурный генерал, по приказанию главнокомандующего, который заметил, что слишком много находится в раскомандировке казаков, отобрал у нас казаков, и мы лишились последней возможности добывать

¹ Краснов П.Н. Атаманская памятка...
² Хронологический указатель... С. 114.
³ Краснов П.Н. Атаманская памятка...
⁴ Керсновский А.А. Указ. соч. С. 71.

фураж и производить с той же скоростью рекогносцировки»¹.

Очередным несчастьем, свалившимся на армию, стала холера — «в марте было всего 200 заболеваний, но к концу апреля их число дошло уже до 5000»². Каждый день в каком-либо полку умирало по 20 человек, по 40 человек заболело. По официальным подсчетам в апреле в армии заболело 8720 человек, 2800 умерло³. Чтобы дезинфицировать насыщенный миазмами воздух, жгли навоз⁴. Солдатам, чтобы пресечь распространение холеры, в водку стали добавлять перец⁵.

Холера появилась на северном берегу Каспийского моря в 1830 году. На Дону только убрали противочумные кордоны. 8 мая получили приказ «об уничтожении кордонов, состоящих по границе с Екатеринославскою губерниею для избежания от заразной чумной заразы»⁶. И сразу же пришлось учреждать новые карантинные пункты. И 22 декабря 1830 года Войсковая канцелярия разбила дело крестьянина Григория Стрельникова, бежавшего 23 ноября из карантина, «учрежденного в Арчадинской станице для очищения людей, подходящих под сомнение к холерической болезни», и упустивших его казака Антона Барышников и выростков Егора Ергакова, Тимофея Орлова и Моисея Иловлинского, которые дежурили в этом карантине на Астраханском тракте⁷. Стрельникову, чтоб не бегал и не разносил заразу, дали 12 ударов плетью, а казаку и выросткам за потерю бдительности вклеили 2 недели ареста⁸. Первые признаки холеры в войсках «обнаружились прежде всего в казачьем Хоперского полку, вскоре по выступлению его с Дона, 8 и 14 декабря и потом в Луцке 14 января, всего у 5 казаков. Полк этот вступил в корпус барона Крейца, и болезнь в нем уже не возобновлялась»⁹.

Офицер гусарского полка А.Вульф записал в дневнике о появлении холеры в Бердичеве 23 декабря: «В Бердичеве точно появилась холера, от которой уже там погибло человек 150.

В других уездных городах тоже, говорят, она оказалась, — а именно в Василькове, в Б. Церкви, в С. Павловичах и других, но это не достоверно, о Бердичеве же объявлено официально»¹⁰. Согласно переписке царя с Дибичем, 14 (26) января в Москве она уже прекратилась¹¹.

Н. А. Орлов писал, что холера в армии «появилась 6 марта, но сначала слабо, так что в марте считалось всего 233 больных, в апреле, из-за скученной и неподвижной стоянки, их было 5 тысяч»¹².

От холеры страдала не одна армия. Страдала вся Россия. «Холера, ужасный пособник бедствиям, тяготевшим над нами, опустошала нашу страну. Она затронула многие губернии, она господствовала в Польше, свирепствовала в армии и, достигнув Москвы, приближалась к Петербургу. Эта новость, сначала тщательно скрываема, стала, наконец, явною. Самые смелые не придавали ей значения, самые слабые трепетали»¹³.

11 (23) и 12(24) апреля шел проливной дождь. Наступление начали 13 (25) апреля. II пехотный корпус вышел из Мингос и наступал по шоссе. Через день I пехотный корпус выступил на Цизе и Власовку, 2-я и 3-я гренадерские дивизии и кирасиры потянулись к Куфлеву. Там же, у Куфлева, побывали разъезды Атаманского полка. Согласно «Хронологическому указателю», 13 (25) апреля казачьи разъезды оттеснили поляков от Куфлево до Цеглово¹⁴.

Под Куфлево разыгрался бой, который был отражен рядом исследователей. В Куфлево стояли 4-й и 5-й уланские полки, подляская кавалерия, 2 батальона пехоты и 4 орудия. На Куфлево наступал Мандерштерн с Лубенским гусарским полком и тремя сотнями Атаманского и 2-го Конно-Черноморского полков. Казаки налетели на пост 5-го уланского полка. Его командир полковник Гавронский с эскадроном улан бросился на дерзких казаков. «Последние его заманили на свои подкрепления, а затем внезапно ударили, опрокинули и взяли в плен самого Гавронского.

¹ Неелов Н.Д. Указ. соч. С. 148.
² Керсновский А.А. Указ. соч. С. 71.
³ Пузыревский А.К. Указ. соч. Т.1. С. 218.
⁴ Неелов Н.Д. Указ. соч. С. 146.
⁵ Пузыревский А.К. Указ. соч. Т.1. С. 217.
⁶ ГАРО. Ф. 46. Оп.1. Д. 414. Л. 3 об.
⁷ ГАРО. Ф.341. Оп.1. Д. 1552. Л. 352.
⁸ ГАРО. Ф.341. Оп.1. Д. 1552. Л. 368.
⁹ Пузыревский А.К. Указ. соч. Т.1. С. 218.
¹⁰ Вульф А.Н. Дневники...
¹¹ Война с польскими мятежниками 1831 года в переписке Николая 1 с гр. Дибичем//Русская старина. 1884. № 1. С. 109.
¹² Орлов Н.А. Указ. соч.
¹³ Голицына Н.И. Указ. соч. С. 137.
¹⁴ Хронологический указатель... С.114.

Подошедший эскадрон освободил полковника, но вынужден был отступить. Тогда весь 5-й (уланский) полк двинулся через греблю. Казаки, повторяя свою тактику, стали отходить назад и навели поляков на нашу скрытую артиллерию¹. Лубенский полк вмешался в дело, стал гнать 5-й уланский и вслед за ним перешел греблю. Но там его остановил 4-й уланский полк.

Мандерштерн отступил. 5-й уланский полк потерял 80 человек, включая командира 5-го полка полковника Гавронского, получившего тяжелое ранение, от которого он умер². Русские потери были «ничтожны», но, «к сожалению, мы лишились подававшего большие надежды генерального штаба поручика Кобякова, который, следуя с передовыми казаками, пал под неприятельскими саблями»³. То есть, штабной поручик поучаствовал в авангардном казачьем деле и сразу же погиб...

Опять наградили атаманцев. Хорунжий Атаманского полка Кононов Михаил Никифорович за бои 9 апреля и 13 апреля «по совокупности» получил «Анну» 4-й степени. Урядник Атаманского полка Ерофеев Виктор Алексеевич за отличие в делах 9-13 апреля был награжден Знаком отличия Военного Ордена и позже произведен в хорунжие. Знаком отличия Военного Ордена был награжден казак-атаманец Пушкарев Иван Андреевич. Отличился хорунжий Машлыкин Никанор Акимович. Хорунжий Терсков Яков Иванович из полка Ильина за бой 13 апреля был награжден «Анной» 4-й степени.

Гвардейский отряд двинулся к Вепржи, чтобы потом повернуть к Шенице. Дибич хотел обойти правый фланг Скрженецкого, который был обнаружен у Калушина, и отбросить поляков к Бугу.

Гренадеры, пройдя 35 верст, свернули на Куфлево и вступили в бой польскими частями их правого крыла, которым командовал Хржановский. I пехотный корпус их поддержал. Поляки стали отходить, и их преследовали до Цеглова. Скрженецкий в это время находился в Калушине, а его резервы в Минске.

Слева движение обесечивал летучий отряд Кузнецова – Атаманский полк, 2-й и 5-й Конно-Черноморские.

Ночью у русского командования стали меняться планы. За ночь войска получили 3 диспозиции, отменяющие одна другую. Поляки, ломая русские планы, ночью ушли за Минск. В итоге 14 (26) апреля русские полки остались на месте. Солдаты, не теряя время даром, искали в полях ямы со спрятанным картофелем.

Дибич, видимо, хотел, чтобы воодушевленные победами поляки сами атаковали его, но Скрженецкий не наступал. Наоборот, когда русские 15 (27) апреля опять двинулись вперед на Минск и Калушин, он приказал отводить войска. Русские беспрепятственно заняли Минск и продвинулись до Стоядле, упустив польский артиллерийский парк. «Лубенский и Клястицкий гусарские полки с двумя сотнями казачьего Конно-Черноморского преследовали их до с. Дембевелки, где они остановились на позиции»⁴. У Станиславова в тот же день казаки погнали польские передовые посты⁵, которые содержали 2 эскадрона Люблинской конницы. Полковник Длусский поддержал казаков частью Павлоградского гусарского полка, в итоге поляки потеряли до 100 убитых и пленных⁶. Отряд Кузнецова доходил до Милосны, но там были крепкие польские позиции, и дальше казаки не пошли.

Сражения не состоялось, так как поляки уклонялись от него.

Дибич в это время получил рекомендации царя переправляться через Нижнюю Вислу⁷. 16 (28) апреля началось обратное движение, и 17 (29) апреля войска вернулись в Калушин.

Навоевавших на передовых постах донцов сменили черноморцы. Хорунжий 5-го Конно-Черноморского полка Андрей Ткаченко с казаками 16 (28) апреля был направлен «к авангардному начальнику генерал-майору Мандерштерну для занятия передовой цепи аванпостов и разъездов»⁸.

Гвардейский корпус поддержал поход Дибича. Лейб-казак 5-го эскадрона Виденин отметил в послужном списке: «с 12-го по 18-е в походе из Хоржеля до Острова (Остров-Мазовецка – А.В.), и оттуда до Остроленки»⁹. Действительно, когда армия пошла, как думалось, в третий раз в поход на Варшаву, гвардейский

¹ Пузыревский А.К. Указ. соч. Т.1. С. 196.

² https://runivers.ru/conflicts/campaigns/polskoe_vosstanie_kampaniya_1831

³ Там же.

⁴ Бантыш-Каменский Д. Указ. соч. С. 170.

⁵ Хронологический указатель... С. 115.

⁶ https://runivers.ru/conflicts/campaigns/polskoe_vosstanie_kampaniya_1831

⁷ Пузыревский А.К. Указ. соч.Т.1. С. 203.

⁸ Матвеев О.В., Фролов Б.Е. Указ. соч. С. 130.

⁹ Корягин С.В. Мельниковы и другие... С. 20.

авангард двинулся к Нуру, к месту предполагаемой переправы. 9 (21) апреля 2-й и 4-й эскадроны лейб-гвардии казачьего полка соединились и затем в авангарде корпуса пошли из Остроленки через Вышково, Пржетичи, Говорово и Остров к Нуру.

18 (30) апреля 4-й эскадрон вышел к Брокам и там остановился. 2-й эскадрон вышел к Острову, соединился там с 6-м эскадроном и 20 апреля (2 мая) выставил посты к Длугоседли и Порембе. 4-й же эскадрон отправили обратно в Остроленку.

Лейб-эскадрон все это время далеко в тылу под командой полковника Кононова патрулировал переправы через Неман, ходил от Ковно к Мариамполю и оттуда к местечку Шакие.

Павел Петрович Пален 2-й

Вернувшиеся войска растянулись вдоль шоссе. Авангард Палена 2-го – 2 казачьих полка – разбросали цепь по речке Костржин у деревни Сухи. За Паленом 2-м стоял корпус Пален 1-го. Его авангард под командованием Мандерштерна был выдвинут к Котце, впереди стоял донской полк Ильина. За Паленом 1-м расположился Гренадерский корпус, его авангард под

командованием генерала Гурко – конно-егерская бригада и донской полк Егорова – стоял у селения Скуржечь.

Правый фланг прикрывал полковник Траскин с Украинским уланским полком и 2-м Конно-Черноморским (325 казаков)¹. Левый фланг «держал» полковник Кузнецов с Атаманским полком и 5-м Конно-Черноморским². 5-й Конно-Черноморский выставил всего 154 казака³.

19 апреля (1 мая) русские войска праздновали Пасху. На постах I корпуса, по воспоминаниям Н.Д. Неелова, казачий полковник Властов (?) атаковал неприятельскую цепь, взял пленных, и те сообщили, что главные польские силы пошли на русскую гвардию⁴. Русское начальство проигнорировало это известие, оно, кстати, и не подтвердилось. А.К. Пузыревский тоже приводит данные о бое казаков. 19 апреля (1 мая) поляки с целью рекогносцировки придвинулись к Сухе в окрестностях Яблонной. Стоявший там донской полк Борисова «бросился на ближайший к нему эскадрон Мазуров (причем Борисов собственноручно убил майора Сераковского) и захватил в плен 1 офицера и 24 нижних чинов»⁵. Поляки стали подтягивать силы, к Борисову тоже подошли подкрепления, и поляки отошли.

20 апреля (2 мая) гвардия получила приказ продвнуться в Ломжу и Остроленку

21 апреля (3 мая) Дибич опять выступил на Скрженецкого. На этот раз поход был еще короче по времени. Вечером русские войска вернулись на место, так как Скрженецкий сразу же начал отступать. Войска роптали. От постоянного безделья и бессмысленных маршей увеличились количество мародеры. Впрочем, они были трусливы, как зайцы. Неелов вспоминает, как он с одним казачком выгнал из деревни 200 мародеров⁶.

Корпус Палена 2-го 22 апреля (4 мая) все же провел рекогносцировку к Зимноводам, генерал Граббе с егерской бригадой, Елизаветградским и Клястицким гусарскими полками и донским полком Борисова при 6 орудиях выходили к корчме Яворск. Есаул Гречановский Григорий Григорьевич из полка Борисова 22 апреля в перестрелке был ранен пулей в бедро, за что впоследствии произведен в войсковые старшины. В целом за Зимноводы русские оттеснили противника без особого усилия.

¹ Матвеев О.В., Фролов Б.Е. Указ. соч. С. 130.

² Пузыревский А.К. Указ. соч. Т.1. С. 205.

³ Матвеев О.В., Фролов Б.Е. Указ. соч. С. 130.

⁴ Неелов Н.Д. Указ. соч. С. 155.

⁵ Пузыревский А.К. Указ. соч. Т.1. С. 205.

⁶ Неелов Н.Д. Указ. соч. С. 157.

В тылу, в Литве, шли бои под Вильно и Ковно. Из 11 уездов 9 были охвачены восстанием. «Восстание в Литве распространилось повсюду, и только города Вильна, Ковна и Визды находились в руках русских»¹.

Опомнившиеся и подтянутые русские войска били необученное ополчение. Только 17 (29) апреля их побили в пяти местах.

При Довнарах ротмистр Зайченко с полускадром уланского Его императорского Высочества великого князя Михаила Павловича полка и сотней тептярских казаков имел скоротечную стычку с мятежниками, которые в большинстве своим разбежались.

У д. Руда-Горчицы полковник Н.Н. Анненков и подполковник Каниболоцкий с 4 ротами Шлиссельбургского пехотного полка, 170 казаками и 2 орудиями атаковали и рассеяли мятежников.

У Янишек генерал-адъютант барон М.И. Пален с кадрами Невского, Нарвского, Софийского и Копорского пехотных полков 4-й резервной дивизии, 2 эскадронами и 6 орудиями нанес поражение партизанским отрядам Херубовича и Шемиота

Матвей Иванович Пален

У Мейшаголы генерал-лейтенант князь С.А. Хилков с 12-м егерским и Сибирским уланским полками при 8 орудиях разгромил еще одно ополчение мятежников

И на Невяже генерал-майор Ф.П. Офенберг отогнал от переправы ополченцев Прозора, которые пытались помешать русским войскам переправиться через речку².

И далее – то же самое.

18 (30) апреля полковник П.И. Севастьянов с 2 ротами 11-го егерского полка, эскадром уланского полка Великого Князя Михаила Павловича и 2 орудиями, всего 450 человек, атаковал у с. Рум и разгромил 2000 человек мятежников, собранных Важинским и Пржедецким. Повстанцы потеряли около 100 убитых, среди пленных был один из предводителей Сорока. Русские потеряли 1 убитого и 2 раненых³.

22 апреля (4 мая) генерал-лейтенант Н.С. Сулима и генерал-майор Ф.П. Офенберг с Ладожским пехотным полком и 2 полками улан при 16 орудиях атаковали и обратили в бегство у Пржистовян около 7000 человек литовских ополченцев графа К. Залуского. Потери противника оценивались в 2000 убитых, раненых и рассеянных⁴.

В тот же день генерал-майор П.А. Сафьянов с 2 резервными батальонами отразил нападение мятежников Радзишевского на Вилейку.

25 апреля (7 мая) русский отряд генерал-майора Гельвига обнаружил в лесу у м. Владимирце отряд восставших волынцев отставного поручика А. Моминского и разгромил их, был захвачен обоз и освобождены русские рекруты. Повстанцы потеряли 63 убитых, 47 пленных. В русском отряде было 2 убитых и 2 раненых, в том числе тяжело ранен сотник Оренбургского казачьего полка⁵.

Зато 26 апреля (8 мая) мятежники захватили сразу два города – Дисны и Глубокий.

Но 27-28 апреля генерал-майор К.П. Ренненкамф (360 пехотинцев, 60 кавалеристов) разгромил мятежников («литовское ополчение») при Райдуцах⁶.

29 апреля (11 мая) полковник Марков выбил мятежников из г. Дисны, а 30 апреля (12 мая) – из Глубокого. Для этого ему хватило 3 батальонов и 2 орудий⁷.

¹ Орлов Н.А. Указ. соч.

² https://runivers.ru/conflicts/campaigns/polskoe_vosstanie_kampaniya_1831

³ https://runivers.ru/conflicts/campaigns/polskoe_vosstanie_kampaniya_1831

⁴ https://runivers.ru/conflicts/campaigns/polskoe_vosstanie_kampaniya_1831

⁵ https://runivers.ru/conflicts/campaigns/polskoe_vosstanie_kampaniya_1831

⁶ https://runivers.ru/conflicts/campaigns/polskoe_vosstanie_kampaniya_1831

⁷ https://runivers.ru/conflicts/campaigns/polskoe_vosstanie_kampaniya_1831

30 апреля (12 мая) полковник Ховен с полускадром уланского Его императорского Высочества великого князя Михаила Павловича полка и сотней тептярских казаков разгромил мятежников при Тельшах и выбил их из местечка Ворны.

1 (13) мая литовское ополчение Яцевича, Калиновского и Товткевича несколько раз атаковали Поланген, который удерживал генерал-майор К.П. Ренненкамф с отрядом в 800 человек, но были отбиты. Получив известие о приближении нового русского отряда, ополченцы отступили¹.

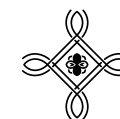
3 (15) мая у Глубокого вновь появилось литовское ополчение от 5000 до 6000 человек под руководством Радзишевского. Полковник П.И. Севастьянов с 2 резервными батальонами и 2 эскадронами улан атаковал и разбил этих ополченцев.

И 4 (16) мая подполковник Сарабий с 3 ротами Муромского пехотного полка, 14 казаками и 1 орудием захватил у Королевской Альтоны лагерь литовских мятежников с запасами водки, пороха и оружия².

Дибич ждал прихода к месту боев гвардии.

Карл-Фридрих Павлович Ренненкамф

¹ https://runivers.ru/conflicts/campaigns/polskoe_vosstanie_kampaniya_1831

² https://runivers.ru/conflicts/campaigns/polskoe_vosstanie_kampaniya_1831

Поляки готовят удар по русской гвардии

Гвардия в это время была около Ломжи, передовые отряды достигли Зимброво и Снядово. 6-тысячный отряд Сакена стоял в Остроленке. Вместе гвардейские войска и отряд Сакена насчитывали 30 тысяч человек. Дибич не торопил эти войска. Он вел с Пруссией переговоры о постройке моста через Нижнюю Вислу на прусской территории. Если бы переговоры увенчались успехом, гвардия как раз оказалась бы неподалеку от места переправы.

Тогда войска, разбившие Дверницкого, подвели бы к Люблину, а все остальные перебросили бы на Нижнюю Вислу.

Поляки в это время тщательно готовили наступление на русскую гвардию. Они в очередной раз реорганизовали свою пехоту, сохранив 5 дивизий – Рыбинского, Гелгуда, Малаховского, Мюльберга и Каминского.

1-я дивизия – 2-й, 12-й, 16-й линейные и 1-й егерский полки

2-я дивизия – 7-й и 19-й линейные и 2-й и 4-й егерские полки.

3-я дивизия – 4-й и 8-й линейный, 5-й егерский полки и полк ветеранов.

4-я дивизия – гвардейские гренадеры, 13-й и 15-й линейные и 3-й егерский полки.

5-я дивизия – 3-й, 6-й, 14-й и 20-й линейные полки.

Кроме дивизий, 9-й линейный полк был привлечен к охране моста у Потыча, 11-й и 22-й полки находились на левом берегу в отряде Дзаконского, 10-й, 21-й и 23-й полки составляли гарнизоны Варшавы, 17-й и 18-й стояли в Модлине.

Гвардейские гренадеры и 4-й линейный полк имели по 4 батальона, старые полки и 20-й линейный – 3 батальона, все прочие полки – по 2 батальона.

Перед ударом на гвардию они планировали отвлечение внимания Дибича на другое направление. Отвлекающих ударов было несколько. Стоявший у Седлеца Скрженецкий направил отряд в 7 тысяч при 10 орудиях под командованием своего начальника штаба Хржановского на Замостье, на соединение с Дверницким. Отряд

состоял из бригады Ромарино (1-й и 5-й линейные полки по 3 батальона и егерский батальон «волонтеры Гротуса») и кавалерийской бригады Амвросия Скаржинского (1-й конно-егерский и Краковский легкоконный полки по 4 эскадрона и 1 эскадрон Плоцких всадников) при двух полубатареях.

Сам Хржановский заслуживает особого упоминания.

Войцех Хржановский

Войцех Хржановский (Wojciech Chrzanowski) (1793-1861) родился в Бискупце (Biskupice), образование получил в Кадетском корпусе в Варшаве (Szkoła Kadetów, Warszawa), откуда в 1810 году был выпущен в артиллерию Великого герцогства Варшавского, в 1811 году прошёл курс в Артиллерийской и Инженерной школе, после чего был произведён в лейтенанты и принял участие в Русском походе 1812 года. Отличился в сражении при Смоленске, участвовал в Саксонской кампании 1813 года и Французской кампании 1814 года, отличился в сражении

при Лейпциге и при обороне Парижа, во время «100 дней» присоединился к Наполеону, сражался при Ватерлоо. Вернувшись в Польшу, он был зачислен в штат генерал-квартирмейстера армии Царства Польского, в 1817 году в звании поручика определён в состав Генерального штаба. В 1828-1829 гг., как уже говорилось, он участвовал в русско-турецкой войне под командой Дибича, с которой вернулся подполковником. Чин полковника и пост начальника Генерального штаба он получил лишь после назначения генерала Скржинецкого главнокомандующим.

21 апреля (3 мая) Хржановский двинулся от Ендржеева, 22-го (4-го) он был в Желехове, где к нему присоединилась бригада Скаржинского. 23 апреля (5 мая) летучий отряд Кузнецова (Атаманский и 5-й Конно-Черноморский полки) встретил Хржановского у Бобровников и ушел к Коцку, сообщив Крейцу о появлении противника.

25 апреля (7 мая) Хржановский вышел к Коцку, но он уже был открыт, и Крейц направил против него генерала Фези с 47 и 48 егерскими полками, а сам устремился к Любартову. 26 апреля (8 мая) Хржановский занял Коцк, где захватил депо – 150 человек и 168 лошадей. В Коцке он узнал о судьбе Дверницкого. В это же время на него вышла бригада Фези – 3-я бригада 24-й пехотной дивизии.

Русские войска атаковали польские передовые посты у Камеонки, разгорелся бой. В Фирлейском лесном массиве русская пехота была окружена и с трудом смогла прорваться к своим. Одновременно Хржановский пытался глубоким обходом совсем отрезать отряд Фези, но барон Делинсгаузен с двумя эскадронами Тираспольского конно-егерского и Виртембергского драгунского полков и 2 орудиями 27-й конной батареи «не допустил такого развития ситуации». В боях русские и потеряли около 570 убитых, раненых и пленных¹.

Хржановский разбил и отбросил Фези и, «остановившись на левом берегу Вепржи, где не было ни мостов, ни бродов, беспечно варил кашу»². Крейц подобрал остатки отряда Фези и у Любартова настиг арьергард Хржановского³.

«Один лишь Крейц разбил 27 апреля отряд Хржановского у Любартова», отметил Керсновский эту победу⁴. «Хронологический указатель» относит этот бой к 28 апреля и указывает, что Крейц гнал Хржановского до Ленгно. Сам Хржановский смог уйти на Ленгну без больших потерь, в плен попали 13 офицеров и около 600 рядовых. В «Атаманской памятке» сказано: «28 апреля мятежники собрались в больших силах у местечка Ленчно. Несмотря на сильный ружейный огонь, полковник Кузнецов выстроил атаманцев и повел их в атаку на польские эскадроны. Наш полк опрокинул четыре эскадрона и, сопровождаемый казаками Ильина и черноморцами, врубился в толпы неприятеля. За это дело полковник Кузнецов был награжден золотою саблею «за храбрость», а урядники Коньков, Поликарпов, Крюков и Костин и казаки Таперичкин, Фролов, Карпов, Никулин и Харланов получили знаки отличия военного ордена»⁵. В «Памятке» не говорится, что преследовавший поляков, командир Атаманского полка полковник Кузнецов 28 апреля под Ленгно был ранен пулей в грудь⁶. Атаманский полк продолжал преследование. Хорунжий Никанор Машлыкин отметил 29 апреля (11 мая) был в бою при Ленгно и «при следовании корпуса Хржановского в крепость Замостье»⁷. За поляками последовал отряд графа Алексея Петровича Толстого. Хржановский двинулся дальше на Красновостав, перешел там реку и сжег мост.

По другим источникам, Хржановский под Любартовым потерял не только 613 пленных, общие его потери доходили до 1000 человек. Русские же за все эти бои потеряли 19 офицеров и 634 нижних чинов убитыми и ранеными⁸.

Отряды Толстого, Анрепа, Шиллинга и Давыдова настигли Хржановского у Старого-Замостья, но тот успел укрыться в городе. Русские потрепали отступающих поляков, сильно пострадал 1-й конно-егерский полк, но ни отбить обоз, ни пленных у Хржановского русские генералы так и не смогли. Позже Д.В. Давыдов писал, что «двадцать девятого апреля он, вместе с генерал-майором графом Толстым, загоняет корпус Хржановского под пушки крепости Замостья»⁹. Хорунжий Никанор Машлыкин отметил бой при

¹ https://runivers.ru/conflicts/campaigns/polskoe_vosstanie_kampaniya_1831

² Давыдов Д. Воспоминания о польской войне... С. 379.

³ Хронологический указатель... С.117.

⁴ Керсновский А. Указ. соч. С. 71

⁵ Краснов П.Н. Атаманская памятка...

⁶ Корягин С.В. Кузнецовы... С. 54.

⁷ Корягин С.В. Машлыкины и другие... С. 9.

⁸ https://runivers.ru/conflicts/campaigns/polskoe_vosstanie_kampaniya_1831

⁹ Давыдов Д.В. Сочинения... С. 34.

Старом Замостье 30 апреля (12 мая)¹. Войсковой старшина Атаманского полка Андреянов Иван Иванович за этот бой был удостоен ордена Святого Владимира 4-й степени. Сотник Атаманского полка Кузнецов Петр Тарасович был награжден «Анной» 3-й степени, сотник Хоперский Даниил Алексеевич из полка Хоперского № 20 – «Анной» 4-й степени. Оба они, как ни странно, однофамильцы командиров своих полков. Впрочем, Хоперский, кажется, сын командира полка.

Хорунжий Атаманского полка Хоперский Федот Петрович был произведен в сотники, казак Стариков Савелий Григорьевич – в хорунжие.

Не успевшие укрыться поляки были достигнуты 1(13) мая близ селения Цершпенты полковником Гембицем, командиром полка Принца Карла Прусского. Гембиц перехватил «пятисотенную колонну мятежников, составленную из так называемых *беспардонных стрелцов* и 50 кракусов; преградил им путь, вогнал в болото, переколол, изрубил почти всех; спаслось не более 60 человек»².

Давыдов опять получил приказ наблюдать за Замостьем. «Так кончился нахальный, можно сказать, поход Хржановского от Седлеца к Замостью посреди нашей армии», – констатировал он³. Потери поляков достигали 1000 человек. Русские потеряли 19 офицеров и 634 солдата.

30 апреля (12 мая) Дзеконский со своим отрядом переправился через Вислу вслед за Хржановским, но сразу же вернулся.

Против русской гвардии стоял отряд Уминского. За ним и наблюдали лейб-казаки 5-го эскадрона. Фактически они наблюдали левый берег до Рожан. Чтобы выяснить силы Уминского ротмистр Краснов приказал унтер-офицеру Воронкову взять языка.

В ночь на 21 апреля (3 мая) казаки подкрались к Рожнам и засели в кустах. На рассвете они увидели отряд в 50 польских улан, 5 из них ехали впереди в дозоре. Лейб-казаки дали дозору поравняться с собой, выскочили из кустов, убили 3-х улан, а 2-х окружили и погнали их лошадей, взяв за уздечки и стегая сзади плетью. Так и пригнали к своим.

22 апреля (4 мая) казаки 5-го эскадрона опять появились у Рожан, открыли стрельбу и «загичали». Всполошившиеся поляки простояли в строю до рассвета.

27 апреля (9 мая) казаки узнали, что поляки из Рожан перешли реку Омудево и заняли Прашницу, где соединились с Годлевским. Отметим также, что поляки рассылают разъезды в том числе и до Рожан, до своей бывшей стоянки. Лейб-казаки засели в Рожанах и 30 апреля (12 мая) унтер-офицер Коротков захватил 5 человек.

1 (13) мая против переправившихся мятежников был послан отряд Гембица, в котором было 5 рот полка принца Карла Прусского, 60 казаков 5-го эскадрона лейб-гвардии казачьего полка, 15 армейских казаков и 20 черкесов Кавказско-Горского полуэскадрона. У селения Верпента в 8 часов утра были обнаружены 500 так называемых «беспардонных стрелков» при 50 кракусах. Поручик Дмитров затеял с ними перестрелку и пытался выманить их в поле, но поляки стали отступать в лес. На помощь подоспели казаки корнета Краснова и пехота. Поляков прижали к болоту и атаковали. «Краснов произвел блистательную атаку, изрубил и переколол большую часть неприятеля, а остальных вогнал в болото, где они добиты пехотой»⁴. В плен были взяты капитан, 3 офицера и 30 нижних чинов, остальные истреблены в болоте⁵. Остальные отряды мятежников ушли за Оржец. Малое количество пленных Остен-Сакен объяснил тем, что горцы пленных не брали и убили около 100 человек.

4 (16) мая 5-й эскадрон обнаружил конницу Уминского, которая шла из Селькове в Рожаны. Позже взятые пленные показали, что это не Уминский наступает, а Дембинский. Это поляки, перегруппировав силы, начали наступление на русскую гвардию...

План польского командования заключался в следующем: разбить русскую гвардию, выманить Дибича за Буг ей на помощь, а затем Хржановский и Уминский очистят территорию между левым берегом Буга и Верхней Вислой. Уминский с 11-тысячным войском, дивизия Мюльберга, кавалерийская дивизия Томицкого, отряд Хржановского и стоявшие за Вислой отряды в сумме насчитывали до 25 тысяч и, как считало польское командование, смогли бы справиться с этой задачей.

Прондзинский сетовал, что наступление на русскую гвардию началось поздно. «Скрженецкий на этот раз имел весьма основательную

причину медлить; он выписал из Варшавы живописца и давал ему сеансы, дабы отлитографировать свой портрет»¹.

Казаки заметили странные передвижения в польском лагере. «Замечена были также осторожность польских передовых постов, чтобы не позволить захватить языка»².

Передвижения объяснялись тем, что Скрженецкий «притянул» отряд Уминского от Венгрова, пустил слух, что концентрирует войска для атаки на Седлец, после чего оставил Уминского с 10 тысячами в Калушине и Эндржееве, а сам 30 апреля с 45 тысячами ушел к Минску. За день до этого была распространена дезинформация, что 1 мая поляки будут наступать на Седльце. Кроме того, был пущен слух, что в Августовское воеводство будет послан малый отряд, чтобы оттуда помочь восставшим литовцам.

«Узнав от лазутчиков, что Скрженецкий намерен атаковать 1 мая, Дибич решил предупредить его и оттеснил польские авангарды от Янова»³. По другой версии, он хотел убедиться, что польские войска все остаются на месте и не пошли на русскую гвардию. 30 апреля (12 мая) I пехотный корпус Палена 1-го начал очередное наступление на Калушин, 1 (13) мая подошел к Минску и у деревни Эндржееве завязал бой с поляками. Отличились Морские полки и легкая батарея Чаплица, которая подскочила к польской артиллерии на расстояние картечного выстрела, развернулась и открыла убийственный огонь, перебив прислугу у польских пушек. За отличие 1 мая сотник Дуткин Федор Павлович из полка Борисова № 34 был награжден орденом Святого Владимира 4-й степени.

Уминский держался изо всех сил. А Скрженецкий в это время переправлялся через Буг при Зегрже и через Нарев в Серочине.

Дибич, судя по польскому сопротивлению, подумал, что Скрженецкий на русскую гвардию не пошел, и отдал приказ отступить.

Пален 1-й, потерявший в этом бою 1500 человек, сказал Дибичу при встрече: «Нынешняя рекогносцировка дорого мне стоит, я потерял одного прекрасного полкового командира и двух батальонных». Дибич в ответ пробормотал: «Что делать, что делать!», а Толь прервал дискуссию словами: «И, Петр Петрович, где дрова рубят, там и щепки летят»⁴.

По другим источникам, русские за весь день потеряли до 180 убитых и раненых, а поляки – 300 человек, в том числе 74 пленных⁵.

Съев в ресторане в Калушине приготовленный для поляков обед, русские офицеры ночью вывели войска из Калушина. Весь следующий день шли под проливным дождем и вечером пришли в Квашнянку. Неелов приводит разговоры солдат: «Что это? Склько еще раз мы будем брать этот Калушин? Эк он полюбился Дибичу, только и знает, что пойдет, возьмет его и воротится»⁶.

Поляки в это время тремя колоннами развернули наступление за Бугом. Они имели 45 батальонов, 44 эскадрона и 100 орудий (800 штыков в полку, 150 сабель в эскадроне), всего 45-46 тысяч.

30 тысяч – 3 пехотные и 1 кавалерийская дивизия – и шли прямо на Ломжу. Их авангард под командованием Янковского состоял из дивизии Рыбинского и конной бригады – 1-й уланский и 1-й егерский полк.

Дембинский с 6 тысячами двигался по правому берегу Нарева на Сакена, в его отряде были 4 батальона и 6 эскадронов, а именно: 4-е батальоны полков 4-го линейного, 3-го егерского и 18-го линейного, причем «кроме батальона 4-го полка прочая пехота была частью вооружена косами»⁷; кавалерию отряда составляли 3-й уланский полк и 220 плоцких всадников.

Лубенский с 9 тысячами пошел по правому берегу Буга, чтобы уничтожить переправы и не давать Дибичу переправиться, пока поляки не разобьют русскую гвардию.

¹ Корягин С.В. Машлыкины и другие... С. 9.

² Бантыш-Каменский Д. Указ. соч. С. 173.

³ Давыдов Д. Воспоминания о польской войне... С. 380.

⁴ Клочков Д.А. «Отличные храбростью...». Собственный Его Императорского Величества оный. 1829-1917. История, обмундирование, вооружение, регалии. СПб.: АО «Славия», 2007. С. 26.

⁵ История лейб-гвардии казачьего полка... С. 382.

¹ Пузыревский А.К. Указ. соч. Т.1. С. 215.

² Там же.

³ Керсновский А.А. Указ. соч. С. 71.

⁴ Неелов Н.Д. Указ. соч. С. 163.

⁵ https://runivers.ru/conflicts/campaigns/polskoe_vosstanie_kampaniya_1831

⁶ Неелов Н.Д. Указ. соч. С. 163 – 164.

⁷ Пузыревский А.К. Указ. соч. Т.1. С. 228.

Дело дошло до триариев

Перелом в кампании начался примерно с 3 (15) мая, когда поляки решились напасть на русскую гвардию. Что касается казаков, то на 3 мая, согласно строевым рапортам, они составляли:

- в главной квартире полк Золотарева – 5 сотен, 482 казака (большая часть их была прикомандирована к штабам корпусов и дивизий);
- в I корпусе в авангарде полк Борисова № 34 (5 сотен, 332 казака), полк Секретева № 38 (5 сотен, 348 казаков), 2-й Конно-Черноморский (5 сотен, 261 казак); в передовом отряде полк Ильина № 32 (5 сотен, 365 казаков);
- в Гренадерском корпусе и в Гвардейском отряде в авангарде полк Егорова № 44 (5 сотен, 159 казаков);
- в прикрытии в Седльце полк Андреянова № 43 (½ сотни, 51 казак);
- на правом фланге в отряде Остен-Сакена в Остроленке лейб-гвардии казачий полк (1 сотня, 127 казаков), полк Грекова № 24 (5 сотен, 117 казаков), полк Андреянова № 43 (2 ½ сотни, 172 казака; еще 2 сотни при VI корпусе и ½ сотни в Седльце) и полк 7-й Конно-Черноморский (5 сотен, 194 казака);
- в Гвардейском корпусе в передовом отряде Полешко лейб-гвардии казачий полк (3 эскадрона; еще 1 эскадрон у генерала Сакена, 1 эскадрон у генерала Фрикена и 1 эскадрон при корпусном штабе); при главных силах в Земброве лейб-гвардии казачий полк (1 эскадрон, 134 казака);
- на левом фланге в V кавалерийском корпусе Крейца Атаманский полк (6 сотен, 436 казаков), полк Грекова № 5 (5 сотен, 462 казака), полк Хоперского № 20 (5 сотен, 291 казак), полк Платова № 9 (5 сотен, 362 казака), 5-й Конно-Черноморский полк (5 сотен, 453 казака);

- в отряде Д.Давыдова полк Катасонова 1-го № 3 (5 сотен, 479 казаков), полк Кириева № 4 (5 сотен, 397 казаков);
- в тылу полк Андреянова (1 ½ сотни, 115 казаков) и в стороне Ковеля ½ сотни (51 казак); при августовском генерал-губернаторе лейб-гвардии казачий полк (1 эскадрон, 134 казака), 8-й Оренбургский полк (4 сотни, 414 казаков; 1 сотня в Минской губернии), донской полк Катасонова 2-го № 25 (5 сотен, 133 казака); во Влодаве полк Карпова 4-го № 10 (5 сотен, 426 казаков);
- в пределах России: в Белостоке лейб-гвардии казачий полк (Черноморский эскадрон, 160 казаков); в Вильно Сборно-Линейный полк (5 сотен, 546 казаков), 2-й Тептярский полк (5 сотен, 500 казаков), полк Кутейникова № 39 (5 сотен, 286 казаков) «большинство в командировках при отрядах»; в Минской губернии 8-й и 11-й Оренбургские полки (2 сотни, 210 казаков); в Волынской губернии 11-й Оренбургский полк (4 сотни, 440 казаков); в корпусе Редигера полк Попова № 6 (5 сотен, 548 казаков)¹.

Первыми наступающих поляков встретили лейб-казаки, которые держали передовые посты перед гвардией. Виденин записал в послужном списке: «апреля с 18-го по 6 мая при содержании аванпостов близ города Остроленки»².

4-й эскадрон посылал разъезды к Вышкову и Брянчину, был сменен гвардейскими конными егерями, но отдохнуть не успел, 23 апреля (5 мая) его вызвали в Врженицы (Пржежицы) на соединение с 2-м и 6-м эскадронами, где был уже полковник Николаев.

Опять начались разъезды к Порембе, Вышкову, Сероцку и Пултуску. Стычки пошли каждый день.

Первый же день мая показал, что бои предстоят нешуточные. Кирилл Виденин записал:

«между тем мая 1-го в действительном сражении при селении Царпенетье (?), где ранен пулею в шею и убита его строевая лошадь»¹.

Великий Князь Михаил Павлович, командующий гвардией, выслал вперед отряды к Говорову, Пржежице и Нуру, собрал гвардейский корпус в Снядове и донес о своих действиях главнокомандующему.

Великий князь Михаил Павлович

Поляки 3 (15) мая имели главную квартиру в Воле. Янковский подошел к Порджонзе, Лубенский к Вышкову, Дембинский к Пултуску. Русских нигде не было видно. 4-го авангард Янковского вышел к Пржежице. Там стоял русский передовой отряд под командованием Полешко – 3-й батальон лейб-гвардии Егерского полка, 2 роты финляндских стрелков и 3 эскадрона лейб-казаков, «которых Хлаповский в своих «Письмах» называет лучшей русской конницей»².

Авангард Янковского составляла его кавалерийская дивизия и 1-я пехотная дивизия Рыбинского. В голове авангарда шли 1-й уланский и 1-й егерский полки.

Итак, 4 (16) мая русский передовой отряд подвергся атаке более многочисленного противника у Пржежице и отступил к Вонсеву. Корнет лейб-гвардии казачьего полка Петр Машлыкин отметил в послужном списке, что 4 мая поляки атаковали казачий пост в Цецихе, и казаки после 8-часового боя ушли к М. Войсову³.

В процессе организованного отхода к передовому отряду присоединились подкрепления: батальон лейб-гвардии Егерского полка, 2 роты финских стрелков, лейб-гвардии Уланский полк и 2 орудия⁴.

4 (16) мая казаки другого эскадрона лейб-гвардии казачьего полка выявили, что поляки у Сероцка построили мост. В ночь на 5 (17) мая казаки донесли начальнику авангарда Бистрому, что поляки переправляются. Бистром спросил прискакавшего с донесением казака Мешкова, сколько уже переправилось. Мешков ответил, что больше двух тысяч. «Не много же», – сказал Бистром. «Мы считаем десять поляков за двух, Ваше Превосходительство», – уточнил Мешков⁵.

Бистром приказал Полешко держаться завтра по возможности и обо всем доложил Великому Князю Михаилу Павловичу. Великий Князь трезво оценил ситуацию и повернул свои главные силы от Земброва на Рудки и Жолтки к Белостоку, к тылам и магазинам.

Дибич обо всем этом еще не знал. Он, видимо, отложил решение строить в Пруссии мост через Вислу, послал гвардии приказ идти на соединение с главными силами и занять Нур.

Но в Нуре уже были поляки. Граф Т.Лубенский с 2 эскадронами 5-го конно-егерского полка, полуэскадронами 7-го уланского полка, 30 стрелками и 2 легкими орудиями устремился к местечку, где были русские склады. Находившийся в Нуре штабс-капитан Назимов, имея под рукой минерную роту лейб-гвардии Саперного батальона, 50 улан Украинского уланского полка и казаков, при приближении противника уничтожил соляной и хлебный магазины, а также мост, и выступил из местечка. Во время отступления отряд потерял менее 30 убитых и раненых, но отбил от неприятеля и смог спасти конвоируемые им обозы⁶.

6 (18) мая Дибич отправил к Соколову 1-ю гренадерскую дивизию и кавалерию Витта. 7 (19)

¹ Пузыревский А.К. Указ. соч. Т.2. С. 31-39.

² Корягин С.В. Мельниковы и другие... С. 20.

¹ Корягин С.В. Мельниковы и другие... С. 20-21.

² Пузыревский А.К. Указ. соч. Т.1. С. 230.

³ Корягин С.В. Машлыкины и другие. Выпуск 46. М.: Русаки, 2004. С. 10.

⁴ https://runivers.ru/conflicts/campaigns/polskoe_vosstanie_kampaniya_1831

⁵ История лейб-гвардии казачьего полка... С. 370-371.

⁶ https://runivers.ru/conflicts/campaigns/polskoe_vosstanie_kampaniya_1831

мая II пехотный корпус, усиленный уланами Цесаревича, получили приказ прикрывать Седлец, а сам Дибич с I пехотным корпусом, 2-й и 3-й гренадерскими дивизиями и 3 полками Куруты тоже пошел к Соколову. 8 (20) мая русские силы сосредоточились в Соколове.

В это время Дембинский уже подходил к Остроленке, Лубенский уничтожил переправы на Буге, русский легкий отряд, стоявший в Нуре, был отброшен к Цехановцу. Сам Скржәнецкий шел от Пржетицы к Янацу.

Лейб-казаки задерживали польское наступление, как могли. Они встретили поляков первыми и были опрокинуты. Тем не менее, сам полковник Орлов Иван Алексеевич за этот бой под Пршетице 4-5 мая был награжден орденом Святого Владимира 3-й степени, а поручик Мартынов Дмитрий Алексеевич за участие «в авангардном деле» – «Анной» 4-й степени¹.

Польская кавалерия налетела на русских егерей, те сбились в кучки и отбивались штыками, пока не отошли в селение Длугоседы. Сами Скржәнецкий и Прондзинский прибыли в авангард посмотреть на первый бой. 1-й уланский полк проскакал селение занятое егерями, кракусы, составлявшие конвой командующего, поскакали в обход. 30 финнов были захвачены в плен. Остальные части отряда Полешко отошли и у Брудок остановили дальнейшее польское продвижение.

Далее в отряде Полешко лейб-казаки отошли в Вонзево и под огнем ушли в Старые Якаци. За этот бой лейб-казак Захар Ларионович Голоднов был награжден Знаком отличия Военного Ордена. Оттуда 6-й эскадрон отошел в Клечково, 4-й – в Остроленку в отряд Секена, а 2-й – в Замброво и оттуда послал разведку к Нуру и Чикову. В Рудках он соединился с 6-м эскадронам. В «Истории лейб-гвардии казачьего полка» сказано, что в эти дни «не раз в жарких стычках выстреливали все свои патроны»². Штаб-ротмистр Козлов Лев Николаевич из лейб-гвардии казачьего полка за бои у Клечково 6-7 мая получил «Владимира» 4-й степени.

Войска бригадного генерала К. Малаховского заняли Клечково и пытались восстановить мост на ручье Руч, но русские отразили все их попытки овладеть переправой³.

По мнению А. Керсновского, «Скржәнецкий, несмотря на все свое превосходство в силах, не отважился атаковать русскую гвардию, а обратился сначала на отряд Сакена, занимавший Остроленку. Однако Сакен своевременно отступил в Ломжу»⁴.

Кирилл Виденин записал в послужном списке: «6 мая в сражении под Остроленкой, 7-го в сражении на высотах близ Ломзы»⁵.

Передовой отряд Бистрома из Говорова ушел к Сакену в Остроленку. 6 (18) мая поляки ее уже обстреливали. Другой отряд силами в 3 батальона и 2 эскадрона подходил по левому берегу.

Войцех Коссак С депешей

Бистром и Сакен вместе стали уходить на Ломжу. 5-й эскадрон лейб-казаков шел в арьергарде. Мятежники хотели взять его во фланг, но лейб-казаки сами атаковали польскую кавалерию. 7 (19) мая казаки получили приказ занять высоты в 7 верстах от Ломжи, что и сделали. Поляки прекратили наступление и устроили перестрелку. Сакен приказал лейб-казакам взять языка. Не дожидаясь результата, они с Бистромом и с обозами повернули на Тикочин и к Белостоку.

¹ Королев В.Н., Корягин С.В. Мартыновы, Бобриковы и другие. Выпуск 5. М. Пробел, 1999. С.40.

² История лейб-гвардии казачьего полка... С. 372.

³ https://runivers.ru/conflicts/campaigns/polskoe_vosstanie_kampaniya_1831

⁴ Керсновский А. Указ. соч. С. 71.

⁵ Корягин С.В. Мельниковы и другие... С. 21.

Вечером польские конные егеря атаковали казачьи аванпосты и стали теснить их к Ломже. 5-й эскадрон ушел через Ломжу, уничтожил мост на Нареве и отступил до Щучина.

Скржәнецкий оказался в ситуации Дибича, когда тот наступал, а поляки уклонялись от боя.

«Что я буду делать, если Дибич двинется к Сероцку и овладеет моими мостами? Я тогда отрезан и от Варшавы и от Модлина», – так Неелов передает мысли польского командующего¹.

Дембинский занял Ломжу. Скржәнецкий приказал ему оставить против Сакена дивизию Гелгуда, а самому идти к главным силам. Сам Скржәнецкий в это время подходил к Замброву, куда и вступил 7(19) мая. Гвардейский арьергард под командованием Полешко – лейб-егеря, Финляндский полк, Финляндский стрелковый батальон и часть кавалерии Ностица – упорно отбивался.

С тыла Скржәнецкий получил тревожное известие от Уминского – Дибича под Седлецом нет. Куда он мог деться?

Гелгуд остановился в Ломже, захватил там обозы и офицерские экипажи, пленил 1000 больных.

Полешко остановил польское наступление 8(20) мая при Рудках и дал время Бистрому дойти до Тикочина, а Сакену – до Райгорода.

Казачи, прикрывавшие отступление Сакена, отметили: «8-го и 9-го при отступлении от Ломзы к Щучину; 10-го в сражении под Аставшиками, 11 при отступлении из Щучина к Райгороду»².

Увидев, что Гелгуд особо не напирает, 5-й эскадрон снова вернулся к Ломже. У Ставишек казаки увидели 6 эскадронов польских улан и стали отступать. Поляки, подсчитав силы, отправили против казаков один свой эскадрон. Краснов рассыпал 1-й полуэскадрон и внезапно атаковал противника. Поляки открыли огонь из карабинов, но казаков это не остановило, «они дружно ударили в пики, смешали неприятельский фронт и обратили поляков в бегство»³.

К месту на рысях подошел эскадрон кракусов, видимо, из другого отряда. Кракусы напали на 2-й полуэскадрон и погнало его к Щучину. 1-й полуэскадрон казаков успел вернуться и помчался вслед за кракусами и своими товарищами. 2-й полуэскадрон остановился, и кракусы оказались

зажаты с двух сторон. 50 кракусов погибли, из них 3 офицера, 14 попали в плен.

Опомнившиеся польские уланы поскакали на помощь. Но казаки боя не приняли и быстро ушли к Щучину.

Вечером 10 (22) мая Сакен повел свой отряд к Райгороду и увел туда 5-й эскадрон лейб-гвардии казачьего полка.

«Дибич долго не верил наступлению поляков, против гвардии и поверил лишь тогда, когда польская кавалерия Лубенского показалась у Нура-на-Нареве»⁴. 8 (20) мая Дибич, наконец, убедился в наступлении поляков на русскую гвардию. Скржәнецкий в тот же день узнал, что Дибич стоит у Соколово. Ситуация прояснилась. Дибич решил переправиться в Гранах через Буг и идти спасать гвардию. Скржәнецкий же надеялся за оставшееся время разбить ее.

9 (21) мая Скржәнецкий двинулся к Тикочину и Жолткам. При Тикочине он вел бой с Бистромом, при Жолтках – с арьергардом Полешко. 9 (21) мая лейб-казаки прикрывали под Жолтками переправу через мост Кирасирского Его Величества полка, затем сами ушли за Нарев. Штаб-ротмистр Балабин Василий Степанович за этот бой был награжден Орденом Святого Владимира 4-й степени.

Весь Гвардейский корпус русских ушел на правый берег Нарева. «Попытки поляков перейти Нарев успехом не увенчались»⁵.

Штаб-ротмистр лейб-гвардии казачьего полка Петр Николаев повез донесение об отступлении за Нарев в главную армию, взяв с собой лишь одного казака – Мешкова. Они смогли пробраться и доставить донесение. Николаева наградили орденом Святого Владимира 4-й степени, Мешкова произвели в унтер-офицеры.

Скржәнецкий, упустив русскую гвардию, остановился и ждал, что будет делать Дибич. Поляки в Тикочине «предались было необузданному восторгу»⁶. Однако восторг их длился недолго...

Пока лейб-казаки прикрывали отступление Гвардейского корпуса, их лейб-эскадрон гонял за бандами в окрестностях Ковно. 6(18) мая они захватили двух кракусов, и те поведали, что Пущет и Прозор соединятся в селении Николаевка и пойдут к Зеленке, в Николаевке же останется часть их конницы.

¹ Неелов Н.Д. Указ. соч. С. 169.

² Корягин С.В. Мельниковы и другие... С. 21.

³ История лейб-гвардии казачьего полка... С.385.

⁴ Керсновский А. Указ. соч. С. 72.

⁵ Керсновский А. Указ. соч. С. 71.

⁶ История лейб-гвардии казачьего полка... С. 373.

Штаб-ротмистр Луковкин немедленно напал на Николаевку и разогнал повстанческую конницу, затем лейб-казаки пошли на Зеленку. Их остановил приказ вернуться в Мариамполь. Эскадрон разделился и стал прочесывать местные леса.

9 (21) мая эскадрон снова соединился, так как были получены сведения, что «вожди» Пушет, Прозор и Сургонт находятся в Подлипках.

На рассвете 11(23) мая лейб-эскадрон атаковал лагерь повстанцев. После трехчасового боя повстанцы рассеялись, лейб-казаки захватили 36 пленных, сами потеряли 1 убитого и 1 раненого.

После этого лихого дела лейб-эскадрон получил приказ идти к Райгороду в отряд Сакена, куда и прибыл 14 (26) мая. Там он соединился с 4-м и 5-м эскадронами.

Остроленка

Дибичу вообще-то надо было идти на Варшаву. В данный момент он был ближе к ней, чем Скрженецкий. Возможно, его опять смутила проблема продовольствия. Местность до Варшавы была разорена. Местные жители прятали ячмень и картошку в ямах на кладбищах, но русские солдаты находили продовольствие и там¹. А может быть, Дибич больше беспокоился о жизни брата царя, Михаила Павловича. Как бы ни было, Дибич повел войска на Скрженецкого.

9 (21) мая, сделав переход в 35 верст, войска вышли к Гранам и начали переправляться вброд. Для казаков это не составило труда, а кавалерийские начальники жаловались: «Долго ли затопить лошадей, казакам ничего! Они себе налегке, их лошади привычны»².

После переправы войска разделились на три колонны. Левая из I корпуса Палена 1-го двинулась на Венгров, в авангарде ее шли полки Секретева и Борисова, среднюю колонну составил Гренадерский корпус Шаховского, впереди которой шел Лубенский гусарский полк, правую – кирасиры Витта, которые устремились к Цехановцу. Общий авангард был составлен из 1-й гренадерской дивизии генерала Угрюмова.

Для охраны Брестского шоссе русские оставили II корпус Палена 2-го с казачьими полками Ильина и Егорова. Больших боев на этом направлении не было. 12 (24) мая польские пехотная и кавалерийская бригады Вронецкого и Томицкого при 6 орудиях из состава корпуса Уминского не смогли выбить русские войска из Седльца.

Наступающие части 10 (22) мая столкнулись с поляками под Нуром. Противника обнаружили черноморцы. Хорунжий 5-го полка Ткаченко записал в послужном списке: «в следовании от м. Нуру и не доходя до оногo при соединении в отряд под команду г. полковника Золотарева

и оным командирован с 15 казаками в партию к сему же месту для узнания неприятельских войск, где узнавши, что в большом количестве оных и обратно к отряду опять отправлен к м. Нуру»³.

Как видим, русские торопились. В авангарде оказался конвойный полк Главной квартиры. Правда, до разведки у него дело не дошло. Осторожный Золотарев послал в нее подвернувшихся черноморцев, и за разведку хорунжий Ткаченко потом получил «Анну» 4-й степени. Сам же полковник Василий Степанович Золотарев – «Анну» 2-й степени с императорской короной.

Угрюмов атаковал передовой отряд Лубенского у Цехановца и погнал к Нуру. «Первый удар наших уланов опрокинул кавалерийские аванпосты. Карабинеры 1-го и фельдмаршала князя Барклая де-Толли полков двинулись прямо на лес и выбили оттуда мятежников»⁴. Те побежали к Нуру. У Нура стоял сам Лубенский. Видя решительные действия противника, он начал отступать.

Генерал-майор Берг провел кавалерию Витта – Орденский, Стародубовский и Новгородский кирасирские и Новоархангельский уланский – лесами к Чижову, путь Лубенского к главным силам был отрезан. Ему объявили об этом и предложили сдаться. Лубенский ответил: «Хорошо! Так мы проложим себе путь»⁵. Его отступающие войска были атакованы конницей, потеряли 1 орудие, 90 человек убитыми и ранеными и 159 пленными. Но Лубенского спасла ночь. Он ушел лесами, потеряв 1 орудие. «У мятежников наиболее пострадал бывший гвардейский конно-егерский полк, которого часть совсем истреблена кирасирами»⁶. Лубенский присоединился к Янковскому и составил арьергард польских войск.

Скрженецкий тоже начал отступать. В ночь на 11 (23) мая партия гвардейских казаков вплавь перебралась через Нарев, к рассвету вернулась и донесла, что поляки уходят.

¹ Неелов Н.Д. Указ. соч. С. 172.

² Неелов Н.Д. Указ. соч. С. 172.

³ Матвеев О.В., Фролов Б.Е. Указ. соч. С. 131.

⁴ Бантыш-Каменский Д. Указ. соч. С. 176.

⁵ Пузыревский А.К. Указ. соч. Т.1. С. 246.

⁶ Бантыш-Каменский Д. Указ. соч. С. 177.

Мазуровский В.В. «Патруль гвардейских улан в Польше в 1830 году»

Ностиц с легкой кавалерией перешел на левый берег Нарева и следовал за ним. «Ночью с 10 на 11 число мятежники начали поспешно отступать, преследуемые казаками и кавалериею генерал-майора графа Ностица»¹. От лейб-казаков с Ностицем отправились 2-й и 6-й эскадроны. В Кржеве они сразу же захватили 30 пленных. Далее в преследовании противника до Рудок граф Г.И. Ностиц и бывший с ним генерал-майор П.И. Слатвинский захватили еще более 300 пленны и часть обоза противника.

Дибич взял направление на Высоко-Мазовецкое. 11 (23) мая он дошел до Клукова, сформировал здесь новый авангард из Екатеринославского гренадерского полка, 3-го карабинерского и Лубенского гусарского при 8 орудиях. Авангард возглавил Гурко, следом за ним шел отряд Берга.

12 (24) мая русские вступили в Высоко-Мазовецкое. Берг выдвинулся к Шумову. Гвардия в это время достигла Манженина, ее авангард под командованием Бистрома дошел до Снядова.

В этот день поляки в Надборах бросили слабых и больных. Скрженецкий располагался между Снядовым, Шумовым и деревней Пыски. Он планировал уходить на Остроленку, но дивизия Гелгуда оставалась в Ломже, и Скрженецкий ждал ее присоединения.

13 (25) мая форсированным маршем в жару по песчаной местности гвардия рванулась на Снядов, I пехотный корпус, 3-я гренадерская дивизия и кирасирский полк принца Альберта – на Яблонку, Шумово, Пыски. За день войска прошли 50 верст. Хотели настичнуть Скрженецкого в Шумове. Тот ушел к Остроленке. Но оторваться не смог. Штаб-ротмистр Василий Балабин обогнал с казаками отступающих поляков, пересчитал их из укрытия и отвез сведения Бистрому.

Ночью в передовых цепях уже шла перестрелка. Естественно, стрельбу вели лейб-казаки. Поручик Михаил Поляков напал на польскую передовую цепь, убил 5 кракусов и гнал остальных до Нарева. Корнет Алексей Мелихов тоже бросался на польских застрельщиков.

14 (26) мая войска выступили с рассветом. До Остроленки оставалось 20 верст. Скрженецкий все еще оставался там, ждал Гелгуда.

Арьергард Лубенского состоял из его кавалерийской дивизии, пехотной дивизии Каминского, бригады Богуславского и полка ветеранов при 14 орудиях; главные силы составляли: 1-я и 3-я пехотные дивизии, батареи Турского, Биелицкого и Неймановского, всего 34 батальона, более 50

эскадронов общей численностью около 30000 человек¹.

Поляки думали, что оторвались от русских. Лошади в кавалерии были расседланы, пехота разбрелась «за добычей дров, воды или для купания»². Командование ссорилось. Прондзинский предлагал уйти за Нарев, пропустить вслед за собой через мост часть русских, отрезать их и уничтожить. Главнокомандующий предложил ему для начала разобрать бумаги, «сам же уехал в м. Круки и провел ночь на постоялом дворе, услаждаясь шампанским»³.

И тут в 11 часов появились русские, за 32 часа прошедшие в сумме 70 верст.

Гвардия составила правую колонну с авангардом Бистрома впереди; среднюю колонну возглавлял авангард Берга, за ним шла 3-я гренадерская дивизия, I пехотный корпус и кирасиры принца Альберта; левую колонну составили два полка 2-й гренадерской дивизии, 1-я гренадерская дивизия и полки Куруты, еще левее двигалась кавалерия Витта. Там же, на левом фланге, наступал лейб-гвардии казачий полк.

Еще в 6 утра казаки донесли Бистрому, что в лесу перед Остроленкой стоят поляки, и шедший первым I пехотный корпус стал обходить лес слева.

Лубенский с боем уходил через лес, через Остроленку на правый берег Нарева.

Его арьергард с 12 орудиями занял позицию на песчаных буграх у д. Лавы. Русская артиллерия открыла ответный огонь, гвардейские конные егеря зашли в левый фланг мятежников, уланы атаковали с фронта. «Мятежники зажгли Лаву, сняли мост через тинистую речку и, оставив более 500 пленных, побежали в Остроленку, засели в каменных домах»⁴.

Екатеринославский гренадерский и 3-й карабинерский вместе с лейб-казаками очищали лес от другой части польского арьергарда. Зрелище было впечатляющим. «Солнце светило ярко, но лучи его сливались с светом пламени и, помрачаемые тучами дыма, набрасывали на все окружающие предметы багрово-фиолетовый цвет», – вспоминал Неелов⁵. 26-орудийная русская батарея уже была по противоположному берегу.

В Остроленке бой шел за каждый дом. Первым в город ворвался Астраханский гренадерский полк. Карабинеры 3-й гренадерской дивизии штурмовали Бернардинский монастырь. В городе был окружен и сдался целый батальон поляков – 280 солдат при 3 офицерах. Ворвавшийся на улицы 6-й эскадрон лейб-гвардии уланского полка порубил батальон 4-го линейного полка. Всего в городе и в лесу русские взяли 1200 пленных.

Скрженецкий собирал войска за Наревом. «По его замыслу бригада 3-й пехотной дивизии

¹ https://runivers.ru/conflicts/campaigns/polskoe_vosstanie_kampaniya_1831
² Пузыревский А.К. Указ.с оч. Т.1. С. 255.
³ Орлов Н.А. Указ. соч.
⁴ Бантыш-Каменский Д. Указ. соч. С. 178.
⁵ Неелов Н.Д. Указ. соч. С.182.

(4-й и 8-й линейные полки и полк ветеранов) должна была при появлении русских разломать свайный мост, отступить по понтонной переправе и, отрубив затем якоря, спустить плавучий мост по течению»¹. Но поляки не успели разрушить мост полностью, они пытались сжечь его и сняли часть настила. Про понтонную переправу они, похоже, забыли.

Суворовский и Астраханский гренадерские полки по переключению сгоревшего моста перешли Нарев вслед за поляками. Первым перешел Астраханский полк под командованием Граббе и даже захватил 2 орудия. Во главе его колонны во время атаки добровольно встали солдаты — георгиевские кавалеры. За астраханцами перебрались суворовцы по плавучему мосту, который они сначала не заметили. Генерал Мартынов повел их в штыки и вывел к шоссе, в кювете вдоль которого они и закрепились. Слева был ручей, справа канавы и овраги, непроходимые для войск. За их спиной саперы чинили мост, и вся 3-я гренадерская дивизия старалась перейти по нему на правый берег.

Скрженецкий строил войска для контра-таки, но не хватало места развернуть большие силы. Первой несколько раз ходила в атаки бригада Венгровского. Но на помощь астраханцам и суворовцам подошел Екатеринославский полк, и бригада Венгровского ничего не добила, хотя и потеряла половину состава.

Гренадеры удерживали шоссе 4 часа. Если не хватало времени перезарядить ружья, метали камни. Польская артиллерия вела огонь, но гранаты переносило через Нарев. В Остроленке «жиды, полные необъяснимого страха, бегали по улицам, ломали руки и стонали»².

Венгровского сменила бригада Лангермана — 1-й егерский и 16-й линейный полки. Скрженецкий приказал им отбросить гренадеров за Нарев во что бы то ни стало. Красицкий с тремя линейными полками и кавалерией при поддержке артиллерии несколько раз ходил в атаки. На помощь ему стянулись дивизии Каминского и Малаховского. Всего было шесть атак. Они не достигали цели, так как польская артиллерия стала сниматься, не выдерживая огня русской артиллерии.

5-ю дивизию в атаку повел сам Скрженецкий с пением гимна, но и она была отбита. 20-й линейный полк побежал, а командир бригады Красицкий попал в плен. «Этой атакой поляки приведены в полное расстройство»³.

На помощь гренадерам подошла 1-я пехотная дивизия. «Генерал Мандерштерн лично повел на вражеский берег 3-й и 4-й морские полки, которые с криком «Ура!» атаковали центр поляков, «с свойственным им мужеством бросились навстречу мятежникам и в одно мгновение опрокинули пехоту». Во время атаки генерал

Ю. Коссак *Сражение под Остроленкой*

Мандерштерн был ранен пулей в лицо и с раздробленной челюстью вынесен из боя. «В воздаяние отличного мужества и храбрости» он получил орден Св. Георгия 3-го класса. Вместо него командование 1-й пехотной дивизией принял генерал-майор А.Н. Лидерс»¹.

Постепенно русские успели переправить на правый берег Нарева 17 батальонов, которые теснились перед перейденным мостом, но как могли расширяли пространство.

Отчаявшись сбить гренадеров ударом с фронта, поляки стали собирать у себя на правом фланге кавалерию, чтобы нанести комбинированный удар. Русские на захваченный плацдарм перевели лейб-уланский полк Олферьева, чтобы гренадеры имели какую-то поддержку в лице конницы. Толь на левом берегу Нарева свозил и разворачивал вместе несколько батарей как раз против левого фланга гренадер.

Польская кавалерия бросилась в атаку во главе с 2-м уланским полком Мицельского, «составлявшим украшение польской конницы»². Две конные атаки гренадеры отбили, сворачиваясь в каре. Поляки готовили третью атаку.

И как только их кавалерия тронулась, невиданный по силе артиллерийский залп 34 орудий с левого берега повалил людей и лошадей, устроив в дыму месиво тел. Уцелевшая польская кавалерия отскочила и больше не атаковала. Уланская бригада Кицкого — 2-й, 3-й и 5-й полки — потеряла половину состава. Кицкий погиб. «Но в эти тяжелые минуты Скрженецкий проявил твердость. Он решил собрать остатки разбитой армии и затянуть бой до вечера, чтобы потом отступить»³.

Скрженецкий кричал своим командирам: «Здесь мы должны победить или погибнуть все. Здесь решается судьба Польши»⁴. Были случаи, когда русские подавались, и отдельные беглецы оказывались на мосту, но всякий раз их останавливали, и польские атаки отбивались.

В 7 часов вечера польские войска отступили и укрылись за кустарником. Прикрывавшая их отход батарея Бема вела огонь до 8 часов.

Керсновский отмечал: «В сражении при Остроленке с нашей стороны приняли участие всего 3-я гренадерская и 1-я пехотная дивизии — 15 000 человек, прошедших с небольшим в сутки 70 верст по сыпучему песку. Поляков было 24

Кароль Маланкевич. *Сражение под Остроленкой*

¹ <https://arsenal-info.ru/b/book/2557340892/5>

² Неелов Н.Д. Указ. соч. С.185.

³ Остроленка//Военная энциклопедия. Т. 16. С. 208.

¹ <https://arsenal-info.ru/b/book/2557340892/5>

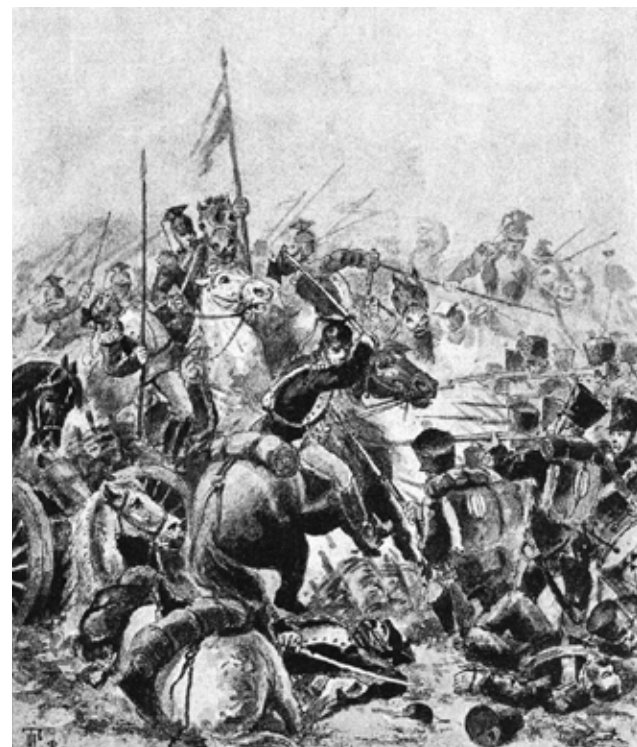
² Пузыревский А.К. Указ. соч. Т.1. с. 262.

³ Остроленка//Военная энциклопедия. Т. 16. С. 208.

⁴ Пузыревский А.К. Указ. соч. Т.1. С. 263.

000. Честь победы в первую очередь принадлежит суворовцам-фанагорийцам и астраханцам, форсировавшим Нарев и долгое время дравшимся со всей польской армией. Тщетно Скржинецкий носился перед фронтом своих войск, посылая их вперед. «Напшуд Малаховски! Рыбиньски напшуд! Вшистки напшуд!» Все усилия сбить гренадер оказались тщетными. С польской стороны отличилась конная батарея полковника Бема, лихо прикрывая отступление картечью. Мы лишились трети войск, польская армия совершенно расстроена, потеряв 7100 убитыми и ранеными, 2100 пленными и 3 орудия»¹.

По мнению Н.Д. Неелова, русские потеряли 4500 человек, поляки 5500. Д. Бантыш-Каменский приводит конкретные цифры. Убитыми русские потеряли 37 офицеров и 915 нижних чинов; ранеными 3 генералов – Мандерштерна, Шильдера и Насакина, – 126 офицеров и 2919 нижних чинов².

Все восхищались гренадерами, которые оставались на плацдарме с 11 утра до 8 часов вечера. Вообще русских непосредственно в Остроленке было 14 ½ тысяч, а поляков 25 тысяч.

«Хронологический указатель» отмечает участие в бое за Остроленку полков Атаманского, Борисова и Секретева³.

Но Атаманский полк никого из офицеров или казаков за это сражение к награждению или производству не представил. Из полка Борисова № 34 два казака – Борисов Виктор Федорович и Клевцов Андрей Климович – были произведены в хорунжие. Полк Секретева № 38 представил хорунжего Филиппова Поликарпа Васильевича к «Анне» 3-й степени, и еще он вскоре был произведен в сотники, есаул Бирюков Федор Яковлевич был награжден орденом Святого Владимира 4-й степени.

Зато из полка № 21 Золотарева, который охранял главную квартиру, награжденных было много: урядник Попов Гаврила Степанович и казак Сарычев Дмитрий Григорьевич за отличие в делах произведены в хорунжие, сотник Данилов Александр Семенович за отличие произведен в есаулы, и хорунжий Золотарев Василий Васильевич за бой 14 мая, когда он доставил «ценное донесение» получил «Анну» 4-й степени⁴, и «Анну» 2-й степени получил есаул Нюхарев Прокофий Михайлович.

Вторым неотмеченным полком, получившим награды, стал лейб-гвардии казачий: унтер-офицеры Александров Филипп Кузьмич и Сазонов Дмитрий Иванович награждены Знаком отличия Военного Ордена; штаб-ротмистр Балабин Василий Степанович награжден «Анной» 2-й степени; поручик Иловайский Михаил Иванович – «Владимиром» 4-й степени, корнет Родионов Василий Алексеевич – «Анной» 4-й степени. Видимо, эти офицеры и унтер-офицеры были адъютантами и ординарцами при командирах дивизий и корпусов.

Поляки собрали военный совет. Командиры заявили Скржинецкому, что повторное сражение невозможно, армия потеряла половину офицеров и треть солдат. «Пали лучшие генералы: Кицкий и Генрих Каменьский»⁵. К полуночи на месте оставался один 2-й уланский полк, остальные стихийно брели в сторону Варшавы. Стоявшая в арьергарде 1-я дивизия имела в строю 400 человек⁶. Со слезами на глазах Скржинецкий

произнес: «Finis Polonies»¹. Латынь была государственным языком Речи Посполитой, поэтому фраза прозвучала вполне символично.

Скржинецкий, не видя иного выхода, отдал приказ уходить на Варшаву. Вспомнили о судьбе Гелгуда со 2-й пехотной дивизией. Ему было приказано «отправиться в Литву согласно словесной инструкции, которую передаст ему Дембинский»². Дембинский сам вызвался передать Гелгуду этот приказ, прорваться к нему со 2-м Познанским эскадроном.

Ночью Скржинецкий ушел за м. Рожаны, преследуемый двумя полками казаков³. «Здесь в Рожанах собралась часть его войск, но когда в 9 часов вечера показались оба казачьих полка на Млинаржской высоте, в 4-х верстах от Рожан, все обратились в бегство, предполагая, что наступает вся русская армия»⁴. На самом деле это полковник Костин шел за поляками с полками Борисова и Секретева. По левому берегу Нарева генерал Пилар с Атаманским полком шел с ними на одной высоте. Клаузевиц описал случаи, «когда преследование выполняется лишь одной кавалерией; в этом случае оно скорее является средством устрашения и наблюдения, чем действительным натиском»⁵.

Позже пленные говорили, что на следующий день после сражения батальоны и эскадроны складывали оружие и ждали, когда их возьмут в плен, но через два дня собрались, подобрали оружие и ушли на Модлин.

Известия о сражении стремительно распространились. Ф.Ф. Торнау отмечал, что «после Остроленского сражения дороги в Литве начали очищаться от повстанцев»⁶. Будучи профессиональным военным и офицером генерального штаба, Ф.Ф. Торнау писал: «Оглушительный удар, нанесенный Дибичем Скржинецкому под Остроленкой, 14 мая 1831 года, решил участь польской

войны. Расстроенные вконец кровопролитным поражением, польские войска потеряли, вместе с незаместимым уроном, и всякую надежду на возможность устоять противу русской силы»⁷. Качество польской армии стремительно ухудшалось. До восстания польская армия составляла 30 тысяч, вместе со старослужащими, призванными в ряды, она достигала 50 тысяч человек. Под Гроховым в ее ряды добавилось 3 новых полка и часть кавалерии. Затем количество новых формирований стало составлять 1/3 часть армии. Когда поляки выступили против русской гвардии, то имели половину полков старых и половину новых. Под Остроленкой поляки потеряли 9 тысяч, 11 тысяч с Гелгудом ушли в Литву, за ним отправился генерал Хлаповский и увел еще 1 тысячу. В рядах армии оставалось очень мало солдат, и те были охвачены паникой.

Дибич не стремился их преследовать. «III конный корпус генерала де Витта проявил необыкновенную вялость при преследовании, ухитрившись за 5 суток пройти всего 56 верст»⁸. Командование русскими войсками за Наревом принял князь Шаховской.

Главная армия под Остроленкой без движения стояла 5 дней. «И не было, кажется, у нас войны более изобильной остановками, чем тягостная кампания 1831 года», – написал Ф.Торнау⁹. На третий день вперед был послан казачий полк. 16 (28) мая 2-я гренадерская дивизия выдвинулась на 8 верст вперед и заняла оборонительную позицию. 17 (29) мая казаки дошли до Пултуска, вечером вышли к Сероцку и Зегржу.

Судя по послужным спискам черноморцев, их хорунжий Ткаченко из 5-го полка еще 15 (27) мая переправился через Нарев и ходил под Пултуск, а затем вернулся к главной квартире армии¹⁰.

Затем армия и главная квартира переместились в Пултуск.

¹ Керсновский А.А. Указ. соч. С. 72.

² Бантыш-Каменский Д. Указ. соч. С. 181.

³ Хронологический указатель... С. 117.

⁴ Жемайтис О.Ф., Корягин С.В. Золотарева и другие. Генеалогия и семейная история донского казачества. Выпуск 95. М.: Русаки, 2010. С. 65.

⁵ Грабенский В. Указ. соч. С. 138.

⁶ Отзывы и мнения военно-начальников о польской войне... С. 41.

¹ Пузыревский А.К. Указ. соч. Т.1. С. 267

² Пузыревский А.К. Указ. соч. Т.1. С. 267.

³ Бантыш-Каменский Д. Указ. соч. С. 180

⁴ Пузыревский А.К. Указ. соч. Т.1. С. 271.

⁵ Клаузевиц К. фон О войне. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2021. С. 311.

⁶ Торнау Ф.Ф. Указ. соч. С. 152.

⁷ Торнау Ф.Ф. Указ. соч. С. 129.

⁸ Керсновский А.А. Указ. соч. С. 72.

⁹ Торнау Ф.Ф. Указ. соч. С. 139.

¹⁰ Матвеев О.В., Фролов Б.Е. Указ. соч. С. 131.

Фланги. Поход Гелгуда в Литву

Внимание обратили на Гелгуда в Ломже и хотели его окружить и взять в плен. 1 пехотный корпус стал продвигаться вверх по Нареву, Сакен с 7 батальонами и 4 эскадронами пошел прямо на Ломжу, Курута – к Тикочину, чтобы Гелгуд не мог соединиться с Уминским. Гелгуд стал пробираться в Литву...

Скрженецкий все это время собирал и перестраивал разбитую армию в Модлине.

18 (30) мая Витт с кавалерией и 5 полками 1-й гренадерской дивизии выступил на Рожаны и 19 (31) мая прибыл туда. От Рожан его путь лежал на Пултуск, но туда он двигался очень долго.

Дибич строил новую операционную линию. Он соединился с гвардией, за спиной его теперь была Литва и союзная Пруссия. Характеризуя Дибича, Н.Д. Неелов восторгался им как тактиком, но отмечал «...провиантская часть была ему недоступна»¹. Но, даже слабо разбираясь в снабжении, можно было догадаться, что продовольствие и фураж можно доставлять не через склонную к мятежам Вольнь, а через союзную Пруссию.

Оставалась проблема разбросанности войск. Крейцу, наблюдавшему за Замостьем, был послан приказ передать Люблинское воеводство Редигеру, а самому идти к Седлецу на соединение с Паленом 2-м. Многократно битому Литовскому корпусу предписывалось занять Седлец, а Палену 2-му с II пехотным корпусом и Крейцу переправляться на правый берег Буга и занять Замиров и Анджеев.

У Редигера на тот момент было 10 сотен казаков – полк Секретева в Держинине и полк Борисова на речке Вкре у Мокржина. Крейц принял у Палена 2-го II корпус и вместе с ним полк Карпова, во 2-м его эшелоне числились полки Грекова и Егорова, а 3-м полк Ильина.

Кроме того Дибич предполагал направить к прусской границе отряд из Атаманского полка, полка Катасонова и 2-го и 5-го

Конно-Черноморского полков во главе с походным атаманом Власовым.

Пока Дибич концентрировал войска для нового наступления, обратим внимание на фланги.

На левом фланге в это время противостоящие друг другу силы располагались следующим образом.

Хрженевский засел в Замостье. В 80 верстах за Вислой стояли войска Дзеконского. Его передовые посты были выставлены до Курова и Белжады, его войска занимали Казимерж, Пулавы, Голомб. Вскоре Дзеконского сменил Ромарино.

После боев с Дверницким и Хрженевским у Давыдова отобрали драгунский полк в 800 человек «прежде загоненных и изнуренных», но приведенных Давыдовым в божеский вид, и два казачьих полка, Платова и Катасонова, оставили ему лишь полк Киреева – 300 человек. Оставшийся без команды Давыдов 18 (30) мая жаловался Толю и просил другой отряд. Дибич нашел нужным переподчинить его Редигеру².

Крейц имел 9 тысяч кавалерии и 48 орудий. 19 (31) мая он, согласно приказу, вышел из Люблинского воеводства, где оставил 2-ю конно-егерскую дивизию – 600 человек «не имевших ружей с изнуренными лошадьми».³ У Давыдова были полки Хоперского и Киреева, всего 2000 коней. Казаки наблюдали за противником от Красностава до Завахоста, до Бобровников и до Коцка. В самом Люблине оставались 1200 раненых. Стоявший рядом 48-й егерский полк отбыл в Россию на укомплектование.

Редигер, находившийся в Комарове, приказал Давыдову оставить полк Киреева наблюдать Замостье, а самому ехать в Люблин и взять под свое командование все войска в окрестности. 21 мая (2 июня) Давыдов прибыл в Люблин и там узнал о победе под Остроленкой и прибытии армии к Пултуску.

«Поляки, почитая меня жесокосердым, трепетали при имени моем», – вспоминал Давыдов⁴.

Редигер прибыл в Люблин сам и отдал под командование Давыдова 20 эскадронов, казачий полк и несколько орудий.

Поляки после Остроленки восстанавливали армию в районе Праги. Вместо Прондзинского пост начальника штаба занял Томаш Лубенский. Польские пехотные дивизии сохранили свою нумерацию и командный состав – 1-я дивизия Рыбинский, 2-я дивизия Гелгуд (в Литве), 3-я дивизия Малаховский, 4-я дивизия Мюльберг, 5-я дивизия Серавский. Кавалерия сократилась до трех дивизий – 1-я Ягмин, 2-я Турно и 3-я Казимир Скаржинский. Дисциплину восстановить было труднее. Офицеры в периодической печати нападали на главнокомандующего¹.

Тем не менее, увидев Люблин почти незащищенным, Скржинецкий двинул туда войска. Планировался удар Ромарино с фронта и Хрженецкого с тыла. Но Скржинецкий решил действовать как можно больше сил, чтобы бить наверняка. 2 (14) июня он выступил из Праги с 1-й и 3-й кавалерийскими и 1-й, 3-й и 5-й пехотными дивизиями. 4-я пехотная и 2-я кавалерийская дивизии под командованием Янковского (вместо Уминского) стояли у Дембе-Вельке.

4-5 (16-17) июня поляки повели наступление на Редигера. 6 (18) июня Янковский остановился у Гулова, где ждал соединения с Ромарино и Рожицким, чтобы вместе атаковать Редигера с фронта. Предполагалось, что Хржановский выступит из Замостья и ударит с тыла.

5 (17) июня Редигер скрытно ушел из Люблина, оставив там генерала Тимана с 7 эскадронами 2-й конно-егерской дивизии и 2 казачьими полками и с приказом защищать тыл выступившего отряда. 6 (18) июня Редигер через Камонку и Мехов вышел к Вепржу, покрыв 50 верст, и у Лысобоков переправился через реку. Он планировал атаковать Ромарино, пока тот не соединился с Янковским.

Генерал Ольшевский с 7 эскадронами 1-й конно-егерской дивизии был послан в Любартов. Демонстрации велись и на других направлениях.

Янковский хотел охватить Редигера со всех сторон, он растянул силы, и это его подвело. Поляки позже считали, что «вследствие ухудшающегося здоровья, вызванного частичным параличом», Янковский совершил ряд тактических ошибок.

Редигер имел 6 тысяч против 20 тысяч поляков. Давыдов командовал его авангардом – 5

эскадронами конно-егерской дивизии Пашкова, 19-м и 20-м егерскими полками и 6 орудиями. Давыдов получил приказ идти на Подлодову и в 2 часа ночи выступил на Будзиску. Сам Редигер с 6 батальонами, 6 эскадронами и 16 орудиями двинулся на Харлиев, правее Давыдова. Еще два небольших отряда выступили еще правее с целью демонстрации.

7 (19) июня при выходе из леса Давыдов столкнулся с отрядом Турно – 1 батальон гвардейских гренадер, 3 батальона 3-го егерского полка, 4 эскадрона 4-го конно-егерского и 3 эскадрона 7-го уланского. Силы были практически равны.

Давыдов 3 часа удерживал поляков, в том числе их гвардейских гренадер. Полякам удалось вытеснить из леса 20-й егерский полк, но дальше они не продвинулись. Редигер воспользовался тем, что поляки втянулись в бой, свернул влево, обошел их вокруг леса и атаковал резерв Турно. Давыдов, услышав стрельбу, повел войска в атаку, опрокинул противника и соединился с Редигером. Польский 3-й егерский полк был сильно расстроен, потерял пленными 11 офицеров и 506 солдат. Был взят польский обоз, где нашли казну – 50 тысяч рублей.

Редигер после боя 10 (22) июня отошел в Ленчно, поляки 10 (22) июня ушли за Вислу. Дело в том, что 6 (18) июня русские начали работы у Сероцка, и Янковский испугался этого движения русской армии. Как показало будущее, бояться ему надо было другого. 12 (24) июня 1831 года Янковский был арестован по обвинению в некомпетентности и государственной измене. «Прошел слух, что он был подкуплен русскими, напали даже на следы изменнического заговора, которым якобы заправлял комендант Замостья генерал Иосиф Гуртиг»².

Д.В. Давыдов описал этот бой у леса так: «Седьмого июня, командуя авангардом корпуса генерала Редигера в сражении под Лисобиками, Давыдов принимает на щит свой все удары главных сил неприятеля и не уступает ему ни шагу. Бой длится более трех часов. Генерал Редигер, пользуясь стойкостью пехоты Давыдова, обходит сражающихся, ударяет в тыл неприятеля и сим искусным и отважным движением обращает победу на свою сторону. За этот бой Давыдов производится в генерал-лейтенанты»³.

А. Керсновский привязал эти бои к общему положению войск: «Приведя свои войска в порядок, Скржинецкий пытался оперировать против

¹ Неелов Н.Д. Указ. соч. С. 196.

² Приложения к запискам Д.В. Давыдова//Русская старина. 1872. Т.6. С. 405.

³ Давыдов Д. Воспоминания о польской войне... С. 382.

⁴ Давыдов Д. Воспоминания о польской войне... С. 382.

¹ Пузыревский А.К. Указ. соч. Т.1. С. 302.

² Грабеньский В. Указ. соч. С. 138.

³ Давыдов Д.В. Сочинения... С. 34.

левого фланга русского расположения — одновременно против Ридигера и против Крейца. Однако Толь немедленно продемонстрировал главными силами на Зегрж, и польский главнокомандующий отозвал свои отряды обратно»¹.

Хржановский, поняв, что помощь к нему не придет, сам выступил из Замостья. С собой он вывел транспорт в 26 орудий и стал прорываться на Прагу. Орудия двигались отдельно. Хржановский отвлек внимание русских на себя — 11 (23) июня он занял Люблин. Редигер выслал к Люблину кавалерию и казаков Давыдова. Того же 11(23) июня отряд русской кавалерии — 20 эскадронов, казачий полк, несколько конных орудий — подошел к Люблину и завязал перестрелку с противником, которая продолжалась до вечера².

Хржановский, имея перевес в силах — 8 эскадронов, 8 батальонов, 10 орудий, — отвлек Давыдова и оторвался от него. «Обманутый Давыдов и не заметил, как Хржановский с наступлением ночи снялся с позиции»³. Пройдя до 9 утра 42 версты, Хржановский оказался у Конской воли.

13 (25) июня он был уже за Вислой. Его транспорт с орудиями переправился у Завихвостья и был доставлен в Варшаву.

Давыдов в своих мемуарах представил этот эпизод, как будто Хржановского прогнали за Вислу. Преследовали его 29 эскадронов генералов Давыдова, Квитнецкого, Ольшевского, Плохова и графа Тиммана. «Но неприятель бежал так быстро, что я не мог его догнать», — вспоминал Давыдов⁴.

Эти бои он охарактеризовал как единственную классическую операцию⁵, а Редигера как человека, обладающего «замечательными военными способностями»⁶.

На противоположном фланге главной фигурой стал Гелгуд. А. Керсновский писал: «Отведя разбитые войска к Варшаве, Скржинецкий решил спасти положение диверсией на Литву — и двинул туда дивизию Гелгуда — 12 000 бойцов»⁷.

Антони Гелгуд (Antoni Gielgud) (1792 , † 13 июля 1831 года) происходил из знатной и богатой семьи. Он был сын Михала Гелгуда и Элеоноры,

Атака познанской кавалерии под Райгродом

¹ Керсновский А.А. Указ. соч. С. 73.

² https://runivers.ru/conflicts/campaigns/polskoe_vosstanie_kampaniya_1831

³ Пузыревский А.К. Указ. соч. Т.1. С.312.

⁴ Давыдов Д. Воспоминания о польской войне... С. 384.

⁵ Давыдов Д. Воспоминания о польской войне... С. 384.

⁶ Там же.

⁷ Керсновский А.А. Указ. соч. С. 72.

урожденной Тышкевич. Во времена Герцогства Варшавского он создал за свой счет 21-й пехотный полк, которым командовал в качестве полковника с 29 августа 1812 года, т.е. в 20-летнем возрасте. В начале восстания он возглавил 1-ю бригаду 1-й пехотной дивизии, отличился при Вавере и при Бялоленке, был поставлен во главе 2-й пехотной дивизии. Во время битвы при Остроленке он прикрывал северное крыло польской армии в районе Ломжи. Хржановский считал, что Гелгуд «храбрый офицер и хороший подчиненный, но совершенно неспособный к самостоятельному действию»¹.

15 (27) мая Гелгуд двинулся на соединение с главной армией, но к нему прибыл Дембинский с эскадронам Познанских кракусов и инструкцией идти в Литву.

В Литве повстанческое движение, казалось бы, затухало. Последние сведения от 11(23) мая — «отряд полковника Севастьянова в Вештартанском лесу разбил банду виленских студентов»².

Другие источники это событие относили к 18 (30) мая. Три русских отряда полковника П.И. Севастьянов, подполковников Крагельского и Беляева окружили в лесу виленских студентов с примкнувшими к ним под руководством Матусевича восставшими и совершенно разбили их, подобрав более 200 убитых, раненых и пленных³. Что касается 11 (23) мая, то в этот день студентов у деревни Ожеранцы «пощипала» рота 3-го резервного батальона Виленского пехотного полка, и отделались они всего 60 убитыми и ранеными⁴.

Как бы ни было, Гелгуд, «лишенный всяких военных дарований»⁵, двинулся из Ломжи в Августовское воеводство и 16 (28) мая в Граеве соединился с Дембинским, который привел к нему 1200 кавалеристов.

Всего с волонтерами дивизия Гелгуда составляла 12 тысяч при 26 орудиях. Это была 2-я пехотная дивизия:

- бригада Ролланда — 7-й линейный полк (3 батальона), 19-й линейный полк (2 батальона);
- бригада д.Отерива — 4-й егерский полк (3 батальона), 2-й егерский полк (3 батальона), рота сапер, 2 эскадрона калишских всадников, 22 орудия.

Отряд Дембинского — 18-й линейный полк (2 батальона), 3-й егерский полк (1 батальон), 3-й уланский полк (1 эскадрон), Познанская кавалерия (2 эскадрона), Плоцкая кавалерия (2 эскадрона).

Волонтеры Заливского — 1500 человек.

Сакен противопоставил кавалерии Гелгуда свою конницу — три эскадрона лейб-казаков, один эскадрон Елисаветградского уланского полка, сводный полк донских и черноморских казаков (300 человек). Сводный полк возглавил Орлов, эскадроны лейб-казаков — Кононов. Всего с пехотой (7 ¾ батальона) у Сакена насчитывалось до 5 тысяч бойцов. Передовую цепь составляли армейские казаки есаула Юдина.

По другим данным, у Сакена было всего 3 ½ батальона полков Вильгельма и Аракчеева, 4 эскадрона и 6 орудий, всего около 3000 человек⁶, и последующая потеря в 1500 убитых, раненых и пленных означала для него потерю половины отряда.

Сакен имел приказ преследовать разбитого противника, он хотел отеснить Гелгуда в Пруссию и неосторожно разделил свой отряд.

16 (28) мая ротмистр Орлов-Денисов с 4-м эскадронам лейб-казаков направился на разведку и обнаружил приближение пехоты, кавалерии и артиллерии противника. 17 (29) мая поляки двинулись по шоссе на Райгрод. Сакен после известий о сражении под Остроленкой не ожидал встретить регулярные польские войска. Он решил, что это местные банды, и на помощь Орлову-Денисову послал один эскадрон лейб-казаков во главе с Кононовым. Сам он стал разворачивать свои силы у Райгорода. Тут оказалось, что Кононов сбит и уходит на рысях. Польский авангард шел за ним в рассыпном строю и был готов атаковать.

По торопливой прикидке, у Гелгуда насчитали 30 тысяч войска и 30 орудий. Сакен стал отступать. Малейшая попытка задержаться сносилась польской артиллерией, которая била вдоль шоссе.

5-й эскадрон был отрезан от главных сил стремительным продвижением поляков, переплыл через озеро и соединился со своими.

«Хронологический указатель» подвел итоги боя: Сакен, имея 7 ¾ батальонов, 4 эскадрона, 300 казаков и 14 орудий, атаковал Гелгуда (12 000, 26 орудий) и понес потери до 1500 человек⁷.

¹ Отзывы и мнения военно-начальников о польской войне... С. 43.

² Хронологический указатель... С.117.

³ https://runivers.ru/conflicts/campaigns/polskoe_vosstanie_kampaniya_1831

⁴ https://runivers.ru/conflicts/campaigns/polskoe_vosstanie_kampaniya_1831

⁵ Пузыревский А.К. Указ. соч. Т.1. С. 317.

⁶ https://runivers.ru/conflicts/campaigns/polskoe_vosstanie_kampaniya_1831

⁷ Хронологический указатель... С.117.

Сцена из времен Польского восстания 1830 – 1831 гг.

Поляки прошли Райград, но дальше не продвинулись, устали.

Сакен продолжил отход. Лейб-казаки в этом бою спасли 2 русских орудия, потеряли из строя 2 убитых и 4 раненых.

Разбив под Райградом русских, Гелгуд пошел на Ковно. Перед собой он теснил лейб-казаков Сакена, а за ним следовал 6-й эскадрон лейб-казаков из отряда Олферьева и 21 мая (2 июня) имел стычку с его арьергардом. Лейб-казаки из отряда Сакена, сдерживая Гелгуда, отступали до Ковно 4 дня, не выходили из боев, питались одними сухарями. Сакен за время этого отступления потерял 1/3 личного состава. У лейб-казаков погибли 4, ранения получили 10, без вести пропал 1¹.

21 мая (2 июня) русские вошли в Ковно. Гелгуд взял правее Ковно, в тот же день он занял Мариамполь и переправился через Неман.

Отряд Олферьева дошел до Немана и остановился. Он имел приказ не пускать Гелгуда обратно в Польшу. Корнет 6-го эскадрона лейб-гвардии казачьего полка Петр Машлыкин, входившего в этот отряд, записал в послужном списке, что с 9 мая по 9 июня в отряде «Алферьева» очищал от мятежников территорию возле Августова, Ковно и Гродно.

Сакен собрал 10 батальонов, 10 эскадронов, 760 казаков и 26 орудий (1 рота гвардейских

сапер – 229 человек, 1 батальона выздоравливающих гвардейцев – 470 человек, 2 батальона полка графа Аракчеева – 796 человек, 1 батальон полка принца Вильгельма Прусского – 564 человека, 1 3/4 батальона полка принца Карла – 974 человека, 2 батальона Шлиссельбургского полка – 1384 человека, резервный батальон 48-го егерского полка – 334 человека, резервный батальон Литовского полка – 455 человек, 3 эскадрона лейб-гвардии казачьего полка – 318 человек, 1 эскадрон Елизаветградского уланского полка – 74 человека, 6 эскадронов Оренбургского уланского полка – 670 человек) и 27 мая (8 июня) от Ковно направился к Вильно. 900 больных были оставлены в Ковно. 31 мая (12 июня) Сакен подошел к Вильно и занял позицию на Понарских высотах. К нему присоединился генерал Курута с отрядом гвардии Великого князя Константина.

Лейб-гвардии казачий полк отметил противостояние с Гелгудом в мае 1831 г. так: «с 12-го по 17-е на позиции близ Райграда в ежедневных перестрелках с неприятелем, 17-го в жесточайшем сражении под Райградом, с сего числа по 1-е июня при отступлении от Райграда к Вильно»².

В Литве к этому времени в ходе затишья произошло объединение повстанческих отрядов вокруг банды Радзишевского, бывшего полковника французской службы, за которым безуспешно

гонял 2-й Тептярский полк. У Радзишевского был отряд в 3000 из них 300 конных. С примкнувшими он вырос до 10-12 тысяч. 9 (21) мая он даже временно захватывал Кочергишки. Повстанцы сформировали подобие регулярных полков, которые получили номера, как часть польской армии – 26-й пехотный полк, 19-й пехотный полк, 10-й, 11-й и 12-й уланские полки.

Второй организованной частью польских войск, вступившей на территорию Литвы, был отряд Хлаповского. Дезидерий Хлаповский, бывший адъютант Наполеона, командир эскадрона польского полка французской гвардии, не был произведен в полковники и, обидевшись, подал в отставку. В польской армии он входил в близкие Великому князю круги, был женат на сестре супруги Константина. Во время восстания был в конфликте с Хлопицким. В Литву он вступил 9-10 (21-22) мая под Гродно. С собой он привел отряд в 800 человек – 500 улан 1-го уланского полка, 100 егерей 1-го егерского полка, 100 офицеров и унтер-офицеров (предполагаемый костяк будущей литовской армии) и 2 конных орудия.

11 мая при Гайновщизне Хлаповский вел бой с отрядом генерала Линдена. У Линдена были 5 рот Житомирского пехотного полка, 3 рот Муромского пехотного полка, 50 егерей 20-го егерского полка, 4 эскадрона улан, взвод гусар, партия казаков – всего около 700 человек и 3 орудия. В бою русские потеряли 200 человек убитыми и пленными, в том числе 7 офицеров, и 1 орудие¹. После этого боя Линден отступил к Беловежу, а Хлаповский двинулся на Свислочь, Гродно и Лиду.

В соответствии с инструкцией при приближении польского отряда начальник гарнизона капитан Камарницкий отступил из Лиды с 2 ротами Виленского резервного батальона и 2 орудиями, но 19 (31) мая он был настигнут и принужден сложить оружие.

В тот же день по пути в Лиду была атакована противником команда выздоровевших во главе с подполковником Гаферландом. Закрепившись на мызе среди леса, Гаферланд отбил все атаки поляков и недавно сформированного литовского батальона².

После этих боев к Хлаповскому присоединились 1100 инсургентов и 160 виленских студентов. Теперь он планировал двинуться к Припятским болотам и поднять там восстание. Но в это время прибывший в Литву Гелгуд потребовал его на совещание в Кейданы.

Гелгуд перешел Неман и увеличил в Литве свои силы до 12 тысяч. Керсновский писал: «Эти

Ян Розен. Эмилия Пляттер во главе отряда косинеров

силы менее чем в две недели возросли вдвое, и в первых числах июня и русские и поляки имели в Литве по 24 000».

По воспоминаниям прелата Буткевича, богатая наследница мадмуазель Пляттер на свои средства создала уланский полк, где на адъютантских должностях были такие же девицы, и присоединилась к Гелгуду³.

26 мая (7 июня) Гелгуд прибыл в Кейданы. Его движение по Литве напоминало триумфальное шествие⁴. Он соединился с Хлаповским, но «медлил, наслаждаясь делаемыми ему торжественными встречами»⁵. По мнению Н.А. Орлова, «Гелгуд был храбрый, но бесхарактерный и неспособный человек»⁶. Великий князь Константин, знавший Гелгуда лично, написал о нем: «Весьма

¹ https://runivers.ru/conflicts/campaigns/polskoe_vosstanie_kampaniya_1831

² https://runivers.ru/conflicts/campaigns/polskoe_vosstanie_kampaniya_1831

³ Буткевич. Указ. соч. С. 609.

⁴ Пузыревский А.К. Указ. соч. Т.1. С. 321.

⁵ Там же. С. 322.

⁶ Орлов Н.А. Указ. соч.

¹ История лейб-гвардии казачьего полка... С. 392.

² Корягин С.В. Мельников и другие... С. 21.

старательный, но не особенно опытный, он никогда не участвовал в сражениях»¹.

Разрозненные отряды литовских повстанцев, формально признавая польское командование, продолжали действовать самостоятельно. 4 (16) июня польско-литовские части Шимановского атаковали гарнизон Шавли (600 человек, 2 орудия). Поляки выставили 19-й линейный полк, самогитскую конницу Станевича и 2 орудия, отряды литовских повстанцев еще не были так организованы, всего набралось до 5000. Все атаки были отбиты русским гарнизоном под командованием полковника Мака. Нападавшие понесли существенные потери, не менее 500 человек убитых и раненых².

Воспользовавшись тем, что Гелгуд и Хлаповский разделились с Дембинским, 5(17) июня русские войска тремя колоннами под общим командованием князя Хилкова выступили из Вильно на Яново, Вилькомир и Неменчин и стали успешно теснить неприятеля. Дембинскому удалось соединить свои отряды только у Мейшагола³.

6 (18) июня 300 офицеров явились к Гелгуду и требовали, чтобы он передал командование Хлаповскому. Чтобы прекратить «смуту», Гелгуд решил атаковать Вильно, хотя отряд Дембинского в это время был в другом месте.

Гелгуд собирался взять Вильно, но командуемый войсками Толстой, Сакен и Курута встретили его в 3 верстах от города на Панарских высотах. Русские войска вместе насчитывали 17 тысяч. Кроме регулярных войск, гарнизон Вильно составляли 477 линейных казаков. 234 тептярских казака и 272 казака полка Кутейникова.

Позицию на высотах укрепили. В центре был воздвигнут редут на 18 орудий. На левом фланге устроена засека. Лейб-казаки и 2 батальона пехоты составили авангард. Армейские казаки заняли аванпосты.

5 (17) июня Гелгуд провел рекогносцировку и сбил русские аванпосты.

«7 июня Гелгуд атаковал Вильну, но был разбит Сакеном, отступил в Пруссию и положил оружие. Боем при Вильне руководил Сакен. Старший чиновом генерал Курута присутствовал безучастным зрителем и вспомнил о своих правах, лишь когда

Дмитрий Дмитриевич Курута

все трудное было сделано и оставалось только пожать плоды победы: «А преследовать вы не будете!»⁴.

Денис Давыдов так описал этот бой: «Заведя впоследствии войсками, входившими в состав резервной армии графа Толстого, Курута имел дело с поляками близ Вильны, на Панарской горе: оно, без сомнения, не кончилось бы в нашу пользу, если бы Куруту не выручил генерал Секен (Дмитрий Ерофеевич)»⁵.

Бой протекал стандартно – атака, отражение ее и преследование. Перед боем Гелгуд оценил русскую позицию, высказался, что она сильна, но вывод гласил: «Наш 7-й линейный полк ее возьмет»⁶.

7-й линейный полк пошел на русскую позицию в лоб. Инсургенты Заливского атаковали левый фланг русских. В ходе боя русские уланы столкнулись с польскими и «смешались как горох с капустой»⁷. Русская конница отошла за укрепления, и «только казаки выезжали по одиночке вперед»⁸.

П.Н.Краснов описывает, как лейб-казак Подкотилов «во время атаки на уланы сбил уланы

с лошади, но переломил свою пику. На помощь упавшему улану подскочили его товарищи и заставили казака отступить без пики. Лейб-казаки отошли назад и выстроили фронт. Стал и Подкотилов на свое место. Поляки, рассыпавшись цепью, наездничали перед казаками, и один из уланы играл и похвалялся поднятой сломанной лейб-казачьей пикой». Подкотилов не утерпел, «выхватив саблю, быстро подскочил к поляку, могучим ударом разрубил ему голову и, выручив пику, поскакал к своему эскадрону»¹.

Дмитрий Ерофеевич Остен-Сакен

Во время боя лейб-казаки стояли на левом фланге. Атаки поляков были отбиты. Когда польская пехота была расстроена артиллерийским огнем, три эскадрона лейб-казаков атаковали ее перед засеками. На помощь пехоте прискакала польская кавалерия, но лейб-казаки сбили и ее и гнали до реки Ваки. В сражении они потеряли 2 убитых и 4 раненых. Преследование было остановлено из-за наступления темноты.

Всего в сражении русские потеряли 364 человека, поляки – более 600 пленных, 600 убитых и 800 раненых. С разбежавшимися их потери доходили до 2000.

¹ Краснв П.Н. Указ. соч. С. 77.

² Корягин С.Н. Мельниковы и другие... С. 21.

³ Клочков Д.А. Указ. соч. С. 27.

⁴ Корягин С.В. Ефремовы и другие. Генеалогия и семейная история донского казачества. Выпуск 26. М.: Русаки, 2002. С. 6.

8 (20) июня к Вильно подошел граф Толстой с IV корпусом. Соотношение сил резко изменилось.

Гелгуд начал отступать к Кейданам. Д.Отерив утонул в Вилии, должность начальника штаба принял Хлаповский. Время собрать и переформировать войска у них было. Граф Толстой, возглавив местные войска, начал преследование лишь 12 (24) июня. Русские выступили двумя колоннами, впереди обеих шли казаки.

Гелгуд стал отступать на Ковно. Сакен следовал за ним. 15 (27) июня к Ковно вышли 1-й и 4-й эскадроны лейб-казаков и 150 армейских казаков, донских и черноморских с 1 орудием. Разведка донесла, что в Ковно стоит польская пехота, стоит оплошно, часть ее находится в Яново. Собираются уйти в Пруссию через границу. Сакен выслал на помощь коннице авангарда 5-й эскадрон лейб-казаков и полувзвод черкесов.

Внезапная атака на Яново, когда казаки вместе с отступавшими поляками проскочили мост, завершила разгром отряда Гелгуда. В плен попали полковник Коперницкий, 3 штаб-офицера, 29 обер-офицеров и 500 нижних чинов.

Кирилл Виденин записал: «июня 7-го в сражении на Панарских высотах, с 7-го июня по 2-е июля при преследовании корпуса Гелгута до прогнания оногo в Прусскую границу; между тем 16-го июня в сражении под Ковною со взводом ходил в атаку на неприятельскую кавалерию, причем взял несколько человек нижних чинов и освободил из оногo русской армии офицера»².

В бою под Ковно вместе с 3-м эскадроном лейб-казаков участвовала команда горцев. Команда «пролетела польскую пехоту насквозь, ударила на сопровождавший ее кавалерийский эскадрон, обратив его в беспорядочное бегство. Пятьдесят человек было изрублено шашками, два офицера и сорок рядовых поляков джигиты-гвардейцы взяли в плен»³.

Поляков преследовали по всей Литве. 17 (29) июня к югу от Вильно, у Вороново, казак полка Андриянова № 43 Ефремов Василий Иванович «сбил 9 поляков» и взял их в плен с помощью казаков и заколот унтер-офицера, за что был награжден Знаком отличия Военного Ордена, то есть «Георгиевским крестом»⁴.

¹ Заметки о генералах всех чинов... С. 273.

² https://runivers.ru/conflicts/campaigns/polskoe_vosstanie_kampaniya_1831

³ https://runivers.ru/conflicts/campaigns/polskoe_vosstanie_kampaniya_1831

⁴ Керсновский А.А. Указ. соч. С. 72.

⁵ Давыдов Д.В. Сочинения... С.467.

⁶ Пузыревский А.К. Указ. соч. Т.1. С. 326.

⁷ Там же. С. 327.

⁸ Там же. С. 238.

Войцех Коссак. Эмилия Пляттер в стычке под Шавлями

Мадмуазель Пляттер после разгрома бросила полк и бежала в Августов. По дороге некий путник ее обобрал и бросил на дороге без средств¹.

Сакен и Курута, решив, что их миссия закончена, вернулись в Польшу. 1-й, 4-й и 5-й эскадроны лейб-казаков в составе отряда Крейца 17 (29) июня выступили из Ковно на соединение главными силами. Войска Толстого преследовали Гелгуда. Очередная стычка имела место под Кайданово.

23 июня генерал-майор И.Ф.Деллингаузен, имея 7 батальонов, 10 эскадронов, 400 казаков, 16 орудий, отеснил арьергард Гелгуда за Эйраголу. Затем русские атаковали у Плембурга, где мятежники были опрокинуты. Потери сторон составляли по 50 убитых и раненых, но у поляков 2 офицера и 170 нижних чинов попали в плен².

Тогда же отряд полковника Каблукова атаковал в Поневеже отряд Дембинского. Силы сторон были примерно равны, но у русских было 12 орудий против 6 польских, и Дембинский отступил.

Заливский, имея 600 человек и 1 орудие, уходил в Августовское воеводство, но 25 июня (7 июля) был захвачен врасплох на болотах у деревни Соколды, между Белостоком и Гродно,

полковником Маске с ротой Вологодского полка и 200 казаками. Из 600 человек 130 были убиты и ранены, 150 потонуло, 170 сдались в плен, в том числе 8 офицеров³.

Главные силы Гелгуда по пути отступления атаковали с трех сторон Шавли. Сражение разгорелось по всем направлениям. 7 раз поляки бросались на штурм города и дважды врывались в него, доходя до центральной площади. Но каждый раз гарнизон состоявший из резервных батальонов Невского, Копорского, Принца Карла Прусского пехотных, 3-го и 4-го морских полков и 125 таможенных объездчиков выбивал противника. «В бой пошли даже денщики и нестроевые. «Трудно найти пример столь превосходной защиты, какую оказал здесь русский начальник по имени Крюков», — признавал позднее генерал Дембинский. В итоге, потеряв за 10 часов сражения 4 тысячи убитыми, ранеными и разбежавшимися, а также 400 человек пленными, поляки отошли»⁴.

26 июня (8 июля) полковник Лахман с 3 эскадронами Новомиргородского уланского полка и 2 орудиями атаковал у Рекиева транспорт корпуса Гелгуда в 1000 телег и почти весь его захватил. Прикрытие из 3-х эскадронов и 25-го линейного

¹ Буткевич. Указ. соч. С. 609.

² https://runivers.ru/conflicts/campaigns/polskoe_vosstanie_kampaniya_1831

³ https://runivers.ru/conflicts/campaigns/polskoe_vosstanie_kampaniya_1831

⁴ <https://arsenal-info.ru/b/book/2557340892/5>

полка было рассеяно, потеряло 300 убитых, 250 человек сдались в плен. Спасти удалось лишь артиллерийскому парку и несколькими повозкам¹.

27 июня (9 июля) в Куршанах поляки устроили военный совет и для удобства движения по лесам разделились на 4 части. Дембинский, Роланд и Хлаповский отделились от Гелгуда.

Отделившись, Дембинский посадил часть своей пехоты на лошадей. Его отряд состоял из 2500 пехоты, из которых 130 были посажены на коней, 1300 кавалеристов, 4 пушек и 2 12-фунтовых гаубиц

28 июня (10 июля) Дембинский атаковал в Мишкуцах пехотную роту резервного батальона 4-го Морского полка (135 человек). Первая атака была отбита, но потеря командира внесла смятение, а огонь польской артиллерии вынудил русский отряд сдать. Кроме 135 плененных было захвачено 6000 патронов и 475 червонцев².

Дембинскому сразу удалось оторваться. Остальным русские не давали покоя.

29 июня (11 июля) у Повондены русская кавалерия генерал-майора И.Ф.Деллингаузена опрокинула передовые посты противника и оттеснила его до Калишки. При дальнейшем отступлении поляков их снова атаковали. 2 офицера и 150 нижних чинов были взяты в плен³.

В тот день отряд генерал-майора Ф.К.Ширмана, 2 батальона, 150 казаков, 4 орудия, чуть не настиг Хлаповского в Жоранах, но смог лишь захватить несколько повозок и освободить 6 русских офицеров⁴. В этом бою войсковой старшина Кононов Михаил Васильевич из полка № 39 Кутейникова 2-го был ранен пулей в поясницу с раздроблением кости⁵.

1 (13) июля Гелгуд на границе был убит поручиком Скальским, адъютантом 7-го линейного полка, заподозрившим измену⁶.

Роланд чуть было не оторвался, «только Верзилин со своими неутомимыми казаками следовал по следам неприятеля, не упуская его из виду»⁷.

2 (14) июля русские войска генерал-лейтенанта барона К.А.Крейца в составе Ямбургского уланского, 8-й Оренбургского казачьего полков и казаков Верзилина атаковали арьергард польских мятежников (около 6000 человек) под командованием Шимановского, «энергично» его теснили⁸ и вынудили их отступить к Гордому⁹.

Хлаповский первым вышел к прусской границе у Гудауна. Он перебрал свою шинель через официальный знак границы и сказал: «Кто истинный поляк, тот последует за мной»¹⁰. 1-й уланский полк и другие части, прибывшие из Польши, перешли границу. Литовцы остановились в нерешительности.

По сведениям Н.А. Орлова, «Хлаповский, преследуемый русскими, 30 июня перешел русскую границу у Гудауна, а Роланд — 3 июля у Дегуце»¹¹.

3 (15) июля отряды Хлаповского и Роланда были интернированы в Пруссии. Отряд Хлаповского — 237 офицеров, 2271 солдат, 6 орудий; отряд Роланда — 398 офицеров, 3770 солдат, 19 орудий. «По словам немцев, лошади были хорошо кормлены, а люди обладали достаточными физическими силами, но были деморализованы»¹².

13 (25) июля Толстой вернулся в Вильно. Преследование было закончено.

«Поляки тоже перессорились между собою, — писал Керсновский, — и Гелгуд застрелен на границе своим адъютантом. Из всех польских начальников в Литве одному лишь Дембинскому с отрядом в 3800 удалось проскочить из Литвы в Варшаву через русское расположение блестящим маршем-маневром через Беловежскую пушчу»¹³.

Дембинский с отрядом, который даже увеличился за счет литовской шляхты, действительно ушел 1 (13) июля на Поневеж и далее в Беловежскую пушчу.

4 (16) июля русские войска генерал-лейтенанта Е.Я.Савоини, 4 батальона, 14 эскадронов, 14 орудий, всего 4200, настигли отступавших

¹ https://runivers.ru/conflicts/campaigns/polskoe_vosstanie_kampaniya_1831

² https://runivers.ru/conflicts/campaigns/polskoe_vosstanie_kampaniya_1831

³ https://runivers.ru/conflicts/campaigns/polskoe_vosstanie_kampaniya_1831

⁴ https://runivers.ru/conflicts/campaigns/polskoe_vosstanie_kampaniya_1831

⁵ Абрамов М.Б., Корягин С.В., Марченко С.А. Луковкины и другие. Генеалогия и семейная история донского казачества. Выпуск 37. М.: Русаки, 2003. С.53.

⁶ Неелов Н.Д. Указ. соч. С. 243.

⁷ Пузыревский А.К. Указ. соч. Т.1. С. 340.

⁸ Пузыревский А.К. Указ. соч. Т.1. С. 340.

⁹ https://runivers.ru/conflicts/campaigns/polskoe_vosstanie_kampaniya_1831

¹⁰ Пузыревский А.К. Указ. соч. Т.1. С. 339.

¹¹ Орлов. Н.А. Указ. соч.

¹² Пузыревский А.К. Указ. соч. Т.1. С. 341.

¹³ Керсновский А.А. Указ. соч. С. 72.

поляков Дембинского при Ованте и нанесли им серьезные потери – до 400 убитых и раненых, около 40 пленных. Но Дембинский не остановился и продолжал свой путь. 5 (17) июля он во главе 3-х познанских эскадронов, своей конной пехоты и с орудием внезапно ворвался в м. Подброзе, застав врасплох русский гарнизон и захватив его в плен – 100 солдат 12-го егерского полка и 30 улан. Поляки захватили 40000 патронов, небольшой запас продооольствия и мостовые принадлежности¹. В целом, «удачно действуя и счастливо проскользнув мимо отряда генералов Савоини и Розена, Дембинский через Рудню, Стердынь 22 июля прибыл к Маркам под Варшавой»². Дембинский стал новым легендарным героем. Когда он въезжал со своим штабом в Варшаву, «народ падал перед ним на колена с криками: «Да здравствует настоящий сын отчизны, герой!». Народное собрание вышло к нему навстречу...»³.

В тылу на Волыни Редигер с IV и V пехотными корпусами Кайсарова и Рота разбил мятежников при Майданке и выгнал уцелевших в Галицию. «На Волыни восстание прекратилось сразу. Русское население здесь было решительно против поляков. Повстанцы Колышко в количестве 5500 косиньер были здесь разбиты генералом Ротом у Дашева», – писал Керсновский⁴.

О том, как здесь создавались и действовали отряды инсургентов, написал в своих воспоминаниях Аполлинарий Рукевич «Из воспоминаний старого эриванца. 1832–1839 гг.»: «В конце мая 1831 года отец, вполне спокойный за меня, уехал по делам в Киев, а я отдался весь новому течению и поступил как сказал выше, в одну из партизанских партий.

Помню хорошо мой первый выезд. Однажды я проснулся от конского топота. Выглянув в окно, я увидел нескольких скачущих всадников, а на колокольне костела развевающийся бело-желтый флаг. Это был наш условный сигнал, по которому мы собирались к определенному пункту возле часовни, у перекрестка двух лесных дорог. С бьющимся сердцем я начал спешно облачаться в «повстанскую униформу», которую создала наша фантазия и которая отнюдь не была обязательна. Она состояла из голубого сукна рейтуз, куртки, расшитой по-гусарски шнурами, доломана, опущенного мехом, с откидными рукавами, а затем,

конечно, шпор на ботфортах и сабли; голову прикрывала конфедератка, надевавшаяся набе-крень. Вооружение, кроме обязательной сабли, могло состоять из чего угодно – пистолетов, ружей охотничьих, бельгийских штуцеров и даже, в крайности, из пик... Ружье отца было попорчено и чинилось в кузнице, так что я выехал на первый раз только с турецкой кривой саблей. Лошадь была почти обязательна, ибо скорость передвижений составляла одно из главных свойств нашего партизанского отряда. Пока я одевался, Станислав, наш единственный слуга, наш повар, камердинер и конюх одновременно, оседлал мне Маю, серую кобылицу кровей завода Сангушки, уцелевшую от прежней отцовской конюшни. Через несколько минут я скакал на сборный пункт и мне казалось, что все на меня смотрят с восхищением, как на героя...

Почти все уже находились в сборе. Многих я знал, но были и новые для меня, приезжие из дальних окрестностей; были тут и юнцы, подобные мне, были и седовласые старцы, но всех нас уравнивала общая идея. Многие не могли устоять от искушения шикнуть костюмами, у иных расшитыми золотом еще более театрально, чем у меня.

В стороне держалась одна группа, громко о чем-то спорившая: это претенденты на начальников предлагали свои планы боевых действий. Но вот из лесу показалась каруца, которой правил сам пан пробощ.

На первый раз нам, большей частью, не знавшим совершенно строя, показали некоторые кавалерийские перестроения, примерные атаки и, наконец, сабельную рубку, но как я ни был героически настроен, помню отлично, что, несясь на коне к дереву рубить для упражнения ветку, я мысленно молил, чтобы мне не пришлось ничего другого сносить саблей, кроме этой ветки...

Завершили мы наш первый сбор веселым походом к недалекому, верстах в пяти, фольварку, дабы истребить там склад русского сена, заготовленного комиссариатскими чиновниками. Но, подойдя к месту, мы издали заметили несколько эскадронов улан, разбиравших на вьюки сено. Прикрытые лесной опушкой, мы остановились и выжидали, когда фуражиры уйдут, но одни части сменялись свежими и, казалось, им не будет конца. Наш командир тогда решил благо разумно

¹ https://runivers.ru/conflicts/campaigns/polskoe_vosstanie_kampaniya_1831

² Орлов Н.А. Указ. соч.

³ Грабеньский В. Указ. соч. С. 143.

⁴ Керсновский А.А. Указ. соч. С. 72-73.

отойти незаметно назад и распустить нас по домам»¹.

Первое же настоящее «дело» новоявленных партизан закончилось встречей с казаками и разгромом.

«Собирались мы еще несколько раз для упражнений и рекогносцировок, – вспоминал Рукевич, – причем остатки сена мы таки сожгли, затем совершили набег на какую-то почтовую станцию, где забрали всех лошадей. Собственно же военных действий пока еще не было...

Отряд наш атаковал транспорт оружия, боевых припасов и обмундирования. Прикрытие состояло всего лишь из нескольких старых инвалидов, числом не более пяти-шести человек, которые даже не сопротивлялись и сейчас стояли себе мирно в стороне и покуривали трубочки... Потом я узнал, что пылкая молодежь хотела было расправиться с этими инвалидами, но, по счастью, нашлись более благоразумные, которые удержали юнцов от бесцельного зверства и даже не позволили вязать «пленных». Слышанные мною выстрелы были направлены в единственного верхового казака, который, однако, успел безвредно ускакать.

Медлить было нельзя, возы завернули, и мы тронулись в путь. Инвалидов же отпустили на все четыре стороны. Дальше произошло что-то непонятное... Мы двигались беспорядочной гурьбой, без соблюдения каких-либо мер военных предосторожностей, так как ниоткуда не ждали нападения, как вдруг, словно из-под земли, появились донские казаки, мигом нас окружившие со всех сторон... С пиками наперевес, с диким гиканьем понеслись они на нас... Передо мной кто-то со стоном упал, сзади меня тоже раздавался крик... Чувство самообороны заставило меня выхватить саблю, но в ту же минуту она у меня вылетела из рук, вышибленная пикой, а сам я получил сильный удар в бок и упал с лошади... Еще момент, и я был бы пронзен насквозь... Уже я видел конец направленной на меня пики и стал мысленно прощаться с отцом, с братьями... но вдруг

услышал: «Не замай ее, Гаврилыч! Это девка, живьем возьмем...»

И я спасся, благодаря ходившей тогда легенде об амазонках среди повстанцев, моему крайне моложавому виду и длинным, по краковской студенческой тогдашней моде, волосам, выбивавшимся из-под конфедератки. Но в то же время у меня мелькнуло, что как только казаки убедятся в своей ошибке, они расправятся со мной. И мною овладело такое чувство безразличия к жизни, что мне захотелось скорейшего конца. Я вскочил на ноги и по-русски крикнул казакам: «Я такой же мужчина, как и вы!.. Коли-те же меня!..»

Казаки на минуту оторопели, но тут один урядник сказал: – Ишь ты, приткий какой!.. Приколоть-то мы тебя всегда успеем, а теперь мы тебя к есаулу сведем. Может, ты перебежчик какой?.. Вяжи его, братцы!..

Мне скрутили ремнями руки у локтей и повели... Уходя, я оглянулся и увидел несколько трюпов, над которыми возились другие казаки, снимаемая с них доспехи... Это были мои последние более или менее связные воспоминания, ибо после этого я впал в какое-то странное состояние апатии, и все дальнейшее мелькает у меня смутными, неясными образами, как давний, почти забытый сон...»².

Впрочем юные «партизаны» легко отделались. «Нас «погнали» в Брест-Литовск, и здесь меня судила военно-полевая комиссия при 24-й пехотной дивизии и приговорила к смертной казни через расстреляние... Приговор этот, представленный на конфирмацию командующего войсками округа, командира 6-го армейского корпуса барона Розена, был отменен, и я присужден лишь к ссылке без лишения дворянства на Кавказ рядовым в один из полков, «впредь до отличной выслуги, но не иначе, как за военные отличия противу неприятеля»³. Именно поэтому воспоминания А. Рукевича и называются «Из воспоминаний старого эриванца» – он попал на Кавказ в Эриванский полк.

¹ Рукевич А. Из воспоминаний старого эриванца. 1832–1839 гг.// <https://www.litmir.me/br/?b=679890&p=2>

² Рукевич А. Из воспоминаний старого эриванца. 1832–1839 гг.// <https://www.litmir.me/br/?b=679890&p=3>

³ Там же.

Смена командующего

В главной армии в это время «холера косила людей тысячами, поразив самого главнокомандующего, и 30 мая Забалканского не стало»¹. По рапорту Толя, он умер 29 мая. Ходили слухи об отравлении Дибича, но люди, знавшие его, говорили, что с 1829 года, узнав о смерти жены он стал злоупотреблять пуншем и, в конце концов, «сам себя отравил ромом»².

1 (13) июня тело Дибича было отправлено в Ломжу с эскортом из кирасир полка Альберта Прусского при 2 орудиях..

В командование армией временно вступил Толь. У него под командой на Нареве было 59 батальонов, 76 эскадронов, 40 сотен казаков и 250 орудий.

Немногим позже, 27 июня, в Витебске от холеры умер Константин Павлович. Он продолжал по-своему любить поляков и частенько говорил: «Каковы мои! – молодцами дерутся»³. Как анекдот рассказывали, что во время атаки польских улан на русских кирасир при Грохове он зааплодировал и сказал: «Хорошо, хорошо, ребята!»⁴. «Вскоре после него скончалась в Царском Селе княгиня Лович, вследствие полного разложения внутренностей»⁵.

Новый этап войны начался с назначения нового командующего. 13(25) июня в армию прибыл фельдмаршал граф Паскевич Эриванский, назначенный на эту должность 4 (16) июня. «Толь и Нейгарт одновременно подали просьбы об увольнении их из армии вследствие совершенно расстроенного здоровья, чего, впрочем, они не были удостоены. Свыше им было поведено оставаться на своих местах до взятия Варшавы, после чего им предоставлялось удалиться»⁶.

Толь в своих дневниках довольно остроумно глумился над Паскевичем, указывал на его «неограниченное самолюбие, недоверчивость и настойчивость, так что всякое рассуждение с ним о делах крайне утомительно»⁷. Давыдов считал, что Паскевич неграмотен, якобы ему Грибоедов сочинял приказы и даже частные письма⁸. А.К. Пузыревский писал, что Паскевич «не обладал дарованиями выдающегося полководца»⁹. Но Паскевич, видимо, не обращал внимания на чужое мнение о себе и своих достоинствах.

В Войске Донском в это время готовились к составлению новых карт. Готовилось «Положение» о Войске Донском, и комиссии нужна была подробнейшая карта донской земли со всеми изменениями за последнее время с 1822 года – новые станицы, новые офицерские имена... В станицышли указы Войсковой канцелярии станичным атаманам, что приедут картографы и землемеры, которым оказывать всяческое содействие и предоставить рабочих из местных¹⁰.

Вторым важнейшим делом стало соблюдение высочайшего указа о борьбе с холерой. Кутейников получил его 30 декабря 1830 года (11 января 1831), но в станицы он был разослан лишь 14 мая. В станицах устанавливался 14-дневный карантин для всех проезжающих из «неблагополучных» губерний. Проезжающие из губерний «благополучных» должны были предъявить свидетельство от гражданских губернаторов или местных начальников, тогда их не задерживали¹¹.

Войско Донское в это время направила в различные концы империи новый наряд казаков.

Сверх наряда было приказано сформировать 10 полков. 4 полка, сформированные первыми,

направили в Бессарабию на реку Прут (полки № 18 Платова 3-го и № 56 Уткина 2-го) и Новгородскую губернию в г. Старую Руссу (полки № 57 Молчанова и № 58 Карпова).

4 мая 1831 года вышел указ, что царю «благодарно», «чтобы остальные шесть ныне формирующихся в Войске полков были высланы с Дону два в Могилев Белорусский, что на Днепре, а четыре в Киев, откуда полки сии, смотря по надобности, получают уже дальнейшее направление»¹.

Во исполнение указа наказной атаман приказал два полка, отправляющиеся в Могилев, собрать в станице Казанской, а четыре остальных собрать «на Голуту при Кундрючье близ слободы Ровенецкой»². Время сбора – к 5 июня.

Каждое сыскное начальство (как административная и территориальная единица) должно было выставить по полку.

В ГАРО есть таблица казаков, выставленных станицами Донецкого сыскного начальства:

Станица	Казаков	Малолетков
Луганская	39.....	54
Митякинская.....	23.....	53
Гундоровская.....	64.....	33
Каменская	112	41
Калитвенская.....	68.....	35
Усть-Белокалитвенская	30	
Всего	336	216 ³

Кто не успеет 5 июня, должен прибыть на сборный пункт к 8 июня.

После этой разнорядки подсчитали реально готовых и развертали между станицами еще несколько десятков.

Луганская	2	7
Митякинская.....	2	9
Гундоровская.....	3	8
Каменская	9	10
Калитвенская.....	3	9
Усть-Белокалитвенская	2	
Всего	21	43 ⁴

Как видим, почти половину полка составляли малолетки – казаки, не достигшие служивского возраста 21 года.

После этого набора 17 мая 1831 года было предписано, «чтобы и все вообще наличные чиновники, урядники и казаки, разумея в том числе

и малолетков, написанных в казаки в минувших и нынешних годах, были в совершенной готовности к службе и никто бы при этом экстренном наряде не смел отказываться неисправностью»⁵.

16 июня 1831 года выступили в Царство Польское на войну Донской Казачий № 60 Жоголева и Донской Казачий № 66 Павлова 1-го полка, а 17 июня Донской казачий № 59 Семилетова и Донской Казачий № 65 Залещинского полки.

В Волынскую губернию, в 1-ю армию, 16 июня выступил полк войскового старшины Васильева Василия Васильевича № 64, а так же № 62 Луковкина и № 63 Балабина полки.

Естественно, три полка выслали на укрепление Кавказского отдельного корпуса – полк № 7 Леонова 1-го в Сомхетию на Храмский пост, полк № 8 Шурупова 2-го в Северный Дагестан в укрепление Казиярт и полк № 17 Каргина 1-го в крепость Нальчикскую.

Походный атаман донских казаков Максим Григорьевич Власов к тому времени вылечился, «снова сел на коня и стал по-суворовски водить казачьи полки в бой»⁶. Выполняя «предначертания» покойного Дибича, он во главе летучего отряда направился из Пултуска к Нижней Висле. 5 (17) июня он вступил в Сохочин, 6 (18) июня – в Плонск, дошел до Циолкова, где захватил 3 польских офицеров, и 7 (19) июня утром занял Плоцк. На Висле был перехвачен караван судов с пшеницей. Охрана оказала сопротивление, «несколько человек, залегших на берегу, открыли огонь по казакам, но спешенные черноморцы скоро схватили их всех»⁷. Далее Власов прошел по таким городам, как Добржин, Бобровники, Осек, Серице и 13 (25) июня вернулся из «рейда». Отличился недавно прибывший на войну полк Катасонова № 60. Казак Себряков Василий Андреевич из этого полка был произведен в хорунжие, а сотник Сениюткин Владимир Захарович награжден «Анной» 3-й степени.

Вернувшись, походный атаман доложил, что «революционный дух замечен только между шляхтою, крестьяне же были совершенно покойны... при виде казаков никто не обнаруживал даже намерения скрыться»⁸.

¹ Керсновский А.А. Указ. соч. С. 73.

² Епанчин Н. Очерк похода 1829 года в европейской Турции. Часть 2. СПб.: Типография департамента уделов, 1906. С. 88.

³ Давыдов Д.В. Сочинения... С.464.

⁴ <http://www.reenactor.ru/index.php?showtopic=2347&st=40>

⁵ Давыдов Д.В. Сочинения... С.464.

⁶ Торнау Ф.Ф. Указ. соч. С. 130.

⁷ Отзывы и мнения военно-начальников о польской войне... Т.2. С. 10.

⁸ Давыдов Д. Воспоминания о польской войне... С. 385.

⁹ Пузыревский А.К. Указ. соч. Т.1. С. 354.

¹⁰ ГАРО. Ф. 46. Оп.1. Д. 415. Л. 1-1 об.

¹¹ Там же. Л. 5.

¹ ГАРО. Ф. 46. Оп.2. Д. 417. Л.1.

² Там же.

³ ГАРО. Ф. 46. Оп.2. Д. 417. Л. 2 об.

⁴ Там же. Л. 5.

⁵ ГАРО. Ф. 46. Оп.1. Д. 415. Л. 11.

⁶ Краснов П.Н. Картины былого Тихого Дона... С. 76.

⁷ Пузыревский А.К. Указ. соч. Т.1. С. 314.

⁸ Пузыревский А.К. Указ. соч. Т.1. С. 314.

Не обошлось без потерь, в Малом Плонске 12 (24) июня казак Атаманского полка Лошманов Фома Трофимович был ранен пикой в спину и взят в плен, где находился до 30 августа¹. Это была не единственная потеря Атаманского полка в тот день. П.Н. Краснов в «Атаманской памятке» так описывает это событие (немного путая даты): «В начале мая месяца отряд полковника Кузнецова присоединился к главной армии, и Атаманскому полку приказано было занять аванпосты.

Разделенные друг от друга, где взвод, где полусотня, жутко чувствовали себя казаки среди мятежного края. Так как война началась внезапно и действовать приходилось среди неприятельской страны, не удалось заготовить ни фуража, ни провианта. Приходилось брать и то и другое от жителей. На каждую сотню приказано было завести по пяти кос и ежедневно посылать команды на сенокос и за провиантом. Днем атаманцы охраняли фуражиров, а ночью несли тяжелую сторожевую службу. Лето было дождливое, дороги набухли, и трудно было поддерживать сообщение между заставами. 23-го июня, наконец, пришло приказание снять аванпосты и начать наступление. Но в ночь на 23-е число в нашем полку случилось несчастье, лишившее нас почти полусотни людей.

3-я сотня нашего полка под командой есаула Урасова при офицерах хорунжих Харитонове и Грекове занимала заставу в дер. Плонск.

Весь день 22-го лил дождь. Местность была лесная, закрытая, настроение у казаков унылое. Больше месяца застава стояла на одном месте, в бездействии. От долгой стоянки без происшествий и казаки стали беспечные, да и начальство прощало часовым проступки. 22-го после трудной командировки за фуражом казаки так приморились, что застава вопреки приказания разделась, расседлала коней и полегла по домам спать...

Заснул и часовой...

А в это время к Плонску без шума подошли польские уланы. Атаманский часовой был снят. Люди в ближайших домах связаны и обезоружены спящими. В числе первых были захвачены есаул Урасов и хорунжий Харитонов. Проснувшиеся казаки подняли шум. Хорунжий Греков разбудил свой взвод, схватили наскоро оружие и выбежали из домов. Началась бестолковая стрельба

в темноте, под проливным дождем. Но уланы уже уходили, увозя пленных, оружие и лошадей.

Взяты в плен есаул Урасов и хорунжий Харитонов, 2 урядника и 34 казака. Хорунжему Грекову удалось собрать остальных шестерых урядников и 60 казаков. С ними бросился он в погоню. Но ночь была темная, кругом лес, и он принужден был вернуться.

Как громом поражены были в штабе полка, когда узнали об этом. Правда, в эту кампанию много было пленных с обеих сторон, потому что неприятель был кругом, повсюду были леса и труднопроходимые болота. Но тут захвачена была целая застава, со всеми людьми и лошадьми, захвачена по вине одного негодяя, который осмелился заснуть на часах. Он устал, правда, за день, но разве может казак устать на походе? Хорошо еще, что в штабе главнокомандующего понимали, что занимать в продолжение полутора месяцев изо дня в день аванпосты, да еще в стране, где каждый житель неприятель, нелегко и ошибки могут выйти. Виноватые за вину свою заплатились кто жизнью, кто пленом, а в общем аванпостная служба полка была безупречна, и потому, несмотря на это несчастье, за аванпосты командиру полка полковнику Кузнецову была объявлена благодарность от имени главнокомандующего графа Паскевича².

Об этом событии в документах старались не упоминать. Лишь один участник этой трагедии, казак и в будущем донской офицер Алексей Алифанов, отметил в послужном списке «был в плену», не указывая даты³.

20 июня (2 июля) Паскевич прибыл в Пултуск. Первым делом он приказал всем чинам штаба одеться строго по форме – «приказать изволил всем чинам без исключения быть в шляпах, покрытых клеенкою, как велит устав, а у кого шляпы не окажется, тот без всякого изъятия будет отослан в обоз»⁴. Такого количества форменных шляп в Пултуске достать было невозможно, но, по совету одного еврея, господа офицеры заказали себе картонные шляпы, обшитые холстом. Когда выступили из Пултуска, впереди ехал Паскевич в белой фуражке, за ним весь штаб строго в шляпах. И так продолжалось до первого дождя. «На третий день хлынул проливной дождь; шляпы наши пултусского жидовского изделия, наклоняясь концами на лицо и на затылок, мало-помалу приняли вид бесформенных блинов,

клейстер ручьями потек по глазам и за воротник, вследствие чего все они как по команде полегли на землю, и на головах снова очутились изгнанные фуражки»¹.

Паскевич произвел замены в руководящем составе. Абакумов получил чин сенатора и отбыл из армии. Вместо него провиантской частью стал заправлять Емельяненко, бывший калужский гражданский губернатор. Провианта в армии пока что было на 19 суток².

Франц Крюгер.
Портрет Ивана Федоровича Паскевича

А.К. Пузыревский отмечал, что Паскевич «обладал недюжинными дарованиями по интендантской части»³.

Жизнь заставила его развивать их. Так, И.Ф. Паскевич вспоминал о начале войны 1812 года: «В феврале 1812 –го 2-я армия двинулась ближе к границе. Поход этот, предпринятый

в самую распутицу и страшную грязь от ранней весны, произвел в войсках цинготную болезнь. Из 1200 чел. в полку было больных до 400. В апреле и мае умирало по 150 чел. В полках оставалось от 700 до 800 чел. в строю»⁴. То есть, солдаты, попавшие весной в белорусские болота, стали умирать от авитаминоза. А потом с ополовиненными полками русские встретили нашествие Наполеона... Поэтому к проблемам снабжения армии и сбережения солдат новый главнокомандующий относился очень внимательно.

Разосланные в разные концы войска вновь стали сводиться вместе. Хорунжий Виденин полка Грекова 4-го записал в послужном списке: «июня 17-го августа по 19-е во вторичном походе в Царство Польское за реку Вислу до местечка Крановец»⁵.

Аванпосты армии – донские полки Борисова и Секретева – стояли вдоль левого берега Вкры и правого берега Буго-Нарева между Мокржином и Держжином. Резервы аванпостов: Лубенский гусарский и Новоархангельский уланский полки – в Насельне. Авангард Витта с 10 сотнями казаков занимал Пултуск. Армия располагалась между Вкрой и Наревом. Войска делились на правый (Палена 1-го) и левый (Шаховского) фланги, резерв и артиллерийский резерв. При правом фланге Палена были еще 4 сотни казаков. В другом направлении у Плонска стоял отряд Власова – 3 полка казаков и 2 эскадрона гвардейских конных егерей (1785 человек).

В главной армии ждали прибытия Муравьева с V резервным кавалерийским корпусом (бывшим Крейца), в корпусе было 10 сотен.

Платов 2-й с полком наблюдал течение Буга около Острова.

Еще 10 сотен были у Редигера в Люблинском воеводстве и 31 ½ сотни оставались в Литве. Всего казаков набиралось 116 сотен⁶.

21 июня (3 июля) в Пултуск прибыл Крейц со II корпусом. Его с тремя грендерскими полками Муравьева включили в состав авангарда, который поручался Витту.

Польская армия на 13 (25) июня располагалась:

- 1-я дивизия Рыбинского стояла в Дембе-Вельке;
- 3-я дивизия Малаховского – в Праге;

¹ Корягин С.В. Каменновы и другие... С. 106.

² Краснов П.Н. Атаманская памятка...

³ Корягин С.В. Прянишниковы и другие. Вып. 7. М.: Пробел, 1999. С. 9.

⁴ Торнау Ф.Ф. Указ. соч. С. 148.

¹ Торнау Ф.Ф. Указ. соч. С. 150.

² Бантыш-Каменский Д. Указ. соч. С. 355.

³ Пузыревский А.К. Указ. соч. Т.1. С. 354.

⁴ 1812 год в воспоминаниях современников. М.: Наука, 1995. С. 77.

⁵ Корягин С.В. Мельниковы и другие... С. 21.

⁶ Пузыревский А.К. Указ. соч. Т.1. С. 356.

- 4-я дивизия Мюльберга – в Варшаве;
- 5-я дивизия Серавского – там же;
- 1-я, 2-я и 3-я кавалерийские дивизии – там же;
- отряд Ромарино – в Потыче;
- отряд Хржановского – в Гневашеве;
- отряд Белинского – в Радзымине.

19 (31) июня поляки объявили «Отечество в опасности», народ призывали «во имя Бога, свободы и будущих поколений взяться за оружие»¹.

Казачи в этот переломный момент перед началом наступления – 14 (26) июня 1831 года – были распределены следующим образом.

В главной квартире в Пултуске был штаб полка Золотарева – 5 сотен, 483 казака. Но большая часть казаков полка была раскомандирована в штабы корпусов и дивизий.

В авангарде Витта несли службу полки Секретева (5 сотен, 438 казаков, стоял в Дзиржинине) и Борисова (5 сотен, 333 казака, стоял в Насельске).

При главной части армии находилась всего 1 сотня – сотня лейб-гвардии казачьего полка (135 казаков).

К правому флангу был причислен 2-й Конно-Черноморский полк (4 сотни, 237 казаков, 1 сотня стояла в Ломже).

В прикрытии тяжестей, следовавших к армии, находился полк Карпова 4-го № 10 (5 сотен, 325 казаков).

Часть казаков несла службу в летучих отрядах.

В летучем отряде Власова – Атаманский полк (6 сотен, 680 казаков), полк Катасонова 1-го № 3 (5 сотен, 413 казаков), 5-й Конно-Черноморский полк (5 сотен, 428 казаков).

В отряде Пиллара – полк Платова 2-го № 9 (5 сотен, 424 казака).

В отряде Штрандмана – 2-й Конно-Черноморский полк (1 сотня, 61 казак).

В отряде Олферьева – лейб-гвардии казачий полк (1 сотня, 135 казаков).

Следовал к армии отряд Муравьева – полк Грекова 5-го № 5 (5 сотен, 417 казаков), полк Егорова № 44 (5 сотен, 226 казаков).

В отдельном отряде Редигера – полк Киреева № 4 (5 сотен, 397 казаков), полк Хоперского № 20 (5 сотен, 289 казаков).

В тылу главных сил в VI корпусе Розена в Мендзыржеце – полк Ильина № 32 (5 сотен, 355 казаков), полк Андреянова № 43 (½ сотни, 51 казак).

Отряд в Беловежской пуще генерал-майора Болена – полк Андреянова № 43 (2 сотни, 96 казаков).

Во Влодаве – полк Карпова 4-го № 10 (143 казака)

В Белостоке – лейб-гвардии казачий полк (Черноморский эскадрон, 122 казака).

В Волынской губернии – лейб-гвардии казачий полк (3 эскадрона, 367 казаков), полк Грекова 4-го № 24 (5 сотен, 240 казаков), полк Кутейникова № 39 (5 сотен, 285 казаков), полк Андреянова № 43 (2 ½ сотни, 172 казака), 7-й Конно-Черноморский полк (5 сотен, 241 казак), 8-й Оренбургский полк (4 сотни, 270 казаков, 1 сотня в Минске), Сборно-Линейный полк (5 сотен, 546 казаков), 2-й Тептярский полк (5 сотен, 514 казаков), сборная казачья команда (92 казака).

В Минской губернии – 8-й и 11-й Оренбургский полки (2 сотни, 210 казаков).

В Подольской губернии – 11-й Оренбургский полк (4 сотни, 342 казака)².

Всего казаков – 9767.

Переправа

Паскевич решил действовать по плану, который перед смертью обдумывал Дибич. Главные силы, отвлекая на себя внимание поляков, должны двинуться к Плоцку, а Пален 1-й с I пехотным корпусом пойдет к Осьеку готовить мост через Вислу в 207 верстах ниже Варшавы. Когда мост будет готов, вся армия вернется к Осьеку, переправится и по левому берегу Вислы поведет наступление на Варшаву. А Керсновский сформулировал это так: «В главных русских силах с подходом свежих войск II корпуса стало считаться 64 000 сабель и штыков. Паскевич положил переправиться через Вислу у Осека, близ прусской границы и оттуда двинуться на Лович – Варшаву, обеспечив себе тыл границей, а левый фланг Вислой»¹. Время поджимало: «Франция и другие державы угрожали признать независимость Польши»².

Вскоре Крейц получил командование II пехотным корпусом вместо Палена 2-го. Он, Курута и Сакен получили приказ идти к Осьеку и Ловичу.

Редигеру было приказано перейти Вислу выше Варшавы, между Казимиржем и Завихвостом, идти к Пилице и там соединиться с главными силами.

Розен оставлялся удерживать шоссе на Брест-Литовск и оборонять Брест до последней капли крови. Его авангард под командованием Головина (8 батальонов, 7 эскадронов, 1 полк казаков) должен был отвлекать внимание поляков на себя.

Кайсаров должен был блокировать Замостье и удерживать Люблинское воеводство. Резервная армия вводилась в Августовское воеводство.

Ф.Ф. Торнау описал движение, начатое русскими войсками и их многочисленными обозами: «Длинной нитью потянулась по дороге обозная колонна: впереди ехали генеральские дермезы и коляски, за ними – брички и телеги

должностных штаб-офицеров, в хвосте – обывательские форшпанки, нагруженные чемоданами, сеном, овсом и разным лишним хламом, и, наконец, офицерские верховые и вьючные лошади, влекомые денщиками и казаками. Впереди и позади колонны ехали жандармы. Генерал-девальдигер, поддерживаемый командой донских казаков, являясь ангелом карателем всюду, где только поднимался шум или возникал беспорядок, управлял своим колесным царством как нельзя лучше, одинаково щедро наделая бранью и нагайкой своих четвероногих и двуногих подчиненных»³.

Поляки выдвинули одну дивизию к Плоцку, но главные силы хотели опять направить на Розена, разбить его и наступать на Гродно и Белосток. На этот раз этот маневр не удался. В польских верхах Круковецкий интриговал против Скрженецкого. В Варшаве были явно недовольны Скрженецким и Янковским. Польская армия «уже испытывала на себе влияние анархических идей»⁴. Впрочем, после поражений польская армия опять выросла до 50 тысяч.

Зарядили дожди.

Обе стороны вели разведку. Русские не столько выслеживали неприятеля, сколько разведывали дороги. Неелов описал, как он был послан на такую разведку с двумя казаками. «Один казак постоянно ехал впереди меня саженьях в 200-х, взбирался на горы, осматривал кругом, не показывается ли где неприятель, и давал знать, если замечал где-либо части войск... другой казак или ехал позади, или я посылаю его в стороны»⁵. В селении Панен Неелов заночевал в сарае, стоящем на лугу. С одним казаком он устроился спать на сене, а другой сторожил снаружи. «Сон был крепок, но на рассвете казак меня разбудил и указал на противоположную сторону сарая; там спало человек пять польских уланов»⁶. Неелов

¹ Там же. С. 357.

² Пузыревский А.К. Указ. соч. Т.2. С. 45-52.

¹ Керсновский А.А. Указ. соч. С.73.

² Бантыш-Каменский Д. Указ. соч. С. 355.

³ Торнау Ф.Ф. Указ. соч. С. 130-131.

⁴ Пузыревский А.К. Указ. соч. Т.1. С. 316.

⁵ Неелов Н.Д. Указ. соч. С. 216.

⁶ Неелов Н.Д. Указ. соч. С. 216.

с казаками тихо выбрался из сарая и скрылся в лесу.

22 июня (4 июля) армия начала фланговый марш из Пултуска на Нижнюю Вислу по 4 дорогам, которые заранее проверил отряд походного атамана Власова¹.

Авангард Витта (5 батальонов, 18 эскадронов, 200 казаков) двигался на Сохочин, Несельск и Плонск, «имея впереди Власова с 5 казачьими полками». Левая колонна князя Шаховского (32 батальона, 28 эскадронов, 500 казаков) – на Слонск, Роготворск и Люберадзы. Правая колонна (гвардия) под командованием Великого князя (17 ½ батальонов, 26 эскадронов) – на Маков –Цеханов–Рационж.

Отдельной колонной I пехотный корпус графа Палена 1-го (17 батальонов, 20 эскадронов, 300 казаков) шел на Прасныш – Липно.

Обозы прикрывались 3 егерскими полками и 1 полком казаков.

Анреп с 2 полками кавалерии удерживал Остроленку.

Вечером вступили в Голымин. Впереди армии шла гусарская дивизия генерала Сиверса, за гусарами двигался саперный батальон. Погода была ужасной. Дожди превратили дороги в болота.

Пален повернул на Рционежск и далее на Бельск, остальные выступили к Плоцку. Двигаясь на Плоцк, колонны Паскевича влезли в болота², но не остановились, а продолжали движение.

Скрженецкий ждал развития событий под стенами Варшавы. Мюльберга и Турно он послал на правый берег Вислы, чтобы они угрожали тылам Паскевича.

24 июня (6 июля) Турно со своей кавалерией «напал на Плонск и вытеснил оттуда атаманских казаков, но дальше не пошел»³.

26 июня (8 июля) вступившие в Плоцк казаки увидели на другом берегу поляков. Казалось бы, отвлекающий маневр сработал. Но на самом деле Скрженецкий с главными силами польской армии вступил в Модлин. Отсюда поляки решили атаковать Головина. Для удара от Варшавы на восток готовился отряд Хрженевского – части Рыбинского, Ромарино и кавалерия Ягмина (бывшая Уминского).

У Плоцка русская армия стояла 5 дней, «чтобы показать неприятелю намерение перейти здесь Вислу»⁴. По мнению А.К. Пузыревского, поляки знали, что это демонстрация⁵. Шла своеобразная война нервов. Армии грозили зайти друг другу в тыл.

Пален в это время готовил переправу в Осьеке. Он вышел сюда с 4 саперными батальонами, бригадой пехоты при 8 орудиях и 2 казачьими полками. Князь Горчаков и полковник Ден способствовали ему в строительстве. 1 (13) июля Пален начал строительство и сразу же перебросил на левый берег Вислы полк казаков и бригаду егерей. «Казачи немедленно заняли Служево, Рационжек и Нешаву»⁶.

Главная армия пока что «демонстрировала» в Плоцке. 29 июня шел дождь.

30 июня (12 июля) армия выступила на Липно. Из Липно перешли в Киеколю. 1 (13) июля Мюльберг отогнал от Плоцка казачий полк Борисова, занял опустевший город бригадой пехоты и бригадой кавалерии, но тут же получил приказ Скрженецкого отступить к Модлину.

Дело в том, что во время движения Паскевича начал наступление Головин. С 4-й пехотной дивизией, 7 эскадронами Польского и Татарского уланских полков, с донским полком Ильина и 14 орудиями он 22 июня (4 июля) занял Седлице и развернулся на речке Мухавце, конницу он выбросил на Добре, Калушин, Сточек и Желехов. Были пущены слухи, что за Головиным наступает весь VI корпус.

25 июня (7 июля) посланная Головиным, казачья партия во главе с полковником Маковским сбила у Калушина аванпосты противника и ворвалась в самую середину расположения его, чуть не захватив командующего генерала Рыбинского. В плен попал адъютант генерала Рыбинского. В результате рейда удалось выяснить силы противника⁷.

26 июня (8 июля) Рыбинский двинулся к Дембе-Вельке, 27 июня (9 июля) «казаки, опрокинув неприятельский арьергард, заняли Минск»⁸. 28 июня (10 июля) они заняли Шенице.

29 июня полковник Маковский, имея 1 батальон, 2 эскадрона и 2 орудия, с целью

рекогносцировки атаковал посты неприятеля у Шенницы и смог выяснить силы противостоящего русским генерала Дж. Ромарино.

Хржановский сам выступил к Минску, собрав 24 батальона, 34 эскадрона и 42 орудия. 1 (13) июля Рыбинский выбил казаков из Минска.

Головин решил вернуть Минск и выступил на него тремя колоннами. Главную прямо на Минск вел Засс, выбросив вперед 100 казаков, правую – Врангель (у него впереди шли 70 казаков), а левую – Жирков (при нем 40 казаков). Головин приказал в случае неудачи отходить на Калушин и там защищаться. Выступили в 4 утра.

Польский и Татарский уланские полки бросились вперед и ворвались в Минск. Врангель напал на Бржозе, где стояли Сандомирские кракусы, захватил 6 офицеров из дивизии Малаховского и 120 нижних чинов. Ротмистр Польского уланского полка Прушинский с 30 уланами проник до Карчева и рассмотрел всю неприятельскую позицию. Потери поляков достигали 1100 человек, из них 160 пленных.

2(14) июля поляки вернули Калушин. Генералы Ягмин и Хржановский с 4 батальонами, 8 эскадронами и конной батареей разбили 48-й егерский полк и

захватили 1 орудие. Русские потери составляли 380 убитых и раненых, 700 пропавших без вести. Со взятием поляками Калушина оказалась отрезана часть войск Головина, но ей удалось обходным путем выйти из под удара противника. Казаков в бою участвовало всего 100 человек.

В тот же день было еще несколько стычек. Русские налетали и отступали, не ввязываясь в серьезные бои. Одна из колонн Головина под командованием полковника Врангеля – 1½ батальона 13-го и 47-го егерских полков, 1½ эскадрона Польского уланского полка, 70 казаков, 2 орудия, всего около 1000 человек – удачно атаковала у Бржоза польскую кавалерию бригадного генерала К.Малаховского, 2 эскадрона сандомирских кракусов. Поляки потеряли 50 убитых, из них 6 офицеров, включая Малаховского, и 120 пленных. Но появились 4 батальона, 8 эскадронов и конная батарея Ягмина, и Врангель «не решился развивать наступление»¹.

Полковник Ширков – 1½ батальона 14-го егерского полка, 1½ эскадрона Татарского уланского полка, 40 казаков, 2 орудия, всего около 800 человек – атаковал мятежников у Иловицы

и оттеснил их к Знамене, откуда неприятель также отступил. Получив известие о приближении сильных отрядов противника (это подходил Ромарино), Ширков отступил к Шеннице.

Подошедший авангард Ромарино и 2 кавалерийских полка Ягмина окружили Ширкова у Цеглова, но он смог пробиться, хотя и понес потери.

После этих налетов поляки до 6 (18) июля стояли в Калушине и вели разведку. Головин стоял напротив в Седлице. В ночь с 7 на 8 (19-20) июля поляки пытались внезапным налетом взять Головина в плен, но тот ушел невредимым.

8 (20) июля передовой отряд кавалерии Хржановского настиг в Зубчине обоз отряда Головина, но не смог справиться с его прикрытием – 300 человек, 1 орудие. Поляки захватили лишь несколько повозок.

9 (21) июля поляки стали отходить к Варшаве. Головин двинулся за ними и занял Луков.

Оценивая эти бои, Керсновский считал, что «Скржинецкий пытался было отвлечь Паскевича от переправы, двинувшись на стоявший в Калушине слабый отряд генерала Головина. Но Головин сам перешел в наступление на неприятельскую армию и этим отважным движением сковал ее, обеспечив развертывание переправившейся армии на левом берегу.

У Головина было 5500 человек и 14 орудий, у Скржинецкого – 22 000 при 42 орудиях.

Действия русского отряда следует считать образцовыми. Головин развернул его в нескольких колоннах на очень широком фронте, введя таким образом поляков в заблуждение относительно своей численности. Наши потери: 250 убитых, 165 раненых и 700 пленных (все переранены) и 1 орудие. Урон поляков неизвестен: убито около 1000 человек, нами взято 160 пленных»².

Эти бои не особо встревожили Паскевича, но на всякий случай легучий отряд князя Гагарина – гусарский полк и 200 казаков – был послан к Остроленке и Ломже. Гагарин должен был отслеживать возможный выход поляков в тыл армии.

Но Паскевич поляков в тылу не боялся. Хлеб из Пруссии подвозили мукой. В полках его сами пекли и сушили сухари. За этим почтенным занятием провели несколько дней.

Поляки особо не докучали. Лишь 4 (16) июля Кузнецов доложил, что поляки сбили его посты и идут на Сероцк³, но уже 5 (17) июля

¹ Пузыревский А.К. Указ. соч. Т.1. с. 358.

² Отзывы и мнения военно-начальников о польской войне...Т.2. С. 14

³ Пузыревский А.К. Указ. соч. Т.1. С.360.

⁴ Бантыш-Каменский Д. Указ. соч. С. 356.

⁵ Пузыревский А.К. Указ. соч. Т.1. С.360.

⁶ Пузыревский А.К. Указ. соч. Т.1. С. 366.

⁷ https://runivers.ru/conflicts/campaigns/polskoe_vosstanie_kampaniya_1831

⁸ Пузыревский А.К. Указ. соч. Т.1. С. 362.

¹ https://runivers.ru/conflicts/campaigns/polskoe_vosstanie_kampaniya_1831_

² Керсновский А.А. Указ. соч. С. 73.

³ Отзывы и мнения военно-начальников о польской войне...Т.2. С. 24.

он рапортовал, что подпустил поляков к Сероцку и сбил их¹.

И, наконец, 6 (18) июля войска пошли на переправу.

На Висле здесь было два острова. Через них с берега на берег перебросили три моста примерно в 540 сажен. Два моста были из сцепленных бортами судов и один понтонный. Мосты были наведены 1 (13) июля, а с 4-го по 7-е (16-19) состоялась переправа. 5 (17) июля переправился сам Пален (при нем полки Борисова, 2-й Конно-Черноморский и 5-й Конно-Черноморский, 14 ½ сотен, 721 казак) и выслал отряды к Нешаве и Служеву. 7 (19) июля медленно из-за изнурения лошадей переправались главные силы (при них 2 сотни гвардейских казаков, полки Грекова 5-го, Карпова 4-го и Егорова), и 8 (20) июля переправился Витт и немедленно был направлен в голову перешедших Вислу войск, «опять составил авангард, имея под своим начальством 6 казачьих полков, Литовскую гренадерскую бригаду Муравьева и 2 бригады легкой кавалерии».²

В тот же день, 8 (20) июля, по левому берегу Вислы войска тронулись на Бржець Куявский, Коваль, Гостинин, Гомбин и далее к Ловичу. 9 (21) июля в авангард включили Атаманский полк, и хорунжий Никанор Машлыкин записал: «во время второй кампании июля 9 при переправе при селении Осек в авангарде главной армии по 27 августа»³, а хорунжий Кононов Михаил Никифорович в первой же стычке отличился и был вторично представлен к «Анне» 4-й степени, туманно записав «близ Варшавы».⁴

Конницу думали отправить для занятия Калиша, расположенного в 150 верстах от Осьека. «Но граф Эриванский никогда не имел правила отделять кавалерию на дальнейшее расстояние, а послал только к стороне Калишского шоссе для поиска 500 казаков, два эскадрона гусар и два орудия с приказанием, чтобы они возвратились чрез 36 часов. Отряд этот, пройдя 40 верст, встретил земское ополчение, разбил его, рассеял и соединился с армией в назначенное время»⁵. Офицер Атаманского полка Никанор Машлыкин записал в послужном списке, что 13 (25) июля при

Вержелене и Шлаенке был «при разбитии двух отрядов коссинеров и пикинеров»⁶.

Естественно, восприятие казаками на слух польских населенных пунктов было не всегда верным. По официальным данным, 12 (24) июля передовая партия отряда Кузнецова из 300 казаков атаковала неприятельский пост в селении Верзетине и разогнала защитников по окрестным лесам. Всего разбежалось около 500 человек. В тот же день, узнав от пленных, взятых в Верзетине, что в Олесине находится отряд мятежников под командованием уездного предводителя дворянства полковника Ульятовского, русские направились туда. Для разгона мятежников хватило передовой партии в 200 казаков. Полковник Ульятовский, 3 офицера и 180 косионеров были взяты в плен.

Генерал К. Толь в своем дневнике записал, что Кузнецов с Атаманским полком выступил из Бреста-Куявского на Слесин, встретил там 600 мятежников, в самом Слесине – 1000 и всех разбил, в плен взяты полковник, 2 штаб-офицера и 180 нижних чинов⁷.

Как бы ни было, местные ополченцы заметно уступали регулярным польским войскам. К. Толь приводит еще один пример: 25 казаков из Бреста-Куявского были посланы на Клодаву, захватили по дороге 3 медиков, натолкнулись на 100 конных, которые бросились на них, казаки заманили атакующих притворным отступлением, дождались, когда они растянулись, повернули и атаковали, в результате привели 11 пленных⁸.

Вслед за главной армией к переправе потянулись части, гонявшиеся за мятежными формированиями по всему правому берегу Вислы. Паскевич ждал Гагарина и Герштенцвейга.

Путь Герштенцвейга был отмечен стычками с польской кавалерией. У Маково казак полка Грекова 4-го Пахомов Алексей Ильич был ранен саблей в голову и пикой 4 раза⁹, а сотник Секретев Филипп Тимофеевич из полка Катасонова 3-го заработал «Анну» 3-й степени.

6-й эскадрон лейб-гвардии казачьего полка 3 (15) июля в Маково присоединился к отряду генерала Герштенцвейга и вместе с ним через Рационжек и Липно устремился к главным силам.

¹ Там же. Т.2. С. 25.

² Пузыревский А.К. Указ. соч. Т.1. С. 366.

³ Корягин С.В. Машлыкины и другие... С. 9.

⁴ Корягин С.В., Секретев К.М. Секретевы и Коньковы. Выпуск 1. СПб.: ВИРД, 1998. С. 51.

⁵ Бантыш-Каменский Д. Указ. соч. С. 357.

⁶ Корягин С.В. Машлыкины и другие... С. 9.

⁷ Отзывы и мнения военно-начальников о польской войне... Т.2. С. 29-30.

⁸ Там же. С. 29.

⁹ Корягин С.В. Фетисовы и другие. М.: Русаки. 2001. С. 74-120 с.

В авангарде отряда шли Гродненский гусарский полк и лейб-казаки. По ходу движения штаб-ротмистр Козлов с 30 казаками напал на Ланницы, взял там в плен 2 офицеров и 16 нижних чинов.

В отряд генерал-майора Д.А.Герштенцвейга входили 2-й, 3-й и 4-й Морские полки, 5 батальонов; лейб-гвардии Драгунский, Уланский и Казачий, Гродненский гусарский, Киевский драгунский, драгунский Александра Виртембергского и Тверской драгунский полки, всего около 6200 человек

11 (23) июля отряд Герштенцвейга между Гуром и Вилково столкнулся с колоннами польской кавалерии и пехоты. Это была дивизия бригадного генерала Турно, которая делилась на бригаду Миллера: 2-й полк мазуров, 4-й и 5-й конно-егерские, 8 орудий; и бригаду Мицельского: 5-й и 7-й уланские, Литовский и Волынский полки.

Сам Герштенцвейг с тремя драгунскими полками ударил на польскую кавалерию. Лейб-казачий эскадрон ударил во фланг польскому полку и опрокинул один эскадрон. Гродненские гусары поддержали казаков атакой в лоб. Поручик Дмитрий Мартынов влетел в польские боевые порядки, пытался захватить их штаб-офицера. Два польских офицера пытались захватить его

самого. Корнет Петр Машлыкин спас боевого товарища. Один польский офицер был убит, один взят в плен. Вообще Петр Машлыкин записал в послужном списке, что бой был с литовцами. Видимо, налетели казаки на Литовский полк. За этот бой Петр Машлыкин был произведен в поручики¹.

Второй атакой лейб-казаки все же сбили польскую кавалерию. Русские драгуны ударили на пехоту, и весь польский отряд побежал. Потери сторон были по 500 человек. Русские взяли 124 пленных, из них 5 офицеров.

Отряд Герштенцвейга повернул на Плоцк, Модлин, Осьек и 17 (29) июля переправился на левый берег Вислы, где присоединился у Ловича к Гвардейскому корпусу.

Все это время при главной армии было построено 540 печей. Хлеб и муку покупали в Пруссии и у местного населения за наличные. Хлеб пекли до 14 (26) июля. Все это время армия не двигалась. «Фельдмаршал прежде всего помышлял о покорении Варшавы, что же касается неприятельской армии, то он менее всего желал встречаться с нею»².

Скрженецкий тоже «не выходил из своего латгического состояния»³.

¹ Корягин С.В. Машлыкины и другие. Выпуск 46. М.: Русаки, 2004. С. 11.

² Пузыревский А.К. Указ. соч. Т.1. С. 369.

³ Пузыревский А.К. Указ. соч. Т.1. С. 368.

Новый поход на Варшаву

15 (27) июля русская армия начала новый поход. На месте переправы защищать мосты оставили генерала Рене с 1-м и 5-м егерскими полками, казачьими полками Карпова и Секретева. Полк Борисова вышел в Осмолин и закрывал пространство от Вислы до Кернозии¹.

Активно вел себя авангард. По левому берегу Толь послал два летучих отряда Кузнецова с казачьим полком и 2 эскадронами улан и поручика Козловцева с 25 охотниками к Калишу. Кузнецов у балки Самопольно встретил две партии польской милиции в 1500 человек, разбил их и взял в плен 180 человек. Козловцев дошел до Колло, но встретил там сильный кавалерийский отряд. Далее из Влоцлавска вверх по Висле были посланы 2 батальона, 2 эскадрона и 100 казаков и правее на Клодаву 2 эскадрона улан и 100 казаков.

Герценшвейг с 2 драгунскими полками и 1 сотней казаков из Бреста-Куявского направился через Кутно на Лович.

19 (31) июля казаки подошли к городу. Польский отряд Усливского, стоявший в Ловиче, без выстрела очистил город и так поспешно, что из трех мостов сломал лишь один и оставил большой госпиталь, где было 560 больных. В Лович вступили казаки, разьезды правого фланга, «за казаками поспешил Муравьев и 20 июля утром... вступил туда с 4 полками пехоты, 6 эскадронами и 10 орудиями»².

21 июля (2 августа) в Лович вступили войска авангарда. Власов продвинулся дальше, его «казаки заняли Аркадию и Неборов»³, аванпосты расположились на левом берегу Равки.

В Лович, лежащий в 12 милях от Варшавы, главные русские войска прибыли 23 июля (4 августа). 130 верст покрыли за 16 дней. Из-за проливных дождей русские обычно 2 дня шли, потом 3 дня стояли и сушили сухари. Пруссаки из-за холеры учредили карантин, поставки

продовольствия срывались. Паскевич поляков не боялся, двигался медленно, но верно. Не хотел, чтобы солдаты грабили население, и поэтому много времени уделял подвозу и приготовлению продовольствия. Лович был обнесен окопами. Там стали платить жителям за продовольствие. «Хорошая плата чистыми деньгами привлекала их на рынок почти из-под лагеря польского»⁴.

После неудачного столкновения с Головиным Скржинецкий возвратился в Варшаву. Общественное мнение толкало его сразиться с «наползающим» Паскевичем. Скржинецкий решил дать сражение у Сохачева. 18 (30) июля к Сохачеву устремились дивизии Малаховского и Серавского из Варшавы, Мюльберга и Турно из Плоцка, бригада Амвросия Скаржинского из Модлина и корпус Хржановского. 21 июля (2 августа) в Сохачев прибыл сам Скржинецкий. Поляки думали атаковать русских в Рыбно, однако предпринятая поляками 22 июля (3 августа) рекогносцировка показала, что русские уже у Ловича. Опасаясь, что Паскевич двинется оттуда прямо на Варшаву, Скржинецкий с войском в 55 тысяч приблизился к Ловичу и занял хорошо укрепленную позицию при Болимове. Правый фланг его упирался в речку Бзуру, левый – в Неборовский лес. Армии стояли друг против друга, разделенные речкою Равкою. 6 тысяч Ружицкого Скржинецкий отправил к Пилице против Редигера. Рыбинский с дивизией и Шнейде с конной бригадой остались у Сохачева. 24 июля (6 августа) Ромарино занял Неборов. Он предпринял рекогносцировку, во время которой вытеснил из Неборова Елсаветградский гусарский полк, отступивший на Аркадию. После этого командование над передовыми русскими войсками принял граф К.Ф. Толь. Он подвел на помощь гусарам Луцкий гренадерский и 2 казачьих полка, 2 конных орудия, подтянул в резерв бригаду кавалерии и 6 орудий,

и Ромарино больше не продвинулся. 25 июля (7 августа) он отступил, и казаки проследили за отступающими поляками.

27 июля (9 августа) Толь выезжал в полк Катасонова, державший передовые посты, и проводил рекогносцировку у Болимова, искал место для атаки. Русские передовые части подходили к Болимову и отошли назад к Аркадии. Там главные силы Паскевича стояли неделю, до 3(15) августа. Аванпосты держали кирасиры, так как во время походов у легкой кавалерии устали лошади.

В своем дневнике в это время Толь проклинал «нерешительность и боязнь фельдмаршала» – боялся, что воевать будут до зимы, а может и в будущем году¹. О хаосе, который вспыхнул в Варшаве, в стане у поляков, русское командование ничего не знало.

Походный атаман Власов «охранял правый фланг армии с двумя казачьими полками у Стахлева и отдельным постом в Мокре»². Левый фланг прикрывал граф Ностиц, который стоял в Бжозове с легкой кавалерийской дивизией гвардии и 1 эскадронами казаков. Анреп в Калишском воеводстве занял Красневице, у него были 2 полка драгун и 2 сотни казаков полка Грекова 5-го при 2 орудиях. 2 казачьих полка, Секретева и Карпова, охраняли мост в Осьеке.

В самом Ловиче разместили резервную артиллерию, 3 саперных батальона и казачий полк Егорова. Ден укреплял Лович, и 375 казаков прикрывали эти работы.

Обе армии бездействовали до августа (Паскевич ждал Крейца со II корпусом). Русское командование особое внимание уделяло бесперебойному снабжению. «В этом интендантском деле граф Паскевич обнаружил обычное свое искусство и предусмотрительность»³.

Польские отряды появлялись на русских сообщениях, подстерегали обозы и колонны пленных. Так, сотник полка Секретева Василий Семенович Гуляев 21 августа (2 сентября) «сопровождал пленных, неприятель хотел отбить их, при этом деле взято еще 1 штаб-, 2 обер-офицера и 4 рядовых»⁴. Храбрый сотник был награжден «Владимиром» 4-й степени.

Польская армия разлагалась. Солдаты грабили свое население, «говоря, что это для отчизны»⁵. Варшава была охвачена паникой.

Антоний Янковский

В Варшаве генерал Янковский был повешен за поражение под Лысабоком. В начале августа он предстал перед Чрезвычайным военным советом (Awaryjna rada wojskowa), где выступил с просьбой сражаться за Родину в качестве простого солдата. Но совет перенёс решение его судьбы на следующее заседание. 3(15) августа 1831 года вооружённая толпа ворвалась в Королевский дворец в Варшаве, где содержался Янковский и другие офицеры, обвинённые в предательстве; патриоты учинили над ними самосуд – генерал Янковский был исколот штыками, после чего вздернут на пожарном крюке на Замковой площади, причём под тяжестью его тела верёвка на виселице обрывалась два раза.

Вслед за Янковским были повешены генерал Буковский и камергер Фенш, графиня Гауке (40-летнюю вдову генерала Гауке сначала изрубили саблями, а затем повесили ее обезображенное тело), полковница Баханова, пленный офицер Кетлер «был повешен вследствие просьбы какой-то женщины, которая просила народ, в случае несогласия его на то, повесить ее»⁶.

¹ Отзывы и мнения военно-начальников о польской войне...Т.2. С. 42.

² Пузыревский А.К. Указ. соч. Т.1. С. 372.

³ Там же.

⁴ Бантыш-Каменский Д. Указ. соч. С. 359.

¹ Отзывы и мнения военно-начальников о польской войне...Т.2. С. 71.

² Пузыревский А.К. Указ. соч. Т.1. С. 374.

³ Там же. С. 376.

⁴ Корягин С.В. Грузиновы и другие. Выпуск 52. М.: Русаки, 2005. С. 61.

⁵ Давыдов Д. Воспоминания о польской войне... С. 387.

⁶ Давыдов Д. Воспоминания о польской войне... С. 389.

Начались дискуссии по поводу должности командующего и обсуждение судьбы Скрженецкого. «Субординации был нанесен здесь последний удар»¹. Скрженецкого на посту командующего сменил Дембинский, совершивший рейд из Литвы обратно в Варшаву и ставший варшавским губернатором. Скрженецкий стал начальником резервов. Хржановский – начальником всей кавалерии.

Русские узнали, что Дембинский назначен командующим 1 (13) августа.

Генрих Дембинский (Henryk Dembiński) (1791 – 1864) В 1807–1808 годах он учился в инженерной академии в Вене. В 1809 году поступил в армию Герцогства Варшавского, в 1812 году под Смоленском получил чин лейтенанта. Участвовал в Битве Народов под Лейпцигом и был награжден орденом Почётного легиона. После поражения Наполеона жил в Польше. В 1825 году был депутатом сейма Царства Польского.

Приняв командование над армией, «Дембинский, который больше всех выступал против пассивности Скржинецкого, использовал свое 48-ми часовое командование только для того, чтобы отступить с выгодной позиции в Болимово и приблизиться к укреплениям Варшавы»².

Оставаясь в Ловиче, Паскевич решил нанести удар полякам выше по течению Вислы, южнее Варшавы. Удар должен был нанести Редигер. У него было 10 батальонов пехоты, 1-я драгунская дивизия, 2-я конно-егерская дивизия, бригада 1-й конно-егерской дивизии, донские полки Киреева и Хоперского (5100 пехоты, 6100 конницы). Казаки составили две линии аванпостов. Приказ Редигеру был перейти через Вислу 25 июля (6 августа) в Юзефове по мосту, а Давыдову – 24 и 25 июля (5-6 августа) в Пулаве. Давыдов до 25 июля (6 августа) оставался в Красноставе и наблюдал за Замостьем. Впрочем, Хржановский уже был в Варшаве. Авангард Редигера под командованием Гейсмара с одним казачьим полком вышел к Висле у Юзефова. Войска Редигера под Люблином сменил Кайсаров, окруживший Замостье.

Давыдов начал строить у Пулав ложную переправу, прикрывая строительство ружейным и артиллерийским огнем. Он подготовил две барки, которые вмещали 50 человек и два плота. Его отряд из 100 стрелков, казачьего полка и 7 эскадронов конных егерей был готов начать переправу, когда пришел приказ отменить переправу и направляться в Юзефов, где переправляться вместе с Редигером.

Коссак Ю. Эпизод боя под Илжей: поединок один на один между польским майором Рожицким и русским майором Геннигом.

¹ Отзывы и мнения военно-начальников о польской войне... С. 58.

² Бенкендорф А.Х. Указ. соч. С. 491.

«Ридигер переправился через Верхнюю Вислу 25 и 26 июля с отрядом в 11000 человек, взял Радом и двинул большую часть своего отряда на усиление главной армии под Варшавой»¹. До взятия Радома Редигер провел несколько боев с противостоящим отрядом Рожицкого, который успел вернуться с Дембинским из Литвы. У Рожицкого под ружьем были 3 батальона 22-го полка, Сандомирские стрелки, батальон Русско-Литовского легиона, стрелки Гротгуса, 450 всадников Волынского полка. Кроме того Редигеру мешала польская сандомирская милиция, усиленная беглецами из Кракова, с австрийской территории. Милиционеров набралось 15-20 тысяч. Редигер мог бы рассеять их по ветру, но просто проигнорировал.

Авангард Гейсмара (19-й и 20-й егерские полки, Кинбурнский и Новороссийский драгунские полки, 1 казачий полк при 8 орудиях) направился в Липско. У Гневашова он разбил и взял в плен 22-й линейный полк, роту вольных стрелков и захватил 2 орудия. Боковые колонны пошли на Тарлов и Опатов и на Сандомир. Главные силы шли вслед за Гейсмаром.

27 июля (8 августа) Редигер занял Липско, затем с боем занял Илже, где взял в плен 17 офицеров и 505 нижних чинов.

С 29 июля (10 августа) была установлена связь Редигера с Паскевичем. К Редигеру прискакал на связь офицер Атаманского полка Степан Марков, награжденный впоследствии «за открытие сообщения армии с отрядом генерал-адъютанта Редигера» орденом Святой Анны 3-й степени².

31 июля (12 августа) Редигер вступил в Радом. Первым туда вошел полк Хоперского. Донской полк Киреева выдвинулся в Гловачев и раскидал аванпосты по Пилице.

8 (20) августа польские партизаны отряда Гедройца внезапно атаковали и захватили в окрестностях с. Гржемучина русский транспорт – обоз с овсом, но 10 (22) августа подполковник Булгаров с 2 батальонами и 2 эскадронами у с. Квятки-Крулевской настиг этот польский отряд. В скоротечном бою партизаны были полностью разбиты, командир отряда Гедройц, 12 его офицеров и 105 нижних чинов попали в плен.

Так русские войска, перейдя Вислу выше Варшавы, стали угрожать польской столице еще и с юго-запада.

В Варшаве народ ждал французов, которые якобы объявили войну России. Обыватели, натворив злодейств, боялись Редигера и «Давыдко» и почему-то принца Адама Вюртембергского, чья мать была урожденная Чарторижская.

Что касается Редигера, то причиной страха, видимо, было то, что «это был чистый тип древнегерманского рыцаря, только подчас чрезвычайно ворчливый»³.

Польское командование в очередной раз перетасовывало имеющиеся войска. Были сформированы 2 корпуса – 1-й Уминского и 2-й Ромарино. Каждый состоял из 2-х пехотных дивизий и 2-х кавалерийских бригад. В состав корпусов включили 1-ю дивизию Рыбинского, 4-ю Мюльберга, 5-ю Серавского и 6-ю, которой успели покомандовать Хржановский, Ромарино и Белинский. Кроме 2-х корпусов создали резерв из 3-й дивизии Малаховского и кавалерийских дивизий Ягмина, Турно и Скаржинского. Резервную кавалерию возглавил Хржановский, резервную артиллерию – Хоржевский.

Единого плана действий не было. Дембинский хотел наступать на Литву, где в мае был так хорошо встречен местной шляхтой.

2 (14) августа Паскевич устроил гуляние, видимо, получил какие-то сведения из Варшавы и радовался. Тогда же вечером полковник Бутовский, стоявший в передовой цепи с казаками, донес, что поляки снимаются с позиции.

В ночь на 3 (15) августа поляки сняли посты в 3 пополуночи. Казаки настигли их у Червонной Нивы. Командовавший авангардом «гр. Витт удовольствовался следить за неприятелем одними казаками»⁴.

Внутренние нелады в польском стане дали себя знать. В Варшаве осуществился заговор Круковецкого. «3 августа произошел переворот, президентом погибавшей Речи Посполитой был назначен Круковецкий, и Сейм подчинил главнокомандующего правительству. Не желая этого подчинения, Дембинский подал в отставку и был замещен Малаховским»⁵. Офицер русского генерального штаба Э. фон Валь век спустя дал несколько иную оценку событий: «Против

¹ Керсновский А.А. Указ. соч. С. 74.

² Корягин С.В. Черячукины и другие. Выпуск 14. М.: Русаки, 2000. С. 48.

³ Турецкий поход 1828 года и события за ним следовавшие. Записки принца Виртембергского // Русская старина, № 1. 1880. С. 91.

⁴ Отзывы и мнения военно-начальников о польской войне... Т.2. С. 77.

⁵ Керсновский А.А. Указ. соч. С. 74.

правительства выступил левый патриотический клуб. Власть была захвачена авантюристом Круковецким. Главнокомандующим был выбран прибывший с 4000 литовцев в Варшаву ген. Дембовский. Круковецкий однако от себя назначил на эту должность старика ген. Малаховского...»¹. Смена командования произошла 7 (19) августа. В течение президентства генерала Круковецкого обязанности губернатора Варшавы с 6(18) августа по 25 августа (6 сентября) 1831 года исполнял Хрженевский.

Все эти перестановки были бессмысленны. Наличие отважных и решительных дивизионных командиров не гарантировало, что среди них окажется настоящий полководец. Французская поговорка гласит: «Часто блистает на вторых ролях тот, кто меркнет на первых»².

Русские, не вдаваясь в подробности, стали преследовать отступающие польские части, которые уходили к Шиманову и Олтаржеву, «на хвосте поляков двигались только казаки»³. Казаки вошли в Сохачев. Легкая гвардейская кавалерия преследовала поляков с фронта. Главные силы выступили на Шиманов и Блоние, в обход левого крыла противника.

Авангард Витта – 2 полка кавалерии, 2 полка казаков, 6 батальонов гренадер Муравьева – догнали поляков в Шиманове. Там был единственный мост через реку Пясье. Поляки столпились у моста и были идеальным объектом для расстрела и атаки. Русская конница стала скрытно и послала гонцов за гренадерской дивизией.

Но гренадерский корпус только что стал на привал и с места не тронулся.

Пришлось брать Шиманов одним авангардом. Впрочем и де Витт, по мнению Толя, «как генерал был вял и слаб»⁴. Он затянул атаку. Пока стягивали к месту боя регулярную кавалерию, Катасонов с 2 полками казаков отошел в сторону и стал обходить противника. Пока регулярные готовили атаку, казаки поляков не трогали⁵. Поляки же банально ушли за реку, и преследовать их продолжал один Катасонов с казаками. Удалось захватить всего лишь 300 пленных и 3 орудия, остальные польские силы оторвались и ушли.

Отступление прикрывали Сандомирские стрелки, «и преследование продолжалось только казаками»⁶. Гнался за поляками есаул Гусев Яков Антонович из полка Катасонова 1-го № 3. Во время преследования у поляков были убиты 2 офицера и 60 рядовых, взяты в плен 2 офицера и 180 рядовых. Казаки заняли Голе.

Генерал Пушкин с гвардейскими гусарами отрезал часть поляков левее Шиманово и тоже взял пленных.

Поляки уходили всю ночь и далеко оторвались. 4 (16) августа утром казаки сообщили, что поляки у Блоне. Преследование продолжалось. 4 (16) августа во время преследования русские взяли 282 пленных и сами потеряли 164 человека. Витт донес, что поляки ушли к Воле, под стены Варшавы, и просил разрешение на рекогносцировку у Воли. Паскевич разрешил ему взять 50 эскадронов и провести рекогносцировку.

5 (17) августа русская армия вступила в Блоне, авангард вышел к реке Утрата. Де Витт отправился к Воле на рекогносцировку.

Согласно дневникам Толя, 5 (17) августа в 4 верстах от Воли Витт «завидел наступающего неприятеля, которого казаки наводили на нашу передовую кавалерию, состоявшую из 14 эскадронов. Как только неприятель приблизился, так тотчас был атакован...»⁷. Далее следует разноречивых сведений...

6 (18) августа Берг и Витт при Олтаржеве напали на польский арьергард, захватили в плен 2 польских полка и взяли 8 орудий.

Д. Бантыш-Каменский относит этот бой к 5 (17) августа, когда граф Витт во время усиленной рекогносцировки при селении Бронише открыл 2-тысячный польский отряд. Витт разбил поляков, взял 2 орудия, положил на месте 500 человек и взял в плен 37 офицеров и 1332 солдата вместе с начальником отряда полковником Галуа⁸. За «кавалерийское дело» при деревне Брониш 5 (17) августа выздоровевший командир Атаманского полка полковник Кузнецов был награжден «золотой саблей»⁹.

Видимо, это несовпадение дат связано со временем подачи рапортов командирами частей.

Лермонтов М. Ю. «Схватка русских гусар с польскими уланами»

А.К. Пузыревский описывает ситуацию так. 6 (18) августа Власов донес из авангарда, что поляки ушли к Варшаве. Командующий приказал располагаться на дневку.

В свою очередь, поляки начали рекогносцировку и выдвинули в сторону русских полк Галлоа, 2 батальона 3-го линейного полка и 2 эскадрона Калишского полка (Толь называется 8 эскадронов)¹. Власов доложил о том Бергу, и Берг выслал в авангард 2 уланских (Украинский и Новоархангельский) и 1 гусарский полк (Иркутский). «Галлоа, который уже прошел селение Бронише, заметил», что его охватывают со всех сторон, и подался назад. «Берг приказал Атаманскому казачьему полку объехать селение с левой стороны»². Он ждал, когда польская пехота выйдет из селения в поле. Когда она вышла, русская кавалерия атаковала польские каре. «Казаки старались перехватить с тылу часть спасшейся польской конницы, опрокинутой гусарами»³. Если атаманцы перехватили бегущую польскую конницу, то полк Грекова 5-го, видимо, столкнулся с Калишским полком лицом к лицу. Во всяком случае, сотник Малахов Иван Наумович «5 августа

контужен в голову и ранен в грудь пулей»⁴, а Калмыков Тимофей Иванович, произведенный в хорунжие 18 августа, «ранен в правую руку саблей и в спину пикой»⁵, что указывает на участие в кавалерийской рукопашной схватке.

А.Х. Бенкендорф весь успех боя приписал одному Атаманскому полку: «граф Витт, имея во главе своего отряда казачий атаманский полк, бросил его на полном скаку против колонны пехоты, вышедшей для рекогносцировки, при этом полк изрубил в капусту 500 человек, а остальные 1,5 тысячи вместе с их командиром взял в плен»⁶.

В плен были взяты 16 офицеров, 1322 солдата и 2 орудия. Русские потеряли 55 человек⁷ (5 офицеров и 50 нижних чинов) убитых и раненых.

Походный атаман М.Г. Власов за этот бой, но под другим названием – «за отличное мужество и храбрость, оказанные в сражении против Польских мятежников 5 августа 1831 г. при селении Мацержице» – был награжден «Анной» 1-й степени с императорской короной.

В «Атаманской памятке» описывается этот бой с самого начала, с разведки: «на рассвете 5-го августа урядник нашего полка Пухляков

¹ Валь Э.Г. фон. Воспоминания о Генеральном штабе. Избранные статьи о Первой мировой и Гражданской войнах. Мю: Вече, 2021. С. 382.

² Клаузевиц К. фон О войне. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2021. С. 205.

³ Пузыревский А.К. Указ. соч. Т.1. С. 386.

⁴ Отзывы и мнения военно-начальников о польской войне... Т.2. С. 77. Там же. С. 78.

⁵ Пузыревский А.К. Указ. соч. Т.1. С. 386.

⁶ Отзывы и мнения военно-начальников о польской войне... Т.2. С. 84.

⁷ Бантыш-Каменский Д. Указ. соч. С. 360-361.

⁸ Бантыш-Каменский Д. Указ. соч. С. 360-361.

⁹ Корягин С.В. Кузнецовы... С. 54.

¹ Отзывы и мнения военно-начальников о польской войне... Т.2. С. 84.

² Пузыревский А.К. Указ. соч. Т.1. С. 388.

³ Там же.

⁴ Корягин С.В. Назаровы и другие. Выпуск 88. М.: Русаки, 2009. С. 43.

⁵ Корягин С.В. Калинины и другие. Выпуск 68. М.: Русаки, 2007. С. 84.

⁶ Бенкендорф А.Х. Указ. соч. С. 492.

⁷ Пузыревский А.К. Указ. соч. Т.1. С. 388.

и казак Бровкин, бывшие в ночном дозоре, приехали израненные и привели с собою нескольких поляков.

Оказалось, что они ворвались ночью в село Бронино и схватили мятежников из первого дома. Урядника и казака за храбрость пожаловали георгиевскими крестами, а пленных допросили.

Они показали, что в селении Мациоржицы неподалеку от Варшавы собрались большие силы мятежников.

Полковник Кузнецов решил атаковать их. Живо посели на коней атаманы, и сотня за сотней поскакали к деревне. Едва только они вышли на опушку, как хорунжий Тамбовцев и казаки лейб-сотни Талдыкин и Шубин были ранены пулями...

Но падение их не задержало 1-ю сотню.

По команде есаула Орлова она развернулась вскачь и помчалась на мятежников.

За нею понесся есаул Андрианов с 2-ю сотней, дальше есаул Стоянов с 4-ю, пятая и шестая сотни разворачивались вправо и влево. Только третья, почти уничтоженная под Плонском, не участвовала в этом деле.

Перед атаманами оказались частью регулярные мятежные полки, частью косинеры.

Косинеры не выдержали стремительной атаки атаманцев и дрогнули, офицеры и солдаты регулярных полков пытались их удержать, но под ударами палашей и они запросили пардона. 1-ая сотня, порубившая больше всех, взяла в плен 2 офицеров поляков, 2-ая – 3 офицеров и 25 рядовых, 4-ая – 2 офицеров и 22 рядовых, 5-ая – 1 офицера и 12 рядовых и 6-ая – 1 офицера и 7 рядовых, а всего было взято нашим полком в плен 7 офицеров и 66 польских солдат.

Почти все офицеры нашего полка за это дело получили награды. Особенно отличившийся есаул Андрианов был награжден орденом св. Владимира 4 степени с мечами и бантом, есаул Стоянов – орденом св. Анны 3-й степени, раненый хорунжий Тамбовцев получил орден св. Анны 4-й степени; урядники Сербинов, Харланов и Бударин и казаки Карташов, Бочаров, Фролов, Носов, Косяков, Нечаев, Егоров, Карпов, Кравцов, Ушаков, Борщов, Морсков, Панфилов и Воинов награждены знаками отличия военного ордена¹.

Хорунжий Атаманского полка Машлыкин Никанор Акимович 5 августа при том же Мациоржице «при совершенном в сем деле оказанное произведен в сотники»².

Как считал П.Н. Краснов, «атаманцы отомстили за дело при Плонске»³.

7 (19) августа русские войска вышли к Надаржину и выслали части на связь с Редигером к Пиллице. Авангард занял Рашин в 7 верстах от Варшавы. «Казачи заняли непрерывную цепь постов перед Варшавою»⁴.

Впереди была Варшава. I пехотный корпус расположился в Рашине, гренадеры – между Волицей и Надаржином, резервная кавалерия встала у Комарова, гвардия вошла в Надаржин, туда же въехала главная квартира.

«Итак я был в Блоне, т.е. в 24 верстах от Варшавы, не потеряв и ста человек», – написал впоследствии Паскевич⁵.

Оставленную сзади переправу на Висле прикрывали 4-й и 5-й эскадроны лейб-казаков, они же препровождали в тыл 700 польских пленников. Другие эскадроны опять были разбросаны по разным частям. 1-й и 2-й эскадроны попали в авангард армии к графу Витту, 6-й в отряде князя Хилкова наблюдал дорогу от Варшавы к Модлину.

Казачьи пикеты растянулись от левого берега Вислы у местечка Карчева через Рашин, по реке Утрате до Блони к Висле ниже Модлина, затем от Вилланова мимо Раковца, Влохи и Бабишево. Так стояли 17 дней до 24 августа (5 сентября). Казачи подходили к Варшаве и «не допускали ни фуражировок, ни подвозов»⁶.

На коммуникациях оставались Ланской (в Блоне) с 2 гусарскими полками и казачьим полком Борисова, Ренне (в Осьеке) с 2 егерскими и 2 казачьими полками и Анреп (в Красневицах) с 2 сотнями.

На правом берегу Вислы донской полк Платова из Ломжи вышел на правый берег Нарева. 8 (20) августа Розен дошел до Вавра.

До этого Головин 29 июля (1 августа) вел усиленную рекогносцировку к Праге, его отряды искали ополченцев и разгоняли их. 3 (15) августа Розен вступил в Минск, в дальнейшем он намеревался уничтожить Пражский мост. «Это опасное предприятие было поручено полковнику

¹ Краснов П.Н. Атаманская памятка...

² Корягин С.В. Машлыкины и другие. Выпуск 46. М.: Русаки, 2004. С. 9.

³ Краснов П.Н. Атаманская памятка...

⁴ Пузыревский А.К. Указ. соч. Т.1. с. 289.

⁵ Отзывы и мнения военно-начальников о польской войне... Т.2. С. 127.

⁶ Бантыш-Каменский Д. Указ. соч. С. 361

Сливицкому, которого снабдили всеми требуемыми для этой работы материалами. В сопровождении лейтенанта Горскина и 13 солдат он под покровом ночи на трех небольших лодках спустился по реке. Оказавшись под мостом и все еще незамеченный неприятелем, Сливицкий собственноручно прикрепил к мосту гранаты с горючими материалами и соломой. Вскоре появился огонь, пламя сопровождалось взрывами, которые вызвали переполох в Праге и в Варшаве. Ударили в набат, армейские барабаны собирали войска, и вскоре пожар на мосту был погашен. Сливицкий счастливо избежал опасности, добравшись ниже по течению до небольшого лесочка, где спрятавшиеся там казаки встретили его и его бесстрашных товарищей¹.

Мост, как видим, не взорвали, но варшавские власти встревожились, и 7 (19) августа поляки решили послать против Розена корпус Ромарино. Как считал Хржановский, «несчастный результат рекогносцировки Галлуа еще не открыл глаза сумасбродам»². Перед решающим сражением за Варшаву они разделили свои силы.

В корпус Ромарино входили 5-я дивизия Серавского, 6-я дивизия Белинского и кавалерийская дивизия Миллера (бывшая Скаржинского). Это были 16 тысяч пехоты и 4300 кавалерии при 42 орудиях. Но сам Ромарино, по мнению А.К. Пузыревского, как командующий, был «не выше бригадного командира»³.

В ночь с 9 на 10 (21-22) августа войска Ромарино выступили из Варшавы. С ним выехали Чарторижский и некоторые другие политики, «уже предвидевшие неизбежное падение Варшавы»⁴.

Нападение на передовую русскую цепь было неожиданным и удачным. В плен попал хорунжий полка Ильина № 32 Гуляев Михай Ефимович. Гуляеву в этой кампании не везло. В феврале он уже был ранен пикой в шею (правда, тогда за стычку он был награжден «Владимиром» 4-й степени). Теперь его отвезли в Варшаву, где он и пробыл до 26 августа, пока его не освободили взявшие город русские войска.

А пока Розен начал отступать, оставив у Дембе-Вельки 2 казачьих полка. 11 (23) августа Ромарино занял Осецк. 1 казачий полк вышел в Парызово, в тыл Ромарино, но тот, не отвлекаясь, вступил в Гарволин, а 14 (26) августа в Желехов.

Утром 16 (28) августа Розен развернулся у Крынки. Ромарино в этот день занял Лукув и атаковал Розена. 13-й и 14-й егерские полки отбили атаки польской кавалерии. Охватить полякам русский отряд помешали Татарский и Волынский уланские полки и казаки Ильина. Русский отряд медленно отошел к Зембрам и перешел через плотину, защищаемую отрядом генерала Фези (4 батальона). Захватить переправу полякам не удалось.

17 (29) августа русские войска у с. Рагозница были атакованы превосходящими силами противника. 6-я пехотная дивизия Белинского, две бригады кавалерии, всего 10000 человек при 24 орудиях были брошены в бой.

Генерал-майор П.Е.Варпаховский, имея 3 батальона, 2 эскадрона улан, 4 орудия, всего 1800 человек, оказал упорное сопротивление, но был смят. Потери русских доходили до 600 убитых, раненых и в том числе до 200 человек пленных, в числе последних оказался полковник граф Оуррк. Остатки разбитого отряда отступили к Бресту, тем самым открыв путь отступления корпуса Розена противнику.

Тогда же, 17 (29) августа, Прондзинский проводил демонстрации у Мендзержеца, стараясь удержать корпус Розена на его позиции, пока поляки совершали обход русской позиции. Демонстрировал авангард Канарского и бригада кавалерии, всего 5000 солдат с 10 орудиями. Разобравшись в ситуации, Розен отступил к Бресту, прикрывшись аррьергардом. У поляков даже подбили 2 орудия.

19 (31) августа Розен отступил в Брест и приготовился обороняться. Но 21 августа (2 сентября) Ромарино повернул назад, а Розен пошел за ним следом.

Увидев, что в такой критический момент поляки разделили свои силы, Толь рвался атаковать. Паскевич ждал подхода Крейца и намекал на правильную осаду.

8 (20) августа Паскевич хотел показать полякам русское войско с целью запугать мятежников. В 4 часа пополудни войска вышли из лагеря. В сумерках подошли на 2 версты к ведетам, крикнули «ура» и ушли обратно в лагерь⁵. Заметили ли поляки эту демонстрацию, в дневниках Толя не говорится.

¹ Бенкендорф А.Х. Указ. соч. С. 492.

² Отзывы и мнения военно-начальников о польской войне... С. 64.

³ Пузыревский А.К. Указ. соч. Т.1. С. 393.

⁴ Там же. С. 394.

⁵ Отзывы и мнения военно-начальников о польской войне... Т.2. С. 87.

Иван Осипович де Витт

12 (24) августа поляки вывели на фуражировку в селение Раков 2 полка кавалерии и 4 батальона. Собрать продовольствие и фураж им не дали – Атаманский, 5-й Черноморский и Грекова 5-го полки загнали поляков под стены Варшавы. Те потеряли 40 убитых, 32 пленных¹. Сотник Атаманского полка Никанор Машлыкин записал себе в послужной список за это число – «при селении Ракове при разбитии четырех эскадронов польской кавалерии»².

П.Н. Краснов в «Атаманской памятке» пишет, что это была не фуражировка, а рекогносцировка, и датирует ее 16 (28) августа. «16 августа наш полк уже стоял против Варшавы на аванпостах в отряде начальника авангарда генерала от кавалерии графа Витта.

На заре казаки заметили, что в укреплениях у неприятеля начинается необычное движение.

Послали донесение графу Витту. Он выехал сам и, сопровождаемый разъездом Атаманского полка, продвинулся к укреплениям.

Четыре батальона пехоты, 4 орудия и 10 эскадронов выходили из-за валов. Пехота

и артиллерия шли по шоссе, кавалерия держалась левее.

Граф Витт приказал нашему полку и полку Грекова сделать атаку на неприятельский фланг.

Быстро вынеслись атаманцы и, опрокинув неприятеля, гнали его более двух верст. Многих покололи пиками, 2 унтер-офицеров и 40 солдат взяли в плен.

В это время прибыли орудия нашей артиллерии, 5-й Конно-Черноморский полк, эскадрон лейб-казаков, эскадрон Л.-Гв. Конно-Егерского полка и эскадрон Л.-Гв. Гусарского полка – словом, собралась вся кавалерия графа Витта. Они бросились на пехоту и артиллерию и заставили ее скрыться за укреплениями.

К полудню бой кончился. Усталые атаманцы возвращались, везя убитого казака и семерых раненых.

Полякам не удалось разведать, где стоит наша армия, наш же полк был особо выделен в донесении графа Витта, который «отдает полную справедливость решительному действию казачьих полков, и в особенности Атаманскому Е. И. В. Наследника Цесаревича и Грекова полкам, а равномерно эскадрону Л.-Гв. Конно-Егерского полка»³.

Дальше войска отдыхали. Неелов вспоминал, что у казака за 10 червонцев купили английскую лошадь, которая стоила раз в 10 дороже⁴.

К 17(29) августа к главной армии подошел Крейц с II пехотным корпусом, с ним были 3 эскадрона гвардейских казаков (313 казаков) и 4 сотни линейных казаков (355 казаков), а 22 августа (3 сентября) прибыли две пехотные бригады от корпуса Редигера, выступившие 18 (30) августа под командованием Гейсмара. В тот же день в честь годовщины коронации Паскевич приказал салютовать из орудий.

Пока подтягивались войска, казаки вели разведку. 18 (30) августа поручик Дмитрий Мартынов лейб-гвардии казачьего полка «с 16 охотниками переправился на неприятельский берег Вислы, собрал с жителей необходимые сведения и с 2 взятыми жителями благополучно возвратился обратно»⁵, за что был награжден «Владемир» 4-й степени.

Одновременно разрабатывался план штурма Варшавы. П.Н. Краснов писал: «Город Варшава, столица Царства Польского, лежит на берегу

Мазуровский В.В. Кавалерийский бой на Мокотовом поле 26 августа 1831 года¹

широкой и глубокой реки Вислы. Для обороны ее от наших войск поляки окружили ее целым рядом высоких валов. Впереди валов находились глубокие рвы. А перед рвами были выкопаны круглые ямы в полроста человека, а в ямы вбиты заостренные колья, так называемые «волчьи ямы».

На всех улицах были поставлены рогатки, а за ними нагромождены телеги, ящики и доски. Все дома были обращены в маленькие крепости.

Впереди города Варшавы лежит деревня Воля с каменной церковью и высокой колокольней. И эта деревня была сильно укреплена деревянным забором из бревен с заостренными концами и земляными валами»².

Предполагалось, что с юга на эти укрепления будет наступать легкий отряд Штрандмана, на Раковец пойдет генерал-майор Муравьев. Ностиц будет поддерживать связь между ними.

Крейц поведет атаку между дорогами на Надоржин и Блонь. Пален – влево от дороги на Блонь. 1-я уланская дивизия Хилкова двинется по левому берегу Вислы от левого фланга Палена. Три гренадерские дивизии атакуют Волю. Гвардия и резерв поддержат гренадерский корпус. Казаков распределили по корпусам и отрядам следующим образом: у Хилкова 2 ½ сотни полка Борисова, 4 ½ сотни полка Катасонова и 1 ½ сотни полка Андреянова – 850 казаков; у Штрандмана 2 ½ сотни полка Грекова 5-го, 2 сотни 2-го Конно-Черноморского, 4 сотни 5-го Конно-Черноморского и 50 казаков Атаманского полка – 870 казаков; лейб-казаки и 5 ½ сотен Атаманского полка находились в резерве кавалерии³.

5-й эскадрон лейб-казаков был оставлен прикрывать тыл: «августа с 17-го октября по 23-е при наблюдении дистанции от прусской границы до города Полоцка (Плоцка – А.В.)»⁴. В целом

¹ Отзывы и мнения военно-начальников о польской войне... Т.2. С. 93.

² Корягин С. В. Машлыкины и другие... С. 9.

³ Краснов П.Н. Атаманская памятка...

⁴ Неелов Н.Д. Указ. соч. С. 253.

⁵ Королев В.Н., Корягин С.В. Мартыновы, Бобриковы и другие... С. 40.

¹ Полотно художника Виктора Викентьевича Мазуровского (1859-1944) в Военно-историческом музее артиллерии, инженерных войск и войск связи посвящено событиям Польского восстания 1830-1831 годов. Картина показывает бой под Варшавой, когда Лейб-гвардии Драгунский полк под командованием лифляндского дворянина генерал-майора Корнилия Корнилевича фон Засса (1793-1857, Cornelius Heinrich Johann Freiherr von Saß) был атакован четырьмя полками польских мятежников. В течение часа Лейб-Драгуны отбивались от превосходящих сил неприятеля. В ходе боя польское ядро раздробило древко штандарта Лейб-Эскадрона и смертельно ранило эстандарт-юнкера Руновского (он изображен в центре картины на переднем плане). Весь полк понёс тяжёлые потери, был ранен генерал Засс. Однако в решительную минуту на помощь Лейб-Драгунам подоспел Лейб-гвардии Гусарский полк. Поляки были опрокинуты и разгромлены. Высочайшим приказом от 6 декабря 1831 года за храбрость, проявленную Лейб-Драгунами в бою под Варшавой, полку было повелено именоваться Лейб-гвардии Конно-гренадерским. А фон Засс был награждён Военным орденом Святого Георгия Победоносца IV степени (https://vk.com/wall46976465_2156)

² Краснов П.Н. Атаманская памятка...

³ Хронологический указатель... С.121.

⁴ Корягин С.В. Мельниковы и другие... С. 21.

«казачи были распределены по флангам и начались тревожить неприятеля у Маримонта и Чернякова»¹.

Атаманский полк, по мнению П.Н. Краснова, «должен был овладеть правым флангом и продвинуться до Вислы»².

В это время поляки лихорадочно искали путь спасения. В городе стояли корпуса Уминского и Дембинского, артиллерия Хоржевского, всего около 50000 человек. «Малаховский, сосредоточив свыше трети своих сил — 20 000 генерала

Ромарино — в Праге, решил повторить мартовский маневр Скржинецкого на Дембе-Вельке и разбить VI корпус на брестском шоссе. Этим он думал отвлечь главные силы Паскевича на правый берег Вислы. Ромарино потеснил было Розена, но получил приказание не зарываться ввиду критического положения Варшавы и не удаляться от столицы. Демонстрация конницы Лубенского на русские переправы у Осека успеха не имела»³.

Штурм Варшавы

Однако эти действия ускорили события в самой Варшаве. 24 августа (5 сентября) казаки захватили поляка и, как ни странно, поляка увидел сам Паскевич. Поляк сказал, что на Розена направлен дополнительно корпус Ромарино в 15 тысяч. Штурм Варшавы был решен.

В 6 вечера войска стали выводить на позиции. Ночью они прошли 20 верст и вышли к Варшаве.

Утром в Варшаве началась тревога. Русские войска стояли под городом.

Лейб-гвардии казачий полк в составе трех эскадронов — 3-го, 6-го и 7-го — был поставлен в прикрытие артиллерии.

Перед атакой Паскевич «взял из рядов гвардии тысячу солдат и распределил их в первых рядах атакующих колон, что вызвало повсеместное воодушевление»¹.

В 4 часа утра загремела с обеих сторон канонада, и войска начали развертываться для штурма. Это была годовщина Бородинского сражения, и как поднявшееся над Бородинским полем солнце Наполеон назвал «солнцем Аустерлица», так и офицер лейб-гвардии Финляндского полка Заварицкий восход солнца над Варшавой сравнил с восходом перед Бородинским сражением: «Взошло солнце — друзья, это солнце Бородинской битвы, так же величественно оно в этот день освещало беспримерную битву и одарило оружие наше вечною, как свет солнца, славою, и теперь оно играет на штыках наших и еще озарит, может быть, кровавую битву»².

Час гремел артиллерийский огонь, затем войска двинулись вперед. Как только они прошли свои батареи, те взялись на передки, обскакали колонны, снова развернулись и ударили по защитникам картечью. Ф.Ф. Торнау впоследствии

писал, как он любовался действиями П.Х. Граббе, «когда он подводил к Воле батарею в сорок два орудия от первого корпуса и поставил ее не далее картечного выстрела перед польским укреплением»³.

Офицеры генерального штаба, разместив войска и указав им направление атаки, завтракали под ядрами.

Гренадеры захватили наиболее укрепленную часть города — Волю. Польский генерал Совинский, защищавший Волю, якобы сказал перед смертью: «Если бы я дрался с людьми, то Воля не была бы взята никаким народом в свете, но я имел дело с чертями»⁴.

Поляки дважды контратаковали, но навстречу им выходили карабинеры 1-й гренадерской дивизии и отбивали их штыками.

В первый день русские потеряли 3 тысячи, поляки — 7 тысяч.

Атаманцы в этот день «овладели деревней Виллановой, оттеснив польскую кавалерию, продвинулись до Чернякова и заняли берег р. Вислы»⁵.

Поляки начали переговоры и запросили перемирия до 12 часов следующего дня. Им предложили капитулировать. Положительного ответа с их стороны не последовало, и после истечения срока штурм возобновился.

«Это был страшный день. Пушечная и ружейная пальба не прекращались ни на минуту. Вся местность была затянута белесоватой пеленой. Деревня Циста и ветряные мельницы кругом Варшавы пылали. С громом музыки, с распущенными знаменами шли наши пехотные полки на валы предместья Воли. Одни падали, другие шли на их место и по трупам взбирались на укрепления. Часть окопов была в наших руках»⁶.

¹ Пузыревский А.К. Указ. соч. Т.1. с. 405.

² Краснов П.Н. Атаманская памятка...

³ Керсновский А.А. Указ. соч. С. 74.

¹ Бенкендорф А.Х. Указ. соч. С. 493.

² Заварицкий П. «Наш полк первый вошел в Варшаву...» / Публ. А. Кухарука // Родина. 1994. № 12. С. 93.

³ Торнау Ф.Ф. Указ. соч. С. 43.

⁴ Записки И.С. Ульянова // Сборник Областного войска Донского статистического комитета. Вып.3. Новочеркасск: 1902. С. 67

⁵ Краснов П.Н. Атаманская памятка...

⁶ Краснов П.Н. Атаманская памятка...

Штурм Варшавы

Во время второго штурма ядро задело руку Паскевича, «который с искаженным лицом и бледный свалился на землю»¹.

Поляки устроили конную вылазку. 3-й конно-егерский и 4-й уланский полки, Августовские и Сандомирские кракусы бросились из Варшавы на русскую пехоту. Русские гвардейские драгуны и гвардейские гусары отразили эту вылазку.

В 6 часов вечера русские пошли в атаку на городской вал. Штурм возобновился.

«Стемнело. Но перестрелка не прекращалась.

В 10 часов ночи еще там и там слышны были выстрелы. Всю ночь войска провели, не ложась, под ружьем. В нашем полку, переведенном в резерв и стоявшем вместе с 1-й кирасирской, 3-й уланской дивизиями и казаками Его Величества за центром, лошадей не расседывали.

От зарева пожаров было светло. Кругом слышны были стоны раненых. Священники, обходя валы, напутствовали умирающих. Ночью над Варшавой взвился белый флаг. Явившиеся переговорщики сказали, что они уходят в Плоцк»².

Внутри польского лагеря шла традиционная свара. «Круковецкий отдал приказание

отступить, в то время как ген. Малаховский отдал приказание держаться. Круковецкого сместили, но Паскевич заявил, что только с ним будет разговаривать. Ввиду этого представителю поляков гр. Островскому осталось только вместе с ним явиться в русский лагерь, причем они стали поносить друг друга в присутствии гр. Берга»³.

Итак Варшава пала...

У русских были убиты 3 генерала, 9 пехотных полковых командиров, потери достигали 12 тысяч, из них 523 офицера. Поляки потеряли до 15 тысяч, в том числе 211 офицеров.

Русскими трофеями стали 132 орудия, 3000 пленных, среди которых 60 офицеров.

Командир Атаманского полка Михаил Кузнецов «за блистательные храбрость и мужество 25 и 26 августа при штурме передовых варшавских укреплений городского вала в г. Варшаве» был произведен в генерал-майоры⁴. И офицеры полка вписали себе в послужные списки: «при взятии укреплений и главного вала города Варшавы»⁵. Весь Атаманский полк получил знаки отличия на шапки «За Варшаву 25 и 26 августа 1831 г.»⁶.

¹ Пузыревский А.К. Указ. соч. Т.1. с. 413.

² Краснов П.Н. Атаманская памятка...

³ Валь Э.Г. фон. Указ. соч. С.382-383.

⁴ Корягин С.В. Кузнецовы... С. 54.

⁵ Корягин С.В. Машлыкины... С. 9.

⁶ Корягин С.В. Кузнецовы... С. 54.

Получили награды офицеры и казаки и других полков. Корнет Попов Степан Васильевич и хорунжий Александров Алексей Алексеевич из Конвоя Его Императорского Высочества – «Анну» 4-й степени.

Наградили многих лейб-казаков – ротмистра Родионова Степана Алексеевича «Станиславом» 2-й степени, штаб-ротмистра Луковкина Платона Гавриловича и поручика Каменнова Петра Семеновича – «Владимиром» 4-й степени, корнета Родионова Василия Алексеевича – «Анной 3-й степени, корнета Попова Ивана Васильевича – «Анной» 4-й степени, штаб-ротмистр Балабин Василий Степанович был произведен в ротмистры, Голоднов Захар Ларионович, Агафонов Федор Максимович и вахмистр Акатнов Иван Куприянович – в хорунжие, их полковник – Орлов Иван Алексеевич – еще до штурма Варшавы, с 22 августа, был произведен в генерал-майоры. Из нижних чинов один Логвинов Федот Фомич был награжден Знаком отличия Военного Ордена и один, Антомонов Иван Антомонович, был ранен пулей в левую руку.

Естественно, были награждены офицеры конвойного полка Главной квартиры – Золотарева № 21. Есаулы Данилов Александр Семенович и Дукмасов Захар Максимович и сотник Золотарев Михаил Васильевич за отличия получили «Владимира» 4-й степени, хорунжий Золотарев Василий Васильевич – «Анну» 3-й степени, хорунжий Данилов Павел Иванович – «Анну» 4-й степени, урядник Беляевский Козьма Алексеевич произведен в хорунжие.

¹ Корягин С.В. Ульяновы и другие... С. 58.

Несущий ту же службу полк Егорова 1-го № 44 был отмечен гораздо слабее: Знаком отличия Военного ордена награжден Донецков Алексей Степанович и позже произведен в хорунжие, и произведен в хорунжие Захаров Федор Иванович.

В полку Грекова 5-го № 5 сотник Картушин Николай Иванович награжден «Анной» 3-й степени, казаки Кузнецов Максим Моисеевич и Лютенсков Михаил Павлович награждены Знаками отличия Военного Ордена, Кузнецов позже произведен в хорунжие. В урядники был произведен 18-летний Павел Решетовский¹.

В полку Платова № 9 Попов Петр Герасимович за отличие награжден Знаком отличия Военного Ордена и позже произведен в хорунжие.

В полку Катасонова 1-го № 3 есаул Козловцев Казьма Ерофеевич награжден «Владимиром» 4-й степени.

В полку Борисова № 34 сотник Платонов Корней Платонович произведен в есаулы.

В полку Андреянова № 43 сотник Горбачев Николай Дмитриевич произведен в есаулы, хорунжий Дробов Захар Савельевич, недавно произведенный, награжден как рядовой казак Знаком отличия Военного Ордена.

В полку Ильина № 32 хорунжий Сенюткин Владимир Захарович произведен в сотники.

Из недавно прибывшего на войну полка Луковкина № 62 урядник Киреев Константин Филатович произведен в хорунжие.

Из полка Хоперского № 20 сотник Павлов Дмитрий Иванович награжден «Анной» 4-й степени, урядник Тихонов Филипп Михайлович

награжден Знаком отличия Военного Ордена и позже произведен в хорунжие.

В полку Катасонова № 25 Маркин Степан Маркович произведен в хорунжие.

В полку Секретева хорунжий Александр Хрещатицкий, сын генерала, во время боев 25 и 26 августа ранен в левую ногу и награжден «Анной» 4-й степени. На следующий день, 27 августа, он, только что раненый, уже числился адъютантом при Варшавском генерал-губернаторе.

Если офицеры и казаки какого-то полка были награждены, а полк под Варшавой не значился (Платова № 9, Секретева № 38, Ильина № 32, Хоперского № 20, Луковкина № 62), значит награжденные были в ординарцах при каком-то начальнике.

Командующий казаками походный атаман, генерал-лейтенант М.Г. Власов «за отличную храбрость и строгую дисциплину Донских казачьих полков, бывших в составе действующей против Польских мятежников армии, за неутомимую деятельность и личное примерное мужество» стал кавалером ордена Святого Александра Невского¹.

27 августа (8 сентября) польская армия стала уходить из Варшавы.

Следствием падения Варшавы стала сдача русским войскам ее предместья Праги, откуда остатки польской армии (23 000) по договоренности выступили к Плоцку. На самом же деле поляки собирались перейти к Модлину

28 августа (9 сентября) в Варшаву вступили русские. Не обошлось без курьезов. При вступлении в Варшаву оркестр лейб-гвардии Гренадерского полка начал играть «Еще Польша не згинела», но командир полка Шипов приказал прекратить и играть марш из «Белой дамы»².

Офицер этого полка В.М. Еропкин писал в воспоминаниях, что при вступлении их полка в Варшаву евреи радовались и кричали: «азе наша взяла», а в сносках отметил: «Взятие всякого местечка нашими или польскими войсками ознаменовывалось повешением нескольких жидов; они занимались шпионством»³.

П.Е.Заварицкий, офицер лейб-гвардии Финляндского полка, дал более развернутое описание вступления русской армии в Варшаву: «Наш полк первым вошёл в Варшаву, сзади нас егеря, а там лейб-гренадёры, без торжества, без музыки,

знамена в чехлах. Нам приказали занять Прагу. Пройдя отрядом по улице Новый Свят, Краковским предместьем и спустясь по улице Беднарска, мы остановились у Пражского моста. У окон и у ворот стояли жители... на большинстве лиц их мы видели выражение неприязни и ненависти к нам. У моста стоял Краковецкий, генерал-губернатор Варшавы, около нас толпились... толпы любопытных. 48 часов дано войску (польской армии) на свободный выход из Варшавы, польские солдаты ходили в Прагу и из Праги... Досадно было смотреть на эти гордо-подлые лица офицеров, которые, брэнча саблями, проходили и проезжали мимо нас, с некоторыми говорили мы, с какою злобою было говорено каждое их слово, многие из них проходили мимо Великого Князя, не отдавая никакой чести, и смотрели с пренебрежением, досадно было смотреть, сердце было не на месте, каждый солдат горел местию. Краковецкий с двумя адъютантами стоял около нашего полка, пьяная толпа стояла с оружием у Праги и не хотела пускать нас...»⁴.

Согласно «Истории лейб-гвардии казачьего полка», лейб-казаки вошли в Варшаву во главе Гвардейского корпуса через Иерусалимскую заставу еще 27 августа (8 сентября). То же самое мы видим в послужном списке сотника Атаманского полка Никанора Машлыкина – 27 августа (8 сентября) Атаманский полк прошел через Варшаву в Прагу⁵. До 30 августа (11 сентября) поляков запрещалось трогать и преследовать, пока они не дойдут до Модлина (тем не менее, казак Борисов Тимофей Андреевич из полка № 3 Катасонова 1-го 27 августа под Варшавой ранен пикой в левый бок).

П.Н. Краснов дает свою версию вступления в Варшаву.

«В 6 часов утра наш полк получил приказание осмотреть Варшаву. Подтянули подпруги, перекрестились, сели.

– С Богом! – сказал Кузнецов, и полк посотенно направился к обвалившимся укреплениям Воли.

За нашим полком пошли лейб-казаки и остальная гвардейская кавалерия.

Тихо было на валах. Кругом лежали трупы храбрых защитников Воли. Полк, перебравшись через вал, въехал в улицы. Там и там раздались из окон выстрелы. То стреляли фанатики

¹ Корягин С.В. Власовы... С. 23.

² Еропкин В. М. Из воспоминаний. Поход 1831 года. Служба в гвардии//Русский Архив, 1878, кн. 1, № 2. С. 180.

³ Там же.

⁴ <http://www.reenactor.ru/index.php?showtopic=2347>

⁵ Корягин С.В. Машлыкины... С. 9.

мятежники, не желавшие покинуть Варшаву. Казаки врываются в дома и забирали их... Вот у баррикады на улице кучка поляков встречает залпом казаков. Урядники Минаев, Кожанов, Карцев, Матейкин, Харланов и Ерофеев с казаками опрокидывают их и забирают в плен, там часть казаков взбирается в дом, откуда ранили казака. А сзади уже слышны торжественные марши наших войск.

Мятежникам нельзя было доверять. Жутко было входить поэтому первыми в опустелую, но коварную Варшаву. И храбрость наших казаков была оценена графом Паскевичем. Наш полк получил немало наград¹.

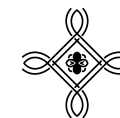
По тексту П.Н. Краснова может сложиться убеждение, что награды атаманцы получили за то, что первыми проехали по жуткому пустому городу. «Урядники, ехавшие впереди, и казаки Арефьев, Басов, Гнилорыбов, Сахаров и Фарапонов получили георгиевские кресты, а 6 декабря 1831 года вышел приказ, которым офицерам и казакам Атаманского полка пожалованы

на шапки знаки отличия с надписью «За Варшаву 25 и 26 августа 1831г.».

15-го января 1832 года всем офицерам пожалованы особые знаки отличия за Варшаву и 678 казакам, бывшим при штурме, – медали»².

Уходя из Варшавы и Праги, поляки бросили 132 орудия, 5000 ружей, 8000 тесаков и сабель, 5000 зарядов и более 2000000 патрон, было оставлено 11000 больных и раненых. Русские освободили 90 офицеров и 4500 нижних чинов своей армии, ранее попавших в плен.

А. Керсновский написал: «26 августа, в годовщину Бородина, Варшава взята кровопролитным штурмом. На приступе участвовало 71 000 человек с 390 орудиями. У поляков, отчаянно защищавшихся, было 39 000 и 224 орудия. Наш урон – 539 офицеров, 10 005 нижних чинов. Сам Паскевич контужен ядром. Поляки потеряли 7800 убитых и раненых, 3000 пленных и 132 орудия. Приступ, начавшись утром 25 августа, длился 36 часов»³.

¹ Краснов П.Н. Атаманская памятка...

² Краснов П.Н. Атаманская памятка...

³ Керсновский А.А. Указ. соч. С. 74.

Завершение кампании

Польские войска к Модлину выводил Уминский, где 11 (23) сентября он был назначен на пост главнокомандующего. На этом посту, противодействуя многим генералам, он продержался всего один день и уступил свои обязанности генералу Мацею Рыбинскому.

Мацей Рыбинский (Maciej Rybinski) (1784-1874) – шляхтич герба Радван (Radwan), родился в Славуце (Slavuta) на Волыни, образование получил в Университете Львова, в марте 1807 года отправился в Варшаву, где был принят на французскую службу с чином лейтенанта и назначением в качестве офицера для поручений в штаб 1-й дивизии генерала Сюше, будущего маршала. После заключения Тильзитского мира поступил на службу Великого герцогства Варшавского, участвовал в Австрийской кампании 1809 года и в Русском походе 1812 года. В 1813 году захвачен в плен австрийцами в сражении при Лейпциге. 2 февраля 1815 года поступил на службу Царства Польского с чином майора. Ко времени восстания 1830 года – полковник, командир 1-го полка линейной пехоты.

Как только поляки сдали Варшаву, крестьяне из их войска разбежались¹. В строю оставалось 18 тысяч. Корпус Ромарино (с ним был Адам Чарторижский) ушел в восточном направлении за Седлец к Мендржержицу и затем к Замостью. Фактически образовались две польские армии – в Модлине и в Замостье.

«По капитуляции польская армия сохранила оружие и должна была отойти в Плоцк и там ожидать высочайших повелений. Однако поляки, как только почувствовали себя в безопасности, поспешили расторгнуть эти условия и возобновить военные действия. Главнокомандующим вместо Малаховского сделан Рыбинский, а корпусу Ромарино, окончательно отрезанному от главных сил после падения Варшавы, было указано действовать самостоятельно в радомском направлении. Вероломство это

окончательно погубило поляков в глазах Государя, но, несмотря на все, Паскевич отправил в Главную Польскую Квартиру для переговоров генерала Берга, которому приказал затягивать эти переговоры, пока Ридигер и Розен не управятся с Ромарино»².

Паскевич отдал приказ: Розену оставаться при Седлеце и Калушине на шоссе; гвардии располагаться в Варшаве; главным силам двигаться к Модлину; Ридигеру и Кайсарову идти на Ромарино и овладеть Замостьем. «Этого долго ожидать не пришлось – в половине сентября отряды Ромарино были отгеснены за Верхнюю Вислу и сдались австрийцам»³.

Пока они не сдались, за ними пришлось погоняться.

29 августа (10 сентября) казаки вели перестрелку с кракусами у Лукува. 31 августа (12 сентября) Ромарино пришел в Лысобоки и переправился на Мехов. Оттуда он двинулся на Казимерж. Навстречу ему к Висле 2 (14) сентября вышел Ридигер.

Давыдов, находившийся тогда в Казимерже вспоминал, как на него вышел генерал Ромарино, преследуемый Розеном. У Давыдова было всего 1200 человек. Ридигер находился в 50 верстах от него. 1 (13) сентября Давыдов был вызван к нему. Без него генерал Слатвинский увидел наступление поляков на укрепление, оставил его, перешел на другую сторону и сжег мост. Поляки свернули к австрийской границе.

От авангарда Розена против Ромарино был послан полк Ильина. Казаки вышли к Ополе. Полк Катасонова вышел на Глуско, преследуя отряд Завадского. Завадский ушел к Ромарино. Катасонов его преследовал.

3 (15) сентября авангард Розена под командованием Красовского атаковал поляков у Ополи. У А.И. Красовского были 16 орудий, Муромский и Нижегородский пехотные, 13-й и 14-й егерские полки, но из-за слабого состава они составляли

лишь 5 батальонов. Конницу представлял Донской казачий полк Ильина.

Несмотря на очень выгодную позицию, которую занимал арьергард корпуса Ромарино под командованием Лангермана, и свою малочисленность русские войска атаковали противника, вынудив отступить не только противостоящие им войска, но и весь неприятельский корпус. Отличился полк Ильина¹.

Ромарино стал уходить на Юзефов и на Рахов. Там у Завихвоста для него строили мост.

Чтобы задержать преследование русских, польские уланы арьергарда Ромарино атаковала русские войска у Вржеловице. Все их атаки были отбиты Муромским пехотным полком и подоспевшими к полю боя уланами Литовского полка, и поляки продолжили отступление.

Зато авангард Красовского догнали бригада генерала Фрези и еще два русских уланских полка, и русские войска – Белостокский, Брестский, Литовский, Муромский и Нижегородский пехотные, 13-й и 14-й егерские полки, Харьковский, Литовский и Волынский уланские и все тот же Донской казачий Ильина полки при 16 орудиях – атаковали у Юзефа позиции неприятеля и вынудили его отступить к Нешаве.

4 (16) сентября русские войска генерал-лейтенанта Е.А. Головина – 15-й и 16-й егерские, Тамбовский пехотный и Харьковский уланский полки, 300 казаков, 16 орудий – атаковали арьергард Ромарино у Рахова и вынудили его отойти к позиции, занимаемой главными силами корпуса. После чего поляки продолжили отступление. В бою у Рахова отличились 300 казаков². Они вместе с уланами Харьковского полка «опрокинули 3-й уланский полк, взяв пленных»³.

И.С. Ульянов писал: «Известный отечеству генерал Красовский был очевидцем, с какой храбростью Пимонова 1-го полк с малой частью Ильина 4 сентября под Раховом разбил после нескольких атак польский 2-й уланский полк, подкрепляемый частями других улан и конных егерей и почитаемый одним из лучших неприятельской кавалерии»⁴.

Поляки отступили к Завихвосту, но моста там не оказалось. Казаки успели перехватить на Висле 12 барок для моста.

4-5 (16-17) сентября русские войска генерала от инфантерии Г.В. Розена, генерал-лейтенанта

А.И. Красовского, генерал-майора А.В.Пашкова и генерала Рота прижали корпус Ромарино к границе у Косина и вынудили его перейти в Австрию, где поляки – 15 000 человек – сложили оружие и выдали 40 орудий. 5 (17) сентября сдались австрийцам Ромарино, Серавский, Белинский, Лангерман и Завадский.

Русские во время преследования потеряли до 500 человек, они взяли 300 пленных, еще 1000 поляков сдались сами.

Ридигер принял в этом преследовании самое косвенное участие, поскольку ему на левом берегу Вислы пришлось преследовать войска Рожицкого.

Войска Рожицкого серьезной силы не представляли. Самуэль Юзеф Рожицкий (Samuel Jozef Rozycki) (1781-1834) – был дальним родственником генерала Домбровского (Jan Henryk Dabrowski). Получил юридическое образование в Кракове, в 1806 году вступил в армию Великого герцогства Варшавского, принимал участие в Прусской кампании 1806 года, Польской кампании 1807 года, в Австрийской кампании 1809 года (в должности штабного офицера генерала Домбровского), в Русском походе 1812 года и Саксонской кампании 1813 года, в сражении при Лейпциге (Leipzig) попал в плен к русским. В 1815 году вступил в армию Царства Польского с чином подполковника 8-го пехотного полка, в феврале 1816 года вышел в отставку, был членом Патриотического Общества (Towarzystwo Patriotyczne). В бригадные генералы он был произведен во время восстания и получил назначение командующим вооруженных сил воеводств Сандомирского, Краковского и Калишского. Регулярных войск у него под командой не было. Считалось, что он продемонстрировал значительные способности в ведении «малой войны».

После взятия Варшавы, как мы помним, было объявлено перемирие и проведена демаркационная линия, которую заняли казаки. По условиям перемирия, польские войска должны были уйти в Плоцк. Но некоторые польские части двинулись на юг, к австрийской границе.

Д. Давыдов писал, что «при местечке Казимерже он отбивает учиненное на него всем корпусом Ружицкого нападение, предпринятое 28 августа»⁵.

¹ Давыдов Д. Воспоминания о польской войне... С. 324.

² Керсновский А.А. Указ. соч. С. 74-75.

³ Керсновский А.А. Указ. соч. С. 75.

¹ Хронологический указатель... С.121.

² Хронологический указатель... С.122.

³ Пузыревский А.К. Указ. соч. Т.1. С. 427.

⁴ Записки И.С. Ульянова... Вып.3. С. 70.

⁵ Денисов Д.В. Сочинения... С. 34.

Давыдов с отрядом занимал Казимирж. Две колонны, вышедшие на него со стороны Варшавы, он отбил огнем. Подошел Редигер и гнал поляков 30 верст. 29 августа (10 сентября) русские войска – 2 батальона и Московский драгунский полк – атаковали арьергард Рожицкого, который еще не успел переправиться через р. Хотезу. Противник отступил к Ополю, но и там не стал удерживаться. Поляки арьергарда, состоявшего из Литовско-русского легиона и Подляхских стрелков, потеряли 1000 убитых, в плен сдались 15 офицеров, включая командира отряда Квятковского, и 500 рядовых.

1 (13) сентября Редигер занял Радом, к нему присоединились 500 казаков, далее он двинулся на Рожицкого, который стоял в Мнихово. 10 (22) сентября передовой отряд авангарда Красовского у Лагова атаковал польскую кавалерию и заставил ее поспешно отступить. В бою под командованием генерал-майора С.Н.Плохово участвовали казаки Киреева, донские полки Хоперского и Ильина, 2 эскадрона Санкт-Петербургских и Харьковских улан с 3 конными орудиями, Московский драгунский полк при 2 конных орудиях, черниговские конные егеря при 2 орудиях, всего 10 эскадронов. Потери в бою – 2 офицера и 50 нижних чинов убитых и раненых, зато в бою под Лагово Редигер взял 200 пленных из 22-го линейного и Краковского пешего егерского полка.

11 (23) сентября Редигер вступил в Рахов. Авангард Красовского с 2 казачьими полками заторопился к Стопнице и Шкалмбержу. Красовский торопился так, что «не позволил даже напоить лошадей»¹.

12 (24) сентября поляки были добиты. Авангард принца Виртембергского под командованием полковника В.Г. Глазенапа захватил с боя местечко Кельце, разгромив находящийся там отряд поляков. Было взято около 100 пленных, захвачено 3 фальконета. Юго-восточнее авангард Ридигера под командованием генерал-майора С.Н. Плохово атаковал у Пинчево арьергард Рожицкого под командованием Заливского и смог сохранить от уничтожения мост через реку Ниду. Продолжив преследование, русская кавалерия при с. Михалове при поддержке конной

артиллерии изрубила два каре неприятеля – фактически уничтожив его арьергард: 22-й линейный полк и стрелков Гротгуса. Поляки потеряли до 500 убитых, раненых и пленных. Отличились Московский драгунский и Черниговский конно-егерский полки, конная артиллерия.

В тот же день Красовский у Шкалмбержа разбил вторую часть арьергарда Рожицкого под командованием Каминского, отличились 2 казачьих полка². Было взято 2000 пленных. И.С. Ульянов писал, что полки Пимонова и Хоперского и малая часть полка Ильина «напали на пехотную колонну и разбили ее так, что не спаслось из нее ни одного человека...из взятых в плен почти все были изранены»³. Количество пленных вдвое превосходило количество взявших их в плен. Каменский с 5 офицерами бежал в вольный город Краков. «Под конец преследования только 30 казаков Ильина гнались за Каменским и сопровождавшими его несколькими офицерами»⁴.

Давыдов вспоминал, как отряд Каминского, считавшийся числом в 1500 человек, но оказавшийся числом в 4000 – «Он весь положил оружие, и пав на колени кричал; «Виват Николай, цезарж наш польский!»⁵.

«Грустно становится смотреть на этот народ, гордый и заносчивый в счастье, но низкопоклонный после неудачи»⁶.

К. фон Клаузевиц называл основные моральные потенции на войне: «Это – таланты полководца, воинская доблесть армии и дух комплектуемого ее народа»⁷. Как видим, моральные потенции польских войск быстро истощились.

В тот же день, 12 (24) сентября были найдены русские пленные, захваченные в первые дни восстания. «После сражения под Остроленкой, польское правительство удалило из города наших пленников, взятых в момент восстания, и перевезло их в Ченстохов. Позже, видя взятие Варшавы неминуемым, их снова перевезли, на сей раз в Мехов, вблизи Кракова»⁸. Всего были освобождены 9 генералов, 100 офицеров и 10 тысяч нижних чинов.

Отступающие поляки пытались укрыться в Кракове, который имел статус вольного города и являлся своеобразным депо для всех

¹ Пузыревский А.К. Указ. соч. Т.1. С. 432.

² Хронологический указатель... С.122.

³ Записки И.С. Ульянова... Вып.3. С. 70.

⁴ Пузыревский А.К. Указ. соч. Т.1. С. 432.

⁵ Давыдов Д. Воспоминания о польской войне... С. 390.

⁶ Давыдов Д. Воспоминания о польской войне... С. 390.

⁷ Клаузевиц К. фон О войне. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2021. С.196.

⁸ Голицына Н.И. Указ. соч. С. 147.

Войцех Коссак Улан с пленными. Эпизод Ноябрьского восстания

революционеров. 13 (25) сентября городу был послан ультиматум выдать беглецов. Ультиматум был подкреплен выходом к городу казачьих полков Хоперского и Ильина. За все предыдущие боевые действия, так повлиявшие на поляков, командир полка № 20 Хоперский Алексей Иванович был награжден 15 (27) сентября «Владемир» 3-й степени. Из полка Ильина наградили, видимо, за последнюю погоню троих: хорунжий Ильин Иван Фаддеевич получил «Анну» 4-й степени, урядник Кострюков Иван Евсеевич был произведен в хорунжие, а казак Морозов Михаил Васильевич – в урядники. Кроме того «Анну» 3-й степени «за отличие против Ружицкого» получил хорунжий полка Катасонова 3-го Андрей Федорович Шурупов.

Демонстрация возымела действие, и 16 (28) сентября поляки ушли из Кракова в Галицию. Рожицкий увел с собой 1400 человек и 6 орудий. В Галицию с ним уехали Шембек и Уминский, «бежавший из Плоцка в одежде кучера»¹.

¹ Пузыревский А.К. Указ. соч. Т.1. С. 434.

² Там же. С. 431.

В контексте этих событий, Скрженецкий «бежал из Варшавы в лакейской одежде на запятках кареты одной дамы»².

Так были очищены южные воеводства Польши. Оставались польские войска, ушедшие в северном направлении, с которыми были заключены соглашения и подписаны документы.

Пока шли переговоры с Рыбинским, русские войска отдыхали. Любимым местом стал Повонасковский лагерь, где раньше стояли войска Великого Князя Константина. В Варшаве в 9 часов вечера все закрывалось, по городу ездили казачьи разъезды.

7 (19) сентября Паскевич с конвоем линейцев повел войска к Модлину. 30 верст прошли за 3 дня. Крейц вышел к Модлину с правого берега Вислы и Буга, Пален с левого берега. Погода была пасмурной, холодной.

Атаманский полк, как наиболее боеспособный, еще 29-го августа (10 сентября) перешел на другую сторону р. Вислы и с 3 (15) сентября

и по 18 (30) сентября содержал посты по обеим берегам Вислы против «крепости Матлина»¹ (Модлина) и по реке Нареву. Вместе с ним стояли черноморцы. Хорунжий Давыдов из 5-го конного полка записал в послужном списке: «С 28 в преследовании польских войск чрез Варшаву и Прагу до крепости Модлина и при оной в содержании цепи по над рекою Нарвою»².

Осаду Модлина поручили Шаховскому. Тот стал подтягивать войска. 12 (24) сентября из Варшавы под Модлин выступили 1-й и 2-й эскадроны лейб-гвардии казачьего полка.

Всего под Модлином сосредоточились полки Катасонова и Борисова (у Палена 1-го), Атаманский и 5-й Конно-Черноморский (у Шаховского), Платова и Жоголева № 60 (в отряде Дохтурова). Начались первые стычки с выходящей польской кавалерией. Так, казак полка Жоголева № 60 Наследышевы Николай Алексеевич «за отличие 13 сентября при разбитии эскадрона улан произведен в урядники»³.

Рыбинский решил оставить 4 тысячи в Модлине, а с остальными идти к Плоцку, переправиться на левый берег и далее идти на Калиш, попытаться поднять восстание там. Командовать гарнизоном остался бригадный генерал Иг. Ледоховский.

Ночью с 13 (25) на 14 (26) сентября Рыбинский вышел из Модлина в сторону Закрочима и устремился к Плоцку. Поляки успели построить мост и, идя по правому берегу Вислы, вели мост за собой.

Утром русские узнали о его уходе и бросились в погоню. Пален – вниз по Висле, Крейц, 1-я и 2-я гренадерские дивизии и гвардейский корпус – к Плоцку.

Под Модлином оставили Витта и гренадер Муравьева. В Варшаве все это время оставались гвардия Великого Князя Константина, дивизия Набокова и гвардейская легкая кавалерия.

Впрочем И.С. Ульянов, въехавший в Варшаву 21 сентября (3 октября), на каждом повороте встречал «или бивак усатых гренадер и стройных семеновцев, или живой стан донцов, или кипящий аул линейных казаков и черкесов»⁴.

16 (28) сентября поляки напали на Влоцлавек. 6 батальонов пехоты (видимо, это был

авангард Рыбинского) на лодках переправились на левый берег Вислы. Лейб-казаки, наблюдавшие эту территорию, стали стрелять, но были отогнаны ответным огнем. 17 (29) сентября поляки навели мост и 18 (30) сентября 3 тысячи переправились, но вскоре вернулись. Они хотели перейти Вислу и кружным путем проложить дорогу в Краковское воеводство. Но, видимо, осознали нереальность этой идеи. Кирилл Виденин из 5-го эскадрона лейб-казачьего полка записал: «между тем находился в сражении 16-го сентября при нападении мятежнической армии на местечко Вроцлавек; 18 при ретираде оной из сего местечка, причем вызванными под команду свою охотниками сев в лодки переправился на ту сторону Вислы и отбил несколько пленных»⁵. Действительно, поляки хотели сжечь лодки, но ротмистр Жиров, штаб-ротмистр Евсеев и корнет Золотарев переправились на другой берег, собрали лодки, а заодно взяли в плен 20 офицеров и 200 рядовых. Унтер-офицер Курин на лодке с 3 казаками сплавал на другой берег и захватил 3 кракусов.

18 (30) сентября к Влоцлавску форсированным маршем вышел Власов с отрядом в 1450 казаков. «Донцы отбивали целые шайки поляков и отправляли их к нашей армии. Однажды донского казачьего Секретева полка старшина Попов с небольшим отрядом сопровождал польских пленников в город Ломжа. Около деревни Хормеля на него напали мятежники, у которых было 2 эскадрона, 2 пушки и 1 рота пехоты. Попов не растерялся. Он отправил пленных с небольшим прикрытием, а сам с 29 казаками встретил атакой атаку польской конницы, мужественно врубился в их середину, убил командовавшего отрядом полковника, двух офицеров, много рядовых поляков, далеко преследовал их и остановился только тогда, когда наткнулся на пехоту. С пленными майором, 3 офицерами и 3 рядовыми Попов догнал свою партию пленных и, как ни в чем не бывало, продолжал свое движение на Ломжу»⁶.

Поляки из Влоцлавска стали уходить на Рокитницу и Ксенту. Власов прижимал их к прусской границе, и неприятель вынужден был перейти границу при Собержизне, Шутово и Гурзно,

¹ Корягин С.В. Машлыкины и другие... С. 9.

² Матвеев О.В., Фролов Б.Е. Указ. соч. С. 135.

³ Корягин С.В. Наследышевы и другие. Выпуск 75. М.: Русаки, 2008. С. 20.

⁴ Записки И.С. Ульянова// Сборник Областного войска Донского статистического комитета. Вып.3. Новочеркасск: 1902.С. 66.

⁵ Корягин С.В. Мельниковы и другие... С. 21.

⁶ Краснов П.Н. Указ. соч. С. 77-78.

*Януарий Суходольский.
Конный портрет И.Ф. Паскевича*

«причем при Шутово, обратившись к Власову, расстрелял по нем все патроны»¹. Сотник полка Карпова 4-го Василий Машлыкин был награжден «Анной» 3-й степени за участие в перестрелке с неприятелем «и атаке за оным во время переправы через границу Пруссии при селе Ракитнице»². Хорунжий Замчалов Василий Васильевич «за отличие при переходе неприятелем прусской границы при Рокатнице награжден орденом Святой Анны 4степени»³. Такую же награду получили есаул Альбаков Петр Андреевич из того же полка и хорунжий Александров Кузьма Семенович. А урядник Грузинов Семен Ильич заслужил Знак отличия Военного ордена.

Пален обогнал главные силы поляков, перешел Вислу и занял перед ними Плоцк. Рыбинский повернул на Литву. Пален и Крейц преследовали его на Рационжен, Бельск. 19 сентября (1 октября) Рыбинский повернул на Безун. 21 сентября (3 октября) туда подошли Пален и гренадеры. К погоне запоздало подключился Атаманский

полк – с 18 (30) сентября по 24 сентября (6 октября) преследовал неприятеля к прусской границе.

Паскевич торопил войска, но 20 сентября (2 октября) Толь советовал ему, что не надо преследовать поляков всей армией: «атаман с казаками, подкрепленный Крейцем – достаточны, чтобы заставить бежать неприятеля, и вы завтра узнаете, что мятежники перешли в Пруссию»⁴.

Последние дни кампании ознаменовались рядом стычек. 21 сентября (3 октября) есаул Кузнецов Степан Иванович полка Грекова 5-го был ранен сабельным ударом в голову⁵.

Поляки, около 20 тысяч человек при 96 орудиях, 23 сентября (5 октября) ушли в Пруссию и сложили там оружие. Переход границы, как помечено в послужном списке одного из атаманцев, сопровождался перестрелкой у местечка Щучино⁶. П.Н. Краснов писал, что «атаманцы проводили их до самых пограничных столбов»⁷.

Всего ушли 20900 человек при 95 орудиях и 9280 лошадях. «Оборванные, в холщовых брюках, без шинелей и многие даже без обуви, поляки внушали сострадание прусским войскам, приготовившимся их принять. Пока войска имели в руках оружие, они еще казались спокойными, но когда им пришлось отдать ружья, слезть с коней, отстегнуть и сложить сабли, то некоторые заплакали. Через несколько дней, однако, поляки предались беззаботной и рассеянной жизни. Их беспокойное поведение, постоянное стремление к интригам и сплетням, ненависть ко всему, что носило признак порядка, наконец, их хвастовство и тщеславие — все это было причиной, что перешедшие границу еще более упали в общем мнении»⁸.

25 сентября (7 октября) сдался Модлин (переименованный впоследствии в Новогеоргиевск), 27 сентября (9 октября) туда вступили русские войска. Гарнизон крепости, разросшийся за время осады до 6 тысяч, был распущен по домам. Фельдмаршал, не дожидаясь этого события, 26 сентября (8 октября) уехал в Варшаву.

В честь сдачи Модлина блокировавшие его полки получили награды. Есаул Данилов Александр Семенович из охранявшего Главную

¹ Пузыревский А.К. Указ. соч. Т.1. С. 439.

² Корягин С.В. Машлыкины и другие... С. 13.

³ Корягин С.В. Поздеевы и другие. Выпуск 64. М.: Русаки, 2006. С. 94.

⁴ Отзывы и мнения военно-начальников о польской войне...Т.2. С. 108.

⁵ Корягин С.В. Кузнецовы. Выпуск 60. М.: Русаки, 2006. С. 19.

⁶ Корягин С.В. Машлыкины и другие... С. 9.

⁷ Краснов П.Н. Атаманская памятка...

⁸ Орлов Н.А. Указ. соч.

Чернецов Г. Парад и молебствие по случаю окончания военных действий в Царстве Польском 6 октября 1831 года на Царицыном лугу в Петербурге. 1837 год

квартиру полка Золотарева был удостоен «Владимира» 4-й степени. Такую же награду, но за дело получил есаул полка Секретева Кунаков Григорий Тимофеевич, он взял в плен капитана¹. «Анну» 2-й степени получил войсковой старшина Атаманского полка Греков Алексей Андреевич. «Анну» 3-й степени – сотник Наследышев Павел Петрович из недавно прибывшего на войну полка Жоголева. Урядник Кушнарев Василий Казмич из полка Грекова 5-го был произведен в хорунжие.

Лейб-казахьи эскадроны 1 (13) октября вернули в Варшаву.

9 (21) октября сдалась крепость Замостье. В ее осаде принимали участие Атаманский полк, полк Киреева № 4, полк Попова № 6 и недавно пришедший на войну полк Ступачевского № 36.

4-тысячный гарнизон крепости, которым командовал Крысинский, был распущен по домам.

Согласно риторике того времени, «Польша была усмирена». Польская конституция была уничтожена и заменена «органическим статутом». Царство Польское сохранилось как название на уровне обыденного сознания, но было обращено в русское генерал-губернаторство, его административное устройство немногим отличалось от прочих областей Российской Империи. Сейм был распущен, национальные войска ликвидированы. Генерал-губернатором был назначен Паскевич, получивший за взятие Варшавы титул светлейшего князя Варшавского.

Вопрос о потерях казачьих полков в ходе кампании можно попытаться решить путем сопоставления данных на начало и на конец года.

Полк	1-е упоминание	Последнее упоминание.
Лейб-гвардии казачий	«конец апреля»	847 658
Золотарева № 21	23.1. 1831	490 483
Александрина	23.1.1831	206
Андреева № 43	23.1.1831	404 319
Ильина № 32	23.1.1831	450 362
Секретева № 38	23.1.1831	515 438
Грекова 4-го № 24	23.1.1831	348 240
Хоперского № 26	23.1.1831	437 269

¹ Корягин С.В. Власовы и другие. Выпуск 21. М.6 Русаки, 2001. С. 76.

Платова № 9	7.2.1831	488	424
Атаманский	1.4.1831	616	680
Борисова № 34	1.4.1831	378	256 (243 лошади)
Егорова № 44	1.4.1831	226	375
Грекова 5-го № 5	1.4.1831	462	417
Катасонова 1-го № 3	1.4.1831	479	27
Катасонова 2-го № 25	1.4. 1831	133	215
Карпова № 10	1.4.1831	426	203 (192 лошади)
Кутейникова № 39	1.4.1831	277	223
Попова 3-го № 6	1.4.1831	548	546
Киреева № 4	1.4.1831	397	231
Пименова		212	
2-й Конно-Черноморский	23.1.1831	444	261
5-й Конно-Черноморский	1.4.1831	453	366
7-й Конно-Черноморский	23.1.1831	462	241
Сборно-Линейный	3.5.1831	546	423
8-й Оренбургский	1.4.1831	448	315
11-й Оренбургский	3.5.1831	540	42
2-й Тяптарский	14.6.1831	514	527

Как видим, в некоторых полках личный состав увеличился. Определенную проблему составляют «раскомандировки».

Дополнительные источники утверждают, что в ходе войны погибли 87 казаков Конно-Черноморских полков¹.

Какая-то часть, возможно, умерла от холеры. Всего в русской армии заболевших было 13871, выздоровело 7746, умерло 5230².

«Усмирение было окончено, войска расходились в места своего квартирования»³.

Лейб-гвардии казачий полк выступил из Варшавы 14 (26) октября на Белосток и Вильно. В местечке Режицы 19 (31) декабря к полку присоединился 5-й эскадрон.

Новый 1832 год лейб-казаки встретили в новых чинах.

Полковники Николаев Степан Степанович и Орлов Иван Алексеевич были произведены в генерал-майоры.

Янов Александр Петрович и Каменнов Михаил Прокофьевич – в полковники

Краснов – в подполковники

Жиров Семен Иванович, Родионов Степан Маркович, Родионов Степан Алексеевич, Каменнов Петр Семенович, граф Орлов-Денисов Федор – в ротмистры

Балабин Василий Степанович, Луковкин Платон Гаврилович, **Евсеев**, Козлов Лев Николаевич, Шамшев Василий Иванович, Леонов

Иван Алексеевич, Селиванов Федор Иванович – в штаб-ротмистры

Мартынов Дмитрий Алексеевич, Иловайский Иван, Машлыкин Петр, Мелихов Алексей, Исаев Василий, Родионов Василий Алексеевич, Дмитров Константин, Николаев Петр, **Сулин**, Каменнов Петр Семенович, Иловайский 3-й Михаил Иванович, Иловайский 4-й Петр Осипович, Поляков Михаил, Леонов Ефим Алексеевич, Попов Иван Васильевич – в поручики

Золотарев Иван, Харитонов Константин, Краснов Семен, Ханженков Александр Васильевич, граф Орлов-Денисов Николай, Янов Григорий – в корнеты

Старший вахмистр Сазонов Дмитрий Иванович – в корнеты.

Унтер-офицеры Мельников, Кравцов, Чуйкин, Филатов, Грошев, Голоднов, Воронков и Каменнов произведены в хорунжие и отчислены в Войско. Калачов Егор Ефимович был произведен в хорунжие 24 сентября 1831

Унтер-офицеры Лаврухин Сидор Матвеевич, Дударев Адриан Иванович (с 4 сентября 1831), Лиховидов Мануил Семенович, Ребреев Макар Сидорович, Савельев Василий Дмитриевич то же самое.

68 казаков полка были награждены Знаками отличия Военного Ордена.

Потери полка – убит ротмистр Чернозубов, 2 унтер-офицера, 12 рядовых, ранены 3

¹ Матвеев О.В., Фролов Б.Е. Указ. соч. С. 137.

² Пузыревский А.К. Указ. соч.Т.2. С. 52.

³ Краснов П.Н. Атаманская памятка...

Гебенс А.И. Группа чинов лейб-Атаманского полка

унтер-офицера, 19 рядовых (из них умерли 1 унтер-офицер и 13 рядовых)¹.

Атаманский полк выступил из Польши 18 (30) октября и до 16 (28) декабря стоял в Витебской губернии в городе Гебор. Дело в том, что «23 декабря 1831 года состоялось Высочайшее повеление в С.-Петербурге иметь 2 эскадрона Л.-Гв. Казачьего Его Величества полка и две сотни Атаманского полка. Содержание офицерам Атаманских сотен выдавать по окладам молодой гвардии. Сотни именовать эскадронами, и строиться им по примеру Л.-Гв. Казачьего Его Величества полка»².

И, наконец, 15 (27) февраля 1832 года полк выступил в поход на Дон, куда и прибыл уже весной – 8 (20) мая.

Его состав в Польской кампании 1831 года следующий:

Командир – полковник Кузнецов Михаил Михайлович – Вл-3 с 6 сентября 1831, в генерал-майоры 18 октября 1831

подполковник Иловайский Василий Алексеевич – золотая сабля, в подполковники с 18 августа 1831

войсковые старшины Греков Алексей Андреевич – А-2, Иловайский Василий Алексеевич – А-2, Карпов Афанасий Акимович, Андреев Виссарион Иванович Вл-4.

есаулы Карпов Афанасий Акимович (в войсковые старшины с 19 апреля 1831), Орлов Василий Васильевич – А-3, Марков Степан Михайлович с 15 октября 1831

сотники Кузнецов Петр Тарасович (за отличие в сотники 7 апреля) Вл-4, Греков Петр Алексеевич А-3; Хоперский Федот Петрович (с 15 октября в сотники) А-3, Луковкин Николай Гаврилович (в сотники с 18 августа), Жиров Дмитрий Иванович (в сотники с 6 декабря 1831), Машлыкин Никанор Акимович, Греков Иван Андреевич (сотник с 18 августа 1831), Греков Николай Борисович – А-3, Андреев Иван Иванович с 17 мая 1831, Марков Степан Михайлович А-3, Ушаков Иван Нестерович А-3.

хорунжие Машлыкин Никанор Акимович, Черевков Иван Федорович, Хоперский Федот Петрович, Никулин Филипп Дмитриевич (в хорунжие 19 апреля 1831 г.) А-4, Иловайский

Александр Алексеевич, Кузнецов Петр Тарасович, Луковкин Николай Гаврилович, Ерофеев Виктор Алексеевич (в хорунжие 19 апреля), Кумшацкий Иван Николаевич (в хорунжие 18 августа 1831), Семенцов Василий Федорович (с 10 июля 1831 хорунжий), Греков Иван Андреевич, Жиров Дмитрий Иванович, Стариков Савелий Григорьевич (в хорунжие 15 октября 1831), Мушкетов Алексей Степанович (с 19 апреля 1831), Калачов Егор Ефимович с 24 сентября 1831, Коньков Михаил Никифорович А-4,

урядники Ерофеев Виктор Алексеевич, Черевков Петр Федорович, ЗОВО, Любченков Василий Васильевич ЗОВО, Кумшацкий Иван Николаевич, Пушкарев Иван Андреевич ЗОВО, Кокин Петр Васильевич (в урядники за Варшаву), Мушкетов Алексей Степанович, Фетисов Семен Федорович, Аврамов Федор Галактионович

Завершая в своих «Записках» описание войны, офицер лейб-гвардии казачьего полка И. С. Ульянов отметил: «Во время минувшей войны с польскими мятежниками меня приводила в удивление ненависть их к казакам»¹. Впрочем, он делал оговорку: «поляки, разумеется участвовавшие более в делах, нежели в шумных, непобедимых пиршествах, отдают теперь всю справедливость на счет боевой казачьей службы»².

Через донские земли гнали на Кавказ пленных поляков. А. Рукевич вспоминал: «Но больше всего нас поразила Донская область. Вот, думали мы, вступая в нее, родина тех, которых мы считали исчадиями ада. И мы замкнулись, шли суровыми, смотрели неприветливо исподлобья. Подошли мы как-то часов около двенадцати к небольшому выселку и остановились возле крайней хаты. Некоторые из нас, не желая даже пользоваться тенью, расположились на самом солнцепеке. Я не был так щепетилен и с конвоирами уселся на завалинке. Через некоторое время из хаты вышла опрятно одетая старушка; разузнав от конвойных, кто мы такие, она тотчас пошла обратно и через некоторое время вынесла с молодухой пирогов, караваев хлеба, творогу, арбузов и всякой другой деревенской снеди... Конвойные очень охотно принялись за еду, а мы, хотя и голодные, хотели выдержать характер и на радушное приглашение сумрачно смотрели в сторону. Старушка была, видимо, сконфужена.

– Али вы брезгаете, миленькие мои? – сказала она. – Уж не наши ли головорезы досадили вам?.. Да вы уж простите им, потому их такое казацкое

дело... Поди, и вы их не миловали?.. Дело, значит, обоюдное, военное... Теперь же скоро на мир пойдет. Зачем же Бога гневить и зло помнить?..

Большая часть наших поняла мысль благо-разумной дончихи. Один из товарищей тогда сказал по-польски:

– А ведь она, чёрт возьми, права... Чем она виновата и зачем ее обижать?

При этом я невольно подумал, что у нас на Висле, наверное, никто из русских не получил бы добровольно данного кусочка...

И лед растаял. Ночлег предполагался несколько далее, но старшой наш нашел возможным немного нарушить маршрут, и мы кончили день в большой дружбе не только с этой милой старушкой, но и со всем выселком, сбежавшимся смотреть, как «гонят полячков»... Никакой платы никто от нас не пожелал брать, и на другой день мы выступили, снабженные курами, утками, караваем хлеба, фруктами и необыкновенно вкусными коржиками на меду.

Почему-то старушка особенно жалела меня, говоря:

– Ишь-ты!.. Такой молодой и попался. Некому было тебя отстегать хорошенько... Туда же воин!.. Ну, на, ешь вареники, а это возьми завтра с собою на дорогу... Да ты бы старшого попросил подневать тут. Я бы тебя подкормила ледящего...

И это говорилось на родине тех, одно имя которых считалось у нас, да и на всем Западе, пугалом. В конце концов, если у нас и было в душе враждебное чувство, оно значительно улеглось за эти два-три месяца похода по России, а у некоторых, более отзывчивых на ласку, каким был, например, я, сердце совсем отошло»³.

В Польше на оккупации остались многочисленные казачьи полки. В 1832 году они, как и до восстания, стояли по границе с Австрией и Пруссией.

Остался дослуживать Донской Казачий Пимонова 1-го полк, получивший № 23. На службе в Польше он оставался до 1836 года. В целом служба его затянулась на 10 лет.

10 лет находился на службе Донской Казачий № 32 Ильина полк, отличившийся в Турецкую войну, заслуживший знамя с надписью – «За отличие в Турецкую войны 1828 и 1829 годов». После подавления восстания он какое-то время стоял в Варшаве, но потом с 1832 по 1837 гг. простоял на гарнице с Пруссией. Есаул этого полка

¹ История лейб-гвардии казачьего полка... С. 411.

² Краснов П.Н. Атаманская памятка...

¹ Записки И.С. Ульянова. Указ. соч. Вып. 3. С. 69.

² Там же.

³ Рукевич А. Из воспоминаний старого эриванца. 1832–1839 гг. // <https://www.litmir.me/br/?b=679890&p=4>

Аверьянов А.Ю. Друг

Корней Платонов отметил в послужном списке: «в полиции г. Варшавы»¹.

До 1834 года простоял в Польше Донской Казачий № 34 Борисова 1-го полк, успевший до Польской кампании повоевать с турками.

Столько же и там же нес службу Донской Казачий № 38 Секретова полк, такой же ветеран турецкой войны.

Такой же была судьба Донского Казачьего № 43 Андреевского полка, раздерганного во время кампании на отдельные сотни.

До 1834 года простоял на Осекской переправе Донской Казачий № 44 Егоров полк.

Указанные пять полков были ветеранами боев с турками, попали с войны на войну и еще несколько лет стояли «на оккупации». Затянулась служба казачья...

В беспокойных местах, в Виленской губернии, в Каменец-Подольской губернии, до 1834 года простояли Донской Казачий № 39 Кутейникова 2-го полк и Донской Казачий № 41 Долотина полк (этот еще и с турками успел повоевать).

Поднятые в конце 1830 года и направленные в Польшу полки простояли там до 1836 года. Донской Казачий № 3 Катасанова 1-го полк, находится в г. Калиш и на кордоне по Прусской границе. Донской Казачий № 4 Киреева полк все это время прослужил на этапах от Устилуга до Варшавы. Донской Казачий № 5 Грекова 5-го полк стоял в крепости Модлин. Донской Казачий № 6 Попова 3-го полк находится в м. Завихвосте и на кордоне по Австрийской границе. Донской Казачий № 9 Платова 2-го полк все время службы на оккупации простоял в г. Сувалки и на этапах по Ломженскому шоссе. При 1-ом Пехотном корпусе нес службу Донской Казачий № 10 Карпова 4-го полк. Это были надежные, обстрелянные части, знавшие и местность и местное население.

Под занавес кампании пришли на войну и были оставлены в Польше на границах до 1837 года Донской Казачий № 59 Семилетова полк, Донской Казачий № 60 Жоголева полк (этот находился в крепости Модлин), Донской Казачий № 65 Зелещинского полк (этот полк держал

¹ Корягин С.В. Платоновы и другие. Вып.70. М.: Русаки, 2007. С. 92.

кордоны по прусской границе), Донской Казачий № 66 Павлова 1-го полк (этот тоже охранял границу с Пруссией).

Не дойдя в 1831 году до Польши, до 1837 года в беспокойной Волынской губернии стояли Донской Казачий № 61 Кутейникова полк (в с. Верба), Донской Казачий № 62 Луковкина полк (в м. Локоч), Донской Казачий № 63 Балабина полк (в м. Менчич) и Донской Казачий № 64 Васильева полк (находился в окрестностях г. Владимира).

Согласно послужному списку Ерменильда Пшеничнова, полк № 63 сопровождал рекрутские команды до Брест-Литовска, нес охранную службу и передавал прусских дезертиров законным прусским властям¹.

В 1832 году все же началась «пересменка». Из Польши выводили наиболее пострадавшие полки.

Первым отправили на Родину полк Катасанова 2-го № 25. В 1932 году Григорий Спиридонович Катасанов вывел полк из Польши на Дон и после пережитых им потрясений «на сборном месте почти скоропостижно умер»². Произошло это 26 ноября 1832 года, и умер он формально от простуды³. На смену ему отправились полк № 2 Попова и полк № 16 Грекова 6-го. Туда же, но всего лишь до 1834 года, была послана 2-я Донская конноартиллерийская рота.

Вообще войска, размещенные в Польше, даже при особом статусе Паскевича, находились «под плотным контролем» Императора⁴.

По сведениям Н.А. Орлова, «за время восстания Царство Польское потеряло 326 тысяч человек, из них 25 тысяч одна Варшава, и свыше 600 миллионов злотых, не считая частных потерь. Но важнее всего, что поляки утратили те значительные привилегии, которыми пользовались до восстания»⁵.

Николай I считал, что Россия сама своей либеральной политикой создала предпосылки для восстания. Налаженные финансы «позволили образовать в казначействе резервный фонд, который затем оказался достаточным для поддержки нынешней борьбы. Армия, созданная по образцу имперской, была всем снабжена от России»⁶.

Такое не должно было повториться, и 26 февраля 1832 года был введен органический

статут вместо Конституции 1815 года. «Наместнику дано право на жизнь и смерть в отношении государственных изменников; высшей судебной инстанцией стали IX и X департаменты юстиции...Конституционные учреждения закрыты, подчиненные русскому министерству юстиции...Конституционные учреждения закрыты, польская армия упразднена, печать закреплена, введено особое гражданское и уголовное законодательство... Университеты в Варшаве и Вильне были закрыты. Лицам моложе 25 лет запрещено выезжать за границу.Общество ревнителей наук закрыто и имущество увезено в Петербург. Цензура запретила печатание польских авторов. Из заграницы ввоз книг запрещен»⁷.

Княгиня Н. И. Голицына в своих воспоминаниях описала некоторых из пленных: «В числе более или менее знатных пленников, привезенных в Москву во время пребывания там Государя, следует назвать кн. М. Радзивилла, Круковецкого, Т. Лубенского. Последнему, одному из всех, повезло. Покуда прочие переменяли платье и лошадей перед отправкою в губернии, иной раз весьма отдаленные, Лубенский, на удивление всем, был принят Государем и, несмотря на строгие выговоры, сделанные ему Его Величеством, он получил позволение вернуться, свободным, в Польшу. Он несколько раз бывал у меня, и хотя мне казалось странно увидеть его пленником в Москве, после всего пережитого им хаоса, я принимала его, как ни в чем не бывало. Мы более в шутку, нежели серьезно, касались темы восстания. Я расспрашивала его про тысячу вещей, словно как простого очевидца, а между тем он был одним из актеров этой драмы. Не знаю отчего, но этот человек не внушал никакого недоверия и казался мне менее зараженным, чем прочие. Он был приятен в общении, умен, образован, ровного, веселого нрава»⁸.

Круковецкий был арестован и с ноября 1831 года до мая 1832 года содержался в Ярославле, затем по царскому указу был переведён в Вологду, где оставался до 1835 года.

Радзивилл после поражения восстания был выслан в Ярославль. С 1836 года он жил в Дрездене, но перед смертью возвратился в Польшу.

¹ Корягин С.В. Родионовы и другие. Выпуск 61. М.: Русаки, 2006. С. 37.

² Корягин С.В. Платоновы и другие. Вып.70. М.: Русаки, 2007. С. 62.

³ Там же.

⁴ Андрияйнен С.В. Русская армия в Царстве Польском в 1831-1853 годы//Научный диалог. 2017. № 3. С. 107.

⁵ Орлов Н.А. Указ. соч.// http://nnre.ru/voennaja_istorija/istorija_russkoi_armii_tom_vtoroi/p9.php

⁶ Кисин С.В. Указ. соч. С. 144.

⁷ Валь Э.Г. фон. Указ. соч. С.384-385.

⁸ Голицына Н.И. Указ. соч. С. 152.

Прондзинского Паскевич отправил в Ярославль, но в 1832 году император Николай I приказал привезти его в Гатчину, чтобы он описал войну, в которой принимал столь деятельное участие. Труд Прондзинского, озаглавленный «Memoire historique et militaire sur la guerre en 1831», понравился царю и Прондзинскому было позволено вернуться в Польшу. Труд его был переведен на польский, разрешён цензурою в 1897 году и вышел в Петербурге в 1898 году под заглавием: «Pamiętnik historyczny i wojskowy o wojnie polsko-rosyjskiej w roku 1831»¹.

«Потом на Кавказ стали ссылать участников польского восстания 1830–1831 гг. и тех, кого сочли неблагонадёжными. По некоторым данным их было 1865 человек»².

4 октября 1835 года Император Николай в присутствии Паскевича принимал депутацию города Варшавы. Он напомнил визитерам, что возвел в городе Александровскую цитадель и сказал: «теперь помните, что при малейшем возмущении в 24 часа Варшавы не будет, и я уже в другой раз ее не построю. На немцев и французов – не надейтесь; они вам не помогут, но вы можете надеяться на мою милость; чтите законы, любите своего монарха, уверяю вас, что только в таком случае будете счастливы, и старайтесь дать детям вашим иное воспитание»³.

Поляки, естественно, не смирились. Пример тому – Хрженовский, продолживший карьеру

кондотьера. Он занимался модернизацией турецкой армии, организовал в Багдаде арабский кавалерийский корпус, возглавлял пьемонтскую армию при номинальном командовании короля Карла Альберта в войне 1849 года с австрийцами, но потерпел поражение от фельдмаршала Радецкого в сражении при Новаре. В начале марта 1854 года по заказу британского правительства он приступил к разработке плана новой войны с Россией, а в мае 1855 года был членом польской делегации, ведущей переговоры с Наполеоном III-м о судьбе Польши... .

Максим Григорьевич Власов кропотливо подсчитал, что в Польше походным атаманом он находился 4 года, 5 месяцев, 18 дней. В 1836 году он был назначен донским наказным атаманом. Войсковым атаманом считался наследник престола. На посту атамана Власов оставался до дня своей смерти в 1848 году от все той же холеры. «Генералом Власовым кончается тот период войска Донского, в течение которого казаки видели во главе своих же казаков. Со смертью Власова, эта привилегия была утеряна, и атаманы из казаков более не назначались. Сам Власов, последний из атаманов-казаков, не был удостоен звания "войскового атамана", а остался только "наказным атаманом"»⁴. Естественно, войсковым атаманом значился сам Наследник престола.

¹ Pradzynski, Ignac. Pamiętnik historyczny i wojskowy o wojnie polsko-rosyjskiej w roku 1831 : przekład z francuskiego / napisany przez Ignacego Pradzynskiego. – Wydanie 2. – Nakładem Księgarni K. Grendyszynskiego, 1898. – 292 с.

² Савельев А.Е. Поляки в Кавказской войне – две грани одного явления// <http://dompolski-journal.ru/articles/article/304/>

³ Приложения к запискам Д.В. Давыдова//Русская старина. 1872. Т.6. С. 393.

⁴ https://zen.yandex.ru/media/don_story/donskie-atamany-36-maksim-grigorevich-vlasov-60f079ba634d200805563410

Приложение

Выявленный командный состав полков, участвовавших в кампании.

Полк Катасонова 1-го № 3

- Полковник Катасонов Захар Спиридонович Вл-3
- есаулы Козловцев Казьма Ерофеевич Вл-4, Гусев Яков Антонович с 26 мая 1831, Гордеев Артемий Тимофеевич с 17 августа
- сотники Гусев Яков Антонович, Гордеев Артемий Трофимович А-4, Козловцев Казьма Ерофеевич
- хорунжие Киреев Логин Климович А-4, Шурупов Андрей Федорович А-3, Сысоев Марк Ефремович (с 17 июня 1831)
- урядники Варламов Гаврила Иванович с 13 июля

Полк Киреева № 4

- есаулы Кузнецов Андрей Яковлевич с 26 мая
- сотники Дьяконов Сидор Егорович с 22 ноября; Кузнецов Андрей Яковлевич
- хорунжие Дьяконов Сидор Егорович, Хрещатицкий Константин Павлович (27 июля 1831) А-4; Каменнов Александр Васильевич с 26 мая
- урядники Хрещатицкий Константин Павлович, Елкин Яков Захарович

Полк Грекова 5-го № 5

- Подполковник Греков Степан Степанович
- сотники Картушин Николай Иванович А-3, Костин Иван Васильевич А-3, Малахов Иван Наумович
- хорунжие Шурупов Владимир Федорович (с 27 июня 1831), Птахин Петр Казьмич с 4 сентября 1831, Калмыков Тимофей Иванович с 18 августа, Кузнецов Максим Моисеевич ЗОВО с 15 октября
- урядники Птахин Петр Казьмич, Греков Петр Макарович с 18 августа, Кушнарев Василий Казмич

Полк Попова № 6

- Подполковник Попов Алексей Емельянович, с 28 ноября 1831 г. полковник.
- есаулы Щепетков Тимофей Андреевич

- хорунжие Пятаков Матвей Алексеевич с 26 ноября 1831, Полковников Артем Андреевич, Карпов Иван Иванович А-4, А-3; Большов Ефрем Васильевич А-4, Кузнецов Федор Федорович с 27 сентября 1831,
- урядники Пятаков Матвей Алексей, Попов Степан Алексеевич

Полк Платова № 9

- Полковник Платов Степан Иванович
- войсковые старшины Сербинов Василий Степанович (с 26 мая 1831) Вл-4; Рубашкин Дмитрий Васильевич с 26 ноября
- есаулы Рубашкин Дмитрий Васильевич, Сербинов Василий Степанович, Никулин Арсений Тимофеевич с 28 февраля 1831
- сотники Бирюков Степан Григорьевич, Коренюгин Иван Семенович –с 21 сентября, Калинин Макей Павлович с 28 ноября
- хорунжие Калинин Макей Павлович А-4, Махин Фатей Лазаревич, Александров Григорий Ефимович, А-4; Бирюков Степан Григорьевич А-3, Коренюгин Иван Семенович, Попов Петр Герасимович с 28 ноября
- урядники Попов Петр Герасимович

Полк Карпова 4-го № 10

- войсковые старшины Попов Панфил Еремеевич с 28 ноября
- есаулы Альбаков Петр Андреевич А-4, Попов Панфил Еремеевич
- сотники Сенюткин Андриан Казьмич с 28 ноября 1831
- хорунжие Исаев Петр Андреевич (с 28 ноября 1831), Ермольев Арефий Зиновьевич (28 ноября 1831), Сенюткин Андриан Казьмич, Косоротов Василий Гаврилович А-4, Александров Кузьма Семенович –А-4, Александров Артем Ефимович с 28 ноября
- урядники Ермольев Арефий Зиновьевич, Грузинов Семен Ильич ЗОВО

Полк Хоперского № 20

- сотники Хоперский Даниил Алексеевич Вл-4, Павлов Дмитрий Иванович А-4, Рябов Ефим Семенович А-4
- хорунжие Леонов Петр Иванович, Тихонов Филипп Михайлович за Варшаву; Сербинов

Петр Дмитриевич с 22 ноября 1831, Хоперский Григорий Петрович с 3 марта 1831 г., Хоперский Николай Алексеевич, ЗОВО, 3 марта 1831

- урядники Фролов Василий Иванович, Тихонов Филипп Михайлович ЗОВО

Полк Золотарева № 21

- Командир Василий Степанович Золотарев – А-2 с имп. Короной, Ст-3
- есаулы Дукмасов Захар Максимович Вл-4, Трифонов Петр Трифонович Вл-4, Данилов Александр Семенович (за отличие в есаулы 15 октября 1831) Вл-4, Нюхарев Прокофий Михайлович А-2
- сотники Данилов Александр Семенович – А-3, Золотарев Михаил Васильевич (в сотники с 16 февраля) Вл-4, Нюхарев Прокофий Михайлович,
- хорунжие Золотарев Михаил Васильевич, Золотарев Василий Васильевич А-4, А-3, Попов Гаврила Степанович (за отличие в делах произведен в хорунжие – 28 мая 1831 г), Данилов Павел Иванович А-4, Сарычев Дмитрий Григорьевич (в хорунжие 17 сентября 1831), Беляевский Козьма Алексеевич (хорунжий 10 октября 1831)
- урядники Попов Гаврила Степанович, Беляевский Козьма Алексеевич ЗОВО

Полк Пимонова № 23

- есаулы Родионов Степан Маркович А-3, Чурбаков Григорий Афанасьевич, Щербаков Илья Герасимович
- сотники Аврамов Иван Зиновьевич с 18 августа 1831 А-4, Епифанов Федор Петрович, Протопопов Арсений Кириллович
- хорунжие Дронов Евтей Ильич, Аврамов Иван Зиновьевич А-3, Коротков Даниил Антонович, Молчанов Лев Гаврилович с 17 июня 1831, Попов Григорий Алексеевич – А-3
- урядники Шапошников Василий Васильевич (с 30 августа 1831), Аврамов Василий Зиновьевич с 11 апреля 1831 ЗОВО

Полк Грекова 4-го № 24

- Полковник Греков Александр Матвеевич
- есаулы Одноглазков Тимофей Иванович А-4, А-3
- сотники Волошинов Андрей Алексеевич А-4, Ефремов Емельян Яковлевич, Одноглазков Тимофей Иванович А-4, А-3, Греков Николай Борисович
- хорунжие Валуев Аристарх Михайлович (с 17 июня 1831), Богучарсков Федор Антонович (с 19 апреля)

- урядники Лапин Степан Степанович, Одноглазков Петр Иванович ЗОВО, Харламов Михаил Ильич, Пахомов Алексей Ильич с 13 августа 1831, Балабин, Гнутов Хрисанф Васильевич,

Полк Катасонова № 25

- Подполковник Катасонов Григорий Спиридонович
- Войсковые старшины Катсонов Иван Спиридонович
- есаулы Небыков Архип Поликарпович, Пашков Василий Степанович, Синеоков Иван Алексеевич
- сотники Лотошников Андрей Павлович А-4, Костин Даниил Захарович ЗОВО
- хорунжие Марков Степан Маркович, Марков Иван Михайлович, Марков Степан Маркович с 10 октября 1831, Харитонов Кондратий Алексеевич с 17 июня 183, Наумов Денис Яковлевич,
- урядники Марков Степан Маркович, Харитонов Кондратий Алексеевич ЗОВО, Костин Михаил Захарович Костин Иван Иванович

Полк Карпова № 29

- сотники Слюсарев Александр Иванович с 17 мая 1831
- хорунжие Воронин Иван Иванович с 17 июня 1831
- урядники Воронин Иван Иванович,

Полк Ильина № 32

- Полковник Ильин Иван Тимофеевич
- сотники Нагибин Яков Филиппович (в сотники 13 марта 1831), Костин Антон Иванович Вл-4, Быкадоров Семен Васильевич (с 26 мая 1831) А-3, Сенюткин Владимир Захарович
- хорунжие Нагибин Яков Филиппович, Гуляев Михай Ефимович Вл-4, Ильин Иван Фаддеевич (хорунжий с 26 мая 1831) А-4, Соболев Петр Алексеевич (в хорунжие с 15 октября), Терсков Яков Иванович, Малахов Сергей Михайлович (в хорунжие в 1832), Авчинников Селиверст Тимофеевич А-3, Кострюков Иван Евсеевич (в хорунжие 22 ноября 1831 г.), Быкадоров Семен Васильевич, Самойлов Иван Дмитриевич (с 22 ноября 1831),
- урядники Авчинников Селиверст Тимофеевич, Ильин Иван Фаддеевич, Кострюков Иван Евсеевич, Морозов Михаил Васильевич, Бочаров Иван Семенович ЗОВО¹

Полк Борисова № 34

- Полковник Борисов Яков Васильевич
- войсковые старшины Гречановский Григорий Григорьевич (в войсковые старшины 14 декабря 1831 г.)
- есаулы Победнов Захар Григорьевич, Гречановский Григорий Григорьевич, Платонов Корней Платонович (в есаулы 10 октября 1831)
- сотники Дуткин Федор Павлович Вл-4, Платонов Корней Платонович
- хорунжие Богучарсков Федор Антонович (с 19 апреля хорунжий), Борисов Виктор Федорович (11 июня в хорунжие), Клевцов Андрей Климович (14 сентября в хорунжие)
- урядники

Полк Ступачевского № 36

- сотники Козин Семен Никитович

Секретева № 38

- Полковник Секретев Петр Тимофеевич
- войсковые старшины Попов Фома Андреевич – А-3, А-2, Вл-4.
- есаулы Бирюков Федор Яковлевич – Вл-4, Кунаков Григорий Тимофеевич А-3, Вл-4, Иванеев Иван Иванович
- сотники Филиппов Поликарп Васильевич А-3 (13 июля 1831 сотник), Ежов Иван Филиппович (с 30 ноября 1831)
- хорунжие Филиппов Поликарп Васильевич (13 марта 1831 в хорунжие и А-3), Иванеев Иван Иванович – А-3, Плетнев Василий Михайлович (в хорунжие 13 марта 1831), Марков Иван Васильевич (с 18 августа 1831), хорунжие Хрещатицкий Александр Павлович (17 августа 1831) А-4, Жуков Логвин Григорьевич
- урядники Филиппов Поликарп Васильевич, Волошинов Семен Алексеевич ЗОВО, Волошинов Семен Алексеевич (1 августа 1831 в урядники), Кунаков Иван Григорьевич, Рубцов Зиновий Григорьевич (урядник 20 ноября 1831), Марков Иван Васильевич, Харламов Илларион Иванович

Полк Кутейникова № 39

- Подполковник Кононов Михаил Васильевич (с 2 октября 1831)
- войсковые старшины Кононов Михаил Васильевич
- хорунжие Денисов Иван Иванович
- урядники Лакизин Иван Иванович (с 15 апреля 1831)

Полк Андриянова № 43

- есаулы Родионов Павел Степанович Вл-4, А-3; Горбачев Николай Дмитриевич с 10 октября
- сотники Воробьев Михай Иванович с 3 апреля 1831, Федоров Тимофей Павлович, Горбачев Николай Дмитриевич, Суравцев Лев Иванович
- хорунжие Борисов Вавила Петрович, Валов Павел Антонович, Воробьев Михай Иванович, Дробов Захар Савельевич
- урядники Астахов Артемий Андреевич с 5 июня 1828

Полк Егорова 1-го № 44

- хорунжие Захаров Ефим Герасимович А-4, Виденин Федор Алексеевич А-3, Донецков Алексей Степанович (с 7 февраля 1831 ЗОВО, с 28 ноября 1831 хорунжий), Захаров Федор Иванович (в хорунжие 10 октября 1831), Поцелуев Яков Васильевич в плену¹
 - урядники Алифанов Михаил Агеевич
- #### Полк № 60 Катасонова 3-го (Жоголева)
- Подполковник Катасонов Иван Спиридонович
 - сотники Сенюткин Владимир Захарович, Секретев Филипп Тимофеевич А-3, сотник Наследышев Павел Петрович А-3,
 - хорунжие Себряков Василий Андреевич, Акимов Дмитрий Антонович (с 31 мая 1831, в хорунжие 28 ноября 1831)
 - урядники Кутейников Павел Федорович с 28 ноября, Абрамов Кузьма Антонович

Полк Балабина № 63

- урядники Платонов Дмитрий Сергеевич, Смирнов Ермолай Климович, Кутейников Павел Федорович с 28 ноября 1831

Полк Залещинского № 65

- сотник Акатнов Иван Куприянович с 17 июня 1831
- урядник писарь Шумилин Илларион Иванович с 17 июня 1831

Конвой ЕИ Высочества

- корнеты Красностанов Иван Павлович, Попов Степан Васильевич – за отличие награжден А-4
- хорунжий Александров Алексей Алексеевич (с 21 февраля 1831),
- вахмистр Емельянов Степан Михайлович, ЗОВО, 6 апреля 1831 г. «в стычке с превосходящими силами ранен пулей в левое плечо»².

¹ За время кампании полк Ильина взял в плен 600 мятежников (Записки И.С. Ульянова... Вып.3. С. 70).

¹ Корягин С.В. Ефремовы и другие. Вып. 26. М.: Русаки, 2002. С. 76.

² Корягин С.В. Киреевы и другие. Выпуск 54. М., Русаки, 2005. С.13.

Источники и литература

1. 1812 год в воспоминаниях современников. М.: Наука, 1995. 202 с.
2. Абрамов М.Ю., Алабин И.М., Корягин С.В. Лукьянов А.А. Хрещатицкие и другие. Генеалогия и семейная история донского казачества Выпуск 48. М.: Русаки, 2004. – 128 с.
3. Абрамов М.Ю., Вальдин А.С., Королев В.Н., Корягин С.В. Астаховы и другие. Генеалогия и семейная история донского казачества Вып.16. М. Русаки, 2001. 120 с.
4. Андриайнен С.В. Русская армия в Царстве Польском в 1831-1853 годы//Научный диалог. 2017. № 3. С. 106 – 118.
5. Бантыш-Каменский Д. Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов. В 4-х частях. Часть 4. Санкт-Петербург. В типографии Третьего Департамента Министерства Государственных Имуществ. 1841. 373 с.
6. Бенкендорф А.Х. Воспоминания (1802-1837). М.: Российский фонд культуры, 2012. – 760 с.
7. Булдыменко П.В., Кузнецов П.Е. Los infernos picadors//Воин № 11. С. 39-46
8. Булдыменко П.В. Уланы герцогства варшавского//Воин № 13. С. 57-68. № 14. С. 68-79.
9. Буткевич. Воспоминания прелата. Польское восстание 1831 года// Русская старина. 1878, т. 22, № 8. С. 591-615.
10. Валь Э.Г. фон. Воспоминания о Генеральном штабе. Избранные статьи о Первой мировой и Гражданской войнах. М.: Вече, 2021. – 464 с.
11. Вавр//Военная энциклопедия. Т.5. М.: Тип. Т. И.Д. Сытина, 1911. С. 207 – 209.
12. Венков А.В. Атаман Войска Донского Платов. М.: Вече, 2014. – 480 с.
13. Венков А.В. Казаки и Первый раздел Польши. Ростов-на-Дону Альтаир, 2020. 320 с.
14. Война с польскими мятежниками 1831 года в переписке Николая 1 с гр. Дибичом// Русская старина. 1884, № 2, № 7, № 8, № 9; 1885, № 4, № 5, № 6, № 7, № 8, № 9; 1886. № 3.
15. Вульф А.Н. Дневники//ugward.ru/library/pushkin/vulf_dnevnik.html#a004
16. Вылежинский, Ф. И. Император Николай и Польша в 1830 году : Материалы для истории польского восстания 1830-1831 гг. : СПб. : Тип. А. С. Суворина, 1905. 154 с.
17. Галушко Ю. Казачьи войска России. Краткий историко-хронологический справочник казачьих войск до 1914 года. М. Русский мир. 1993. 236 с.
18. Гейсмар В. Барон Федор Клементьевич Гейсмар. Биографический очерк. 1783-1841// Русская старина. 1881. № 12. С. 721-762.
19. Голицына Н. И. Княгиня Н. И. Голицына о польском восстании 1830—1831 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв. Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ; Рос. Архив, 2004. — [Т. XIII]. — С. 61—165.
20. Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. 46. Оп.1. Д. 367.
21. ГАРО. Ф. 46. Оп.1. Д. 413.
22. ГАРО. Ф. 46. Оп.1. Д. 414.
23. ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 415.
24. ГАРО. Ф. 46. Оп.2. Д. 417.
25. ГАРО. Ф. 341. Оп.1. Д. 1551.
26. ГАРО. Ф. 341. Оп.1. Д. 1552.
27. ГАРО. Ф. 341. Оп.1. Д. 1584.
28. ГАРО. Ф. 341. Оп.1. Д. 1585.
29. ГАРО. Ф. 341. Оп.1. Д. 1586.
30. ГАРО. Ф. 341. Оп.1. Д. 1806.
31. ГАРО. Ф. 344. Оп.1. Д. 319.
32. ГАРО. Ф. 344. Оп.1. Д. 320.
33. Грабенский В. История польского народа от Станислава Августа до начала XX в. М.: Вече, 2022. – 288 с.
34. Давыдов Д. Воспоминания о польской войне 1831 года//Русская старина. 1872. Т.6. С. 1-38; 309-390.
35. Давыдов Д.В. Сочинения. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1962. – 612 с.
36. Донское казачество в Отечественной войне 1812 г. и заграничных походах русской армии 1813-1814. Сборник документов. Ростов-на-Дону, 2012. – 752 с.
37. Епанчин Н. Очерк похода 1829 года в европейской Турции. Часть 2. СПб.: Типография департамента уделов, 1906. – 338 с.
38. Еропкин В. М. Из воспоминаний. Поход 1831 года. Служба в гвардии//Русский Архив, 1878, кн. 1, № 2, с. 175-184.
39. Жемайтис О.Ф., Корягин С.В. Золотаревы и другие. Генеалогия и семейная история донского казачества. Выпуск 95. М.: Русаки, 2010. 654 с.
40. Жомини Г. Стратегия и тактика в военном искусстве. М.: Центрполиграф, 2009. – 414 с..
41. Заварицкий П. «Наш полк первый вошел в Варшаву...» / Публ. А. Кухарука // Родина. 1994. № 12. С. 93-97.
42. Заметки о генералах всех чинов, служащих в Польско-королевской армии, по порядку списка. 19 июня (1 июля) 1826 г.//Русская старина. 1882. № 4. С. 268 – 274.
43. Записки Александра Андреевича Половцова // Русская старина, № 10. 1913//https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Turk/XIX/1820-1840/Polovcov_A_A/text1.htm
44. Записки И.С. Ульянова//Сборник Областного войска Донского статистического комитета. Вып.2. Новочеркасск: 1901. С.60-95.
45. Записки И.С. Ульянова// Сборник Областного войска Донского статистического комитета. Вып.3. Новочеркасск: 1902.С. 53-82.
46. Записки князя Николая Сергеевича Голицына // Русская старина, № 4. 1881//https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Turk/XIX/1820-1840/Golicyn_N_S/text1.htm
47. Зеланд А. Л. Воспоминания о польском восстании и войне 1830 – 1831 гг. //Русская старина. 1892, т. 75, № 9. С. 503-531
48. Игане//Военная энциклопедия. Т. 10. С. 564.
49. Император Николай Павлович и гр. Дибич-Забалканский. Переписка 1828-1830 гг. // Русская старина, № 11. 1881//https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Turk/XIX/1820-1840/Dibic/text11.htm
50. История лейб-гвардии казачьего Его Величества полка, составленная офицерами полка. СПб.: 1876. – 635 с.
51. Керсновский А. История русской армии.Т.2. От взятия Парижа до покорения Средней Азии. 1814-1881. М.: Голос, 1993. – 336 с.
52. Кисин С.В. Император Николай I и его эпоха. Донкихот самодержавия. 1825-1855 гг. М.: Центрполиграф, 2020. – 318 с.
53. Клаузевиц К. фон О войне. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2021. – 736 с.
54. Ключков Д.А. «Отличные храбростью...». Собственный Его Императорского Величества онвой. 1829-1917. История, обмундирование, вооружение, регалии. СПб.: АО «Славия», 2007. – 348 с.
55. Козловский Я.В., Корягин С.В., Логинов С.Д. Поляковы. Генеалогия и семейная история донского казачества. Выпуск 115. М.: Древлехранилище, 2015. 625 с.
56. Колачковский К. И. Польша в 1814-1831 гг. (Из воспоминаний генерала). Русская старина.1902, т. 109, № 3, с. 623-640; т. 110. № 5, с. 553-574.
57. Коленкур Арман де. Наполеон глазами генерала и дипломата . М. АСТ, 2016. 448 с.
58. Королев В.Н., Корягин С.В. Мартыновы, Бобриковы и другие. Генеалогия и семейная история донского казачества. Выпуск 5. М. Пробел, 1999. 96 с.
59. Корягин С.В. Борисовы и другие. Генеалогия и семейная история донского казачества. Выпуск 33. М.: Русаки, 2003. 120 с.
60. Корягин С.В. Власовы и другие. Генеалогия и семейная история донского казачества. Выпуск 21. М.6 Русаки, 2001. 120 с.
61. Корягин С.В. Волошиновы и другие. Генеалогия и семейная история донского казачества. Выпуск 39. М.: Русаки, 2003. 120 с.
62. Корягин С.В. Грузиновы и другие. Генеалогия и семейная история донского казачества. Выпуск 52. М.: Русаки, 2005. 128 с.
63. Корягин С.В. Ежовы и другие. Генеалогия и семейная история донского казачества. Выпуск 66. М.: Русаки, 2007. – 128 с.
64. Корягин С.В. Калинины и другие. Генеалогия и семейная история донского казачества. Выпуск 68. М. Русаки, 2007. 128 с.
65. Корягин С.В. Каменновы и другие. Генеалогия и семейная история донского казачества. Выпуск 38. М. Русаки. 2003. 128 с.
66. Корягин С.В. Киреевы и другие. Генеалогия и семейная история донского казачества. Выпуск 54. М., Русаки, 2005. 256 с.
67. Корягин С.В. Ковалевы и другие. Генеалогия и семейная история донского казачества. Выпуск 69. М.: Русаки, 2007. 256 с.
68. Корягин С.В. Кузнецовы. Генеалогия и семейная история донского казачества. Выпуск 60. М.: Русаки, 2006. 128 с.
69. Корягин С.В. Машлыкины и другие. Генеалогия и семейная история донского казачества Выпуск 46. М.: Русаки, 2004. – 128 с.
70. Корягин С.В. Мельниковы и другие. Генеалогия и семейная история донского казачества. Выпуск 11. М. Русаки, 2000. – 112 с.

71. Корягин С.В. Назаровы и другие. Генеалогия и семейная история донского казачества. Выпуск 88. М.: Русаки, 2009. 559 с.
72. Корягин С.В. Наследышевы и другие. Генеалогия и семейная история донского казачества. Выпуск 75. М.: Русаки, 2008. 128 с.
73. Корягин С. В. Павловы и другие. Генеалогия и семейная история донского казачества. Вып. 80. М.: Русаки, 2008. 128 с.
74. Корягин С.В. Платовы и другие. Генеалогия и семейная история донского казачества. Выпуск 45. М.: Русаки, 2004. 128 с.
75. Корягин С.В. Платоновы и другие. Генеалогия и семейная история донского казачества. Выпуск 70. М.: Русаки, 2007. 128 с.
76. Корягин С. В. Поздеевы и другие. Генеалогия и семейная история донского казачества. Выпуск 64. М. Русаки, 2006. 128 с.
77. Корягин С.В. Поляковы и другие. Генеалогия и семейная история донского казачества. Выпуск 71. М.: Русаки, 2007. 128 с.
78. Корягин С.В. Поповы. Генеалогия и семейная история донского казачества. Выпуск 67. М.: Русаки, 2007. 595 с.
79. Корягин С.В. Прянишниковы и другие. Генеалогия и семейная история донского казачества. Выпуск 7. М.: Пробел, 1999. 96 с.
80. Корягин С.В. Родионовы и другие. Выпуск 61. М.: Русаки, 2006. 256 с.
81. Корягин С. В. Тарасовы и другие. Генеалогия и семейная история донского казачества. Выпуск 81. М. Русаки, 2008. 128 с.
82. Корягин С. В. Ульяновы и другие. Генеалогия и семейная история донского казачества. Выпуск 83. М.: Русаки, 2008. 128 с.
83. Корягин С.В. Упорниковы и другие. Генеалогия и семейная история донского казачества. Выпуск 25. М.: Русаки, 2002. 120 с.
84. Корягин С.В. Фетисовы и другие. Генеалогия и семейная история донского казачества. Выпуск 18. М.: Русаки, 2001. 120 с.
85. Корягин С.В. Харламовы и другие. Генеалогия и семейная история донского казачества. Выпуск 102. М.: Русаки, 2012. 541 с.
86. Корягин С.В. Черячукины и другие. Генеалогия и семейная история донского казачества. Выпуск 14. М.: Русаки, 2000. 120 с.
87. Корягин С.В. Яновы и другие. Генеалогия и семейная история донского казачества. Выпуск 55. М.: Русаки, 2005. 128 с.
88. Корягин С.В., Кундрюков Н.М., Упорников Л.М. Сазоновы. Генеалогия и семейная история донского казачества. Выпуск 84. М. Русаки. 2009. 591 с.
89. Корягин С.В., Секретев К.М. Секретевы и Коньковы. Генеалогия и семейная история донского казачества. Выпуск 1. СПб.: ВИРД, 1998. 72 с.
90. Корягин С.В. Симмионс П. Ушаковы и другие. Генеалогия и семейная история донского казачества. Выпуск 100. М. Русаки, 2011. 576 с.
91. Краснов П.Н. Атаманская памятка// http://az.lib.ru/k/krasnow_p_n/text_0190.shtml (Краснов П.Н.) Картины былого Тихого Дона: Краткий очерк истории войска Донского. Т. 2. М.: Граница, 1992. – 224 с.
92. Куняев С.Ю. Шляхта и мы. М.: Родина, 2020. – 336 с.
93. Лишин А. Ф. Воспоминания 1830-1831.// Русская старина. 1890, т. 65, № 3. С. 713-741.
94. Максимович М. Воспоминания о польском восстании 1830 года и о в бозе почившем Великом князе цесаревиче Константине Павловиче. СПб.: Типография Департамента уделов, 1875. – 38 с.
95. Матвеев О.В., Фролов Б.Е. В вечное сохранение и напоминание славных имен. К 100-летию пожалования вечных шефов первоочередным полкам Кубанского казачьего войска. Краснодар. ЭДВИ, 2005. – 216 с.
96. Матвеев О.В. К историографии 1-го Кавказского наместника Екатеринославского генерал-фельдмаршала князя Потемкина-Таврического полка Кубанского казачьего войска//Кубанский сборник. 2006. № 1(22). С.58-73.
97. Матвеев О.В., Фролов Б.Е. Страницы военной истории кубанского казачества: к 310-летию служения кубанского казачества Российскому государству. Краснодар: Перспективы образования, 2007. 388 с.
98. Неелов Н. Д. Воспоминания о Польской войне 1831 года: Из записок покойного Н. Д. Неелова. — СПб.: тип. В. А. Полетики, 1878. — [2], 290 с.
99. Оренбургское казачье войско//Военная энциклопедия. СПб.: 1911-1915.Т. 17. С. 150-153
100. Орлов Н.А. Усмирение польского восстания 1830-1831 гг.//http://nnre.ru/voennaja_istorija/istorija_russkoi_armii_tom_vtoroi/r9.php
101. Остроленка// Военная энциклопедия. Т. 17. С. 207-208.
102. Отзывы и мнения военно-начальников о польской войне 1831г. Санкт-Петербург. Типография Веймара, 1867. – 500 с.
103. Паскевич И.Ф. Походные записки (1837-1838)//1812 год в воспоминаниях современников. М. Наука. 1995. С. 72-105.

105. Перетятко А.Ю. Польша и поляки глазами донского казака: мемуарное, публицистическое и литературное наследие И.С. Ульянова, офицера штаба Великого князя Константина Павловича//Славянский мир в третьем тысячелетии. 2019. № 1-2. Т.14. С. 42-56.
106. Попов А.И. Первое наступление Великой армии в России в 1812 г. Том 1. Планирование войны и ее начал. Самара: ООО «Слово», 2020. – 116 с.
107. Потто В.А. Кавказская война: В 5 т.; Т.2: Ермоловское время. Ставрополь: Кавказский край, 1994. 688 с.
108. Потто В.А. Кавказская война: в 5 т.; Т.3. Персидская война (1826-1828). Ставрополь: Кавказский край, 1993. 608 с.
109. Приложения к запискам Д.В. Давыдова// Русская старина. 1872. Т.6.С. 391-405.
110. Пузыревский А.К. Польско-русская война 1831 г. Т.1. СПб.: Военная типография. 1890. 440 с.
111. Рукевич А. Из воспоминаний старого эриванца. 1832–1839 гг.// <https://www.litmir.me/br/?b=679890&p=1-3>
112. Савельев А.Е. Поляки в Кавказской войне – две грани одного явления// <http://dompolski-journal.ru/articles/article/304/>
113. Торнау Ф.Ф. Воспоминания русского офицера. М.: «АИРО-XX», 2002. – 384 с.
114. Турецкий поход 1828 года и события за ним следовавшие. Записки принца Виртембергского // Русская старина, № 1. 1880. С. 79-94.
115. Урушадзе А. Т. Донские казаки на Кавказской войне: особенности военной службы и оценки современников / А. Т. Урушадзе // Quaestio Rossica. — 2020. — Т. 8, № 4. — С. 1335-1350.
116. Хронологический указатель действий русской армии и флота. Т. 3. 1826-1854. СПб.: Военная типография (в здании Главного штаба), 1911.
117. Шереметьев О.В. «Польские казаки» – история корпуса кракусов//Воин № 10. С. 28-34.
118. Широгород В.В. Украинская война: Вооруженная борьба за Восточную Европу в XV1-XV11 вв. Книга 3: Встречное наступление: Балтика – Литва – Поле (вторая половина XV1 в.). М.: Молодая гвардия, 2019. – 917 с.
119. Pradzynski, Ignac. Pamietnik historyczny i wojskowy o wojnie polsko-rosyjskiej w roku 1831 : przeklad z francuskiego / napisany przez Ignacego Pradzynskiego. – Wydanie 2. – Nakladem Ksiegarni K. Grendyszynskiego, 1898. – 292 с.
120. Tokarz Wacław. Armja Królewstwa Polskiego, 1815-1830. Piotrków, Nakk. Dept. Wojskowego Naczelnego Komitetu Narodowego 1917. 420 p.
121. <http://ksovd.org/ksovd/563-nakaznoi-ataman-maksim-grigorevich-vlasov.html>
122. <http://ksovd.ru/ksovd/303-maksim-grigorevich-vlasov-3-i.html>
123. https://runivers.ru/conflicts/campaigns/polskoe_vosstanie_kampaniya_1831_
124. https://vk.com/wall46976465_2156
125. <http://www.reenactor.ru/index.php?showtopic=2347>
126. https://zen.yandex.ru/media/don_story/donskie-atamany-36-maksim-grigorevich-vlasov-60f079ba634d200805563410
- Полковая история, Сс. 412, 447. В краткой биографической справке Пузанова: полковник с 1792 года, с 1813 года генерал-майор в отставке с награждением следующим чином. Мемуары барона Гейсмара изданные Владимиром Гейсмаром. «Русская старина» — 1881 год, книга 5-я.
 - Комментарий к мемуарам барона Гейсмара. «Русская старина» — 1882 год, книга 1-я. В Заграничных походах участия не принимал. В 1830 году вышел на действительную службу 62 лет от роду в чине полковника. Умер в должности.

ФОНД ИМЕНИ СВЯЩЕННИКА ИЛИИ ПОПОВА
WWW.POROVFOUNDATION.ORG

Военно-историческое издание

Венков Андрей Вадимович

Кзаки

В польско-русской войне

1830-1831 гг.

Сдано в набор 01.12.2022.
Подписано в печать . .2022.
Тираж экз. Заказ № .
Отпечатано в типографии ООО «Альтаир»:
г. Ростов-на-Дону, ул. Вавилова, 55.
Тел.: 8(863) 219-84-25
www.altair-rostov.ru

Венков Андрей Вадимович

Казаки в польско-русской войне. 1830-1831 гг.

Венков А.В.

Казаки

В польско-русской войне

1830-1831 гг.

ФОНД ИМЕНИ СВЯЩЕННИКА ИЛИИ ПОПОВА
WWW.POROVFOUNDATION.ORG

